

Евгений Гуцки

Небесное созданье

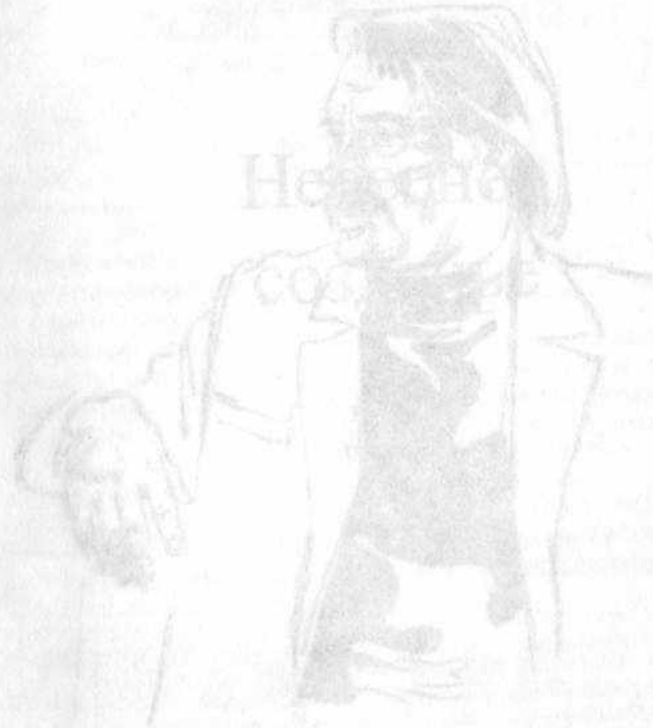

Библиотека журнала *Артгай*

Евгения Гунин

Несчастная

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОНЕТ»

ЕВГЕНИЙ ГУЩИН
(Художник Г. Бурков)

Евгений Гущин

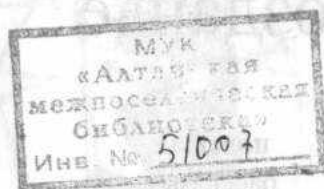
Небесное созданье

повесть
рассказы

Барнаул
2005

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-4
Г-981

Книга издана за счет гранта, выделенного
администрацией Алтайского края
для средств массовой информации

Гуцин Е.Г.
Г-981 Небесное создание. Повесть, рассказы. - Барнаул, 2005. 264 с. (Библиотека журнала «Алтай»).

В книгу Евгения Гуцина (1936-2005) вошли его последняя повесть «Небесное создание» и лучшие рассказы, написанные в разные годы. Во всем своем творчестве писатель остался верен главной теме - отношения человека с природой, любви мужчины и женщины, борьбе добра со злом. Книга «Небесное создание» - последний поклон замечательному писателю Алтая.

ISBN 5-86272-008-1

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-4

© Е. Гуцин, 2005

НЕБЕСНОЕ СОЗДАНИЕ

Повесть

- Я - борт 1734, я - борт 1734. Прием, прием... - монотонно бубнил второй пилот, совсем еще молодой, необлетанный. Повернул к командиру заострившееся лицо, выдохнул обреченно: - Нет связи, Петрович. Вообще пусто.

Грузноватый командир, с проседью в густых усах, промолчал, привычно обегая глазами приборы. Летели они в сплошном молоке морозного тумана, который метеослужба не обещала. Поднялись с прииска при легкой дымке, а, спустя минуты, когда набрали эшелонную высоту и легли на курс, видимость исчезла неожиданно и напрочь. Вертолет словно обернули бесплотной ватой, даже шум лопастей увязал в ее густой непроглядности. Приборные стрелки лежали в нужных местах, и на панели не маячили тревожные красные проблески, но от этого легче не становилось. Альтиметр показывал 1800 метров над уровнем - в пределах нормы. По курсу вершин такой высоты не значилось, но вот сам курс вызывал сильное сомнение. До Горного - всего 47 минут лета, а они в безветренном небе висели уже 32 минуты, и не могли выйти на связь с портом прибытия. Значит, где-то промахнулись. Горючего оставалось на полчаса лета. Складывалась аварийная ситуация.

- Ну-ка, попробуй еще.

- Я - борт 1734, я - борт 1734... - отчаянно завывал к земле молодой, ломкий голос, но не дождался отклика и умолк. - Глухо, Петрович.

- У тебя глаза помоложе, Вовка. Попытайся че-нибудь разглядеть внизу. Может где туман пожиже, посветлее. Нам бы только сориентироваться.

- Неужто блуканули? - растерянно спросил тот, истово вглядываясь в абсолютно непроницаемое для глаз пространство под брюхом машины и по ее курсу, но нигде не виделось никакого просвета.

- Похоже на то, - мрачно кивнул командир. - Здесь надо летать только визуально. Когда видишь ориентиры: реку, поселки или еще что. Слепой полет в горах - самоубийство. Магнитные завихрения, непроходимость радиоволн. Опять же неожиданные туманы. Горы - есть горы.

- И что будем делать? - второй с надеждой заглянул в глаза командиру.

- Выход - один. Горизонтальная скорость - минимальная, и метр за метром - вниз. Может пробьем туман и сориентируемся. Или найдем надежную поляну. Конец ноября, снегу выпало еще мало, не увязнем.

Глаза у парня округлились.

- Петрович, это же - вынужденная... - Он еще не верил в то, что командир уже осознал как неизбежное.

- Предлагаешь подождать, пока керосин кончится? А ты представляешь, какая потом будет посадка? Все варианты просчитаны, Вовка. Пробиться к земле для нас - единственный выход.

- А как те? - второй пилот кивком головы показал в сторону салона. Там два охранника, в камуфляже и с короткими автоматами на плечах, сидели возле опломбированного ящика. Позади них, в последнем ряду кресел, дремала девица в роскошной норковой шубе с капюшоном и в такой же шапке - секретарша директора приска. На борту ей находиться не полагалось, но охрану упрощил сам директор. Секретаршу вызвали телеграммой в Барнаул, к больной матери.

- Пойди, объясни им. Так, мол, и так. Деваться некуда.

Второй, сняв наушники, пошел в салон. Склонился к охранникам и принялся объяснять ситуацию, для убедительности жестикулируя руками.

Командир видел в зеркало, как один из охранников, видимо старший, отрицательно мотал головой. Он понимал его: промежуточная посадка, будь она хоть трижды вынужденная, категорически запрещена, и экипажу на нее согласия не получить ни при каких обстоятельствах.

В молодую бытность военным летчиком командиру приходилось летать с ядерной бомбой на борту. Возле нее вот так же сидели двое неразговорчивых слугач, которых летчики между собой называли «немыми». Экипажу они - ни «здравствуй», ни «прощай», и от бомбы - ни на шаг. Ночевали с ней в обнимку в любую погоду. Как-то зимой, после приземления на одном из военных аэродромов, экипаж пошел в гостиницу для летного состава на ночлег. Проходя мимо сидящих возле атомной чушки «немых», слышали в спину: «Командир, оставь кружку». Не останавливаясь и не оборачиваясь, на ходу обронил им: «Под сиденьем». Сочувственно подумалось: «Видно, у парней бутылка есть. Ночью хоть погреются, а то можно дуба дать в насквозь промерзшем чреве самолета». И разве мог он предполагать, что настанут времена, когда ему придется возить новых «немых»? Да и вообще кто мог знать, что рухнет величайшая страна, оспаривавшая власть желтого металла над душами людей? Нынче Его Величество Золото полноправно и жестко властвовало над экипажем вертолета, случайной пассажижкой и самой охраной. Да и вообще над всею Россией.

Вернулся второй пилот, лицо кислое. Безнадежно скривил щеку.

- Не разрешают. Говорят, посадка исключается.

- А что предлагают?

- Ничего. Нельзя и все. Согласно предписанию.

Командир, тем не менее, медленно склонял машину к снижению. Второй, покорно дублируя пилотажа командира, прислушался.

- Какой-то новый звук. Будто фюзеляж позванивает.

- Обледенение, - жестко пояснил командир и оглянулся: как там, в салоне? На него не мигая смотрели три пары неподвижных, остекленевших глаз. За свою долгую летную жизнь он привык видеть такие глаза у пассажиров. Небо для людей - чужая стихия, а потому тайно или явно, но бояться все. «Девчонку жалко, - подумалось ему, - редкая красавица. Прямо живая картинка».

* * *

Алексей нашарил в изголовье фонарик, приподнялся на локте и осветил циферблат наручных часов, лежащих на столешнице, возле нар. В будние дни он вставал всегда ровно в восемь, словно по будильнику, пробуждаясь от внутреннего толчка, а сейчас стрелки показывали лишь половину шестого. «Рановато, однако, - удивился он, - еще пару часов можно поспать», - и снова улегся, забравшись с головой в теплый меховой спальник. Но сон к нему не шел, сознание было ясным. «Похоже, сбой биологического ритма, - определил с досадой, - но почему? С вечера, правда, размышлял о сегодняшнем пути на Коозу, но заснул вовремя, и состояние души было ровное. Не в первый же раз туда иду, да и, надеюсь, не в последний».

Полежав еще немного и убедившись, что прихватить утреннего сна не удастся, поднялся. Засветил керосиновую лампу и выпустил на волю кобеля, нетерпеливо пританцовывающего у порога. После этого совершил ритуал, с которого начинал каждый нарождающийся день: растопил жестяную печку. Тугие волны тепла заструились от боков печурки, быстро нагревая жилим духом уже выстывшее за ночь нутро избушки.

Подогрел кастрюлю с супом и чайник. Перед дорогой плотно позавтракал и выпил кружку густого чая. Перемыл накопившуюся посуду и вообще обстоятельно прибрался, разложив разного рода бытовые вещицы и охотничьи припасы по настенным полочкам, на что в обычные дни не доставало времени, а в завершение - тщательно подмел пол.

Мысленно похвалил себя за усердие. Пусть не сегодня, а где-то через неделю: но все равно приятно будет вернуться в чистое и уютное жилье избушки, названной им Купеческой. У Алексея имелось пять зимовеек, но эта - самая любимая. Уходил отсюда с грустью, возвращался - с радостью, словно в родной дом, где тебя всегда ждут. Жаль, нынче не ночевать тут. Сегодня, если все пойдет ладно, к полудню он, промышляя по ходу, поднимется на коозунский перевал, почасовничает у экономного костерка и начнет спуск в узкое и глубокое ущелье речки Коозу, где и начнется основная работа.

Там надо, по всему руслу, обиходить настороженные капканы и выставить новые, если встретятся хорошие соболя сбегки. А быть они в ущелье непременно должны, ведь у него все надежды именно на этот, самый труднодоступный, головоломный, но и самый богатый путь. К сумеркам, опять же если все сложится нормально, он скатится к реке Пыже, куда впадает Коозу. На берегу - необходимый чай у костра, совмещенный с

отдыхом, и побредет он по коварным льдам Пыжи в верховье, до Базовой избушки, самой большой из пяти, с погребом для овощей и даже баней. Ходу до ночлега - три часа. Но, по ледяным нагромождениям и полым, куполообразным вздутиям, под которыми гудит быстрая вода, обходя черные, даже в мороз парящие полыньи - мало не покажется. Доплетется до Базовой измочаленным и едва живым.

Беспричинный сбой биоритма озаботил Алексея. Он проводил в тайге, как промысловик и ученый охотевед, по шесть месяцев в году. И это - на протяжении двух десятков лет. Немудрено, что, прожив половину жизни наедине с дикой природой, стал суевренным, прийдя к мысли: все, его окружающее - деревья, травы, камни, птицы и звери - единый живой, мудрый организм, который надо уважать и ладить с ним. Но, поскольку ученый охотевед Солин имел не только высшее специальное образование, а еще и числился младшим научным сотрудником исследовательского института охоты и звероводства, то и суеверия ставил на научную основу. Был твердо убежден: придет время и наука объяснит то, что пока необъяснимо с ее позиций. Он верил в вещие сны, как в энергетическое эхо из будущего, считая, что душа человека способна заранее испытывать отголоски боли или радости от грядущего события, улавливая потаенные сигналы из будущего, которые надо силиться услышать и верно истолковать. Если у него предстоящим днем намечалось важное дело, то утром, сразу после пробуждения, он чутко прислушивался к состоянию души и ее тону, анализировал обрывки снов, ища ответ: удачным или нет станет начинающийся день, и, надо сказать, редко ошибался в прогнозах.

Он начал вспоминать: что видел сегодня во сне. Кажется, пытался летать. В молодости всегда летал во сне, и теперь еще летал, но с трудом, едва отрываясь от земли. Отяжелел. Годы... Сорок семь уже. Вот и нынешней ночью рвался ввысь, и как же ему было горько, что не хватало сил подняться выше кустарников. Видно, отлетал свое, а душа никак не соглашается, бунтует. Тело дряхлеет и становится немощным раньше души. Его душа, похоже, вообще стареть не собирается, взбрыкивает по-молодому. Может, она и вправду - бессмертна?

Стекла в оконце молочно просветлели. Значит, уже десятый час и пора собираться на путик. Надел суконные штаны, натянул на ноги просохшие войлочные обутки с брезентовыми голенищами, легкие и удобные при ходьбе на широких камусных лыжах. Облачился в теплый, ручной вязки свитер и в суконную куртку костюма «тайга». Надел двойную вязаную шапочку. Собрал в рюкзак все необходимое для промысла и чайных костров.

Покончив со сборами, Алексей повалился на нары лицом вверх. Лежал, млея от жары, впитывая ее в себя впрок. Это тоже был ритуал - перед выходом на путик упасть на нары и лежать ровно пять минут, мысленно проходя весь маршрут. Вот он душою уже в пути, и на его всегда загорелом лице залегали глубокие морщины, менялось выражение от внутренних

переживаний, а светло-серые глаза то отчаянно сощуривались, то излучали злую решимость.

На потолке, из колотых кедровых плах, прямо над его изголовьем, припилена глянцевая картинка из иностранного журнала. На ней - голая девица со всеми телесными подробностями. Кто-то из мужиков принес в охототдел этот журнальчик, где все страницы пестрели обнаженными красотками в разных позах. Ну, полистали, посмеялись, а некоторые охотнички особо поглянувших девиц вырвали, чтобы разнести по своим избушкам - для платонических утех. Взял себе одну и Алексей, чтоб было на чем глазам отдохнуть.

Прийдя в Купеческую избушку и укладываясь на ночлег, Алексею нравилось подсвечивать фонариком соблазнительную красоту, разглядывать нежные женские формы, а засыпая, видеть ее в сладких снах. И он не находил в этом ничего дурного, считал: смотреть на тело молодой женщины для мужчины - величайшее наслаждение, ведь природа не создала для него ничего более желанного и совершенного. Это пробуждает дремлющие в нем силы, возбуждает к активным действиям и дает почувствовать вкус жизни. Но сейчас, хотя глаза Алексея и были устремлены на картинку, видел он не прелести девицы, а отвесные ледопады в ущелье Коозу, слышал утробно гудящие потоки под ледяными панцирями, среди донных камней.

Не единожды он штурмовал Коозу, но всякий раз, перед выходом, его сердце наполнялось ужасом. В многоснежные зимы было еще терпимо, когда первобытный хаос из нагромождений скал, льда и переломанных стволов деревьев сглаживали высокие сутробы. В малоснежье же соваться туда было просто губительно, но, собрав волю в кулак, приходилось идти. Причина проста: за последние годы тайга сильно обнищала. Промысловые сезоны следуют один за другим, зверя ловят и ловят, а отдохнуть обловленным угодьям не дают. Соболь остался лишь в самых труднодоступных, губельных для человека местах, таких, как ущелье речки Коозу. И походы туда Алексей считал для себя наказанием.

- Все. Пора, - жестким голосом приказал себе Алексей и пружинисто поднялся с нар. Вскинул на плечи рюкзак, прощально оглядел нутро избушки.

Он вышел на волю, плотно прикрыв за собою дверь, а для надежности припер еще обломком жерди. Снял с гвоздя заиндевевшее ружье, пристроил на плече. Не нагибаясь, сноровисто нацепил лыжи, взял в руку длинный каек. Глянул на градусник, прибитый к стойке навеса. Стрелка показывала минус семнадцать. «Нормально», - отметил Алексей, вышагивая из-под крыши дровяника на чистинку перед избушкой и оглядывая окрестности.

Вокруг висела белая мгла. Ближние кедровые дремали в седой изморози, нарядные, как на новогодней открытке. За ними, на полянке, из густой молочной белизны едва вырисовывались очертания кустов жимолости, а дальше - и тайга на склонах, и горные хребты, и само небо - окутаны плот-

ным, всепоглощающим туманом, словно ушли в небытие. И - ни малейшего дуновения ветерка с гольцов, даже легкого вздоха. Природа затаилась в глубоком оцепенении и тишине, будто задумалась о себе. И все живое покорно примолкло, боясь спугнуть ее дремотную тишь. Даже вечно горластых и драчливых соек не слышать в растворенном мглой рябиннике, и ни треска кедровок - тайга отдыхала от шума своих запыленных пернатых творений. Звери же, если нет брачного гона, стараются без нужды не подавать голоса, а теперь и вовсе онемели, чуя опасное время.

«Погодка для промысла и вообще для всех таежных хищников - самая благодатная, - подумал Алексей. - Туман любые звуки скрадывает, легко подбираться к жертве. Волчки, поди, рады. Сильно лютовать будут, не одного марала задавят. Да и мне, двуногому волку, вдруг да тоже пофартит. Так что пора двигаться. - Шагнуло было, но замешкался. - Кобеля что-то не видать. Где-то уже рыскает, кормилец. Интересно, в какую сторону умел?»

Мимо Купеческой, огибая избушку, проходил магистральный путик, разветвляясь кое-где на менее накаленные. Если отсюда идти в низовье, он приведет в Базовую, стоящую на Пыже, а вверх - на коозунский перевал. Алексей ревниво приглядывался и различил на припорошенной снежной пылью лыжне, ведущей в верховье, четкие отпечатки собачьих лап. С облегчением улыбнулся: Дымок верно угадал маршрут сегодняшнего дня, порадовал. И ведь редко ошибается кобелек в выборе пути. Как он угадывает? Или ему передаются биотоки хозяина? Вот еще загадка.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, прочищая легкие, Алексей заскользил вверх на бесшумных лыжах. Обогнув избушку, высокая снежная шапка которой тотчас же осталась внизу, запетлял между необхватных, орехопромысловых кедров. Поднявшись на первый взгорочек, оглянулся. Никаких признаков жилья, все растущевано в белой тьме.

- До свидания, избушечка, - с теплотой проговорил Алексей. - Не скучай тут, я к тебе вернусь. Спасибо за ночлег.

Купеческую срубил его предшественник, редкостно мастеровой и матерый охотник Наливайко. Поставил ее на сухом месте, у кедровой опушки. Деревья для стен брал поодаль, да не какие-то тонкомеры, а толщиной почти в беремья, ровные, прогонистые, без сучков. Каждое бревно ошкурил старинным стругом до чистой гладкости, проведи ладонью - занозу не поймает. До сих пор розовато светлы стены изнутри избушки. И мочу не пожалел. Пазы между бревен так плотно законопачены - не ковырнешь ножом. Дверной и оконный косяки старательно подогнаны, все впритык, ни щелочки. Поэтому избушка бережно держит тепло. И какое оно мягкое и ласковое! За годы охотничьей жизни Алексею довелось ночевать во многих зимовейках, а такого блаженства, как здесь, нигде не испытывал. Ни сырости из-под пола и нар, ни запахов прели. Затопишь печурку, и нагретые стены начинают излучать сухое, на удивление приятное, с духом кедровой живицы тепло. И так легко в избушечке дышится - слов не подобрать.

Давно уж нет здесь охотника Наливайко, а как попадает Алексей в Купеческую, так добром вспоминает хорошего человека, и самому хочется что-нибудь сделать для других такое, чтобы тоже с теплом вспоминали.

Размышляя, скользил по путику, оглядывая древесные капканы, вбитые у подножий многовековых кедров, тоже - наследство от Наливайко. Одни стояли нетронутыми, припорошенные снегом, другие - сработали, но приманка из сухих грибов оставалась целой или чуть поклеванной - птицы похозяничали. Белка же пока не шла в капканы. Что ей сухой гриб, когда шишка в этом году уродилась славная, и беличье племя без запасов не осталось. Снега еще выпали не глубокие, легко из-под него брать упавший с осенними ветрами орех. Так что вся надежда на ложный гон. В зверьках проснется обманчивый инстинкт к продолжению рода, они начнут гоняться друг за дружкой, потеряв привычную осторожность, и будут часто попадаться в петельки, расставленные на жердях. Иной раз по две-три штуки висят на одной жерди, жертвенно сложив лапки.

На древесные капканы Алексей не особо надеялся, полагался больше на жерди с петлями, но все же, на всякий случай, а скорее ради порядка, заново настораживал спущенные и насаживал свежую приманку. В былые времена белка хорошо ловилась на соленую кильку, но попробуй нынче купи ее. Уж не тридцать копеек, а пятнадцать рублей нынешняя ее цена за килограмм. Не по карману килек белкам развешивать. Самому бы впору посолондоваться рыбой, ставшей вдруг дорогим деликатесом.

Выставляя жерди на беличьих переходах, Алексей далеко ушел от избушки. Миновал ровный прилавок с элитным кедром. Путик пролегал уже по крутому, обрывистому склону. Далеко вверху таились невидимые в тумане скалы, внизу - парила незамерзающая безымянная речушка, берущая истоки с тех же гольцов, что и бешеная Коозу. До перевала больше половины пути пройдено, в рюкзаке же - никакой добычи. И кобеля что-то не видать и не слышать. Правда, умный Дымок по белке почти перестал работать, да и чего ему стараться, если хозяин только поглядит на облаиваемого зверька и, даже, не стряхнув с плеча ружья, идет дальше. А какой резон хозяину стрелять, если дробовой патрон дороже приемной цены беличьей шкурки? Охота на белку с ружьем - себе в убыток. Уж лучше этот патрон приберечь для глухаря. Впрочем, глухарь - забота побочная, а вот соболя кобель вполне может загнать по малоснежью, да пока не фартит ему.

Кобель пока о себе не напоминал ничем, но Алексей знал, что Дымок рыскает где-то в верхах и движется параллельно хозяину. Иногда рваные собачьи наброды выходили на путик, кобель некоторое время трусил по лыжне отдыхая, а потом снова уходил в верха, но рабочей полайки не подавал. «Ничего, на Коозу трех-четырёх котов все равно возьму», - утешил себя Алексей и прибавил ходу.

Безымянная речка чернела уже почти рядом с путиком, под пологим склоном. Здесь начинался редковатый высокогорный кедр из низкорос-

лых лазовых деревьев, тянувшийся до седловины перевала. В этом худосочном кедраче ему повезло: снял сразу трех белок. Одну - из древесного капкана, двух - из петелек. Удача стала поворачиваться к нему лицом: пока дошел до седловины, в рюкзаке лежали уже семь белок.

Повеселело на душе. Какой ни есть, а заработок. Не зря ноги до перевала бил, да и кобельку ужин обеспечен. И едва подумал о Дымке, как услышал его приглушенный лай в скрытых туманом скалах. «Неужто кот загнал?» - радостно трепыхнулось сердце и, свернув с путика, Алексей стал карабкаться в гору, обходя острые выступы скал, путаясь лыжами в зарослях чапыжника.

Нет, не соболя прихватил старательный Дымок. Он задавил кабаргу, сидящую в чужой петле, успел выдрать потроха и подкормиться - собачья морда была выпачкана свежей кровью.

- Жируешь, пока хозяина нет? - укоризненно проговорил Алексей, освобождая клыкастую голову кабарги из ржавого тросика петли. - Я, слушаем, не помешал тебе? А, Дымок?

Опустив рыжую лобастую голову, кобель покорно отошел в сторонку и сел наблюдая, как хозяин обнимывает добычу. Алексей не ругал Дымку, а всего лишь добродушно журил. Вот если бы тот порвал белку или, хуже того, соболя - был бы большой скандал. Кабарожка же - трофей случайный, в промысловом договоре не значится, и кобель вправе с ней разбираться до подхода охотника.

В первую очередь Алексей вырезал пуповину с мускусной струей, аккуратно завернул ее в полиэтиленовый мешочек, а их у него всегда было с собой предостаточно, и сунул во внутренний карман куртки. Верных полста рублей дадут за нее бойкие перекупщики, которые нагрянут в поселок в феврале, после окончания промыслового сезона. Мясо нарезал крупными кусками, рассовав в полиэтиленовые же мешочки, и уложил их в рюкзак. Возле шкуры выставил пару капканов «единичек». Наведаются соболя пожировать, может один и попадется. По-хорошему-то надо бы воткнуть еще и «пятерку» - на росомаху. Эта тварь чует поживу за три версты, но крупными капканами Алексей почти не пользовался, опасаясь, как бы не влетел Дымок - без лапы останется.

Рюкзак стал тяжеленький, тянул килограммов на пятнадцать, вместе с ловушками - многовато для спуска в Коозу. Возвращаясь он сейчас к избушке, такая тяжесть только радовала бы. Вечером сварил бы, наелся свежинины и - все дела. А теперь таскайся с этим мясом, да еще спускайся с ним по ледопадам. Опасность - двойная, но не бросать же мясо - грешно.

Однако больше всего его озаботила петля. Шарятся-таки людишки из-за каракокшинского перевала в его угодах. Обставляют петлями и капканами, словно у себя дома, и нет на них никакого укороту. Недели две назад издали заметил на гольцах троих. Предупредил выстрелом в воздух, дескать, вижу вас, уходите. Те скрылись за гребнем гольца, но перед тем полоснули небо

короткой автоматной очередью. Дали понять, с кем он имеет дело. Рассказал об этом случае на собрании охотников леспромхоза, но там лишь вяло посочувствовали, а делать засаду на браконьеров, как в прошлые годы, ни у кого желания не возникло, даже у участкового. Кому нынче охота под пули соваться, и ради чего? Времена наступили лихие, беспредельные, кто наглее, тот и прав.

Неспешно выбрел на седловину перевала. Худосочный кедрач разредился, впереди маячили одиночные, низкорослые лесины. По левую руку - зашторенный туманом голец, по правую - скользкая чистима, тянущаяся до подножия высокой, остроконечной горы Чедор, тоже невидимой и господствующей над всем окружением. Впереди поджидал уже близкий обрыв в глубокую щель Коозу. Там Алексей трижды за сезон устраивал лыжный спуск серпантинном или, как он сам горько шутил - смертельный слалом без зрителей и гонорара.

Он основательно вымотается, пока достигнет дна ущелья и первых капканов, и хотя потерял время на кабарожку, а надо разводить костерок под кедром, попить горячего чая, подготовиться к отчаянному слалому душой и телом. Текучей воды, жаль, близко нет, поскольку безымянная речка свернула к гольцам, но заварка сдобрит пресный, растопленный снег.

Скользко по отполированному ветрами снежному насту, подкатил под кедр, утоптал площадку для костра, стряхнул лыжи. Наломал сухих веток, сложил шалашиком. Срубил толстую лапу, очистил ее от хвоя, чтобы повесить котелок. Дымок, почуяв привал, покрутился неподалеку, готовя лунку, и улегся, упрятав морду в пушистое кольцо хвоста, наблюдая за хозяином.

«Кобелек тоже вымотался», - мысленно пожалел его Алексей и увидел, что Дымок вдруг наострил уши и шустро вскочил, настороженно глядя в сторону невидимой горы Чедор. На его загривке вздыбилась шерсть.

Повесив котелок с набитым в него снегом на кедровую лапу, Алексей недоуменно распрямился, пытается понять, что так встревожило собаку. Разглядеть что-либо в белой мгле он не мог, но чуть левее таящейся в тумане горы, с противоположного берега ущелья возник еле слышимый, басовитый, вибрирующий гул, и гул этот постепенно наплывал, усиливался. Секунды спустя, Алексей различил характерный звук вертолета, который ни с чем не спутаешь, и сильно этому удивился: откуда ему тут быть? Пассажирские трассы здесь сроду не пролегали. В доперестроечные годы пожарный вертолет делал облеты лесных массивов в сухие поры, но теперь его давно не видно. Летчик-наблюдатель еще живет в поселке, однако, уже и позабыл, в каком году последний раз в небо поднимался. У леспромхоза нет денег платить за воздушную службу своей территории, да если бы и нашлись, все равно никто бы не прилетел. Летнаб говорит, что в авиаотряде почти не осталось исправных машин. Одни - побились, другие выработали ресурс и стоят на приколе, а покупать новые - не на что.

Гул тем временем приближался, невидимый вертолет, похоже, летел на бреющем полете над затаившимся внизу ущельем прямо сюда, к перевалу, и Алексей остолбенел, не в силах осмыслить происходящее. «Он что, спятил? Воткнется же в Чедор!» - подумал с ужасом. А грохот все наплывал и усиливался, свистящий шум лопастей рассекал небо совсем близко, и Алексей похолодел от неожиданной догадки: «Так он же ни черта не видит! Он же вслепую летит!» - И ноюще сжалось сердце, и по телу пробежала ознобная дрожь в предчувствии близкой и неотвратимой беды. И не ошибся. Худшие предчувствия, в отличие от хороших, всегда сбываются.

В стороне Чедора что-то несколько раз громко шелкнуло, и оглушающий рев двигателя, со свистящим шумом лопастей, задавленно лопнул, смолк. Потом из тумана донесся еще какой-то треск и долгий, неопределенный, шуршащий шум, который продолжался считанные секунды и, медленно истончаясь, тоже затих. Над перевалом повисла зловещая тишина.

- Гробанулся... - судорожно прошептал Алексей онемевшими губами. Он стоял как столб, спеленутый незримыми путами и не мог двинуться с места. Не помнит, сколько длилось оцепенение, но когда оно сошло с него, понял: надо бежать к Чедору, и как можно скорее. Его обозлило, что кобель все еще тут и стоит в нерешительности, приспустив хвост.

- Дымок! А ну-ка вперед! Вот змей какой, задумался, - прохрипел он враз севшим голосом, лоя носками обуюток ремни лыж. Вырвал из снега какк и торопливо заскользил к предполагаемому подножию Чедора. Кобель не слишком охотно, но убежал и растворился в тумане. Снежный наст держал Дымка хорошо, не проваливался. След его на гладкой, отполированной верховыми ветрами снежной корке почти не различался, виднелись лишь едва заметные царапины когтей. По этим царапинам Алексей и бежал, недоумевая, почему кобель ведет его не к Чедору, а левее, к отвесному обрыву в ущелье. Однако, направления он не менял, доверившись собачьему чутью.

Сначала впереди Алексей различил силуэт Дымка. Кобель стоял неподвижно и, вытянув шею, напряженно смотрел вперед. Кольцо хвоста некрасиво разогнуто, уши заострены, а по всему хребту, от загривка до хвоста, вздыбился острый гребень. Вся его поза говорила о неуверенности и опаске. Услышав сзади шуршание лыж, пес вопросительно оглянулся на хозяина.

Дымок был старый рабочий кобель. Он провел в тайге со своим хозяином семь лет и знал, как поступить в том или ином случае. Команды ему, обычно, не требовались. Иногда лишь, идя по путику, хозяин прикажет: «назад!» Значит, он собирается выставлять капканы и собака должна идти позади человека, чтобы не топтать соболиные сбежки. А «вперед!» - свободный поиск соболя, когда от собаки требуется обследовать уголья веером, по обе стороны путика, в пределах двух-трех сотен метров. Нынешний случай ни на что не походил и обескуражил Дымка: зверем не пахло, и

еще он чувствовал неуверенность и тревогу хозяина, которые передались ему, а потому выжидал, не трогаясь с места.

Алексей молча обошел кобеля, до рези в глазах всматриваясь в туманную мглу, и, наконец, увидел то, что ошеломило умную собаку. Прямо перед обрывом, взбуровив до черной земли гладкий наст, на боку лежал вертолет, да не какой-то маленький, почтово-пожарный, а пассажирский МИ-8. Кабина измята, изуродована до жути, на валу двигателя - всего две изогнутые лопасти. Но самое страшное, как сразу же мысленно отметил Алексей - измочаленный хвост вертолета и половина салона - опасно висели над пустотой. Дунь ветерок, и его тотчас унесет вниз. И перед ним нет ничего, что могло бы его задержать: ни скалы, ни захудалого деревца, только гладкая, круто изгибающаяся вниз чистина.

Подстраховываясь кайком, Алексей приблизился к самой кабине с выбитыми стеклами. Нагнувшись, стал вглядываться в черное нутро, замирая от ужаса, и уловил там какое-то движение.

- Есть кто живой? - крикнул он в пролом.

Там, вроде, кто-то жив был, шевелился. Из кабины на снег выползал человек, но отчего-то пятился задом. Сначала показались меховые унты, потом перепачканные чем-то маслянисто-темным полы теплой летной куртки. Наконец показалась обнаженная, с проседью голова. Руки оставались внутри. Кажется, он кого-то тянул за собой, оттого и вылезал задом. Когда он обернулся, Алексей увидел, что тот немолод, усат, с рваной щекой, кровь из раны заливала лицо и глаза, капала на снег.

- Сколько вас там?! - громко спросил Алексей, придерживая его за меховой воротник куртки, чтобы не скатился под обрыв.

- Пятеро... - едва слышно выдохнул тот и в изнеможении прикрыл окровавленные веки. Но он пересилил себя, открыл глаза... Роняя из уголка рта капли крови, медленно заговорил: - Сначала... девушку. Помоги... сил нет... - и напрягся, потянул кого-то пока не видимого.

- Постой! - почти в самое ухо прокричал ему Алексей. - Надо закрепить вертолет! А то загремит вниз! Веревка есть?

Человек, судя по всему, это был летчик, не слышал его, судорожно волок из чрева кабины девушку за капюшон темно-коричневой шубы.

- Веревка нужна! - срываю голос, орал Алексей. - Пойми, привязать надо вертолет! Он едва держится на склоне! - Отглядываясь, искал глазами к чему можно прикрепить тяжелую машину, чудом державшуюся над обрывом, но вблизи, как назло, ничего подходящего, голая чистина. - Слышь, веревка! Или трос! Ну хоть что-нибудь! Ты меня слышишь?!

- Нету... - глухо отозвался летчик, - помоги...

Чертыхнувшись от отчаяния, Алексей примерился и встал боком к обрыву, поставив полозья лыж на ребро и пробив ими жесткий наст. Какк, на всякий случай, воткнул рядом. Почувствовав, что стоит прочно, тоже ухватился за капюшон шубы и потянул его, опасаясь, как бы не оторвать.

Поднатужился, даже жилы вздулись на шее, вытянул на снег девушку вместе с летчиком и, склонившись, крепко держал их.

- Ты ее... оттащи... подальше, - придушенно произнес летчик и потянулся спекшимися губами к взрыхленному снегу. Наверное, его мучила жажда. - Там Вовка... И еще двое...

Девушка лежала на спине. Овальное лицо ее было бледно и спокойно, глаза прикрыты. Из-под норковой шапки, под капюшоном, беззащитно выбились светлые прядки волос. «Совсем еще молодая. И какая приглядная, просто чудо», - с болью подумалось Алексею. Ставя лыжи лесенкой к склону, потащил ее волоком, уцепившись за капюшон, подальше от обрыва, на равнинку. Там он, отпустив капюшон, разогнул спину, глядел на неподвижную фигуру, жертвенно распластавшуюся на снегу, искал признаки жизни.

Сбоку осторожно приблизился Дымок, деликатно потянулся влажным носом обнюхать лицо лежащей, но вдруг сконфуженно отпрянул и сел.

«Живая», - понял Алексей и обернулся: как там летчик? А тот, оказываясь, времени не теряя, уже почти весь заполз в темный пролом кабины и лез глубже, только подошвы унтов торчали снаружи, но скоро и они исчезли из вида. Хотелось закричать ему, остановить, ведь он может сместить центр тяжести, но осознал, что это бесполезно. Похоже, полуживой летчик уже плохо соображал и спешил сделать то, на что пока хватало сил. «Там Вовка. И еще двое», - вдруг вспомнились его последние слова.

- Потерпи, милая, - захрипшим голосом проговорил Алексей лежащей без движения девушке и торопливо заскользил вниз, чтобы как-то подстраховать летчика. А чем - и сам не знал. Были в кармане рюкзака кожаные ремешки, на случай, если порвется крепление лыж, разные короткие шнурочки для хозяйственных нужд, имелся даже моток бельевого шнура метров на пять, но разве это поможет удержать тяжелую машину.

И тут, на глазах Алексея, изуродованный нос вертолета дрогнул и поднялся над снегом, обнажив под собою рваную полосу черной мерзлой земли. Масса вертолета со скрипучим шорохом поползла вниз. Изогнутая лопасть уперлась в снег, но тотчас же спружинила, провернувшись на валу и как бы подтолкнула тяжелую машину. Вертолет со свистящим шумом рухнул вниз, мгновенно пропав из видимости. Слышались только скрежет дюралевой обшивки по камням и глухие удары. Звуки эти стремительно удалялись и скоро совсем затихли. И тишина повисла над перевалом. Такая оглушительная и жуткая тишина, что Алексей слышал тугие удары крови в висках.

Он оперся на каек и крепко, до огненных кругов в сухих, горячих глазах зажмурился. Не мог поверить в случившееся. Казалось, это дурной сон, но стоило открыть глаза и взгляд сразу нашел черную полосу взбуровленной земли. Нет, это не сон, а страшная явь, которую не дай Бог видеть никому. Только что разговаривал с человеком, прикасался к нему, и его больше нет.

И ничем не смог ему помочь. Проводил глазами на тот свет. - Судорожно перевел дыхание, подумав с горечью: - Жалко мужика. Крепкий боец был. В последнюю минуту не о себе думал, о других. - И как глубоко верующий человек, истово трижды перекрестился, проговорив: - Царствие ему небесное. И тем, кто с ним...

Сзади коротко и требовательно взлаял Дымок, и Алексей очнулся. «Этим уже не поможешь. Надо девушку спасать. Крови на ней не заметил, но может статься, вся переломана. - Поднял набрякшие веки и оглянулся назад, откуда только что скатился. Дымок неподвижно сидел возле темнеющей на снегу фигуры и ожидающе глядел на него. - Молодец, кобелек, - с теплотой подумал о псе. - Этот тоже в беде не бросит. Видно, душа есть не только у людей, но и у других божьих тварей. Только мы об этом редко думаем».

Вернулся наверх изможденный. Голова соображала слабо. Стоял и размышлял, как быть. Надо девушку побыстрее тащить под кедр, где заготовлен костерок. Отогреть маленько, оглядеть, укутать получше и, прямым ходом - в Купеческую избушку. Но вот как? Не волоком же ее тащить до кедра, а тем более до избушки. На руках нести - тоже нельзя: еще неизвестно, что с ней. Надо срочно что-то придумывать. Шуба на ней теплая, шапка тоже, да еще капюшон. На руках перчатки замшевые. А вот ее модные сапожки явно не к месту.

Стряхнул с плеч рюкзак, снял с себя куртку и свитер грубой вязки. Куртку надел снова, а свитер натянул на ее сапожки. Рукава обмотал вокруг голенищ и завязал узлом. Сам он не замерзнет, ведь пойдет с грузом, а ее ногам станет теплее. Замшевые перчатки большого доверия не вызывали и он, достав из кармана рюкзака запасные верхонки, надел поверх перчаток. Стряхнул с ног лыжи, связал их шнурками спереди и сзади, в изголовье пристроил рюкзак. С предосторожностями перетащил девушку на лыжи. Расправил шубу и капюшон, запахнул полы, чтобы не поддувало. Потом, погрев руки в карманах, принялся бережно тереть ее щеки, лоб.

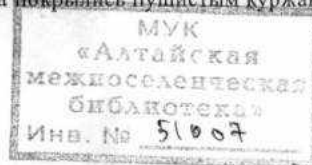
Она тихо застонала.

Это его порадовало: хоть какой-то признак жизни.

- Ничего, - обнадеживающе проговорил он, - до костра доберемся, там что-нибудь половчее соорудим. - Верил, что она его слышит и потерпит.

Привязал комлевый конец кайки к шнуру, продетому в дырки на носках лыж, взялся за другой конец и потащил тяжелую ношу к седловине перевала, проваливая обутками хрусткий наст и увязая по колено. Снег под настами был сыпучий, как песок, убродный. Повозка вверх шла тяжело по ровному следу. Утепало, что от кострового кедра пойдет накатанный путик, а главное - все время вниз и вниз, до самой избушки. Значит, можно не беречь силы на долгий путь, а поднажать и как можно скорее развести огонь.

До кедра дотащил довольно скоро, но весь взмок, брови и вязаная шапка покрылись пушистым куржаком. Разжег костер, обсушился. Нашупал

ADONIS 17

запястье девушки. Пульс, хоть и слабый, но прослушивался. Пока закипал котелок с водой, принялся растирать нагретыми у огня ладонями щеки, лоб и виски своей неожиданной спутнице. Отступился, когда услышал ее стон.

Перетащил ее с лыж ближе к огню. Вырубил перекладыны и распорки, наломал кедровых веток для подстилки. Скоро лыжи превратились в довольно удобные нарты, устланные мягким лапником, куда и уложил девушку, заботливо укутав ее со всех сторон.

- Ну вот, теперь будет удобнее и теплее, - сказал, садясь к костру.

Он любил посидеть у полуденного костерка, медленно, с наслаждением потягивая горячий чай, вместе с которым в тело вливались тепло, покой и новые силы. За какие-то полчаса он полностью восстанавливался, и уже жалко было покидать приютившее его место. Оно казалось обжитым и родным. «Спасибо тебе, костерок. Спасибо тебе, ласковое местечко», - прочувствованно благодарил Алексей, кланялся и шел дальше по путику. Он никогда не забывал сказать слова благодарности избушке, костру, кедру, скале, под которой переживал налетевший с верхов буран. Издавна верил, что тайга - живая, и все в ней сущее - тоже живое, а живое всегда откликается на добро.

Еще вчера он услаждал себя чаепитием на переходе от Куржавой избушки до Купеческой, а сейчас торопливо глотал из кружки обжигающий чай, не ощущая вкуса и не находя умиротворения. Он глядел на лицо девушки, видел легкий пушок на ее щеке, золотящийся от близкого огня, и его душу переполняло сострадание. Хотелось вскопичить и, не теряя ни секунды, спешить вниз, в теплую благодать зимовья. Молодая красавица не должна уйти из жизни из-за его медлительности. Он себе этого никогда не простит.

Не допив и половины кружки, выплеснул остатки чая в костер, закидал снегом тлеющие головешки и взялся за конец кайка.

- Спасибо тебе, костерок. Спасибо тебе, кедр-батюшка. И помоги нам, Господи, - прошептал с мольбой, строгивая с места повозку. За спиной мягко зашуршал камус лыж по накатанной лыжне.

Вспомнился странный сон. «Отчего я так жалел, что нет сил подняться выше? Потому, что не мог спасти тех, из вертолета? Или оттого, что не так быстро, как хотелось бы, везу эту девушку? А может это намек на близкое будущее, пока самому мне неясное? Этого знать не дано, понимание придет, когда настанет срок. И не будем торопить ход жизни. Сейчас надо поскорее добраться до избушки. Только об этом и надо думать». Он шумно продул легкие и прибавил ходу, часто оглядываясь па повозку, бережно перетаскивая ее через колодины упавших деревьев и скальные выступы.

* * *

Уже по-вечернему засинели тени, когда Алексей, весь в куржаке, даже суконная куртка покрылась на груди и плечах белой шерстью, с трудом переставляя ватные ноги и запаленно дыша широко открытым ртом, уви-

дел с последнего взгорка заснеженную шапку крыши Купеческой избушки. Теплая волна плеснула в душу, и даже слезы из глаз выжало: «Слава Богу, - дома».

Удивительная все-таки штука - таежная избушка. Шарилась целый день по глухим урочищам, месилшь целинные снега, к вечеру так умаешься, едва ноги волочишь. Все лицо и шапка - в лохматой изморози, с бровей и бороды сосульки свисают. Ходьба уже не согревает, потому что к ночи наваливается мороз с ясного неба, и одолевает тоска. Кажется, сколько ни иди, вокруг будут только забеленные колючим снегом кедры, пихты, кусты чапыжника да скалы, и негде на ночь приклонить голову. И вдруг среди стылой тайги возникают темные бревна рукотворных стен с оконцем, и видишь крышу с жестяной трубой над нею, из которой скоро заструится в морозное небо горьковатый жилой дымок. И ведь заранее знаешь, что скоро доберешься до теплой зимовейки, а всякий раз удивляешься и радуешься ей как неожиданности.

- Здравствуй, любимая избушечка, - растроганно заговорил Алексей, выгалкивая из горла вместе со словами ключья пара. - Вот я и вернулся. Да не один. Прими нас и обогрей.

Изможденно пошатываясь, уже почти ничего не видя перед собой от жуткой усталости, шагнул под навес, где хранились сухие дрова и провиант, настезь распахнул невысокую дверь и втащил в сумрачное нутро зимовья свою повозку. Следом заскочил и Дымок, но без хозяйского приглашения, а потому неуверенно. Алексей иногда пускал его в избушку, в сильные морозы, - так меньше уходил корму на питание и обогрел шкуры. Сейчас хозяину было не до него, а раз он промолчал, то Дымок юркнул под гостевые нары, и там затих, как мышка.

Избушка еще не выстыла, хранила тепло утренней топки. Он затворил дверь и засветил лампу. Потом, со всеми предосторожностями, перенес девушку на меховой спальник своих нар. Пошупал пульс и, облегченно вздохнув, засуетился по хозяйству. Разобрав нарты, все их слагаемые вынес под навес. Взяв ведро и каек, побежал на речку по воду. Прорубь затянуло льдом, раздолбил ее кайком и зачерпнул воды. Затопил печку, поставил на нее чайник и кастрюлю с водой для супа, и только после этого сел на гостевые нары перевести дух.

Есть не хотелось. После сильной усталости аппетит приходит не скоро. Вот напиться бы вдоволь! Организм обезводился - дорогой весь изшел потом. Однако ледяную воду пить опасно, придется подождать чая. Закурить бы сейчас, но и курить теперь в избушке - нельзя. Надо выходить с куревом на волю, пока у него гостья. Вот как у него все осложнилось. Но ничего, он потерпит. Долго она тут не пробудет. Распогодится, полетят поисковые вертолеты, найдут место катастрофы. Приземлятся на перевале, увидят его следы с волоком, придут в Купеческую. Девушку как-нибудь переправят в поселковую больницу. Но когда это будет? Он бы и сам

смотался в поселок сообщить что и как, но это почти полный световой день пути только до лесовозной трассы. Там надо ждать попутный лесовоз с хлыстами, тащиться на нем полста километров до Иогача, а рано утром - назад таким же способом.

Как бы отвечая пришедшей в голову мысли, отрицательно помотал головой. Нет, на пару дней ее тут одну не оставишь в беспамятном состоянии. Придется, видно, сидеть в избушке, ухаживать за нею и ждать. Больше ему ничего не остается. О промысле уж и речи нет. На неделю, а то и больше на путики не выйдешь. Ну, разве что два-три часа в день удастся пошариться по ближайшим окрестностям и то, если с девицей все будет ладно. Впрочем, грешно об охоте горевать, ведь о молодой жизни вопрос стоит. Кетати, надо бы ее осмотреть. Может, переломы или еще что. Вон из какой мясорубки выбралась.

С бровей и бороды на пол закапало. Ногтями поотдирает скользкие ледышки. Вышел на волю, снял шапку и куртку, обмел их голичком от тающего куржака, огляделся. Густая темень стлалась вокруг и, вроде бы, потеплело. Не иначе, снег собирается пойти. А в снегопад вертолеты в горы не полетят.

Вздохнул и, прихватив беремья дров, вернулся в избушку. Переделал в сухое, мокрую одежду повесил на гвозди за печкой, источающей волны тугого и сухого тепла. Становилось уже жарко.

«Ну что, начнем? - мысленно спросил себя и утвердительно кивком ответил на свой вопрос, подумав смущенно: - Будь вместо нее мужик, все было бы проще. Но куда деваться, раз попасть ко мне угораздило девуцу». Подвинул лампу ближе к краю стола, побольше вывернул фитиль и начал растягивать пуговицы шубы. Невольно залюбовался блестящей остью меха. Такая шубка, с капшоном и шапкой - целое состояние. Сколько же на нее норочек пошло! С ума сойти можно. На всей Пыже столько не същется. Распахнул полы шубы. Там у нее был пододег серый пушистый свитер, очень длинный, наподобие платья, и такие же штаны, заправленные в сапожки.

- Умница, тепло оделась в дорогу, - похвалил Алексей и стал осторожно переваливать девушку лицом вниз, чтобы легче было снять шубу, не потревожив ее рук. Услышав тихий стон, не отступился. - Держись, красавица, - утешающе говорил он, освобождая полы шубы и капюшон. - Я хотя и не врач, но все-таки биолог, а это в таежных условиях не так и мало. Уж перелом-то от вывиха отличи и, в случае чего, сумею наложить примитивные шины. Нас в институте этому учили. В общем, окажу посильную первую помощь. А для этого мне придется тебя раздеть, хочешь ты того или нет. Так что не обижайся и терпи.

Потихоньку стянул шубу, потряс на вытянутых руках, стряхивая капли. Еще раз оглядел с профессиональным интересом. Да, природная норка, с серебристой остью, очень редкая. Прямо будто с плеча какой кинозвез-

ды. Богатенькая, однако, девица. Наверняка дочка большого начальника. А может и жена крутого бизнесмена. Ну что ж, охотнику приятно, когда его трофеи согревают вот таких молодых и красивых. А то иной раз увидишь какую-нибудь старую жабу в соболях, и за свой труд зло берет, и за добытых зверьков обидно. Пусть бы уж бегали себе по тайге украшением скудеющих угодий.

Пошел вешать шубу и шапку на стенку, чтобы просохли. Подумалось, что этим бы вещам из дорогого меха не на стене избушки висеть, а в полированном шифоньере на изысканных вешалках.

- Повисите на ржавых гвоздях, - сказал ворчливо, - другого не держим. - И, вымыв у умывальника руки, воротился к нарам - продолжить раздевание.

Стащил с девушки свитер. Под ним оказалась ночная рубашка с розоватыми кружевчиками. Внимательно осмотрел оголенную руку. Повыше локтя расплылся синяк, но без опухоли. На другой руке тоже виднелись лиловые синяки. Прощупал пальцами кости, вроде, целы, ничего страшного. Заголил рубашку, оглядел живот, бока, под грудью. Ребра целы, сильных ушибов не видно. Под ажурным лифчиком - аккуратная грудь, такая белая и трогательно нежная, что едва хватило сил отвести глаза. Однако успел заметить под левой грудью родинку, напоминающую ячменное зернышко.

В нем возникло странное чувство, будто на четверть века вернулся назад, в свою молодость, когда впервые испытал жаркую сладость любви. Но он смутился и тотчас же одернул себя, что поддался соблазну излишне откровенно разглядывать попавшую в беду девушку. «Надо не телом ее любоваться, а спасать. Шоры бы тебе на глаза, как деревенскому коню, на котором впервые приехали в город. Чтоб видел только то, что надо и ничего лишнего. А то выиграла кровь, как у молодого. Остынь и делай дело».

Маясь от неловкости, принялся стягивать с нее вязаные штаны. Под ними оказались еще бархатистые, цвета загара колготки. Их он снимать не решился, не хватило духу. И тут из-под нар вылез Дымок, потянулся мордой к бедру девушки.

- Только тебя тут и не хватало, - проговорил Алексей с усмешкой. И напряг голос. - Ку-у-да свое нюхало суешь?

Кобель сконфуженно попятился, цокая когтями по доскам пола, убрался под гостевые нары, где и затих. Проводив его строгим взглядом, Алексей начал осторожно прощупывать ноги, облитые непроницаемой для глаз тканью. Обширных опухолей не проглядывалось, а синяки, если и были, скрыты колготками. Но без сильных ушибов, кажется, не обошлось. На голени правой ноги прикосновение его пальцев вызывало стон. Но в общем, как ему казалось, кости ног целы и особой тревоги не вызывали, и он пересел ближе к изголовью. Оглядел основание шеи, голову. На затылке, в светлых волосах, разглядел припухший кровоподтек. Удар, похоже, она получила

неслабый, но шапка и капюшон самортизировали и спасли от серьезной травмы.

Алексей поднялся с нар, мысленно подводя итоги. Страшного, вроде, ничего. Руки-ноги целы. Вот только припухлость на затылке. У нее, скорее всего, болевой шок. Через день-два оклемается. А вообще удивительно, что ей так мало досталось. Ни крови, ни увечья. Наверное, сам господь Бог не дал погубить такую прелестную девицу. Непроизвольно глянул на стройные, чуть полноватые ноги и тотчас, спохватившись, стыдливо увел глаза и отошел от нар, прихватив штаны и свитер, чтобы повесить сушиться. После этого он уложил девушку в меховой спальник, запахнув полы - пусть прогрется. И опять, помимо воли, задержал изучающий взгляд на девушке. Светлые волосы живописно разметались по черной овчине. Овальное лицо неподвижно, словно в глубоком сне, хотя дыхания не слышать. Темные, спекшиеся губы чуть приоткрыты.

Пощупал пульс. Ощутил его явственнее, чем прежде.

- Спящая красавица, - сказал со вздохом и сделал над собой усилие, чтобы отойти прочь. Развесив ее влажную одежду на стене, направился к порогу. Хотелось отдышаться от жары и покурить на свежем воздухе. Дымок тоже выскочил на волю и исчез во тьме.

Выйдя из-под навеса, Алексей посветил в небо фонариком. Шел снег в полном безветрии. Крупные хлопья валили так густо, что желтый луч света фонаря не мог пробиться до кроны ближайшего кедра и завис на полпути в белой, мельтешащей пелене. Стояла удивительная тишь, казалось, он слышал даже мягкий шорох падающих снежинок.

- Хоть бы к утру разведрилось, - пожелал он вслух безо всякой надежды. Да и уж на какое ведро нынче надеяться. Теперь зарядят снегопады, с неба будет беспрестанно сыпать и сыпать. Природа будто спохватилась: кончается ноябрь, а южные склоны гор кое-где стыдливо голые, увядшие травы не прикрыты снегами, да и в низах еще не намело зимних сугробов. Неуютно и сиротливо в тайге без теплого белого одеяла. Зябко птице и зверю по берлогам, норам, гнездовьям и лункам. Все ждут снежной переносы, как спасения.

Закурил. Подосадовал, что нет в Купеческой радиоприемника, послушал бы новости. Наверняка уже сообщили о пропаже вертолета. Интересно, откуда и куда он летел? Скорее всего, заблудился в тумане, вот и занесло его сюда, в глухие горы. И теперь он, Алексей, привязан к избушке. Завтра надо принимать колоть чурки. Благо, с осени предостаточно их напилел бензопилой, не поленился. Как чувствовал, дров понадобится много.

Забросил на крышу рюкзак с мясом, набрал беремья дров и вернулся в избушку. Стал устраиваться на гостевых нарах. Положил в изголовье два сухих полена, аккуратно уложил на них обутки. Расстелил прогрызенный мышами ватный спальник, оставшийся от незабвенного Наливайко. Постель, считай, готова. Укрываться придется курткой, она уже высохла.

Задул лампу и улегся на нары, не раздеваясь. Глядел в темный потолок. Сна - ни в одном глазу, хотя и умаялся как никогда. Денек выдался - словно в кошмарном сне, не приведи, Господи. В глазах стоял искореженный вертолет над обрывом и вылетающий из него летчик с окровавленной щекой. Даже сквозь время слышались жуткий скрежет дюралевой обшивки по скалам и гулкие удары, удаляющиеся с каждым мгновением. Память услужливо прокручивала ему все события минувшего дня, словно не хватило того, что было наяву, и бессонница нависла над его изголовьем. Он вставал, подтапливал печку, выходил покурить и снова ложился. О чем только ни передумал, пока, далеко за полночь, не провалился в зыбкое забытье.

* * *

Проснулся довольно поздно - за окном брезжило утро нового дня. В это время он, обычно, уже шел по путику, но сегодня никуда идти не надо, и можно полежать в тишине и покое. Благо, в избушке тепло. Скосил глаза на потолок над хозяйскими нарами. Оттуда ему улыбалась обнаженная девица из иностранного журнала для мужчин. Раньше, бывало, подмигнув, приветствовал ее словесными штампами американских киногероев, заполонивших телеэкраны Иогача: «Привет, крошка! Ты прекрасно выглядишь. С тобой все в порядке? Ты нужна мне. Эй, давай заниматься любовью!» Любовался бесстыдным изгибом ее тела и лукаво подсмеивался, а теперь с безразличием отвернулся.

То, что произошло вчера, сломало мерное течение его жизни. Кошмар минувшего дня не приснился и не пригрезился. В реальности случившегося убедился сразу, стоит глянуть на хозяйские нары, где в меховом спальнике лежала самая настоящая девушка, из плоти и крови. И пора посмотреть: как она там, не оклемалась ли? Ведь скоро сутки после случившегося.

Приподнялся на локте, поглядел через стол. Глаза ее закрыты, но длинные ресницы чуть подрагивали, как бы перед пробуждением. К полудню, должно быть, очнется. К этому времени надо много кое-чего успеть по хозяйству. В первую очередь - распустить хотя бы пару необхватных чурок и сложить дрова под навес. Растопить печку, сварить суп из кабарги, а еще приготовить рябиновый компот, которым он баловал себя по воскресеньям. Сегодня, правда, будний день, но все равно - нерабочий. А к тому же у него - гости.

Поднялся с нар, оделся и вышел.

Снег валил всю ночь не переставая, и выпало его сантиметров пятнадцать. Если к вечеру снегопад не иссякнет, наберется все двадцать, а то и больше. А что, как снег зарядит суток на двое-трое, с небольшими перерывами? Может такое быть? Вполне. Но ясно пока одно: непогода откладывает поиски вертолета с воздуха на неопределенный срок. К тому же остатки разбитой машины в узком, глубоком и глухом ущелье так укутает снегами, что сверху ничего не разглядишь.

Короче, все плохо: и для поисковиков-спасателей, и для промысла. Капканы, поставленные «под след» на соболиных сбежках, под такой толщей снега не сработают. После снегопадов придется обойти все путики и повывергивать капканы. И ставить их заново, когда коты набьют новые тропы. А это две недели трудов, не считая впустую потерянного времени. Да, беда сроду не приходит в одиночку, всегда тянет за собой другую, до кучи. Ладно, куда теперь деваться...

Нацепив лыжи, побрел на взгорок, к рябиннику. Кайком побивал с веток лохмы снега, набрал в полиэтиленовый мешочек мелких, бледно-оранжевых ягод. Заваришь их в чайнике с сахаром, вкус и запах удивительные, ни с чем не сравнимые, да и очень витаминный напиток. Пьешь - не можешь напиться.

Сходил к проруби по воду, поставил вариться мясо, рябиновый компот и белок Дымку в особой кастрюле, а сам принялся колоть кедровые чурки. Пока пару штук распустил - вспотел, вернулся в избушку отдохнуть, и вовремя. Мясо во всю кипело, источая дразнящий аромат, и над чайником крышка прыгала. Снял его с огня, устроил рядом с боком печки, на горячий плоский камень - пусть допарится. Налил кружку горячего взвара, чтобы поставить на стол и вдруг увидел, что глаза девушки открыты. Она смотрела в потолок, не замечая его, безучастная, неподвижная. А глаза у нее были темно-серые, с отливом цвета альпийских фиалок, что распускаются на гольцах в середине лета.

Присел к ней на краешек нар, выжидающе смотрел в ее бледное лицо и молчал. Боялся неосторожным движением или голосом спугнуть хрупкую тишину избушки. Он пока не собирался ни о чем ее спрашивать. Пусть окончательно придет в себя, и уж тогда можно заняться расспросами, а пока ей нужен покой. Пусть лежит, присматривается. Алексей вдруг представил себе, что значит для нее очнуться в маленькой избушке с бревенчатыми стенами, где все такое грубое и увидеть перед собой диковатого мужика, заросшего седоющей щетиной. «Однако, надо будет побриться, - смущенно подумал он, - а то своим видом совсем заполохаю ее, от страха помрет». Станочек с лезвиями недавно попался на полочке - наследство запасливого предшественника. Еще посмеялся, когда в картонной коробке, среди позеленевших ружейных тильз обнаружил бритвенный прибор: на что он тут? Перед кем фасонить бритому? Теперь, выходит, зря потешался над степенным промысловиком. Станочек оказался весьма кетати.

Губы девушки чуть дрогнули.

- Ты кто? - явственно прошелестел ее голос.

- Алексей, - ответил он тихо, почти шепотом и, подумав, что его имя ей мало что объясняет, добавил: - Здепний охотник.

Темные глаза вдруг повлажнели, на них навернулись слезы. Она медленно смежила веки и затихла. По ее щеке медленно катилась слеза.

- Пить хочешь? - спросил он заботливо, но ответа не дождался.

Посидев на нарах еще некоторое время, поднялся и пошел колоть чурки. Махая топором, рассуждал: пусть набирается сил, и если быстро пойдет на поправку, то денка через три он все-таки смотается в поселок и приведет сюда спасателей, а они уж пусть разбираются с ней.

Ему вдруг остро захотелось, чтобы поскорее увезли от него эту гостью, и жизнь бы его снова потянулась тихо и ровно, без особых всплесков радостей и волнений. А то вот ощутил близко молодое женское тело и взбодуражилась кровь от забытых страстей, и глаза засверкали брачным огнем, как у сентябрьского марала-рогача. И ведь не дошло до него попервости, что это - ложный гон, как у тех же белок. Носятся заполошные зверьки друг за дружкой, почуяв до срока обманный позыв к размножению. Подобие древнего инстинкта притупило природную осторожность. Они избегают по прислоненной к кедру жердине, в горячке не замечая зло посверкивающих нихромовых петель и попадаются, и висят, молитвенно поджав передние лапки. Именно в это время петли работают активно, из них промысловики собирают основной урожай белки. «Так что ложный гон у тебя, Леха, - назидательно внушал сам себе, - а ложный гон всегда опасен и бесплоден. Уж ты-то должен знать».

Из размышлений его вывел далекий голос Дымка. Кобель безостановочно лаял где-то высоко, в кедрчаче, призывал хозяина.

«Поля, бельчонку загнал. Полает да бросит», - подумал Алексей, взмахивая топором над суковатой, смолевой чуркой. С помощью клиньев распластал ее, сносил дрова под навес, сложил в поленницу. Выкатил из-под нихты другую чурку, поставил на попа, вбил в нее топор и перевел дух. Прислушался. Дымок, однако, не затихал в кедрчаче. Его рабочая подайка была настойчива и азартна. «Белку уж давно бы бросил, - озаботился Алексей. - Кого-то серьезного держит».

Заспешил под навес. Сдернул с гвоздя ружье, сунул в карман куртки несколько патронов из висящего тут же патронташа, взял каек, торопливо нацепил лыжи и быстро пошел, уминая широкими лыжами пушистый, не слежавшийся еще снег в кедрчач, на голос Дымка.

Снежная целина под кедрками там и сям была взбуровлена собачьими набродами. Кобель тут основательно порыскал. Кого же он гонял? Алексей заприглядывался, и на заснеженной колодине различил свежие собольи следки. Значит, в этом месте Дымок учуял kota и стал его тропить. Тот ушел под колодину. Кобель принялся копать лапами под входной щелью и рвал зубами кору. Соболь выскочил с другой стороны, уходил на махах. Кобель - за ним. И вот теперь вязкий кобелек где-то держит kota. Если соболь в дупле или, хуже того, под колодиной - дело дохлое. Можно целый день потратить, выкуривая зверя, и не добыть его. А Дымок, уже неподалеку, блажил не переставая.

- Иду, иду! - громко отозвался Алексей, чтобы тот услышал хозяйский голос и понял: старается не напрасно.

Рыжеватую фигуру кобеля с белым завитком хвоста углядел шагов за двадцать. Он крутился перед сухостойной лесиной, задрал острую морду вверх и коротко, по-рабочему взлаивая.

Алексея захлорадило от азарта и близкого фарта. Соболь на дереве, да еще на сухостойном, хорошо просматривающемся - редкая удача. Верхими он, как белка, не уйдет, и все теперь зависело от верного выстрела. Стрянул с плеча ружье, переломил. Он всегда носил в стволах один пулевой патрон - на крупного зверя, другой - с дробью, на случай, если попадется соболь или глухарь. Заменял патрон с пулей на дробовой, не сводя ищущих глаз с лесины, начал медленно приближаться. Но подходил не напрямую, а круглым путем, заходя на противоположную от собаки сторону. Глаза напряженно шарили по бескорой от старости лесине и высоко, в развилке, углядел затаившегося соболя. Дымок, видя хозяина с ружьем наизготовку, занеистовствовал, отвлекал кота, позволил подобрать место для убойного выстрела.

Громыхнуло. Алексей торопливо воткнул ружье прикладом в снег и кинулся к подножию дерева - первым поймать падающего соболя. Кровавый нрав своего кобеля он хорошо знал и заранее отгонял его грозными криками: «Назад, Дымок! Ку-уда! Убью змея!» И добавлял, для особой убедительности, крепкие словечки. Сам понимал: посмотреть со стороны на эту сцену - стыдобушка да и только, но если хочешь получить в руки целенького соболя, а не изжеванного - лови первым. Как ни отучал кобеля от порочной страстишки - ничего не вышло. И смирился. В остальном-то Дымок всем хорош.

Алексей поймал-таки кота первым и держал его высоко над головой, отгоняя прыгающего и чакающего зубами кобеля свирепым выражением лица, свирепым голосом и свирепыми же словами. Но скоро оба успокоились, затихли. Засунув соболя за пазуху, Алексей ласково потрепал собачий загривок, приговаривая довольно:

- Молодец, Дыма. Славный кобелек, кормилец. Увидел, что хозяин в крутом шоке от всяких переживаний, так хоть собольком утешил.

И покотился вниз. Дымок, обогнав его, несся к избушке, в ожидании близкого и заслуженного вознаграждения.

Поставив лыжи под навес и повесив ружье, Алексей отворил дверь, впуская Дымка. Тот не мышкой юркнул, как иногда, а вошел степенно. Вспрыгнул на гостевые нары и улегся на дырявом спальнике, горделиво поглядывая на хозяина. Конечно, спальник надо было бы предварительно свернуть, и Алексей хотел это сделать, но передумал, не стал тревожить отличившегося кобеля.

- Ладно, лежи на мягком. Заслужил, - проговорил добродушно. Достал соболя из-за пазухи, встряхнул, чтобы расправился мех и оглядел. Хороший попался кот, крупный и темный, смело тянул на второй цвет. Положил его на полку, разделся, вымыл руки и нетерпеливо взглянул на гостью: как она там? Девушка лежала с открытыми глазами. Подошел, сел на

краешек нар. На этот раз она смотрела не в потолок, а на стену, где висели ее вязаные вещи.

- Кто меня раздел? - спросила слабым голосом.

- Я, - виновато улыбнулся он.

- Здешний охотник?

Удивился: «Гляди-ка, помнит. Значит, с головой у нее все в порядке, а это самое главное». Тихо спросил:

- Как тебя зовут?

- Алена.

- Ух ты! Старинное русское имя. Приятно слышать. А меня как? Помнишь?

- Алексей... - произнесла она устало и смежила веки.

- Плохо себя чувствуешь? - спросил участливо.

- Все болит. Будто с лестницы спустились.

- Это уж точно, - согласно кивнул он, - вот только лестница шибко высокая была. - Сказал и тут же пожалел о своих словах, потому что она сразу открыла глаза и спросила с болью, глядя, как ему показалось, в самую душу:

- А где остальные?

- Кто? - ровным голосом отозвался он, уводя глаза.

- Ну, летчики, охрана.

Опустил голову, замылся. Не хотелось ей сейчас рассказывать об увиденном, чтобы не травмировать еще больше. Слишком уж слаба. Оклемается как следует и все узнает. А пока выдохнул уклончиво:

- Больше никого нет.

Припухшие губы ее скорбно дрогнули.

- Почему?

Обескураженно развел руками.

- Не знаю, - солгал он и тотчас перевел разговор на нее. - Что-то ты слишком уж раздумянилась. - То ли жар у тебя... И губы сухие. Пить хочешь?

Алена помолчала и произнесла с легкой досадой:

- Хочу.

Кружка на столе с рябиновым взваром совсем остыла. Добавил в нее теплое из чайника и озадаченно склонился над девушкой.

- Как же ты, лежа, пить-то будешь?

- А ты посади меня.

Поставив кружку на стол, подsunул руку под меховой спальник. Придерживая за талию и плечи, посадил Алену. Придвинул спиной к стене, чтобы было удобнее сидеть, спросил заботливо:

- Удобно?

Поморщилась от боли, но качнула головой утвердительно.

Поднес кружку к ее губам.

Она отпила маленько, спросила:
- Что это?
- Таежная рябина на сахаре. - И пошутил: - Пепси-колы здесь нету, так что прошу меня извинить.
Вяло улыбнулась его шутке кончиками губ, немного еще попила и обессиленно отклонилась, тяжело дыша.
- Что, не глянется напиток из дикой ягоды?
- Вкусно. Просто не хочу больше.
Поставил кружку на стол.
- Потом еще попьешь. Тут сплошные витамины. Для тебя это - самое лучшее лекарство. Тонизирует и укрепляет.
- Попью, - кивнула она.
- А теперь, однако, лучше лечь. Помочь тебе?
- Посажу. Устала лежать.
- Ну, посиди, посиди...
Показала глазами на кобеля, который, вывалив язык и часто дыша, лежал на нарах, с живейшим интересом наблюдая за хозяином и гостьей.
- Это Дымок, - сказал Алексей горделиво, - мой помощник и кормилец.
- Почему он на постели?
- А коту мне загноял. Хорошего! Показать? - Взял с полки соболя, встряхнул и держал навесу, чтобы Алена могла разглядеть его. Видишь, черненький, даже горловое пятно почти не просматривается. Второй цвет. Жалко, солнца нет, а то бы ость заиграла. За этот трофей Дымку - награда. Хоть и мается от жары, а терпит. Лежать на нарах - очень престижно.
- Выпусти его.
- Зачем?
- В туалет хоч, - прошептала, опустив ресницы.
- В туалет так в туалет, - бодро проговорил Алексей, хотя и растерялся от ее слов. - Сейчас что-нибудь придумаем. - В одну руку взял с печи кастрюлю с собачьей едой, другой - подхватил за дужку помойное ведро. Позвал: - Пошли, Дыма, есть. - И ногой отворил дверь.
На воле шел и шел снег. У природы, как видно, свои плановые проблемы. Не подсыпала снегу в положенное время и вот теперь, в конце года, торопилась наверстать упущенное. Алексей поглядел на небо, покорно вздохнул и поставил кастрюлю. Снял крышку, отодрал от полена щепку, помешал варево. Пощупал пальцем - горячо. Дымок облизываясь сидел рядом, терпеливо ждал. Алексей добавил в кастрюлю пригоршню снега, размешал и снова пощупал. Теперь, вроде, нормально, и отошел в сторону, говоря ласково:
- Ешь, Дыма, сладких белочек с вермишелью. Ты нынче отличился, заслужил. - Он любил наблюдать, как ест кобель - это целый ритуал с забавными деталями, но сейчас было не до того. Опротал помойное ведро, протер его изнутри комом снега, выколотил о чурку и вернулся в избушку.

Алена сидела в прежнем положении, в каком ее оставил. Опустил ведро подле нар, смущенно спросил:
- Тебе помочь?
- Знаешь, мне так неловко, - выдохнула, сильнее порозовев от смущения.
- При чем тут «неловко». Ты больна. Сейчас я для тебя не мужчина, а санитар. Так что не стесняйся. Все нормально. Считай, ты - в больнице. - Говоря это, откинул полы спальника, принялся высвобождать ее ноги.
- Больно, - поморщилась она.
- Где - больно?
- Нога... правая... под коленом...
- И сильно болит?
- Сильно.
- Это я пошевелил лодыжку. - Алексей убрал руки. - А до этого не было боли? Когда просто лежала?
- Кажется, не было.
- А усаживал?
- Чуть-чуть ныло, но не так.
- Сделаешь свое дело и посмотрим, а пока терпи. - Подхватив девушку одной рукой под колени, другой придерживая за спину, развернул на нарах. - На пол становись левой ногой. Да смелее, я же держу тебя. Ну как? Можешь стоять?
- Могу. Только голова немного кружится.
- На правую ногу не опирайся. Держись за стол.
- Ты выйди, я сама.
- Так говоришь же, голова кружится. Лучше, если держать тебя буду. Надежнее. А то еще упадешь.
- Не упаду. Ну, иди же.
- Сама так сама. Держись за стол, - предупредил, выходя из избушки. Сел на чурку, закурил. Глядел на заканчивающуюся трапезу Дымка. Тот всегда начинал с мяса, и уже выловил последнюю белку. Медленно попятился с нею, лег, захрустел косточками. Проглотив остатки, снова поднялся, старательно обнюхал снег, где ел, и приблизился к кастрюле. Долакал жижу и доел вермишель, облизал дно. Несколько секунд постоял над пустой кастрюлей в сытой задумчивости и начал медленно пятиться, чтобы потом, в приличествующем случае отдалении, развернуться. Становиться задом к еде или к месту, где ел, у Дымка, да и у других промысловых лаек, которых Алексей знал, считалось верхом неприличия, и этот собачий этикет они соблюдали свято.
Дымок подошел к хозяину, благодарно ткнулся в колени. Алексей положил руку на крепкий загривок, мял в пальцах жесткую псовину, говоря тихо, доверительно, как старому товарищу:
- Как дальше-то нам быть, а? Не знаешь? Вот и я не знаю. Связали нас с тобой по рукам и ногам. И ведь никуда не денешься. Остается только тер-

петь. Так вот... Ладно, ступай, вытопчи себе луночку под кедрой, упрячь морду в хвост и отдыхай. Пойду и я, там у меня нынче лазарет. Буду выхаживать больную девушку. Может, потом мои грехи зачтутся на небесах.

Ведро Алена задвинула под нары и лежала на овчине, вытянув полноватые ноги в бархатистых колготках. Он непроизвольно уронил взгляд на молодое женское тело и даже сощурился, как от яркого света, опалившего его глаза. Присел к ней на нары, стараясь не глядеть на ее ноги. Заговорил с показной грубоватостью в голосе, чтобы скрыть смущение:

- Ну что, сестрица Аленушка, все нормально?

Легонько кивнула, не поднимая ресниц.

- Полдень уже. Пора обедать. Да и мясо сварилось. Дикое, целебное. Чувшь, какой запах? Это не домашняя корова, а кабарга. Мясо у нее нежнейшее и экологически чистое, диетическое. Как раз для тебя. Дымок постарался.

- Не хочу.

- Но ты ведь сутки не ела. Может, хоть бульончику попьешь?

- Пока не могу. Ешь сам, не смотри на меня.

- Без тебя есть не буду. Совестно, в горло не полезет.

- Я же болею.

- Тем более, надо набираться сил. А они - в калорийной еде.

- Аппетита нет.

- Он приходит во время еды.

- Не могу же я есть через силу.

- Ты не будешь есть, и я не буду - за компанию. Так и помрем оба с голоду в избушке. И Дымка уморим голодом, а он так хотел, чтобы ты отвела его добычи. Неужто тебе не жалко старательного кобелька?

Темные, глубокие глаза девушки слегка потеплели, на лице обозначилась слабая, вымученная улыбка.

- Ты добрый, Алксей, - произнесли ее губы.

- С чего взяла? - смущенно хмыкнул он.

- Слышала, как с собакой разговаривал.

- Подслушивала?

- Просто слышала. «Ешь, Дыма, сладких белочек с вермишелькой...»

Так может говорить только добрая душа.

- Не хвали, а то покраснею, - отозвался он грубоватым голосом и пряча от нее растроганные глаза. Справившись со смущением, вскинул голову, заговорил строго: - Короче, так. Не хочешь есть, будем смотреть лодыжку. Кстати, у тебя, случаем, нет темных очков?

- Нет. А зачем они тебе?

- Очень бы сгодились. Глаза могу обжечь. Как на твои ноги гляну, аж слепну. И вообще мне лихо становится. Боюсь, не сомлеть бы во время осмотра.

- Ты же санитар, не мужчина. Сам ведь говорил.

- Говорить-то говорил, но шибко уж ты женственная. Гляну на тебя и мурашки по коже бегут. Так что санитар с мужчиной пластаются во мне друг с дружкой на равных. И никак один другого одолеть не могут.

- Поддержи санитаря. Чтобы он победил.

- Пытаюсь, да пока плохо получается. Ладно, снимай свои колготки докуда сможешь, а потом я подсоблю. - И он отвернулся.

Она повозилась за его спиной, шурша тканью и разрешила:

- Можно.

Повернулся к ней и увидел, что колготки сняты до колен, а обнаженное тело прикрыто овчинными полами спальника. Непослушными пальцами стянул колготки совсем и обескураженно вертел их в руках. Спросил:

- Их тоже повесить на гвоздь?

Она усмешливо молчала и, как ему показалось, отчего-то была им недовольна. А он стоял столбом, ничего не понимая, осторожно держа в руке невесомую ткань и покорно ждал указаний.

- Ты женат? - спросила она через время с досадой.

- Женат, - качнул он головой.

- И не знаешь, что с ними делать?

- Я с жены сроду колготки не снимал. Да она бы и не доверила их мне. Пальцы у меня все в заусеницах. Могу ненароком порвать.

- Дай сюда. - Аккуратно свернула колготки тонкими белыми пальчиками и сунула себе под изголовье.

Оглядел лодыжку. Она оказалась несколько припухшей, но не настолько, чтобы подозревать перелом. Начал с осторожностью прощупывать.

- Как ты грубо... У тебя пальцы будто железные, - простонала она.

- Других у меня нету, терпи, - сварливо отозвался он, заметив на колене лиловый синяк. Закончив прощупывать, сказал: - Тут рентген нужен. Может в кости лодыжки трещина, а может и просто ушиб. Точно сказать не могу. Да и с коленом неясно. Больно сгибать ногу?

- Немножко.

- Значит, ушиб. Короче, ногу надо зафиксировать и недельку не сгибать. И вообще ее не тревожить. Лежи, пойду сделаю шины.

Сходил под навес, натесал из прямослойного кедрового полена тонких и широких лучин. Достал из походной аптечки бинт и крошечный полиэтиленовый пакетик с черными катышками внутри. Извлек один катышек, разрезал ножом надвое. Половинку растворил теплой водой в алюминиевой ложке. Получилась густая черная смолка. Макал пальцы в эту смолку, начал смазывать ею воспаленные места, втирая в кожу. Когда же смолка подсохла и заблестела, обложил лодыжку и колено лучинами и плотно примотал их бинтом. Оглядел дело своих рук и остался доволен, хотя Алена с ужасом взирала на довольно громоздкое сооружение вокруг ноги, но молчала. Оставшуюся половинку катышка растворил в кружке.

- Пей, - жестко сказал он, приподняв голову девушки вместе со спальником.

Алена припала губами к краю кружки, глотнула и брезгливо передернулась.

- Какая гадость. И пахнет так противно, - выдавила сморщившись.

- Зато быстро сращивает кости и снимает воспалительные процессы. Это горное мумие. Зажми нос и выпей махом до дна. - И прикрикнул: - Ну!

Она выпила содержимое кружки судорожными глотками и торопливо прикрыла рот ладонью.

- Дай воды, а то стошнит, - попросила чуть не плача, даже слезы выступили.

- Нельзя. Перетерпи, - отказал он.

- Вырвет же сейчас.

- Задержи дыхание и крепче зажми рукой рот. Не дай выйти из себя мумию.

- Ты чудовище... - прогудела через ладонь.

- Ну-ну, - удовлетворенно усмехнулся он. - Крой меня дальше. Полетчает.

- Монстр...

- А еще?

- Маньяк.

- И все?

- Вампир.

- Ого! Почти весь букет из американских жутиков. Наверно, любишь видик смотреть, а? Про разную чертовщину. У тебя такие широкие познания.

- Не твое дело.

- Разумеется, не мое. Мое дело - лечить. Ну-ка, убери ото рта ладонь. Хочу посмотреть на твои губы. Да не бойся, мумием уже не стошнит. Вырвало американской дрянью. Вот, молодец. Говорю же, все нормально будет. А губы у тебя воспалены и будто спеклись. Если их помазать мумием, к утру станут свежими и румяными, как бутоны алых роз. Ну так как, мазать?

Промолчала.

Он собрал с ложки остатки смолки и, решительно убрал ее руку, пытавшуюся прикрыть рот, смазал ей губы.

- Ну вот, пока все, - проговорил устало.

Алена в изнеможении откинулась на овчину.

- Измучил ты меня, - произнесла обессиленным голосом.

- Отдыхай, а я буду кота драть. Пока еще светло.

- Драть?... - отозвалась сонно.

- Ну, раздевать. Шубу с него снимать. Славного кота Дымок загнал. Дай Бог, чтоб его носила такая же молодая и красивая, как ты, а не богатая старая жаба. Кстати, надо подыскать к нему парного кота и - можно на шапку или воротник. Хочешь, сделаю тебе подарок к выздоровлению? - Алексей взял с полки соболя, хотел прикинуть, как подойдет его цвет Алене, но увидел, что девушка уже заснула.

Он неторопливо обнял соболя, обезжирил, натянул шкурку на пялку мездрой наружу и повесил на гвоздь, коих на стенах было предостаточно. Светлого времени оставалось еще часа два. Решил пройтись по кружному короткому путику над избушкой - авось да еще пофартит. Нацепил лыжи, вскинул на плечо ружье и побрел по лыжне, накрытой глубоким, мягким снегом. Снегопад еще не кончился, но явно иссякал: с неба сыпались редкие его остатки. Возродился верховой ветерок, налетал порывами, сваливал с веток кухту и нес снежную пыль. Морозец мало-помалу набирал силу. Все указывало на перемену погоды. Если к утру разведрится, то можно ждать поисковый вертолет. Скорее бы уж. А то слишком часто и неуголенно стал он поглядывать на свою гостью, интуитивно чувствуя, что еще немного и он лишится привычного и такого уютного покоя. Его сердце никем не было занято - пустовало и только ждало случая, чтобы влюбиться без памяти. Он и хотел этого, и боялся.

Бродил до самого вечера. И хотя особого форта на этот раз не случилось, но все равно сходил не зря. Поставил с десяток петелек, снял двух белок с жердей, а главное - вырубил из черемухи заготовку для костыля. Поймал себя на мысли, что в общем-то ради этого и пошел. А еще углядел на опушке, среди черного островка молодых пихт, порхающих рябчиков. Завтра, поутрянке, надо будет ими заняться и приготовить барскую еду для своей гостью. Пусть полакомится свежей дичью.

В сумерках, затопив печку, сидел и выстругивал костыль. Ужинать в одиночестве не стал, даже чай не пил - держал слово. Половину супа из кабарги скормил Дымку, остальное вынес на холод. Изредка нетерпеливо поглядывал на спящую Алену, но она все не просыпалась. Закончив костыль, повесил его сушить за печку и тоже лег. Чего попусту шататься по избушке и жечь керосин. Надо отоспаться как следует и впрок набраться сил. Увезут нечаянную гостью, и ему придется пластаться две недели кряду, заново торя путики и расставляя капканы. Не до отдыха будет. По плану нынешнего сезона он обязан сдать в охототдел леспромхоза двадцать одного соболя. Сколько недопромыслишь - бери где хочешь. Хоть покупай недостающих котов у других, более удачливых штатных охотников, но план сделай. Иначе могут запросто лишить угодий. Пока же у Алексея было семь соболей, взятых с Дымком по чернотропу. Правда, капканный промысел только начинается, в запасе у него декабрь и январь, но все равно душа не на месте - мало ли что еще может случиться. Примером тому - погибший вертолет. Третий день не опромысливаются уголья, а сколько еще дней пропадет, кто знает? И в леспромхозе не скажешь: извините, мол, был занят тем-то и тем-то. Им неважно, чем ты занимаешься, а дай пушнину, сколько положено по договору, и не грехи. А уж куда ее леспромхоз денет - не твоего ума дело.

Лежал Алексей, думал свои думы и не скоро ушел в сон.

Каждое утро в тайге для Алексея начиналось одинаково, не считая выходных дней, когда можно было полежать на нарах подольше - он выходил глянуть на погоду, ибо от нее зависел промысел. Вот и сегодня, с утра пораньше, вышел из избушки и глянул в небо. Снег недавно кончился, и небосвод очистился от хмари. Молодой месяц висел тонкой льдинкой, истаявая с рассветом, начали меркнуть близкие звезды. Наконец-то разведрилось!

Затопил печку и пошел на верхнюю поляну, накачивая крутой чедорский путик. Напрямую до злополучной горы, в которую воткнулся вертолет, раза в два ближе, чем кружным путем, но последний отрезок, перед перевалом - почти вертикальный. Пробираться руслом вдикую заросшего колючим чапыжником сухого ручья, оживающего лишь в пору весеннего половодья и летних гроз - без особой на то нужды не отважись. Никакого серпантина, только вверх и вверх, ни шагу вправо или влево, и топорик из рук не выпускаешь - прорубаешься сквозь заросли. Скалы, постоянные наледи, от которых намокает камус лыж, непролазные сплетения зарослей, сумасшедшая крутизна - все это отторгало Алексея от прямого путика. В прошлом сезоне один раз поднялся ручьем к Чедору и закаялся. Правда, соболи вдоль захламленного русла водились и хорошие. Соболи вообще тянутся ко всяким буреломам и непролазным чащам, понимая, что там их труднее взять.

Впрочем, сегодня Алексей и не собирался подниматься высоко. Он решил взойти правой опушкой до оконечности длинной верхней поляны, пройти верховым кедровым массивом до русла ручья, сворачивающего в распадок, нарисовать кайком стрелку на снегу, указывающую направление к Чедору и скатиться левой опушкой к пихтовому островку, где вчера приметил стайку порхающих рябчиков. Стрелка предназначалась для спасателей, если от Купеческой избушки они решат двинуться к горе напрямую. Мужики там молодые, здоровые, им крутяки - нипочем.

Ему верилось, что если не сегодня, то завтра уж наверняка, придут спасатели к его избушке, и он поминутно прислушивался: не послышится ли гул вертолета, но золотеющее восходом небо было покойно и пустынно. Среди рябин ссорились драчливые сойки, в кронах трещали кедровки и посвистывала птичья мелочь - и никаких чужеродных тайге звуков.

Дымок деловито рыскал по склону, но бесплодно и голоса не подавал. Алексей внимательно следил за его набродами, по ходу подновляя кое-где наживку на древесных капканах. Белка еще тропила скупое, но жердочки не ленился расставлять на кормовых переходах. Утешался мыслью: наступит ложный гон, и петли пустыми не останутся. То есть, работал пока на будущее. Так и до русла ручья дошел - без добычи. Нарисовал кайком на снегу длинную стрелку, указывающую острием направление к горе Чедор и, с чувством исполненного долга, свернул влево.

В пихтаче ему повезло больше - добыл пять рябчиков. Прибежавший на выстрелы Дымок обнюхивал падающих в снег птиц, но в зубы их не брал и равнодушно отходил в сторону. Из пернатых признавал за трофеи только глухаря, за его внушительную внешность.

С легкой добычей скатились к избушке.

Алена уже проснулась и сидела на нарах, привалившись спиной к стене. Порадовался за нее: сама села, без его помощи. Значит, дела пошли на поправку. И Алексей, прямо с порога, даже не раздевшись, раскрасневшийся с морозца, весь искрящийся весельем - шагнул к ней.

- Привет! С тобой все в порядке? - начал он шутливо, пародируя словесные штампы американских киногероев.

- Немного получше, - отозвалась Алена сдержанно.

- Ты прекрасно выглядишь. Эй, а не отметить ли нам твое выздоровление? Я знаю поблизости отличное кафе, где подают рябчиков. Ты ведь пообедаешь со мной? Не так ли? Только не говори «нет».

- Издеваешься? - Она мягко улыбалась.

- Самую малость, - признался он. - А если без шуток, ты на самом деле здорово смотришься. И губы у тебя свежие да румяные. Хорошеешь с каждой минутой. Я уже начинаю тебя бояться.

- Как бы не влюбиться?

Он комично помотал головой, всем своим видом выражая испуг.

- Нет! Только не это! - воскликнул с ужасом. И довольно рассмеялся. Ему нравилось собственное представление и то, что хоть как-то развеселил девушку. - Эй, смотри, что я принес! - продолжал он, и жестом фокусника поднял над головой руку, держащую за шейки дичь. - Свежайшие рябчики! Мы заварим такой буржуйский супец, какого не всякий новый русский пробовал. Только не говори, что не будешь есть. Ты этого не сделаешь. Обещай мне.

- Обещаю. Буду есть, - даряще улыбнулась Алена, показав ему белые, очень аккуратные зубки.

- Ты в этом уверена? - несло его.

- Да ну тебя. Хватит. Супермен нашелся.

- Пусть не супермен, но кое-что могу. - Он разделся, сел на чурку возле печки, лицом к Алене, и принялся ощипывать рябчиков. - Знаешь, когда я их для себя готовлю, то перья обдираю вместе с кожей. Возни меньше, хотя и вкус теряется. А для тебя сделаю все, как положено. Чтоб почувала нежнейший смак. Потом в городе скажешь: «Ах, каких я в тайге рябков ела!»

- Алексей... - вдруг донесся до него ее скорбно-задумчивый голос, и он понял, что она не слышит его слов, а думает о чем-то своем. Он вопрошающе поднял на нее глаза и затаился в ожидании, уже наверняка зная, о чем пойдет речь. - Алексей, - проговорила она, - значит, это - охотничья избушка. Так? - и оглядывала стены своей неожиданной обители, будто увидела их впервые.

- Так, - кивнул он. - Я ее называю Купеческой. За теплоту и кедровый дух. Ее срубил охотник Наливайко, очень основательный мужик. В других избушках в окнах - мутная полиэтиленовая пленка, а тут настоящее стекло. Это ж как осторожно надо нести стекло по тайге, чтобы не разбить!

- Ясно, - нетерпеливо перебила Алена, - а где эта избушка находится?

- На Телецком озере была?

- Конечно. И не один раз.

- Знаешь, где там турбаза?

- Мы на ней отдыхали.

- Так вот, если от турбазы переплыть на другой берег озера, будет поселок Иогач. От поселка в горы идет лесовозная дорога. По ней ехать сорок километров. Потом двенадцать километров идти на лыжах по реке Пыже. Там стоит моя Базовая избушка. Большая, просторная. Баня есть и даже погреб. От Базовой избушки шесть километров вверх, к гольцам - и будет Купеческая.

- Во-он где мы... - протянула унылым голосом.

- А ты думала - где?

Она не ответила на его вопрос, помолчала и вдруг попросила:

- Расскажи, как я к тебе попала.

- Сама-то что-нибудь помнишь?

- Конечно, помню, - произнесла с горьким вздохом. - Мы летели, а за окном был такой дичайший туман, что просто ужас. Вообще ничего не видеть. Сначала я даже не боялась. Думала, есть же в кабине какие-то приборы, они все показывают. Потом вышел молодой летчик и стал что-то говорить охранникам. Они не соглашались, мотали головами. Я сидела сзади, в конце салона, и не слышала, о чем они говорили, но поняла, что дело плохо. Охранники так нервничали, глаза испуганные... А маленько погода к нам вышел другой летчик. Пожилой, усатый такой. С охранниками он не разговаривал. Сразу прошел ко мне. Спросил: «Не озябла?» Говорю: «Чутьточку». Он натянул мне на шапку капюшон, застегнул пуговицу и велел боком лечь на сиденье. Благо, рядом пустое было. Рукой прижал. «Так и лежи». Я хотела подняться, а он погрозил мне пальцем, дескать, не смей. И ушел... А потом... потом сильно трянуло, вверху что-то загрохотало. Ну, я прижалась к сиденью, вцепилась в него руками... Наверно, от страха потеряла сознание. Как в черную яму провалилась. Ничего больше не помню.

- Что за охранники? - спросил Алексей.

- Ну... охранники и все... Нынче без охраны вообще не летают. Везде ужасная обстановка. Грабежи, разбои, угоны... Сам знаешь.

- Там же вас пятеро было? Вместе с летчиками.

Его осведомленность поразила Алену. Она изумленно округлила глаза.

- Да, пятеро. А ты откуда знаешь?

- Знаю. Кого же там охраняли? Уж не тебя ли?

- Нет, не меня. К сожалению. Я - всего лишь пешка.

- Да? А я думал - путешествующая принцесса. Из каких-нибудь эмиратов.

- Должна тебя разочаровать. Не принцесса и не из эмиратов.

- Ну и ладно, - легко утешился он, - пусть будет пешка.

Алексей оципал рябчиков, опалил на воле, чтобы в избушке не пахло жженым пером, выпотрошил, промыл и поставил вариться. Вытерев руки, сел к столу, задумчиво глядел на Алену.

- Я жду, - молвила она.

- Короче, так... - заговорил он, тяжело вздохнув. - Мы с Дымком только коозунский перевал вывершили, и тут в небе - гул. Совсем близко. А туман плотный, ничего не видеть. Потом - какой-то грохот. И - тишина. Веришь, волосы под шапкой зашевелились. Понял: вертолет за Чедор зацепился. Есть там гора такая, высокая, острая. Местная царица гор. Вертолет и скатился по ее склону к обрыву в ущелье. Завис над самой пропастью. Я-то сначала к Чедору помел, где звук оборвался, а Дымок, смотрю, левее берет. К вертолету меня и вывел. Точнее, к тому, что от него осталось. Зрелище, скажу тебе, не для слабонервных. Ну и тут усатый летчик из кабины вылезает ногами вперед, что-то тащит за собой. Вся щека в крови, рана рваная, глубокая. Меня увидел и говорит: «Сначала - девушку». Он тебя за капюшон волок из кабины. Велел мне оттащить тебя подальше от обрыва, а сам полез обратно - в вертолет. Сказал: «Там Вовка и еще двое». Вот почему я знаю, что вас там было пятеро. Ну, оттащил тебя, иду назад и тут, прямо на моих глазах, вертолет рухнул вниз, в ущелье. - Алексей горестно сморщился и в отчаянии махнул рукой. - Видать, центр тяжести переместился, когда он забрался внутрь. Я еще говорил ему: нужна веревка или трос, чтобы закрепить вертолет, он ведь едва держался на краю. Дунь ветерок и унесет. Но летчик меня не слышал. Видать, едва живой был, плохо соображал.

- Он меня и спас, - прошептала Алена сквозь накотившиеся слезы.

- Короче, боец был, - сказал Алексей и поднялся. - Пойду покурю, а ты тут проплачься, да успокойся. На волосок от смертушки была, но господь Бог не дал тебе сгинуть. Значит, жить будешь долго и счастливо. Ладно... Вернусь - станем обедать. Хотя напрасно мы этот разговор сейчас затеяли. Надо было подождать.

Вышел из избушки, закурил. В лунке, под кедром, лежал Дымок. Увидев хозяина, поднялся, потянулся на лапах и подошел.

- Ну что, никто к нам не идет и не летит? - спросил Алексей. - Я все жду: вдруг ты залаешь на кого-нибудь, а ты молчишь. - И поглядел в небо, в его чернильную синеву, которую можно увидеть только высоко в горах. Солнце сияло над кедрями, серебра снега, и тишина стояла ласковая, благодатная. «Не летят что-то спасатели», - озаботился он. Глянул в низовья, куда уходил, едва угадывающийся под выпавшим снегом путик, но и там - первозданный покой в снежной переневе. Настроение было пасмурное, в отли-

чие от природы, но нашел силы одернуть себя: «Не впадай, Леха, в панику. Все проходит, и это пройдет, как сказал кто-то мудрый. Сам взбодрись, и гостью утешь».

В избушку вернулся с ясным лицом.

- Погодка - прелесть, - энергично заговорил он. - Небо синее-синее. И солнышко светит. Выше нос, Алена. Придут твои спасатели, никуда не денутся. Все у тебя будет хорошо. Вот увидишь. - Однако, его веселый тон никак не взбодрил девушку. Глубокая задумчивость сквозила в темных, неулыбчивых глазах, и она никак не отозвалась на его слова. - Ну что, сядешь к столу или поешь в постели? - спросил он мягко.

- Попробую сесть. Так надоело лежать...

- Это правильно, - похвалил Алексей, - будем с лежачего режима переходить на ходячий. А для этого тебе надо одеться. - Снял с гвоздя вязанный костюм, положил на нары. - Штаны самой, конечно, не надеть? - спросил и, не дожидаясь ответа, принялся осторожно одевать ее. Нашел свои запасные вязаные носки, надел ей на ноги. Страхнул с ног валенки, в которых ходил в избушке, обул Алену. Сам довольствовался обрезанными резиновыми сапогами, найденными под нарами. Развернул девушку лицом к столу. - Теперь, вроде, подходяще. Ногу в колене не сгибай. Лучинки послабее гипса, учти. - Принес из-за печки подсохший костыль. - Придется походить с этой клюкой, пока нога не подживет. Не шибко красивый костылек вышел, зато крепкий и надежный.

- Это что, мне? - спросила растерянно и вертела в руках костыль, не зная, как его держать и как к нему приспособиться.

- Кому же еще.

Благодарно улыбнулась.

- Спасибо.

- На здоровье. Давай-ка, попробуй рябчиков. - Поставил перед нею парящую миску, а на середку стола водрузил мешочек с сухарями. - Жалко, вся мука в базовой избушке, а то бы лепешек напек.

Алена попила бульону и принялась за мясо.

- Какая вкуснятина, - проговорила она с удивлением. - Раньше слышала: рябчики, рябчики. Думала, как цыпленок. А вкус совсем другой, нежный-нежный. И аромат какой тонкий, деликатесный.

- Главное, больше ешь, скорее поправишься.

- Да я уж и так вспотела от еды.

- Не от еды вспотела, от слабости. Вон ты какая бледная, исхудалая. Ну ничего, я тебя тут откормлю. Розовенькая будешь.

- Как вон та? - лукаво кивнула себе за спину, где, на потолке, красовалась картинка с голой девицей.

Алексей пристыженно опустил глаза, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Он уже и раньше подумывал, что надо бы снять картинку, а потом махнул рукой: чего из себя святошу корчить? Висит и пускай себе висит. Да он уже и привык к ней.

- Повесил, чтобы не одичать, - принужденно усмехнулся. - И еще помнить: где-то есть красивые женщины.

- Ее вид тебя согревает?

- Конечно. Посмотришь на приятную фигуру - и жить веселей становится. А то иной раз навалится такая тоска, хоть волком вой. А что, разве она не красивая?

- Тебе виднее, - осторожно сказала Алена.

- А тебе она не глянется?

- Это дело вкуса.

- Понятно. Со вкусом у меня не все в порядке. Ты ведь это хотела сказать? Спорить не буду. Но если бы знал, что ты тут появишься, убрал бы ее, а то неловко. Кстати, когда я услышал на перевале гул вертолета, сильно удивился. Там нет никаких трасс и вообще никто не летает. Как вас туда занесло?

Недоуменно пожала плечами.

- Для самой - загадка. У летчиков бы спросить...

- Они уже ничего не скажут. А куда летели?

- В Горный.

- Откуда?

- Со стороны Красногорского. Вернее, из того угла.

- Рейс пассажирский был?

- Нет, спецрейс. Я на него случайно попала.

- Сама-то в Горном живешь?

- В Барнауле.

- А в Красногорском углу что делала?

- Возвращалась из командировки.

- Кто ж ты по специальности?

- В офисе работаю. Конторский работник.

- Ясно, - усмехнулся он, - хотя ничего не ясно. Нынче кого о чем ни спросишь, все - коммерческая тайна.

- А у тебя их нет? - спросила Алена, старательно оглядывая тонкие косточки и запивая бульоном. - Коммерческих тайн?

- Да вообще-то тоже есть, - признался он. - К примеру, ни один охотник не скажет другому, сколько добыл соболей. Есть и другие трофеи, о которых помалкивают. Тайны есть у всех.

- Тогда квиты.

- Конечно. И извини за расспросы. Вижу, отвечаешь будто перед следователем. Даже совестно стало.

На воле взлаля Дымок. Алексей напряженно прислушался, вышел из избушки, но сразу же и вернулся.

- Думал, твои спасатели идут, но - пусто.

- На кого же он лаял?

- Белка-летяга на кедре шарится.

Помолчали, отхлебывая рябиновый взвар.

- Алексей, - проговорила вдруг Алена, - а далеко отсюда эта гора, где мы... Ну, ты понимаешь, о чем я...

- Чедор-то? Напрямую - близко, но сильно круто. Есть кружной путик. Он - пологий, да только идти долго. Часа три с половиной. Если, по ходу, ловушки обихаживать. А что?

- Да вот все думаю, как ты меня нес оттуда. Измучился, наверно? Ведь тяжелая. Все руки оттянула, да?

- Я тебя не на руках нес.

- На спине тащил?

- Нарты из лыж сделал и катил.

- Спасибо тебе, Алексей, - проговорила Алена задумчиво.

Недоуменно глянул на нее. Та была как замороженная, но, вроде, помаленьку начала оттаивать душой.

- За что?

- А за все. За спасение, за заботу. И за этот чудесный обед. Рябчики - сплошное объедение. И компот такой вкусный. Верить, сразу силы появились.

- Тогда будем учиться ходить. Возьми-ка костыль. Та-ак... опирайся на мое плечо и попробуй пройти. Колено не сгибай. Ногу ставь на всю ступню. Больно?

- Маленько ноет.

- Ничего. Давай до печки и обратно. Ну, смелее!

- Получается, - проговорила она, конфузливо улыбаясь.

- Все у тебя получится, - обнадежил он, - скоро бегать будешь.

- А давай выйдем из избушки, - предложила она.

- Неужто сможешь?

- Попробую.

- Тогда надо надеть шубку.

- А мы всего на минутку. Налегке, без шубы.

Снял с гвоздя ее шапку и, неумело пригладив светлые волосы, надел ей на голову. Оглядел, как сидит шапка, подправил.

- Вот теперь красиво. Жаль, настенного зеркала нет. Оценила бы мое старание. Ну что, пошли?

- Пошли.

- Держись за меня крепче.

Придерживая Алену за талию, медленно вывел из избушки на чистинку перед навесом и, хотя она опиралась на костыль, не отпускал ее.

Она огляделась, с наслаждением вдыхая морозный воздух.

- Боже, какая красота кругом... - зашептала восхищенно. - Кедровые деревья огромные, прямо великаны. Они будто дремлют. Снежинки на них сверкают и переливаются всеми цветами. Даже не верится, что такое чудо есть на свете. Погляди, сугробы, от солнышка, прямо золоченые. А вот тени от кедров и сугробов абсолютно синие. Почему они синие?

- От неба. Видишь, какое оно темное, густое?

- Вижу. А почему горы тоже синие?

- Потому что - далекие. Это только кажется, что они близко. Прозрачный воздух их так приближает.

Глаза Алены повлажнели, она часто заморгала.

- И ведь всего этого я могла уже не увидеть...

- На морозе нельзя плакать, - мягко сказал Алексей, - слезинки застынут, и твои прекрасные глазки заболят.

- Не буду, - прошептала с горьким вздохом и утерла глаза ладошкой.

- Пошли в избу, а то простынешь. На первый раз - хватит, - позвал он.

- Ты иди, а я - через минуту. Ладно? - смущенно заулыбалась сквозь слезы.

- Понял. За тобой выйти?

- Не надо. Я сама.

- Гляди, - предупредил он уходя. - В случае чего, зови, не стесняйся.

Она и на самом деле самостоятельно отворила дверь и вошла в избушку, помогая себе костылем. Зябко склонилась над печкой, подставив лицо под теплые струи, и даже глаза закрыла от блаженства.

- А ты молодец, - искренне похвалил он, - если так и дальше, денек через два станешь сносно ходить. Потом расправишь крылышки и улетишь из этой глухой таяжки. По дому-то сильно скучаешь?

Отозвалась сдержанно:

- У меня там - мама.

Поинтересовался осторожно:

- И больше никого?

- Отца у меня нет. Вернее, он не живет с нами.

- А ты... - начал он, но Алена перебила его с укоризненным прищуром.

- Хочешь спросить, замужем я или нет?

- Боюсь, рассердишься. Вдруг тоже тайна.

- Никакой тайны нет. Не замужем я. Но это ни о чем не говорит.

- Да я ни о чем таком и не подумал. Просто мыслишка одна на ум пришла. Коли сильно скучаешь по маме, твое возвращение к ней можно ускорить.

- Как?

- Могу смотаться в поселок за помощью. На это уйдет два дня. День - туда и день - обратно. Если ты поживешь тут одна...

- Одна? - с живостью перебила она. - Да я от страха с ума сойду.

- В городе можно бояться, а здесь - кого? Да и Дымок останется, будет охранять. Дров занесу, продукты есть. Так что - ничего страшного.

- Для тебя, может, и ничего, а я не смогу.

- Ну, смотри... Мое дело - предложить. Хотел как лучше.

- Даже не уговаривай. Понимаю, я тебя связываю, мешаю охотиться, но оставлять в тайге одну, после всего, что было - не великодушно.

- Ты мне совсем не мешаешь. Даже наоборот. С тобой интересно. Но раз не хочешь оставаться одна, то и не надо. Будем ждать.

Алена прошла к нарам и, прислонив костыль к стене, легла и замолкла. Алексей вымыл посуду, прибрал на столе и, чтобы не терять времени, достал моток проволоки и принялся вязать беличьи петельки. Он думал, что Алена уснула, но она через несколько минут вдруг спросила совсем не сонным голосом:

- У тебя тут календарь есть? Или зарубки делаешь?

- Сегодня - тридцатое ноября, - отозвался он суховато.

- И давно я у тебя?

- Четвертый день. Еще есть вопросы?

- Ты солгал мне, что я не связываю тебя. Вижу, как ты маешься.

- Меньше об этом задумывайся. Ты попала в беду, и я помогаю. Если сам попаду, кто-нибудь тоже поможет. Люди должны помогать друг другу, чтобы не пропасть. И ничего в этом особенного нет.

- Ну ладно, успокоил, а то переживаю.

- И напрасно. Я еще ни в чем тебе не соврал. Не люблю врать.

- Ты хорошо зарабатываешь охотой?

- Если честно, едва концы с концами свожу. Тайга сильно оскудела. Со всем мало осталось промыслового зверя, повыволожили. По-хорошему-то, надо бы прикрыть промысел года на три, да кто на это пойдет? И куда девать штатных охотников? Все катится черт знает куда.

- А если тебе сменить работу?

- Я больше ничего не умею, кроме как добывать зверя. Да и какая в нашем поселке - другая работа? Леспромхоз едва живой. Древостой почти перестали валить. Рабочих сокращают. Зар-платы люди год не видели. На хлеб выдают только многодетным. Кем я еще тут устроюсь? Хотя такая мыслишка давно свербит в голове. Бьешь ноги по горам, изматываешься как проклятый, а толку? Обидно. Не жизнь - прозябание. Уж подумываю: а не скупать ли соболей у наших охотничков да не сбывать ли их оптовикам в том же Барнауле?

- И никак не насмелишься?

- Боюсь, бизнесмена из меня не получится. Таланта нет, прогорю махом.

- Грустно, - сочувственно вздохнула Алена.

- Да уж веселого мало, - согласился он.

- А наверно, хочется пожить хорошо? Отдохнуть на Канарских островах... Алексей с любопытством поднял голову.

- Сватаешь в свою фирму?

- Нет, там я - маленький человек. Пешка.

- А я уж думал, в охранники предлагаешь. Или в киллеры.

- И пошел бы?

- Да ты что! Конечно, нет. На охранника надо учиться, а мне лень. И в киллеры я не подойду. По складу характера. Вот есть две породы собак:

лайка и овчарка. Овчарка изначально притравлена на человека, а лайка - только на зверя. Так вот, я - из лаек. На человека у меня рука не поднимется.

- О киллере и речи нет. Просто мне интересно: неужели не мечтаешь о достойной жизни? Так и будешь доживать здешним охотником?

- Не трави ты мою душу. Мечтать-то, может, и мечтаю, да что из этого проку? Мечты не кормят.

- Ты прав. Мечты не кормят. И эта девица, с потолка, тебя не приласкает. За свою мечту надо биться, Алексей. Тогда все будет.

- Не возьму в толк: к чему ты клонишь?

- Ни к чему, просто рассуждаю. А вот если бы нашел золотой самородок? Неужели об этом ни разу не подумал? И не помечтал хотя бы? Скажи честно.

Затаенно улыбнулся и сдвинул рукой петли в сторону.

- Самородок, говоришь? Об этом каждый охотник мечтает. Золото по речкам да по ручьям есть. Может, кому и попадается, а мне не везет. Был один случай. Никому не рассказывал, тебе расскажу. Короче, спускаюсь однажды от гольцовой избушки и слышу: Дымок в стороне лает. Свернул с путика, скатился в распадок и, веришь, остолбенел. Там такая ровная площадочка, и вся в каких-то не то кочках, не то холмиках. На одной кочке снег разгреб кайком - земля, не камни. Значит, кто-то копал. Давненько, правда, травой холмики поросли. А в сторонке, как глянул - и сердце екнуло: жилуха! Стены в пять бревен, и сами бревна неопшкуренные. Окошка нет. Дверца малюсенькая, из двух колотых дощечек, черных от времени - в нее только ползком забираться. Ясно, что не охотник ее срубил. - Рассказывай, Алексей заволновался, перевел дух. - Про Дымка сразу забыл. На кого лаял - не знаю. Может на эту жилуху. Не до кобеля стало. Меня к этой дверце - как магнитом. Сердчишко колотится, того и гляди, вырвется из-под ребер. Ведь сколько тайгую, всегда тайная мыслишка грела - найти скрадок старателя. И вот он - передо мной. Даже не верилось. Дверца изнутри была заперта на крючок. Ножом ковырнул, дверца и отвалилась. Внутри темень. Посветил фонариком, вижу - низенький столик. На нем - ржавая жестяная баночка. У стены - трехлинейка с изгрызленным прикладом. А сбоку - нары из жердей. На нарах лежит скелет. Прикрыт каким-то хламьем, в прах истлевшим. В сапогах. На подошвах - бронзовые шляпки гвоздиком. Это мне почему-то особенно запомнилось. И ведь окисью не покрылись за столько лет.

- Ты залез туда? - спросила Алена с придыханием.

- Залез, конечно. Хотя боялся, как бы крыша не обвалилась. Ведь все напрочь сгнило, едва держалось.

- Нашел? - нетерпеливо перебила Алена, тоже взволновавшись.

Алексей отрицательно помотал головой.

- Золота не было. Может, не намыл, а может и закурковал где-то. Видать, приболел, бедолага, лег и не проснулся. Такая вот грустная история. Говорю же, не везет мне на золотишко.

- А вдруг повезет?
- Дай-то бог. Хотя, думаю, золото - не от бога. Скорее - от черта. А с ним лучше не связываться.
- С кем? С чертом или с золотом?
- С тем и с другим. - И Алексей снова принялся вязать петельки, готовя их к ложному гону. - Я вообще привык надеяться только на заработанное.
Привалившись спиной к стене, Алена наблюдала за его руками.
- Тебе не жалко губить зверьков? - спросила с легкой досадой.
- Жалко, - признался он, виновато улыбнувшись. - Раньше не так жалел, как сейчас. Наверно, старею. Я вот гляжу на твою шубу и думаю: это ж сколько на нее отборных норочек пошло! Тебе носить их шкурки не жалко? Совесть не пожет, что на тебя извели столько милых зверьков?
- Как-то не думала об этом, - сконфузилась Алена.
- Тогда зачем меня спросила о жалости?
- Интересно мне, что ты за человек.
- И что выяснила?
- Не жестокий.
- Спасибо и на этом. Охотники вообще не злые люди, как считают некоторые защитники природы. Вы бы шкурки зверей на себе не носили, охотники бы их не губили. Спрос рождает предложение. Закон рынка.
- Да, - вяло согласилась она и замолчала.
В избушке становилось сумрачно. За окном тихо закатывался еще один, бесплодный для промысла день. Алексей поднялся, пошел колоть чурки. Не мог обойтись без физической работы. Хотелось устать, чтобы потом лечь и провалиться в сон без дум и сновидений. Колод до самой темноты, пока видно было. Потом сносил поленья под навес, принес в избушку беремья сухих дров и загопил печку. Подогрел кастрюлю и чайник. Засветил на подоконнике лампу. Предложил Алене, лежавшей в задумчивой позе.
- Давай поужинаем.
Она покорно села к столу и ела в молчании. Он внимательно заглянул в ее унылое лицо и спросил теплым голосом:
- Что такая кислая? Плохо себя чувствуешь?
Промолчала.
- Настроение пропало?
Легонько кивнула.
- А почему? Может, я тебя обидел чем?
Неопределенно поморщилась.
- Не знаю. Просто испортилось настроение и все.
- Бывает, - сказал он сочувственно, и до конца ужина больше ни о чем не спрашивал. Молча убрал со стола, вымыл посуду и вышел на волю. Покармлил Дымка и покурил, сходил за водой, занес в избушку дров и положил рядом с топком, чтобы ночью подбросить.

Алена уже лежала в меховом спальнике, отвернувшись к стене и, похоже, спала. «Слабенькая еще», - подумалось ему с неожиданной нежностью. Задул лампу и лег на гостевые нары. Поворочавшись на жесткой подстилке, понял: быстро ему не заснуть. Даже колка чурок не помогла. Алексей вдруг поймал себя на мысли, что за эти дни успел крепко привязаться к девушке, заботясь о ней.

Невесело усмехнулся. Вот ведь как: разумом желает, чтобы ее поскорее увезли от него, а сердце тайно противится этому, неутоленно взбрыкивает, не беря в расчет разницу их лет. Годков двадцать сбросить с плеч, тогда бы еще куда ни шло, а стареющему мужику на что надеяться? И зачем понапрасну изводить себя? Понимал умом, что все это пустое, а поделать с собой ничего не мог. В ней ему нравилось все: и лицо, и тело, и нежный, завораживающий голос. Вспоминая молодые годы и перебирая в памяти своих бывших подруг, осознал, что более желанной, чем Алена, не встречал. При одной мысли о ней жар ударил в голову и сбивалось дыхание. Горько было, что это небесное создание сошло с небес так поздно, когда он уже вывершил свой жизненный перевал и скатывался вниз. «Вот, наверно, отчего мне жалко было в том памятном сне, что крылья не могли поднять меня выше. У Аленки крылышки молодые, а мои поистрепались, где уж взлететь до ее высоты. В ту ночь эта нынешняя боль сквозь время пришла ко мне и обожгла душу». И он тяжело вздохнул.

- Алексей, не спишь? - услышал тихий, но совсем не сонный голос Алены. Он даже вздрогнул от неожиданности и дыхание придержал.
- Не сплю, - отозвался севшим от волнения голосом.
- Слышу, лежишь вздыхаешь. О чем? Или о ком?
- О тебе, - выпалил, сам того не ожидая.
Она рассмеялась, но звонкое серебро ее голоса показалось недобрый.
- Вот как! И что же ты обо мне думаешь?
- Думаю, свалилась ты на мою голову нежданно-негаданно. Ведь так спокойно жил. Без томлений и сердцебиений. Без всех этих вздохов.
- Бе-е-дненький, - протянула она насмешливо, размягченным голосом и, помолчав, добавила жестко: - спешу утешить: пока еще не свалилась. Но могу.
- Можешь? - не поверил он своим ушам.
- Если ты сильно этого захочешь. Очень сильно. Я уже говорила: своей мечты надо добиваться всеми силами. А ты все хочешь легко получить. Без душевных и телесных затрат. Как эту девушку на картинке. Любуешься ею в свое удовольствие, а ей от тебя ничего не надо. Висит себе и висит. С живой так не получится. Живая стоит дорого.
- Мне платить нечем, - сказал угрюмо, - я - нищий.
- Ты нищий, и тебя это устраивает. И, вроде, даже гордишься этим. Эх, Алексей-Алеша, я тебя считала сильнее. Думала, такой мужик!
- Не понял, - сказал он со злой обидой, хотя ее неожиданное «Алексей-Алеша» мягким теплом обласкало душу и обнадежило.

- Чего тут понимать. Думала, ты - рискованнее.
- Куда уж дальше-то рисковать? И так каждый день рискую.
- Ты рискуешь только телом.
- А надо еще и душой?
- Это тебе решать. Можешь и дальше жить спокойно. Без томлений и сердцебиений. Это проще. А можешь... Впрочем, я в тебе не уверена.
- Кончай темнить. Куда ты клонишь? Говори.
- Скажу, - пообещала она и помолчала, как бы собираясь с духом. - В общем, у тебя появился шанс. Очень серьезный.
- Это уже интересно. И что за шанс?
- Хочешь знать, что это был за спецрейс?
Хмыкнул с иронией:
- Если не коммерческая тайна.
- Уже не тайна. Там был небольшой ящик. Контейнер. С замками и пломбами. Возле него сидели два охранника с автоматами. А в контейнере - мешочки, тоже опломбированные и опечатанные. В них - золото. Рассыпное, с самородками. Его везли с прииска - славать.
- Да ты что! - поразился Алексей. Нашарил на столе спички, засветил лампу и сел к столу. Алена лежала лицом вверх, бесстрастно глядя в темный потолок. Уставился на нее с изучающим прищуром. - Ты это всерьез?
- Серьезней некуда, - напряженным голосом отозвалась Алена. - Одного мешочка хватит на всю жизнь. А надо два мешочка. На две жизни. Тебе и мне.
- Предлагаешь сходить? - спросил он, понимая всю нелепость своего вопроса, и Алена тотчас схватила за его слова.
- Я ничего не предлагаю, - перебила с раздражением. - Я дала информацию для размышлений. Всего лишь. Предлагай сам. Ведь ты - мужчина.
- Ну, не злись, - хмуро обронил он и, обхватив виски ладонями, глубоко задумался, покусывая губу.
- Если завтра спасатели не появятся, можешь сходить, - уже мягче проговорила Алена. - Вдруг на этот раз тебе повезет.
Он энергично помотал головой.
- За день не управиться. Из ущелья Коозу вверх пути нету. Оттуда только один выход - вниз, на Пыжу. Придется ночевать в Базовой избушке, а уж на другое утро двигать сюда. Ну, а как здесь ты?
- Переночную одна.
Усмехнулся мстительно:
- От страха с ума не сойдешь?
- Помучаюсь уж. Есть ради чего. Кстати, может там и мою сумку найдешь. В ней документы и всякая нужная мелочевка.
- Да-а, - протянул он ошарашенно, - задача...
- Решай сам. Это твой последний шанс. Другого не будет.
Шумно вздохнул и прихлопнул ладонью по столешнице.

- Так. Давай рассуждать вместе. Допустим, иду, приношу два мешочка.
- И сумку, - встряла Алена. - Дорожная, темно-синяя.
- А мешочки какие?
- Как тот, что у тебя на полке.
- С дробью?
- Не знаю, с чем он, но похож.
- Значит, весит он... - Алексей задумался, прикидывая, насколько может потянуть дробовой мешочек, наполненный золотым песком.
- Килограммов восемь, если не больше, - сказала Алена.
- Будем считать, что десять, - махнул он рукой. - Для ровного счета. Короче, нахожу это добро, выношу к Пыже, а потом куда его девать? Спрятать где-нибудь в районе Базовой избушки?
- Нет, принесешь сюда.
- А потом снова двадцать килограммов тащить вниз? Какой резон?
- Только сюда. Я должна убедиться, - твердо сказала Алена.
- Понятно, - согласился он с покорным вздохом. - Сюда так сюда. Как скажешь. Ну, допустим, принес. А дальше? Прячем мешочки здесь? Или потом их вместе уносим вниз?
- Их ты после вынесешь. Когда все успокоится.
- Годится, - согласно кивнул он. - С мешочками все ясно. А как быть с тобой? Что нам делать дальше? Через пару дней, как подживет твоя нога, добираться до поселка? Или упрямся и будем ждать спасателей, пока не придут?
- Если не дождемся, сами выйдем в поселок.
- Ладно, спускаемся. Тебя отвожу в больницу, а сам, со спасателями, мету обратно. Меня ведь наверняка сразу отправят в Коозу проводником. И вот привожу спасателей на место. Они только глянут и махом поймут, что я тут уже побывал. Следы-то останутся, их не спрячешь. Вот если бы до снегопадов...
- Может, снова снег пойдет, - с надеждой проговорила Алена.
- Снег... - криво усмехнулся он. - Если будет валить три дня без перерыва и хлопьями, то прикроет. Но лыжня себя все равно выдаст. При солнце - синеватой тенью. Она живучая.
- Скажешь им: проверял капканы. Ведь они же есть у тебя там.
Иронично улыбнулся.
- И решил побродить среди обломков? Посмотреть что и как? И что никакого золота в глаза не видел?
- Да, - не слишком уверенно отозвалась Алена.
- Боюсь, туда придут не фраера. Если там золото.
- Спросят про золото, ты - понятия не имеешь. Я тебе о нем ничего не говорила. Ты никакого золота не видел. Сумка, мол, женская валялась, ее и принес. Вот и все. На том и стой.
- Милая Аленушка... Говорю же, там не фраера будут, а крутые мужики. Меня начнут таскать, да и тебя в покое не оставят. Ни здесь, ни в городе.

Прижмут хорошенько и расколешься. И тогда... - Примолк, многозначительно глядя на Алену, как бы подталкивая ее закончить мысль.

- Риск, конечно, есть, - согласилась она неохотно, прогорклым голосом, - но ведь сам знаешь: кто не рискует...

- Тот не ездит на Канары, - с готовностью подхватил он, на свой лад переиначивая окончание модной нынче поговорки. - Впереди светят либо Канары с канарейками, либо просто нары. Только уже не избушечные. Тюремные.

- А ты привык к избушечным?

- На другие меня не манит.

- Значит, Канарами тебя не соблазнить?

- Нет. Как в песенке: там хорошо, но мне туда не надо. Да я и не знаю, что это такое. Для меня Канары - абстракция. Понимаешь?

- Понимаю. Поставим вопрос конкретнее. Выбери: либо живая девушка, либо и дальше любишься картинкой на потолке.

У Алексея перехватило дыхание от услышанного, но он постарался не выдать своего волнения. Помолчал и, выдержав томительную минуту, проговорил едва слушающимися губами:

- Только если живая девушка - ты.

- Я, - отозвалась она, как эхо.

- Это уже теплее, - заговорил он возбужденно. - Это совсем другое дело. - Говоря эти слова Алексей понимал, что идет игра, и игра опасная, но поделаться с собою уже ничего не мог. Не раздумывая, кинулся в полую реку чувств, и его понесло невесть куда. - Этот-то выбор я давно сделал. И коли живая девушка - это ты, тогда о чем речь?

Алена, затаившись, ожидала продолжения. Ждала не пустых слов, а дельных. В этой игре на кон ставилось очень много, и он это понимал отчетливо, даже хмелея от сладкой надежды.

- Короче, так... - заговорил он упругим, подрагивающим голосом, опаленный жаром от еще не высказанных слов, чувствуя, как запылали щеки. - Если принесу то, о чем говорили, то... получу тебя? Скажи.

- Разве ты не понял? - тихо отозвалась она.

- Понял. Но все равно еще раз скажи. Мне сладко это слышать.

- Да, - прошептала она, помолчав.

- Не слышу. Громче.

- Да, да, да, - уже злясь, подтвердила она.

- Решено, - подытожил он отчаянно-легким голосом. - Иду завтра, с раннего утра. А пока пойду покурю на воле перед сном. Сегодня всю ночь буду мечтать о тебе. А ты спи. Свет потушить? - Не дожидаясь ответа, дунул поверх стекла лампы, погружая избушку во тьму. Да и свою душу - тоже.

* * *

Уходил рано, еще не развиднелось. В морозном небе не истаил молодой, рогатый месяц, и звезды не померкли, задумчиво мерцали над черными кронами кедров. Алена провожала Алексея, зябко кутаясь в шубу. Под навесом металла, скулил и визгливо взлаивал привязанный Дымок, чувствуя, что в тайгу хозяин отправляется без него.

- Значит так, - напутствовал Алексей Алену, - если придут спасатели, скажи: ушел капканы проверять. А куда - не знаешь. Меньше будет вопросов. И на голову жалуйся, сильно, мол, болит. Ну, а начнут приставать с расспросами, говори: не помню. И лобик старательно наморщивай. Изображай, будто пытаешься вспомнить и не можешь. Короче, гони им кино. Ну, будь.

- Ни пуха...

Усмехнулся.

- К черту. Хотя женщин к нему посылать неприлично. - И не уходил, мялся. - Да, это... хотел бы получить аванс на дорожку. Можно? - И склонился к ней, ожидая ответного движения.

Она поняла и не отстранилась.

Бережно поцеловал в теплые губы.

- Какая же ты сладкая, - зашептал жарко, уткнувшись лицом в пьянящие и легкие, как дым волосы. - Даже не верится, что когда-нибудь доберусь до тебя. Но доберусь, Аленушка. Ох, доберусь...

- Иди, - прошептала она, - заморозишь.

- Иду. Твои губы будут согревать меня. Даже чаевничать в пути не стану, чтобы не смять твой запах. - Ну, держись тут. - Резко отстранился, взял в руку воткнутый в снег каск и зашуршал лыжами к склону поляны, щедро посыпанному лунным серебром. Отошел немного и оглянулся.

Алена смотрела ему в след.

Прощально помахал рукой.

«Все нормально, - думал он, убеждая самого себя, - меньше копайся в душе, сделай дело и небесное создание - твое. Хотя бы на одну ночь». Сердце отчаянно вздрагивало от этой шальной мысли, и всего его обдавало мгновенным жаром.

Миновал подсвеченную месяцем поляну, углубился под полог кедрача. Там стелился плотный ночной сумрак, и пришлось достать из кармана рюкзака фонарик. Однако и с лучом света он слабо различал запыленную снегом лыжню. Освещал подножия кедров, проверяя древесные капканы. Спущенные птицами и грызунами настораживал заново и подновлял наживку. Умом понимал, что на ущелье Коозу, особенно на поиски того, зачем шел, может уйти много времени, но пропустить ловушки и не обиходить их не мог, совесть промысловика противилась. А еще угнездилась в его голове тайная опаска, что спасателей, возможно, придется вести к месту аварии этим коротким путиком. Так пусть они видят, что он не бежал в

верха сломя голову, а работал с ловушками старательно, как штатному охотнику и положено.

Кедрач вскоре отступил, остался внизу, за спиной, и сразу же вокруг просветлело - плотно сомкнутые кроны не пропускали нарождающийся свет нового дня. В рюкзаке лежали три белки - итог почти часового перехода. Дальше, до самого перевала, никаких ловушек у него не стояло. Значит, можно будет идти быстрее. Правда, если попадутся хорошие соболиные сбежки, то он, конечно же, не минует их просто так.

Перед коротким, но дуrolомным подъемом он отдышался, оглядывая заснеженное русло ручья, круто уходящее вверх и густо перевитое стелющимися тальником, ольховником и другим сорным кустарником, все многообразие которых охотники называют чапыжником. Продираться на лыжах сквозь чапыжник да еще карабкаясь вверх - сплошная морока. Но идти надо. И он двинулся вверх с топориком в руке, экономными ударами расчищая себе путь.

А соболи тут гуляли, да еще как! Нашли-таки местечко, куда охотнику соваться гибельно. Набили тропы вдоль и поперек русла ручья. Алексей вдруг позавидовал вольготности зверьков. Им что, у них своя жизнь. Живут по вечным законам Природы, и никуда их с привычной колеи не своротишь, никаким золотом не соблазнишь. «Звери все-таки чище людей», - подумал он виновато, но на тореных соболиных сбежках не поленился выставить под след несколько капканов. Лишними не будут.

Рассвело уже окончательно, когда Алексей, взмокший от напряжения всех своих сил вывершил, наконец, перевал и без передыху, чтобы распаренного не просквозило верховым острым ветерком, добрал до кострового кедра. Там он разжег костерок и вскипятил чай. Вспомнил свое шальное обещание не часничать по пути, но без просушки у огня и без кружки горячего чая ему просто никак не обойтись. И это не прихоть, а биологическая необходимость. Организм за время подъема сильно обезвожился, и надо войти в норму, чтобы идти дальше. «Ничего, вернусь - все небесное создание исцелю от головы до ног», - жадно подумал он, касаясь пересохшими губами обжигающего края кружки.

Пил чай и с суеверным трепетом смотрел на острую вершину Чедора, четко выделяющуюся в чернильной синеве неба. Неспешно поднималось солнце, выглянув огненным краешком из-за дальнего хребта и облив снега и скалы на крутых боках устремленной ввысь царь-горы альм, тревожным цветом.

В первое время, как Алексей приехал в эти края после охотоведческого института, посмеивался над суевериями старых охотников, которым везде чудились духи гор и разные языческие божества. Потом, потайговав всего лишь сезон, вдруг с удивлением открыл для себя, что все горные урочища по-разному влияют на человека, вселяют в него светлое или дурное настроение. В одном распадке или на гольце ему легко и свободно. В другом же

месте, когда бы туда ни пришел, сразу обволакивает странная вялость, слабеют силы, и хочется убраться оттуда как можно скорее. Не особенно веря в духов гор, Алексей все же, по примеру других промысловиков, кое-где начал задабривать местные божества, кладя к подножию какой-нибудь приметной пихточки стреляную гильзу или подвязав к ее ветви матерчатую ленточку от носового платка. Мысленно подсмеивался над собой, но с жертвоприношением свыкся, мудро рассудив, что везде и за все надо чем-то платить, такова жизнь.

Мимо Чедора Алексей проходил не единожды, неплохо обследовав его округу при осеннем учете зверя. Знал по набродам, что высоко в скалах, с северной стороны, любят залегать на зиму медведи, и что берлог там полно. Наверняка на скалистых склонах обитают и соболи, но опромыслить Чедор хотя бы до полгоры, куда вполне можно взобраться, ни разу не отважился. И совсем не потому, что склоны слишком опасны. Нет, Коозу гораздо опаснее и, как говорится, очертя голову, но ведь он ходит туда, а Чедор всегда минует стороной. Лишь задерет лицо, плянет на острую вершину, почувствует нутром уважительный трепет, придавленно опустит глаза и - дальше. Отчего же так? Алексей и сам этого не знает, но пошариться на склонах Чедора его не манит. Вершина как бы отторгает его, гоня прочь от зоны своего влияния.

Да, так уж сложилось, и этого ему не изменить, что у Алексея к горе Чедор, горделиво возвышающейся над окрестными хребтами, было уважительное и в то же время опасливое отношение. Он очень отчетливо понимал, как бы предупреждаемый изнутри, что ходить ему туда нельзя, и не шел. И то, что заблудившийся вертолет разбился именно тут, не объяснял простой случайностью. Видно, на самом деле есть в тайге потаенные уголки, где властвует не человек, а иные силы, не доступные пока нашему пониманию, и с этим, хочешь-не хочешь, а приходится смирять гордыню и считаться.

Сейчас, отхлебывая чай и взирая на Чедор, он вдруг поймал себя на мысли, что его пристальное внимание может не понравиться горе и это обернется для него чем-то малоприятным. И ведь точно: с северной стороны Чедора, над краем ущелья Коозу, разглядел кружащихся черных альпийских ворон. «Вот о них-то я и совсем забыл», - пронзила его горькая догадка.

Наскорю забросав снегом тлеющие головешки костра, собрался и заспешил к спуску. Скатился частым серпантинном по бесскальному в этом месте участку, сплошь заросшему чапыжником, на снежный панцирь реки и стал пробираться в низовье, обходя сумрачные ледопады, слыша подо льдом утробный грохот воды. Продвигался с величайшей осторожностью, выверяя каждый шаг, пробуя лыжами надежность снежных мостиков. Оберегал лыжи. Сломайся одна из них, и ему уже никогда не выбраться из ущелья. Хоть сразу ложись и помирай.

верха сломя голову, а работал с ловушками старательно, как штатному охотнику и положено.

Кедрач вскоре отступил, остался внизу, за спиной, и сразу же вокруг просветлело - плотно сомкнутые кроны не пропускали нарождающийся свет нового дня. В рюкзаке лежали три белки - итог почти часового перехода. Дальше, до самого перевала, никаких ловушек у него не стояло. Значит, можно будет идти быстрее. Правда, если попадутся хорошие соболиные сбежки, то он, конечно же, не минует их просто так.

Перед коротким, но дуроломным подъемом он отдышался, оглядывая заснеженное русло ручья, круто уходящее вверх и густо перевитое стелющимися тальником, ольховником и другим сорным кустарником, все многообразие которых охотники называют чапыжником. Продираться на лыжах сквозь чапыжник да еще карабкаясь вверх - сплошная морока. Но идти надо. И он двинулся вверх с топориком в руке, экономными ударами расчищая себе путь.

А соболи тут гуляли, да еще как! Нашли-таки местечко, куда охотнику соваться губительно. Набили тропы вдоль и поперек русла ручья. Алексей вдруг позавидовал вольготности зверьков. Им что, у них своя жизнь. Живут по вечным законам Природы, и никуда их с привычной колеи не своротишь, никаким золотом не соблазнишь. «Звери все-таки чище людей», - подумал он виновато, но на тореных соболиных сбежках не поленился выставить под след несколько капканов. Лишними не будут.

Рассвело уже окончательно, когда Алексей, взмокийший от напряжения всех своих сил вывершил, наконец, перевал и без передыху, чтобы распаренного не просквозило верховым острым ветерком, добрел до кострового кедра. Там он разжег костерок и вскипятил чай. Вспомнил свое шальное обещание не чаевничать по пути, но без просушки у огня и без кружки горячего чая ему просто никак не обойтись. И это не прихоть, а биологическая необходимость. Организм за время подъема сильно обезводился, и надо войти в норму, чтобы идти дальше. «Ничего, вернусь - все небесное создание исцелю от головы до ног», - жадно подумал он, касаясь пересохшими губами обжигающего края кружки.

Пил чай и с суевренным трепетом смотрел на острую вершину Чедора, четко выделяющуюся в чернильной синеве неба. Неспешно поднималось солнце, выглянув огненным краешком из-за дальнего хребта и облив снега и скалы на крутых боках устремленной ввысь царь-горы алым, тревожным цветом.

В первое время, как Алексей приехал в эти края после охотоведческого института, посмеивался над суевериями старых охотников, которым везде чудились духи гор и разные языческие божества. Потом, потайговав всего лишь сезон, вдруг с удивлением открыл для себя, что все горные урочища по-разному влияют на человека, вселяют в него светлое или дурное настроение. В одном распадке или на гольце ему легко и свободно. В другом же

месте, когда бы туда ни пришел, сразу обволакивает странная вялость, слабеют силы, и хочется убраться оттуда как можно скорее. Не особенно веря в духов гор, Алексей все же, по примеру других промысловиков, кое-где начал задабривать местные божества, кладя к подножию какой-нибудь приметной пихточки стреляную гильзу или подвязав к ее ветви матерчатую ленточку от носового платка. Мысленно подсмеивался над собой, но с жертвоприношением свыкся, мудро рассудив, что везде и за все надо чем-то платить, такова жизнь.

Мимо Чедора Алексей проходил не единожды, неплохо обследовав его округу при осеннем учете зверя. Знал по набродам, что высоко в скалах, с северной стороны, любят залегать на зиму медведи, и что берлог там полно. Наверняка на скалистых склонах обитают и соболи, но опромислить Чедор хотя бы до полгоры, куда вполне можно взобраться, ни разу не отважился. И совсем не потому, что склоны слишком опасны. Нет, Коозу гораздо опаснее и, как говорится, очертя голову, но ведь он ходит туда, а Чедор всегда минует стороной. Лишь задерет лицо, глянет на острую вершину, почувствует нутром уважительный трепет, придавленно опустит глаза и - дальше. Отчего же так? Алексей и сам этого не знает, но пошариться на склонах Чедора его не манит. Вершина как бы отторгает его, гоня прочь от зоны своего влияния.

Да, так уж сложилось, и этого ему не изменить, что у Алексея к горе Чедор, горделиво возвышающейся над окрестными хребтами, было уважительное и в то же время опасливое отношение. Он очень отчетливо понимал, как бы предупреждаемый изнутри, что ходить ему туда нельзя, и не шел. И то, что заблудившийся вертолет разбился именно тут, не объяснял простой случайностью. Видно, на самом деле есть в тайге потаенные уголки, где властвует не человек, а иные силы, не доступные пока нашему пониманию, и с этим, хочешь-не хочешь, а приходится смирять гордыню и считаться.

Сейчас, отхлебывая чай и взирая на Чедор, он вдруг поймал себя на мысли, что его пристальное внимание может не понравиться горе и это обернется для него чем-то малоприятным. И ведь точно: с северной стороны Чедора, над краем ущелья Коозу, разглядел кружащихся черных альпийских ворон. «Вот от них-то я и совсем забыл», - пронзила его горькая догадка.

Наскоро забросав снегом тлеющие головешки костра, собрался и зашел к спуску. Скатился частым серпантинном по бесскальному в этом месте участку, сплошь заросшему чапыжником, на снежный панцирь реки и стал пробираться в низовье, обходя сумрачные ледопады, слыша подо льдом утробный грохот воды. Продвигался с величайшей осторожностью, выверяя каждый шаг, пробуя лыжами надежность снежных мостиков. Оберегал лыжи. Сломайся одна из них, и ему уже никогда не выбраться из ущелья. Хоть сразу ложись и помирай.

Издали он видел ворон, кружащих черным рваным хороводом, слышал их долгие, пронзительные крики, не похожие на голоса равнинных сородичей, и его сердце сжимала скорбь. Черный хоровод указывал место последнего пристанища погибшего вертолета. Когда же Алексей подошел поближе, то на кедрах, лепившихся среди скал обрывистого склона, различил и других ворон. Время от времени птицы взлетали с деревьев и, сделав круг, словно разминая крылья, снова громоздились на ветвях, сбивая с них шапки снега. Летать-то летали, но на реку не садились, и Алексей ясно понимал отчего: хозяева на мясе.

Страхнул с плеча ружье, перезарядил стволы картечью, и еще три картечных патрона сунул в ближний карман куртки, откуда их можно быстро выхватить.

Вороны, заметив его, шумно взлетели с кедров, набрали высоту и кружили над ущельем, нетерпеливо поглядывая вниз и пронзительно вереща. Пальнуть бы по ним для острастки, но Алексею не хотелось выстрелом тревожить души погибших, да и патрон может согдиться для хищников посерьезнее.

Подходил он медленно, сторожко озираясь по сторонам, видя, что весь снег вокруг избуровлен волчьими следами. Основательно они тут обжились, даже мочевую точку завели - заснеженный валун, густо изжелченный со всех сторон.

Впереди, по ходу, угадывался измочаленный и полузанесенный снегом фюзеляж вертолета. К нему вела торная волчья тропа. Алексей пошел по ней, держа ружье наизготовку и в сторонке, за камнями, наткнулся на волчьи лежки. Зверей, судя по лункам, было шесть штук, средняя семья, и они совсем недавно ушли в низовье, ступая след в след. То ли сам он их подшумел, то ли по воронам угадали опасность. Впрочем, застать их врасплох на лежке - дело почти безнадежное. Ну да черт с ними, не скоро теперь сюда воротятся.

Алексей вскинул ружье на плечо и остановился, истово оглядывая окрестности. Надо было сначала определить: что, где и как и уж только потом искать проклятый контейнер, оставляя как можно меньше своих следов. Ведь если он все тут избродит, докажи потом, что просто проходил мимо. Никто не поверит, да и сам бы он не поверил, будь на месте спасателей.

В первую очередь посмотрел, куда набиты волчьи следы с лежек. Вели они к подножью скалы, где лежал фюзеляж вертолета, зияя рваной чернотой дверного проема. Там разрозненные следы сплетались в единую тропу и исчезали внутри, как в огромной норе.

Алексей зябко пожегся от мысли, что придется ему сейчас осмотреть место волчьего пиришества. Подумалось с ужасом: «Страшная смерть. Волки грызут мерзлые трупы, а вороны, мельтеша вверху, ожидают своей доли. Врагу такого конца не пожелаешь». И, решаясь, судорожно перевел дух.

Волчьей тропой приблизился к рваному проему в пассажирском салоне и, присев, заглянул внутрь. Он знал, что именно там увидит, мысленно подготовился к этому, но реальность потрясла его сильнее, чем ожидал, даже глаза на мгновение сами собой закрылись, не вынеся увиденного. Жутко было глядеть на бесформенную кучу тел с окровавленной, изжеванной, заледенелой материей, из которой торчали изгрызанные волчьими зубами человеческие кости. По-христиански надо бы как-то оградить трупы от хищников, но как это сделать? Трогать ему тут ничего нельзя до прихода спасателей. Не будь здесь золота, было бы гораздо проще. Но желтый металл, еще им не найденный и незримый, отсекал все другие его устремления и не велел прикасаться ни к чему лишнему.

Оглядывая внутренность салона, определил, что в нем три трупа или то, что от них осталось. Четвертого не было. Вероятно, при падении выпал. Не увидел внутри и ящика-контейнера, о котором говорила Алена, и Алексей вернулся на середку узкого ущелья. Принялся изучать почти отвесный северный склон. Ничего особо примечательного не обнаружил, только на одном из каменных уступов заметил сломанный молодой кедр. Вершинка у него была снесена напрочь. Наверное зацепило падающим вертолетом. И больше - никаких следов. Все щедро припорошено снегом и выглядело первозданно, словно ничего тут не произошло. Но в густой синеве неба ожидающе кружили вороны, а узкое русло, скрытой подо льдом речки Коозу, изрезано волчьими тропами.

Одну такую тропу Алексей раньше не заметил, и углядел только сейчас. А вела она за нагромождение скал чуть повыше того места, где он стоял. «Видно, там лежит и четвертый», - подумал он, неспешно двигаясь за скалы, и не ошибся.

Место волчьего пиришества нашлось сразу. Алексею не единожды приходилось видеть останки маралов после волчьей трапезы. Зрелище мерзкое, Алексей всегда испытывал от него глубокое отвращение и тошноту. Но, на избуровленных лапами, окровавленном снегу, были останки человека, и от вида этого снова придушенно сжалось сердце, как и в салоне вертолета. Наверное, к такому зрелищу нельзя привыкнуть. Ведь человек, если у него нормальная психика, все прикидывает на себя. Дескать, а если я сам окажусь в подобной ситуации? И его охватывает суеверный ужас.

Под скалой лежали растерзанные останки усатого летчика. Лицо его зверями было пока не тронуто. Алексей стоял над ним, наливаясь горечью и ненавистью к самому себе. «Господи, чем я тут занимаюсь, - опустошенно думал он, - среди трупов ишу золото. Не зря говорят: где золото, там и кровь. Такова уж природа желтого металла - не обходится оно без крови. А может бросить все к черту и бежать с этого проклятого места, пока еще душа чистая?» Но он знал наверняка: ему с собой ничего не поделать. Как бы сейчас ни страдала душа и ни взывала к разуму, а поступит он так, как обещал Алене.

Не сходя с лыжни, привалился боком к скале и закурил. Хотелось успокоиться и привести в порядок мысли. Он закрыл глаза, чтобы ничего не видеть, но память услужливо нарисовала ему Алену.

Ах, Алена, Алена... Ах, небесное создание, при одной мысли о которой его заливают нутряным жаром, и дрожь желаний ознобом пробегает по телу. Что за наваждение на него накатило? Ведь он млеет как пацан, представляя ее в своих объятиях. И это в его-то годы! Впрочем, Пушкин верно сказал, что любви все возрасты покорны. И еще вспомнились Алексею «Египетские ночи», которые однажды потрясли его своим сюжетом, и он иногда перечитывал их в Базовой избушке, куда еще с осени, вместе с продуктами и охотничьими припасами, занес двухтомник Пушкина. В мозгу услужливо возникли слова Клеопатры, брошенные в толпу влюбленных поклонников:

Скажите, кто меж нами купит
Ценою жизни ночь мою.

«Не знаю, как насчет Клеопатры, а Аленкину ночь я бы купил ценой своей жизни, - подумалось ему отрешенно. - Почему? Сам не знаю, но купил бы. Потому что это желание сильнее меня. А может еще и оттого, что слишком уж меня потрясли «Египетские ночи», и я, сам того не осознавая, чувствовал себя на месте одного из принявших любовный вызов, был внутренне готов к этому. И вот теперь представился жизненный случай, по своей сути напоминающий тот, что описал великий поэт. Она мне предложила себя, и я пошел. Правда, речь шла не о жизни, а о мешочке с золотым песком, но кто знает, как это повернется дальше? Ладно, не будем терзаться думами, будем делать дело».

Старательно притушив окурок, сунул его в карман куртки, - на всякий случай, чтобы не оставлять после себя вещественных следов, и снова принялся оглядывать местность метр за метром, исследуя подножье отвесного склона и ближние ледопады. Контейнер нашелся почти рядом, у подножья скалы. Ящик был проломлен в нескольких местах, крышка сорвана и висела на одном шарнире. В самом контейнере ничего не оказалось, но в паре метров от него, в снежной лунке, под тонкой коркой что-то загадочно темнело. Ткнул туда кайком, и сердце екнуло. Понял: там именно то, что он ищет.

Все оказалось до смешного просто. Солнечные лучи проникли сквозь слой снега до поверхности мешочка, лежащего на толстом льду, и расплавили его. Точно так же вытаивают под зимним солнцем и кедровые шишки, которые он частенько подбирает, идя по путику.

Алексей продвинулся вперед. Опершись на каек, нагнулся и извлек из лунки мешочек, наподобие тех, в которых продают дробь. Он и по весу напоминал дробовой. «Килограммов десять, если не больше», - определил Алексей, держа его в обеих руках. Мешочек был зашит толстой нитью, с

которой свисала небольшая пластмассовая пломбочка с выдавленными на ней мелкими буквами и цифрами. Они ничего не говорили непосвященному, но он и так знал: в мешочке - металлы, ради которого на Земле совершены самые тяжкие преступления. «И сейчас одним преступником стало больше», - подсказал ему разум.

Стянул с правого плеча лямку рюкзака (на левом носил ружье), развязал стягивающий шнур и сунул мешочек в нутро сразу потяжелевшего рюкзака. Он вдруг почувствовал озноб азарта. Глаза его сами собой забегали по снежным наметам, и в сторонке приметил еще несколько характерных лунок. Его так и потянуло к ним, но у него нашлись силы охладить азарт.

- Хватит, - жестко сказал сам себе, - его и в одном мешочке - за глаза. - Это ему подсказывал не разум. Предупреждала осторожность, что два мешочка - явный перебор. - Все. Отходи, - приказал сам себе.

Вытащил из кармана рюкзака самодельные лопаточку и совок, с помощью которых выставлял соболиные капканы под след и принялся заматывать собственные следы. В первую очередь тщательно заровнял лунку совком, подсыпав в нее снега и пригладив поверхность. Потом лопаточкой, вскользь, сыпанул снежку, чтобы он тонким слоем рассеялся и придал месту естественный вид нетронутости. Оглядел дело своих рук - получилось ладно. Усмехнулся криво, одной щекой. Вот уж не думал, что под склон лет придется по-воровски заматывать свои следы. Но назад ему теперь пути нету.

Пятясь назад, Алексей подсыпал снег в углубления своей лыжни, заглаживал полукруглым совком и энергичным взмахом лопатки припорашивал сверху. Оставалось еще былинки воткнуть на месте своего отхода, как он это делал для соболей. Но мужики, которые придут сюда, - не дурней его, они наверняка знают охотничьи уловки, и воткнутые былинки выдадут его с головой. Так что это - тоже перебор, от которого надо отказаться.

От контейнера до трупа усатого летчика было метров одиннадцать, и весь этот путь Алексей замел с величайшей тщательностью, не допуская никакой небрежности. Придирчиво посмотрел со стороны - человеческая нога не ступала. Ну а если еще волки набродят да вороны подсуеются, то и вовсе скроют мельчайшие огрехи, коли они есть. Придут спасатели и сразу определят: охотник подходил к трупу усатого летчика, а к золоту, которое они найдут чуть позже, он - ни ногой. Возле трупа Алексей выставил капкан «единичку» прямо на виду. Волка столь мелкий капкан не возьмет, да они, зачуяв его, и не подойдут близко. И это все, что он мог сделать для погибшего. И можно уходить в низы.

Чуть не забыл: сумка Алены. Пришлось снять лыжи и лезть в салон вертолета - искать злополучную сумку. Нашел ее в хвостовой части, за последним сиденьем. Рядом с нею лежал автомат Калашникова. К нему Алексей не прикоснулся, подумав, что спасатели этот факт оценят как надо. Да, мол, охотник в вертолете не шарился. Иначе бы уж что-то, а автомат-то взял бы. Такое оружие нынче в цене, его можно сбить за дорого.

Выбравшись наружу, Алексей подмаскировал снежком вход в нутро вертолета, после чего повесил на тальниковый куст свой закопченный чайный котелок. Теперь сюда ни волки не подойдут, ни вороны не подлетят. Котелок будет их отпугивать неделю, а то и больше.

Теперь пора было уходить, но просто так уйти он не мог - совесть не позволяла. Вдохнув и трижды перекрестившись с поклоном, прошептал: «Царствие вам небесное». Мысленно попросил прощение за свой прегрешения, и медленно побрел в низовье, чувствуя за спиной неуютную тяжесть мешочка.

Время от времени опасливо озирался по сторонам, хотя и понимал: до устья, где подледная Коозу впадает в Пыжу, можно двигаться спокойно. На этом отрезке он никого из людей не встретит, а вот на Пыже может статься всякое. Вполне возможно, что там уже бродят спасатели.

Алексей медленно двигался по следам вспугнутой им волчьей стаи, и волки ему сейчас здорово помогали. Уходя, они среди ледопадов, пропапин и скальных прижимов выбирали самый безопасный и надежный путь. Если бы они вели его до Пыжи, ему бы и задуматься не пришлось, где скатиться с заснеженного валуна и каким краем обойти дымящуюся полынью с черной быстрой водой. Но звери до Пыжи не пойдут, там кормовые уголья другой стаи. Они, скорее всего, выберутся на южный прилабочек, устроят там дневку, а потом, сделав круг, гольцами вернуться к истоку речки Коозу. Но - не скоро.

О поставленных в прошлый раз капканах Алексей не забывал, поглядывал в места постановки. Не прошел и сотни метров, заметил под измочаленными кустами ольхи свежую выбоину. Хороший попался соболек, темненький и с проседью. Поймавший капкан Алексей насторожил заново. Соболи любопытны, их манят потревоженные места и обычно, на выбоине, в заново выставленный капкан влетает и другой любопытствующий кот.

Не успел порадоваться везению, попался еще соболь и точно такой же цветности, то есть парный первому. Из них женская шапочка получится на загляденье. Представил Алену в ней и взволновался. Его залихорадило от азарта, он принялся расставлять капканы на сбежках и даже на одиночных, случайных следах - вдруг пофартит. А еще работал для спасателей. Смотрите, мол, как старательно я опромысливаю уголья. Разве человек, уносящий золото, будет так пластаться ради пушного незавидного заработка?

Да, за спиной у него было золото, но оно совсем не согрело его душу, словно было не его, а чужим, даже в доле. Он привык зарабатывать на кусок хлеба только своими руками и не мог привыкнуть к мысли, что какие-то большие блага могут достаться задаром. Радости Алексей не испытывал от веса мешочка в рюкзаке, его одолевали озабоченность и неясная тревога.

Как Алексей и предвидел, волчьи следы вскоре свернули вправо, на южный склон, постепенно набирая высоту, и затерялись на невидимом со дна русла прилавке. Этим волкам и вправду не было резона спускаться к

Пыже. Там постоянно пасется другая стая, раз в неделю пробегая по замерзшей реке мимо Базовой избушки в верха и обратно. Вообще в последнее время волков в тайге расплодилось сверх всякой меры. Да и немудрено: врагов-то у них, можно сказать, не стало. Штатные охотники ими не занимаются. Тем лишь бы план по соболям сделать, да отловить побольше белок. Волк же в промысловом договоре совсем не значится, будто его и в природе нет. Если кто убивает волка, то случайно, когда ненароком прихватит на мясе. А чтобы специально заниматься отстрелом хищников - таких нынче нет. Волчатники были, да повывелись, перешли на пушного зверя. Причина проста и банальна: за волчью шкуру платят мизер. Премий за уничтожение хищников, как раньше, никто не дает. Отстреливать же волков - занятие трудоемкое, хлопотное и дорогостоящее, оно не по силам охотнику без помощи того же леспромхоза. А леспромхозу - не до волков. Он сам чуть жив, едва концы с концами сводит.

Несколько лет назад, по заданию научно-исследовательского института пушнины и звероводства, в котором Алексей по сию пору числился младшим научным сотрудником, но зарплату уже не получал, оттого что наука в стране захирела, он подсчитал, что стае из шести-семи особей на неделю надо для прокорма, как минимум, одного марала. Значит, в месяц им требуется пять штук. В год - шестьдесят маралов. В угольях Алексея обитает шесть волчьих стай. Это по данным весеннего учета зверей, который он сам проводил. Впрочем, что учет! Он и без учета доподлинно знает, где какая обитает из шести стай. На их годовую прокормку, а марал - основная пища волка, уходит триста шестьдесят маралов! И это только в его угольях. А сколько по всему леспромхозу? Этого никто не считал, но цифры, конечно же - жуткие.

Каждый охотник знает, что маралов в тайге с каждым годом становится все меньше и меньше. Прошлой осенью, после учета зверя по первому снегу, Алексей выступал на предсезонном собрании охотников и привел свои выкладки с поправкой на нынешнее время. И что же? Спорить с ним никто не стал, все согласно кивали головами, даже главный лесничий. Да, так, мол, оно и есть. Но дальше разговоров на волчью тему дело не пошло. Ведь для того, чтобы всерьез заняться хищниками, надо сбить бригаду охотников, снабдить ее карабинами, патронами, транспортом и хорошо оплачивать результаты труда волчатников. А где издыхающий леспромхоз возьмет деньги, если он давно уж рабочим не выдает зарплату и только многодетным семьям выделяет копейки на хлеб? На соболей-то нынче спрос небольшой, что уж говорить о волке? Кому нужна его шкура?

Кто-то из мужиков горько пошутил: «Вот когда у новых русских волчьи дохи войдут в моду, тогда и спрос появится». Ему резонно заметили, что купцы в волчьих дохах в санных экипажах разъезжали, а новые русские - сплошь в «мерседесах» катаются. В легковую иномарку в волчьей дохе не влезешь, да в такой шикарной машине зимой и без шубы тепло. В общем,

посмеялись, облегчили душу шуткой и разошлись. А волчи стаи живут вольготно, и даже днем бегают по лесовозным дорогам вразброд, словно собаки. Шоферы, вывозящие хлысты с лесосек, их частенько видят. Рассказывают, что звери, услышав машину, отходят к обочине и ждут, пока та проедет, а потом спокойно трусят себе дальше. Чего им глубокие снега месить, коли по наезженным, гладким дорогам бежать гораздо легче. И вообще у них наступила жизнь, которой можно позавидовать. Всяким хищникам, в том числе и волкам, российская демократия дала полную волю, отняв надежду выжить у их жертвы.

Размышляя таким образом, Алексей мало-помалу двигался вниз по руслу Коозу, старательно обихаживая попадающиеся на пути ловушки. И когда основная часть ущелья осталась позади, в его рюкзаке лежали пять соболей, что для коозинского продуктивного путика не много, но и не мало - средне.

А в низовье, в туманной пелене, замаячили уже каменные ворота залома. Значит, Пыжа уже совсем близко, и надо не расслабляться, а наоборот - напрячь последние силы. Перед устьем скальные берега смыкались, оставляя только узкий проход, и последняя сотня метров была загромождена всяким хламом, нанесенным весенними и летними паводками. В хаотическом разбросе там и сям торчали кедровые и пихтовые стволы, изломанные, расщепленные, отшлифованные водой и ветрами до бумажной белизны. Древесный лом перевит выдранными с берегов кустарниками и измочаленными пластинами дерна. Все это, вперемешку с валунами, прикаченными сюда дикой водой, создавало искусственную плотину. Речка Коозу, подпитанная к исходу многими ручьями, набирала силу и бунтовала, взламывала сковывающие ее льды. Толстые льдины торосились, громоздились одна на другую. Среди них зияли пустоты, под которыми шумели стремительные потоки, не застывающие даже в сильные морозы, и потому над заломом всегда стелилась туманная дымка.

По залому, через узкую щель каменных ворот, выбраться на Пыжу не было никакой возможности ни человеку, ни зверю - там сам черт ногу сломит. Здесь Алексей пробирался обычно по скалам южного берега, поднимаясь по отвесной стенке высоко над заломом, всякую секунду рискуя сорваться вниз, и уж потом выходил на лесистый склон, по которому и скатывался на Пыжу. Он и сейчас карабкался по этой стенке, осторожно ступая лыжами на острые изломы, придерживаясь свободной рукой за каменные выступы и кусты дикой акации, стараясь не смотреть вниз.

Едва живой от усталости и напряжения, выбрался-таки на заснеженный склон. Отсюда, меж стволами деревьев, проглядывала белая полоса реки. Пыжа - река мощная и красивая, крупнейший приток Оби, была в этих местах зажата крутыми, скалистыми берегами, над которыми дыбились высокие, лохматые горы.

А небо уже заметно меркло, наливаясь вечерней синью, и в тайге становилось сумрачно. Все-таки долго он провозился в Коозу, но спешить и

дальше не надо. Привалившись спиной к кедру, стряхнул с плеч рюкзак и достал мешочек, который по мере уставания все тяжелел и тяжелел. Натянул на него еще один, в котором носил заварку, сахар и сухари - для маскировки. Теперь его нести надо так, чтобы при нужде можно было быстро бросить подальше от путика, за колодину или скалу. Значит, мешочек всегда должен быть под рукой. Подвязал его на быстрый узел к правой лямке рюкзака. Конечно, при ходьбе он будет сильно мешать, зато близко.

На Пыжу скатился с оглядкой. Его старая лыжня давно занесена снегом и едва угадывается, а новую, к его большой радости, никто не проложил. Выходит, спасатели тут еще не появлялись. Были только волчи следы. Они тянулись вдоль правого берега в верховье. Звери прошли тут переходным шагом, след в след. Молодые и переярки не резвились, не выскакивали из строя, и определить численность особей в стае Алексей не смог. Тропка хищников пролегла по занесенной снегом лыжне, и в этом не было ничего удивительного. И человек, и звери опытно выбирали самый удобный и безопасный путь. А потому Алексей опять побрел по волчьей тропе, тем более, что с сумерками, когда снежная белизна реки начала растушевываться, вмятины волчьих следов, залитые синими тенями, выделялись довольно четко и служили как бы путеводной нитью.

Но скоро и ровная строчка тропки хищников растворилась в опустившейся мгле. Тьма наступила почти мгновенно, словно из комнаты вынесли лампу. Месяца пока еще не было, он выкатится на ночной небосклон только через три часа, а к тому времени Алексей уже должен подходить к Базовой избушке. Правда, у него всегда с собою фонарик, и когда допоздна задерживается на путике, то, при необходимости, всегда подсвечивает себе. Сейчас он тоже сильно припозднился, а впереди, в порожистых местах реки, его ждут опасные участки. Там и обширные польныи, и невидимые пропадины на обманчиво ровном снегу, и скользкие вздутия, под которыми таятся ледяные лопушки - пустоты. Провалишься в такую, да затащит под лед, считай - в ледяной могиле.

Днем-то идешь по Пыже и то петляешь с берега на берег, в зависимости от ледовой обстановки, постоянно шупаешь кайком снег перед собой, можно ли ступить, да постукиваешь по гулким панцирям пустот - выдержит ли твой вес вздутый пузырь полого льда. А о ночи и говорить нечего. Ночь - есть ночь. Много неприятных сюрпризов ожидают охотника на этой зимней горной реке, шириною в полста метров. Фонарик у Алексея и сейчас при себе, а включить его да посветить перед собою - рука не поднимается. Нынче он идет по своим уголкам не как хозяин, а пробирается полуночным вором. Лямку рюкзака оттягивает груз, от которого, как говорят мудрые люди, все зло на Земле. Так что свет фонаря только может выдать его. А вдруг где-нибудь впереди таятся спасатели? Нет уж, в темноте ему спокойнее.

Продвигался Алексей медленно, как слепой, шаря перед собою кайком. Но как бы то ни было, а он вполне благополучно миновал половину пути,

посмеялись, облегчили душу шуткой и разошлись. А волчьи стаи живут вольготно, и даже днем бегают по лесовозным дорогам вразброд, словно собаки. Шоферы, вывозящие хлысты с лесосек, их частенько видят. Рассказывают, что звери, заслышав машину, отходят к обочине и ждут, пока та проедет, а потом спокойно трусят себе дальше. Чего им глубокие снега месить, коли по наезженным, гладким дорогам бежать гораздо легче. И вообще у них наступила жизнь, которой можно позавидовать. Всяким хищникам, в том числе и волкам, российская демократия дала полную волю, отняв надежду выжить у их жертвы.

Размышляя таким образом, Алексей мало-помалу двигался вниз по руслу Коозу, старательно обихаживая попадающиеся на пути ловушки. И когда основная часть упелья осталась позади, в его рюкзаке лежали пять соболей, что для коозинского продуктивного путика не много, но и не мало - средне.

А в низовье, в туманной пелене, замаячили уже каменные ворота залома. Значит, Пыжа уже совсем близко, и надо не расслабляться, а наоборот - напрячь последние силы. Перед устьем скальные берега смыкались, оставляя только узкий проход, и последняя сотня метров была загромождена всяким хламом, нанесенным весенними и летними паводками. В хаотическом разбросе там и сям торчали кедровые и пихтовые стволы, изломанные, расщепленные, отшлифованные водой и ветрами до бумажной белизны. Древесный лом перевит выдранными с берегов кустарниками и измочаленными пластами дерна. Все это, вперемешку с валунами, прикрепленными сюда дикой водой, создавало искусственную плотину. Речка Коозу, подпитанная к исходу многими ручьями, набирала силу и бунтовала, взламывала сковывающие ее льды. Толстые льдины торосились, громоздились одна на другую. Среди них зияли пустоты, под которыми шумели стремительные потоки, не застывающие даже в сильные морозы, и потому над заломом всегда стелилась туманная дымка.

По залому, через узкую щель каменных ворот, выбраться на Пыжу не было никакой возможности ни человеку, ни зверю - там сам черт ногу сломит. Здесь Алексей пробирался обычно по скалам южного берега, поднимаясь по отвесной стенке высоко над заломом, всякую секунду рискуя сорваться вниз, и уж потом выходил на лесистый склон, по которому и скатывался на Пыжу. Он и сейчас карабкался по этой стенке, осторожно ступая лыжами на острые изломы, придерживаясь свободной рукой за каменные выступы и кусты дикой акации, стараясь не смотреть вниз.

Едва живой от усталости и напряжения, выбрался-таки на заснеженный склон. Отсюда, меж стволами деревьев, проглядывала белая полоса реки. Пыжа - река мощная и красивая, крупнейший приток Оби, была в этих местах зажата крутыми, скалистыми берегами, над которыми дыбились высокие, лохматые горы.

А небо уже заметно меркло, наливаясь вечерней синью, и в тайге становилось сумрачно. Все-таки долго он провозился в Коозу, но спешить и

дальше не надо. Привалившись спиной к кедру, стряхнул с плеч рюкзак и достал мешочек, который по мере уставания все тяжелел и тяжелел. Натянул на него еще один, в котором носил заварку, сахар и сухари - для маскировки. Теперь его нести надо так, чтобы при нужде можно было быстро бросить подальше от путика, за колодину или скалу. Значит, мешочек всегда должен быть под рукой. Подвязал его на быстрый узел к правой лямке рюкзака. Конечно, при ходьбе он будет сильно мешать, зато близко.

На Пыжу скатился с оглядкой. Его старая лыжня давно занесена снегом и едва угадывается, а новую, к его большой радости, никто не проложил. Выходит, спасатели тут еще не появлялись. Были только волчьи следы. Они тянулись вдоль правого берега в верховье. Звери прошли тут переходным шагом, след в след. Молодые и переярки не резвились, не выскакивали из строя, и определить численность особей в стае Алексей не смог. Тропка хищников пролегалла по занесенной снегом лыжне, и в этом не было ничего удивительного. И человек, и звери опытно выбирали самый удобный и безопасный путь. А потому Алексей опять побрел по волчьей тропе, тем более, что с сумерками, когда снежная белизна реки начала растушевываться, вмятины волчьих следов, залитые синими тенями, выделялись довольно четко и служили как бы путеводной нитью.

Но скоро и ровная строчка тропки хищников растворилась в опустившейся мгле. Тьма наступила почти мгновенно, словно из комнаты вынесли лампу. Месяца пока еще не было, он выкатится на ночной небосклон только через три часа, а к тому времени Алексей уже должен подходить к Базовой избушке. Правда, у него всегда с собою фонарик, и когда допоздна задерживается на путике, то, при необходимости, всегда подсвечивает себе. Сейчас он тоже сильно припозднился, а впереди, в порожистых местах реки, его ждут опасные участки. Там и обширные поляны, и невидимые пропадины на обманчиво ровном снегу, и скользкие вздутия, под которыми таятся ледяные лопушки - пустоты. Провалишься в такую, да затащит под лед, считай - в ледяной могиле.

Днем-то идешь по Пыже и то петляешь с берега на берег, в зависимости от ледовой обстановки, постоянно шупаешь кайком снег перед собой, можно ли ступить, да постукиваешь по гулким панцирям пустот - выдержит ли твой вес вздутый пузырь полого льда. А о ночи и говорить нечего. Ночь - есть ночь. Много неприятных сюрпризов ожидают охотника на этой зимней горной реке, шириною в полста метров. Фонарик у Алексея и сейчас при себе, а включить его да посветить перед собою - рука не поднимается. Нынче он идет по своим угодым не как хозяин, а пробирается полуночным воров. Лямку рюкзака оттягивает груз, от которого, как говорят мудрые люди, все зло на Земле. Так что свет фонаря только может выдать его. А вдруг где-нибудь впереди таятся спасатели? Нет уж, в темноте ему спокойнее.

Продвигался Алексей медленно, как слепой, шаря перед собою кайком. Но как бы то ни было, а он вполне благополучно миновал половину пути,

хотя основательно обессилел и едва переставлял ватные ноги. Мешочек, висящий на лямке рюкзака, постоянно напоминал о себе, при каждом шаге больно колотя его в бок. Наверное, уже синяк набил и надоед - спасу нет. По-доброму-то, надо бы разжечь костерок на берегу, где есть сухой плавник, попить чаю, обсушиться от пота, отдохнуть, потом идти дальше. Костровое местечко у него на Пыже имелось, но боязнь, что увидят огонь, пугала его, и он не решился на короткий привал, оправдывая себя тем, что чайный котелок оставил у вертолета. Со вздохом пробрал костровое место и плелся дальше, шупая кайком снег и лед, по-звериному обострившимся зрением угадывая полыньи и чутко слушая тайгу.

Хоть и не скоро, но без происшествий дотащился до своего своротка. Не чуя ног, поднялся на каменистый прилавок Базовой и там, вблизи избушки, не сходя с лыжни, с облегчением избавился от надоевшего мешочка. Сунул его в основание сугроба, старательно пригладив место схрона. Тут и месяц выкатился из-за горы за Пыжой, серебристо высветил окрестности. Возле избушки - снежная целина, чужой лыжни не оказалось. Алексей сильно переживал, что пока он ходит в Коозу, в Купеческую нагрянут гости. Слава Богу, не нагрянули. К Базовой избушке никто из верховий Пыжи не приходил, и путик в сторону Купеческой тоже девственно чист, занесен снегом.

Волки, впрочем, тут побывали. В свете месяца разглядел их наброды, ведущие к жерди, прибитой между двух кедров. На жерди висела старая маралья шкура, которую они, наверняка, потрепали. Ну да пускай, не жаль бросовой шкуры. Жалко, капканов-«пятерок» там не оказалось. Один бы точно тосковал в капкане. Но возле избушек, да и вообще вдоль путиков он «пятерки» не выставлял, только «нулевки» и «единички». Опасался, как бы кобель не залетел в крупный капкан и не остался без лапы.

Кое-как стряхнул с ног лыжи, успевшие примерзнуть к обуткам, приклонил их к стенке избушки. Повесил на гвоздь ружье и рюкзак, отворил скрипучую дверь и вошел внутрь. На него пахло духом давно выставшего жилья. Подсвечивая себе фонариком - теперь опасаться было нечего, опустился на колени перед печкой. Открыв дверцу, чиркнул спичкой и поджег свиток бересты, готовно лежащей под поленьями. Мысленно похвалил себя, что перед уходом непременно заряжает печку сухими дровами. Ведь приходит сюда измотанный, где уж там за дровами в сени идти, скорее бы затопить печь и упасть на нары.

В печи весело затрещала береста, веселя душу. Алексей засветил лампу и повалился на нары. Ноги гудели и уже почти не держали его. Надо было хоть немного отлежаться, а уж потом встать и приняться за дела: занести соболей, разморозить их да обсыять, а на это уйдет много времени.

- На лежку - десять минут, - проговорил Алексей строго. И ворчливо добавил: - Да глаза не закрывай. А то уснешь. Слышишь?

- Слышу, - сам и отозвался вялым голосом.

Иногда он приказывал или советовал себе вслух. Сказанные им слова звучали не только от самого себя, но и как бы со стороны, из уст человека, желающего ему добра и потому воспринимались по-особенному весомо, не прислушаться к которым никак нельзя.

Алексей давно заметил за собой эту странную особенность - не просто думать вслух, а именно разговаривать с собой. То ли это от таежного безлюдья, когда начинаешь забывать человеческую речь, и хочется пообщаться пусть даже с собой, то ли ради развлечения - сам того не знал. Порой ему казалось, что это говорит другой человек, незримо живущий рядом с ним и даже подумалось: «А может моим голосом со мной разговаривает мой ангел-хранитель? Любопытно было бы побеседовать с ним по душам. Наверняка, он рассказал бы обо мне кучу интересного, чего и сам не знаю».

Великодушно позволенные себе десять минут лежки были нужны не только для отдыха, но и чтобы акклиматизироваться в Базовой. И хотя во всех его зимовейках был не слишком-то разный, но различия все-таки есть. У каждой избушки - своя судьба, своя крыша и свои заботы. И поэтому ему сейчас необходимы минуты затишья, чтобы вжиться в обстановку, которую за дни двухнедельного отсутствия уже подзабыл.

В последнее время Алексей с грустью заметил в себе и эту, новую особенность: приходя из одной избушки в другую, он некоторое время пребывает в странной прострации, не зная за что взялся, словно попал в чужое жилье. «Видно, годы дают себя знать, коли с переменной мест мой умишко потерял способность шустро вживаться в новое, - подумалось Алексею с горечью. - Да, старею. И потому, наверно, шибко заторопился все наверстать, что пропустил в своей жизни, не согретой любовью женщины. Это как ночлег без огня в печи. Ну, да ладно... Что возьму, то и мое. И никто у меня этого не отнимет».

Ровно через десять минут он поднялся. Занес рюкзак и развесил оттаивать соболей. Сумку Алены тоже повесил на гвоздь, бережно протерев рукавом свитера. Подбросил в печку дров, принес из речки Турги ведро воды и поставил чайник. Варить ничего не стал. Все равно завтра уходить, да и не хотелось возиться - лезть на крышу, сбрасывать мясо и рубить его. Слишком много мороки. И поймал себя на мысли, что готовить ужин на одного - нет никакого настроения. Вот если бы тут была Алена...

Решил перебиться салом и сухарями. Достал из подполья стеклянную банку квашеной с клюквой капусты и баночку черносмородинового варенья. Это он завтра унесет в Купеческую, для Алены. А сам попьет чаю с сахаром.

Переодевшись в сухое, с кружкой парящего чая, салом и сухарями сел к столу и включил транзисторный приемник. Крутил ручку настройки и щелкал переключателем диапазонов, но из черного пластмассового ящичка неслись только посвистывания, шорохи и трески. Вроде, и приемник не из

слабых, и батарейки нормальные, а поймать здесь что-нибудь путнее - заматся. И причиной тому - обступившие со всех сторон горы. Поймать же Алексею хотелось Барнаул или Горно-Алтайск и послушать последние известия. Вдруг да про вертолет что скажут. По опыту он уже знал, что найти барнаульскую волну трудно. Видно, радиостанция там такая слабенькая, что сигналы ее едва долетают за три с половиной сотни километров по прямой. Горно-Алтайск ловится лучше, он - ближе, но в это позднее время уже закончил трансляцию. И Новосибирск ненадежен для приема. Из сибирских городов почему-то только Томск всегда на связи, и никакие горы ему не мешают.

Поймал томскую волну. Там передавали старинные русские песни, протяжные и печальные. Они вызвали в нем глубинную грусть, которой он давно не испытывал. В памяти возникло лицо Алены. По-особенному остро он осознал, что с ее именем шел в Коозу брат чужое золото, и все, что сейчас делал и еще совершит в будущем - ради нее. Потому что весь он заполнен ею без остатка. И ему вдруг стало жаль себя, потерявшего покой на закате лет, отягощенного любовными помыслами. Даже глаза защищало.

- Поплакать, что ли? - спросил он себя, и сам же ответил: - Не поможет.

В десять часов на томской волне послышались знакомые позывные радио России, и в выпуске последних новостей Алексей услышал наконец то, ради чего нетерпеливо крутил ручку настройки приемника.

«В горах Алтая продолжаются поиски пропавшего вертолета МИ-8 с грузом приискового золота на борту, двумя членами экипажа и тремя сопровождающими. Как мы уже сообщали, двадцать третьего ноября с вертолетом прервалась связь, и он не прибыл в аэропорт назначения - Горно-Алтайск. Экстренные поиски были затруднены сложными метеоусловиями - в горах несколько дней шли сильные снегопады. Сейчас, с наступлением ясной погоды, группы спасателей продолжили поиски вдоль всей трассы вертолета».

В груди Алексея повеяло холодком.

- Даже Москва знает, - проговорил он мрачно. Все, что передало радио, ему было известно и раньше, но, услышав скорбный голос московского диктора, получил как бы официальное подтверждение и осознал, насколько это серьезно.

Выключив радио, он принялся ходить по избушке из угла в угол. На глаза попала сумка Алены. Снял ее со стены и, поразмыслив несколько секунд, расстегнул замок. Среди необходимых в дороге женских вещей нашел бумажник. Был в нем и паспорт. Открыл его. На фотографии Алена выглядела совсем юной, почти девочкой, ее даже трудно было узнать.

Летяева Алена Владимировна, - прочел он вслух. - Русская. - Полистал страницы. - Место жительства: Барнаул, проспект Ленина... - Усмехнулся. - В самом центре живет. Надо адрес запомнить на всякий случай. О замужестве штампа нет. Значит незамужняя... И на том спасибо.

Закрыв паспорт и сунул обратно в бумажник, где на глаза попала небольшая цветная, явно любительская фотография Алены. Снята она была, судя по обстановке, в своей конторе, за письменным столом, и тут выглядела взрослее. Он залюбовался ею, не в силах оторвать глаз.

- Прихватизировать бы эту фотку на память, - проговорил мечтательно, - но нельзя. Неловко. - И, вложив фотографию в бумажник, закрыл сумку, положил ее в рюкзак. Принялся снова ходить по избушке, не находя себе места.

Взял с полки томик Пушкина, открыл «Египетские ночи», прочел вслух:

Клянусь - до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю
И всеми тайнами лобзанья,
И дивной негой утолю.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь - под смертною секирой
Глава счастливых отпадет.

С шумом захлопнул книгу, проговорил мрачно:

- Отпадет. Это уж точно. - И положил томик на место.

Снова походил по избушке. Взгляд его упал на радиоприемник. Шагнул к нему, вынул батарейки и бросил их в помойное ведро. Прodelал это по наитию. Чувствовал: так надо. Про золото он ничего не слышал. Ни от Алены, ни по радио.

Неуютно ему было в избушке, душа не на месте. Он уже заранее предвидел, какие сны его посетят нынешней ночью. Если, конечно, уснет. И чтобы занять голову и руки, принялся обнимывать соболей.

Но уснул он довольно скоро, едва потушив лампу и даже не облежавшись на нарах. Никакие ужасы ему не снились. Среди ночи он проснулся, захотелось на двор. В этом ничего особенного не было: обезводившись за день, с вечера выпил много чаю. Привычно сунув ноги в короткие валенки, Алексей уже хотел было подняться с нар и идти, но замешкался. На противоположных нарах, за столом, маячил полупрозрачный силуэт человека, как бы слабо светящийся изнутри, и это придержало его. Пригляделся. Что-то знакомое виделось ему в фигуре и в позе неожиданного гостя. Кажется, он здорово смахивал на него самого, и у Алексея даже возникло ощущение, будто глядит в мутное, слабо освещенное зеркало.

- Совсем плохой стал, - усмехнулся он над собой, - уже призраки мерещатся.

Его зеркальный двойник, однако, не шевельнул губами и усмешки не повторил, а глядел на Алексея с грустной укоризной.

- Не понял, - проговорил Алексей встревоженно. - Вроде, я и не я. Ты кто?

- Что, не узнаешь? - послышался тихий, поразительно знакомый голос, в котором Алексей узнал свои интонации.

- Нет, - отозвался Алексей, хотя кривил душой. Он уже догадывался, кто перед ним и от неожиданности растерялся.

- Ты сегодня вспоминал меня. Даже побеседовать мечтал.

- Так ты это... Ангел-хранитель?

- Наконец-то дошло... Туго соображать стал. Стареешь.

- Наверно, - сдержанно признался Алексей.

- Так о чем ты хотел поговорить-то?

- Да знаешь, все так неожиданно, что я в полном трансе.

- Мне что, исчезнуть? Раз спросить нечего.

- Сиди, коли пришел. Значит, ты оберегаешь меня?

- Стараюсь.

- Ну и как, трудно?

- А сам как думаешь?

- Вообще-то я не подарок.

- Это уж точно. Не подарок. Но раньше мне было спокойнее, а вот последние дни я просто в панике. Потому и появился.

- Что, есть причины?

Тот улыбнулся с мягкой грустью.

- Леша, зачем со мной-то лукавить? Я же тебя знаю, как облупленного.

Ты хоть сам-то понимаешь, что творишь? В таком возрасте круто менять свою жизнь - сумасшествие. Вот связался с золотом, а подумал, хватит ли сил такую тяжесть нести в душе? Сможешь ли жить в постоянном страхе, что тебя в конце концов вычислят и, в лучшем случае, загремишь в зону?

- А в худшем?

- Не догадываешься? Ты украл у мафии, а она не прощает. Эх, Леха, Леха... Я - лучшее, что в тебе есть. Я - островок твоей чистой, непорочной души. Крошечный островок. Мне места в твоей душе уже не остается. Я уж и так и эдак подлазил к тебе, старался предупредить, но - бесполезно. Ты меня совсем перестал слышать. А это для тебя губительно.

- Вообще-то я интуитивно чувствовал какое-то беспокойство, - признался Алексей. - Слабое, неясное.

- Интуитивно, - с горькой усмешкой повторил силуэт напротив. - То, что ты называешь интуицией - это мое обращение к тебе. Это мой неслышимый голос, которым я предостерегаю тебя от неверного шага. Я пытаюсь повлиять на тебя всяко, даже сновидением, которое ты сможешь разгадать, настроением. Раньше мне удавалось оградить тебя от неверного шага, а сейчас не уверен, что спасу тебя как ангел-хранитель. Мне больно на тебя глядеть. И больно это говорить.

- Что, мои дела совсем плохи? - мрачно спросил Алексей.

- Плохи, Леша.

- Хочешь сказать, поймают с мешочком?

- Я говорю о состоянии твоей души.

- Ну, а ты можешь сделать так, чтоб не поймали?

- Вербуйешь меня в соучастники? Бесполезно, ведь я - твоя совесть. Точнее, то, что от нее осталось - крошечный живой островок.

- Скажи честно: ты знаешь, что конкретно со мной будет дальше?

- Предувижу. Потому и предостерегаю.

- Не хочешь сказать.

- Детали не столь важны, как сама суть.

- Ладно... Ты же знаешь, ради кого я пошел на это дело.

- Ради Алены.

- До нее я жил как животное. Ел, пил, работал и - никаких радостей. Душа была словно в потемках. Теперь я увидел свет и почувствовал себя человеком. У меня такого еще не было. Я люблю. Слышишь?

Ответа он не услышал и спросил:

- Осуждаешь?

- Любовь не подсудна. Подсудно воровство.

- Но если я не принесу ей мешочек, то не получу ее. Понимаешь? Мне жизни не жалко, лишь бы побыть с нею. Потом - хоть к черту в зубы.

- Значит, ты не услышал меня.

- Выходит так. Теперь что, отречешься от меня?

- Не отрекись. Я с тобой - до последней секунды. Такова моя доля.

- Да? Ну, хоть за это спасибо. Вдвоем, говорят, и помирать веселей. - Алексей нашарил на столе сигареты. В свете горящей спички попытался разглядеть сидящего напротив, но там никого не было. На бревенчатой стене слабо светился блик из окна.

- Померещилось, что ли? - устало проговорил Алексей и вышел на волю.

Над черными свечами пихт светил белый месяц. С морозного неба сыпалась серебристая изморозь. Слышно было, как звонко лопаются наледь в речке. И тишина стояла завораживающая.

«Господи, в какой красоте я живу, - подумалось ему, - где еще найду такую? И вообще, чего искать, когда все давно найдено?» С этими мыслями он и вернулся в избушку.

* * *

Как ни рвался Алексей поскорее добраться до Купеческой избушки и предстать перед Аленой победителем, но собирался он туда неспешно, пережидая опасное время. Если сегодня, не дай Бог, к нему собираются поисковики или решили нагрянуть егери с контрольной проверкой добычи соболей, а попросту - считать выбоины, то добираться им придется только на вахтовом автобусе или на лесовозных камазах, больше не на чем. Машины из Иогача выезжают в восемь утра. Полтора часа ползут по перевалам до пыжинского своротка. Это уже - девять тридцать. Да еще три километра по реке на лыжах - полчаса. Значит, в десять должны появиться в Базовой.

Прибросил еще пару часов на всякие непредвиденные задержки, и ровно в двенадцать, не дождавшись никого и вздохнув с облегчением (а переволновался он за долгие часы ожидания до изнеможения), ступил, наконец, на верхний путик.

Погодка стояла славная: морозец, солнышко, все вокруг искрится и радуется новому дню. И у Алексея настроение отчаянно-праздничное, как у жениха перед первой брачной ночью. Вот только в бок, при каждом шаге, опять тычется надоевший мешочек. Конечно, лучше бы его оставить где-нибудь внизу, а не тащить почти к гольцам и потом обратно, но Алена на слово не поверит, что он принес то, о чем говорили. Она заранее предупредила: «Только сюда. Я должна убедиться». Так что этот мешочек - доказательство его удачного похода в Коозу, дающий ему право на близость с ней. И Алenu он возьмет этой же ночью.

«Только бы никто не помешал, - свербила в голове беспокойная мысль. - Трое суток ко мне - ни души, а потом что угодно. Согласен на все».

Вспомнил пригрезившегося ангела-хранителя, с которым так и не нашел общего языка, и мысленно продолжил с ним спор: «Ну, жил я всю жизнь по-совести, а что нажил? Ни достатка в доме, ни счастья в душе. Сплошное прозябание. Верно поется в песне: «А для звезды, что сорвалась и падает, есть только миг, ослепительный миг». Крепко сказано. А у Пушкина в «Онегине»? - И Алексей мысленно продекламировал:

Пускай погибну я, но прежде
Я в ослепительной надежде...

«Да, классики умели любить и чувствовать, на то они и классики. Тот же Пушкин... Ослепительно сверкнул и сторел. А свет от него остался... Ох, что-то меня нынче на лирику потянуло. Оправдываю ею себя. Защитная реакция».

Душа рвалась вперед, к Купеческой, но он умеривал прыть, шептал:
- Я никуда не спешу. Я работаю.

И шел неспешным шагом, обихаживая ловушки. Путик от Базовой до Купеческой считался проходным, малопродуктивным, но одного соболька и трех белок он, по ходу, все-таки взял, что было большим везением. Через два с небольшим часа учуял в воздухе запах жилого дымка, разглядел вдали, под кедром, темные бревна стен и заснеженную крышу Купеческой, отчего теплая волна плеснулась под сердцем.

Заблажил под навесом кобель, услышав шорох лыж, он узнал хозяина и закрутился на привязи, визгливо взылавая.

На волю вышла Алена в накинутой на плечи шубке, неземная, прекрасная, воистину - небесное создание. Увидел ее - и сердчишко затрепыхалось, будто белка в петле. До чего же хороша, глаз не отвести. Ради такой пойдем к черту на рога - не задумасься. И если еще оставалась тень сомнений в тайном уголке его существа, то она сразу же истаяла, как туманная дымка под солнцем.

- Ну, здравствуй, красавица, - произнес Алексей дрогнувшим от волнения голосом, буквально пожирая ее глазами.

- Привет, - ответила она, улыбнувшись белозубо, но сдержанно, оглядывая его изучающе, с немым вопросом.

- Вот, - сказал он, показав глазами на висящий у пояса мешочек. Движением фокусника отделил его от лямки рюкзака, и подал на вытянутой руке.

- Это - твое.

Она с готовностью протянула руки, но удержать не смогла, и мешочек тяжело упал к ее ногам.

- Какой увесистый, - возбужденно рассмеялась она, блестя глазами. - А почему только один? Где же второй?

- Второго нет. Они там слишком кучно лежат. Взять два - сразу заметно будет. Махом поймут, что взято. Да, в общем-то, и одного - за глаза. Его тут килограммов десять, если не больше.

- Ну, один так один, - согласилась она с легким вздохом. - Неси в дом. А он все любовался ею, насмотреться не мог.

- Гляжу, ты уже без костылька.

- Обхожусь; как видишь. И шину сняла.

- А общее самочувствие?

- Теперь - почти прекрасное.

- Рад это слышать.

- Отвяжи Дымка. Ему надоело на привязи. Он так выл, когда ты ушел.

- Отвяжу, когда разберемся с этим, - кивнул на мешочек. - А пока пусть стережет. Мало ли что. Ночью-то не страшно было?

- Еще как страшно! К каждому шороху прислушивалась. А когда Дымок залаял среди ночи, думала кончусь от ужаса. С головой в мешок залезла и дрожала там, ни жива ни мертва.

- Это он на белку-летягу лаял. Она верхами приходит на кедр.

- Мне-то откуда знать, кто пришел. Чуть с ума не сошла.

- Ничего, ты страдала не зря.

В избушке они разделись и сели к столу. Алексей высвободил главный мешочек из продуктового и поставил перед Аленой. Она внимательно оглядела его, поворачивая к свету из окна то одним, то другим боком, изучила пломбочку.

- Десять кило, двести тридцать четыре грамма, - произнесла торжественно.

- Где это написано?

- А вот на бирке. Она между краями верхнего шва.

- Я ее в спешке не разглядел.

- Но вес ты определил почти точно.

- Вес - весом, а ты уверена, что внутри именно это? - спросил он, делая ударение на последнем слове. «Золото» они по молчаливой договоренности не произносили, словно оба побавивались этого слова.

- Уверена, - кивнула Алена.
- Надо глянуть, что внутри. Все равно придется вскрывать. То, что там есть, пересыпем куда-нибудь, а от фирменного мешочка лучше избавиться. Согласна?

- Молодец, хорошо соображаешь, - похвалила Алена. - Так и сделаем. Потом, если у тебя это найдут, попробуй докажи, что из вертолета. Может, сам намыл. Ведь есть же по тасжным речкам россыпи.

- Тоже верно. Только сначала надо найти подходящую тару.

Полез под нары с фонариком и выкатил оттуда литровую пластиковую бутылку из-под кока-колы, невесть как туда попавшую.

Алена рассмеялась.

- А говорил, кока-колы не держишь. Еще надо мной подсмеивался.

- Это не я принес. Летом тут всякий люд шарится. И корневишки, и браконьеры за кабарожьей струей, и тайные старатели. Они и притащили сюда этот плод российского рынка. Обнищали штатные охотнички, зато емкостей разных много стало в избушках. Там и стеклянные баночки с пластмассовыми крышками, и вот бутылки. Продукты в них хранить удобно, - мыши не потравят, да и носить легко. Как говорится, нет худа без добра. - Вытер бутылку тряпочкой и оценивающе повертел в руках. - Объем, думаю, хватит. - Подложил под стоящий на столе мешочек кусок полиэтиленовой пленки, вынул из ножен охотничий нож и, зацепив острием лезвия нить шва, спросил Алену, неотрывно наблюдающую за его приготовлениями:

- Ну что, будем резать?

- Режь, - прошептала Алена, придвинувшись поближе.

С легким треском лопнула нить. Сделав прорезь по всему шву, Алексей раздвинул края мешочка, подвернул их немного и отклонился, давая Алене право первой заглянуть внутрь, что она тотчас и сделала.

Там был золотой песок с мелкими самородками.

- Ну, видишь? - произнесла она горячим шепотом, шевеля тонким пальчиком рыжий песок и поддевая облесшим от лака ноготком пластинчатый самородочек. - Что молчишь? Скажи, - уже требовала она.

- Вижу, - ответил он глухо. - Здесь - целое состояние. - Взял с полки потрепанный журнал «Охота и охотничье хозяйство», оторвал обложку, свернул из нее воронку. - Давай, пересыпем в бутылку.

Пересыпали с предосторожностями, чтобы ни одна песчинка не упала на пол. Бутылка оказалась заполненной больше, чем наполовину.

- А была бы полная, знаешь, сколько бы весила? - спросил он, туго закручивая пластмассовую крышечку.

- Десять килограмм, триста граммов, - даже не задумавшись произнесла Алена, будто ответ у нее давно был готов, и завороченно глядела на тяжелую бутылку в руках Алексея. - Но ты же не захотел, чтобы она была полная.

- Говорю же, нельзя было. Перебор был бы. Я это всем нутром чувствовал. Дай-то Бог, хоть это сохранить.

Мешочек с plombочкой Алексей сунул в печку, подложив туда еще дров и с удовлетворением понаблюдав, как огонь быстро пожирал плоть мешковины. На потяжелевшую пластиковую бутылку надел три полиэтиленовых пакета, плотно увязав их тонким капроновым шнуром. Сверху натянул еще матерчатый. Засунул внутрь стреляную папковую гильзу. «Для запаха, - пояснил недоумевающей Алене, - чтоб звери не погрызли». Этот верхний мешочек он тоже туго обвязал. Перебросил из руки в руку, как бы проверяя надежность упаковки, спросил:

- Ну и куда его теперь?

- Спрятать, где понадежнее. Пусть полежит, пока все устроится... Ты в Барнауле часто бываешь?

- Раз в год. Соболей там сбываю.

- Когда сможешь приехать?

- Не знаю. Наверно, ближе к лету.

- Но у вас же в феврале охота кончается. Выйдешь из тайги и привезешь.

- Боюсь, не получится. На выходе из тайги меня с этим добром заметут.

- А когда?

- Ближе к лету.

Она сделала недовольную гримаску.

- Это долго.

- Зато надежнее. Меня тут за зиму еще не раз придут тропить. Бутылку, наверно, придется унести подальше от избушки. Так что надо выждать. И чем дольше, тем лучше. Уж поверь старому браконьеру. В смысле, браконьеру. Но это я пошутил. А пока пошли закурем рыжий песок.

- Ну и словечки у тебя. Раньше таких от тебя не слыхала.

- Хотелось сказать: «Осваиваю лагерный жаргон. На будущее. Да и тебе не мешало бы поучиться». Но не сказал даже в шутку, пожалел ее.

Они оделись и вышли из избушки. Остывающее солнце красным шаром зависло над водораздельным хребтом, пронзив алым золотом щетину деревьев на острой релке. Загудел еще один короткий зимний день.

- Нам надо спуститься к речке, - сказал Алексей. - Только там очень крутая тропинка. Как нога-то? Сможешь?

- Попробую. Нога уже почти не болит.

- Я пойду чуть впереди, а ты держись за меня крепче. - И он взял ее под руку, придерживая на крутом, убродном склоне.

Потихоньку они сошли вниз, к затянувшейся проруби, где под тонким льдом клочкотала стремительная вода, и он пожалел, что спуск уже кончился, и локоть Алены пришлось отпустить. А ему так отраднo было держать ее, слушать близкое дыхание, всем своим существом ощущать ее близость, что сердце заходило от нежности и благодарности. «Какое это счастье - быть рядом с ней. Наблюдать ее движения, такие плавные и женственные,

слышать ее мягкий напевный голос, смену выражений на лице и тихий, загадочный смех. Как это много... Мне бы ее в жены, день и ночь бы благодарил судьбу».

Речушка в этом месте была узкой, зажатой скалами и валунами, прикаченными с гольцов в большую воду, а подступы перевиты вездесущим тальником и ольховником, густо обрамляющими берега. На другом берегу, сразу за чапыхником, тоже громоздились скалы, меж которых высились порозовевшие от закатного солнца прогонистые кедр.

Алексей задумчиво покачал тяжелый сверток в руке.

- Знаешь, раньше, до этой демократии, если хоть одного соболя сверх лицензии добудешь, да об этом дознаются - дичайший скандал. Штраф, выговор и прочее. Ну, а если несколько лишних котов - хуже беды. Могли и права охоты лишить, и угодыя отобрать, даже уголовное дело пришить. И вот охотнички лишних собольков подсаживали и засовывали в стеклянную банку. Обычно, в литровую. В нее пара котов хорошо входит. Закрывали капроновой крышкой, обматывали тряпкой, потом - в полиэтиленовый мешочек, куда не забывали сунуть стреляную гильзу и бросали, примерно, во-он туда. В густоту тальника. Там ложбинка. Отсюда ее не видать, а лыжня туда не пробита. Кто догадается, что там у меня - схран? Вот и лежат шкурки в банках до весенней травы. После промысла, на выходе из тайги, нас здорово шмонали егеря и менты. Наглецы были жуткие. Охотничек всю зиму пластается, ноги бьет по увалам, недоедает, недосыпает, добудет лишнюю пару шкурок для себя, а эти волки найдут у него и заберут и - с концами. А если вякнешь, еще хуже будет, дело сошьют. Вся власть - у них. Беспредел. Представляешь, даже разували на снегу. Приказывали обутки снять. Вдруг ты вместо портянки соболей намотал. Даже вспоминать противно. Это теперь с соболями проблем не стало. Только налево задорого не продашь. Лопнула государственная монополия на пушнину. Перекупщикам сбываем. А они разве много дадут? Да вот беда, перекупщики нынче все больше кабарожьими пуповинами интересуются, чем соболями.

- А зачем им эти пуповины?

- Ну, во-первых, кабарожья струя придает духам стойкость. Для парфюмерии она - ценнейшее сырье...

- Они что, сами духи делают?

Алексей рассмеялся.

- Нет, Аленушка, духи - не самопальная водка. Их самому не сделать. Перекупщики пуповины сбывают тем, кто наркотики возит. Если струей кабарги обработать упаковки с наркотой, ни одна собака не учует.

- Даже не знала таких тонкостей. Ты тоже продавал эти пупки?

Алексей с виноватой ухмылкой потупился.

- Было...

- Будем надеяться, больше не придется. Ты теперь богатый человек, Алексей. Ты хоть это чувствуешь? Ну, скажи.

- Чувствую, - кивнул Алексей, и начал раскачивать руку со свертком, а, раскачав, с силой запустил его в прискальный тальник на другом берегу, где он благополучно ушел под невидимый отсюда снег.

Алена проследила траекторию свертка, спросила с сомнением:

- А ты его потом найдешь?

- В Коозу нашел, а уж здесь-то...

- Какое дикое название - Коозу.

- Совсем не дикое, алтайское. Я интересовался этим названием. Нашел его в топонимическом словаре. Оно дословно переводится так: «древняя надмогильная каменная плита, врытая ребром в землю».

- Какой кошмар, - скорбно прошептала Алена. - Там, наверно, ужасно было, да? - И ее большие, серые глаза округлились. Алексей уже заметил у нее эту особинку: при сильном волнении глаза округляются, темнеют, становятся глубокими-глубокими, с фиалковым отливом.

- Да, милая моя. - Он впервые назвал ее так ласково, ощутил под сердцем сладкую истому. - Ужаснее некуда. Там волки...

- Как, волки? Зачем?..

Он молчал, и по его жестко сжатым губам она поняла все.

- Как это страшно... - произнесли ее дрогнувшие губы. - Даже слов нет.

- Я себя там тоже волком почувствовал... - Поморщился и отчаянно махнул рукой. - Ладно, не будем вспоминать. Чего зря надирать душу. Пошли в избушку. Видишь, смеркается. - Взял ее под руку и повел вверх по тропинке, но вдруг, спохватившись, рассмеялся и хлопнул себя рукой по боку. - Совсем из головы выпало с этим мешочком! - вскричал он возбужденно. - Почему ты про свою сумку не спрашиваешь? Так вот, я ее принес!

- Правда? Ой, какой ты молодец!

- За нее - лишний поцелуй.

- Глупый, - смущенно улыбнулась она, - лишних поцелуев не бывает.

- Хотел сказать, тысячу первый.

- Губ не хватит.

- Всего хватит!

- Какой ты самонадеянный, однако, - рассмеялась и долгим взглядом посмотрела в его глаза - с интересом.

- Такой уж есть. Кстати, сегодня - суббота. Банный день. Помыться нет желания? Лично я пропотел, как конь.

- С радостью бы помылась. Но где баня?

- Да прямо здесь, перед навесом.

- Прямо на снегу?

- На снегу. Я это делаю так. Жарко топлю печку, нагреваю воды. Намыливаю у печки. Потом беру ведро с кружкой, на воле смываю с себя мыло и ополаскиваюсь. А чтобы не стоять босыми ногами на снегу, выкладываю поленья. Но для тебя застелю их еще и соболями. Хочешь?

Она зябко передернула плечиками в своей шубке.

- Холодно же.

- Ничуть. Наоборот - жарко. Ты даже не представляешь, какое это наслаждение. Представь: вокруг - тайга, ночь, светит молодой месяц, а ты, обнаженная, стоишь на соболях и обливаешься горячей водой. И вся окутана паром. Экзотика! Век не забудешь! Ну? - Он порывисто шагнул к кедру и потянул с его ветвей длинные бледно-зеленые пушистые нити, густо свисающие от вершины до самого подножья.

- Я все хотела спросить: что это за украшения? Такое впечатление, будто кто-то к Новому году наряжает деревья.

- Это бородульник. Лишайник такой, - пояснил Алексей, сматывая пучок нитей в тугой клубок. - Кабарга питается исключительно одним бородульником.

- Ты хочешь и меня им накормить?

- Нет, это будет вехотка. Когда ею натираешься, ласкает кожу, как бархат. Удивительно нежные прикосновения. Даже сравнить не с чем.

- Искуситель, - капризно улыбалась Алена, поблескивая ровными зубками. - Ты заинтриговываешь меня. Так, чего доброго, и соглашусь на эту экзотику.

- А куда денешься. Где ты еще такое испытаешь? Все ваши сауны - ерунда по сравнению с купанием при луне. В общем, иди и готовься.

- А ты отпусти собачку. Ей так скучно на привязи.

- Только ради тебя, - сказал таким тоном, словно шел на большую уступку и смеясь глазами. Отпущенный Дымок, обретя свободу, дал круг вокруг избушки, разминая лапы и, на махах, умчался в сумрачный кедр.

Алексей затопил печку, наносил воды и поставил греться, а сам, уже при свете лампы, сел к столу бриться. Алена задумчиво лежала на овчине перед раскрытой косметичкой.

- Как я ужасно выгляжу, - вздохнула она, глядясь в крохотное, темное зеркальце. - Не крашенная, лак на ногтях облез. Чучелка да и только.

- Не наговаривай на себя, - сказал Алексей, морщась от боли. Туповатое лезвие едва соскребало со щек запущенную седеющую щетину. - Ты чудесно выглядишь. Чистый горный воздух действует лучше всей вашей макияжной химии. Кожа на твоём лице свежая-свежая и румяная, а на щечках такой нежный пушок. Как у персика. Ты тут стала еще моложе.

- В темноте видишь?

- А я у проруби на тебя смотрел и любовался. Как ты хороша, Аленушка. Даже сама не знаешь своей прелести. А я так вообще не догадывался, что такие девушки есть на свете. Одним словом - небесное создание. И этим все сказано.

- Ну ты и плейбой, Алексей, - усмехнулась она задумчиво. - Пожилой плейбой. Морочишь девке голову. Пудришь ей мозги.

- Стараюсь изо всех сил. Вот сейчас побреюсь, лет десять сброшу, тогда еще не то будет. Как там у нас вода? О, из ведра парит вовсю. Готовься, мняла.

- Ой, даже не знаю...

- А чего знать? Раздевайся и будем мыться.

- Мне неловко.

Алексей закончил бритье и увернул фитиль лампы.

- А теперь? - спросил он. - На дворе и то светлее. Там луна.

Алена вздохнула и промолчала.

Алексей спокойно разделся и, стоя у раскаленной печки на пластах кедровой коры, снятой с чурок, позвал легким голосом:

- Иди, я тебя вымою. Буду массажировать твоё тело этой природной, экологически чистой бархатной мочалкой бережно и нежно. Вымою тебя так ласково и осторожно, как тебя в детстве мыла только мама. Хочешь вспомнить розовое детство? Тогда давай скоренько ко мне.

- Ну и сладко же ты поешь. Тебе бы рекламным агентом устроиться, отбоя бы от покупателей не было. Какой талант пропадает.

- Это не реклама, это на самом деле так. Не веришь - убедись сама.

Алена немного помешкала, решаясь, еще шумно вздохнула с досадой, давая понять, какой он неотвязный и зашуршала одеждой. Она приблизилась к нему, как призрак, молочно проступая обнаженным телом из сумрака.

- Ну вот и молодец. Умная девочка. Головку моею или нет?

- Вообще-то я бы вся вымылась. И волосы. Чтобы смыть с себя все-все, что было раньше. И стать новой и чистой. И все начать заново. Так можно? Скажи.

- Давай, попробуем, - он принял ее игру. - Должно получиться, если ты этого очень-очень хочешь.

- Да, очень-очень, - произнесла она пылко.

- Тогда все будет, как желаешь. Мыло у нас, правда, самое обыкновенное туалетное. Зато вода - горная, с самых гольцов, чистейшая и мягкая-мягкая, как шелок. Она омолаживает человека. И еще есть у нас необыкновенная вехотка. Может, даже волшебная. Она ведь из таинственного лишайника, который украшает таежные деревья. - Он обтер Алену горячим, влажным полотенцем и, намылив тугой клубок бородульника, принялся бережно растирать им упругое тело девушки. Она затаенно притихла под его ласкающими прикосновениями.

- А руки у тебя сильные и нежные, - истомленно выдохнула она.

- Они нежные только для тебя, мое таежное солнышко.

- И вехотка на самом деле, как бархатная.

- Я же не обманываю тебя.

- А знаешь, приятно. Правда, как в детстве. Меня так мама мыла в тазике. Удивительные ощущения. Состояние покоя и неги. И такая легкость. Ты просто волшебник. Дал вспомнить то, о чем уж, кажется, и позабыла.

- Я не волшебник, Аленушка. Просто я люблю тебя.

- Это что, объяснение?

- Считай, что да. И если тебе приятно, как я тебя мою, то мне приятнее вдвойне. Для меня - счастье прикасаться к тебе.

- Спасибо, Алексей, за хорошие слова. Они так согревают душу девушке. Если даже у нее самой пока нет большого чувства.

- Ну, хоть маленькое-то есть?

- А ты очень-очень хочешь, чтоб оно было?

- Да, очень-очень! - сказал он с шутливой пылкостью.

- Ну, тогда надейся. Может, и сбудется. Ой, Алексей! - стыдливо вскричала она. - Здесь не надо мыть. Мы так не договаривались.

- Но мама везде мыла, - улыбнулся он.

- Ты - не мама. И я - взрослая. Тут уж я сама. Да и ты растирайся, а то только со мной и возишься. А я пока волосы намылю.

Он проворно намылился, растерся вехоткой и, подхватив с пачки ведро и большую кружку, шагнул к порогу. - Готова? Тогда пошли скоренько. - И ногой растворил настежь дверь.

- Ты сумасшедший! - ошалело отозвалась она горячим шепотом, но выскочила из избушки вслед за ним, неумело ступая босыми ногами по широким поленям к темнеющим на снегу соболям.

Она встала ногами на мягкий мех, сказала с удивлением.

- Ты и вправду соболей настелил.

- Говорю же, никогда тебя не обманываю.

- Ну ты и... - она умолкла, подбирая слово.

- Плейбой? - подсказал он. - Старейший.

- Нет. Кавалер. Галантный.

- Спасибо. Мне такое еще никто не говорил. - Алексей съшнуп в ведро несколько пригоршней снега, пощупал рукой воду, добавил снега еще и, зачерпнув кружкой, окатил голову Алены, стоня ладонью мыльную пену с ее волос. Спросил заботливо:

- Не слишком горячо?

- Горячо, но терпеть можно. Сроду не испытывала такого ощущения. Снизу холод, сверху - теплынь. И тело иголочки покалывают. Так все чудно.

- Ноги не замерзли?

- На соболях-то? Они такие мягкие. А вообще, впечатление - будто в теплой проруби купаюсь. В город вернусь моржикой.

- А посмотри, какой над тобой молодой месяц. Он любит тебя.

- Вижу. Он весь в какой-то дымке.

- Это от тебя пар валит, - говорил Алексей, старательно омывая теплой водой тело Алены. - Посмотри на звезды. Они здесь не такие, как в городе. Они тут близко. Вон какие большие, зеленые, и так лукаво тебе подмигивают. А как чудно вокруг снег мерцает - видишь? Снежинки вспыхивают малиновым, лиловым, золотистым светом, будто крошечные лампочки...

Приглядишься: сегодня все вокруг красивое, загадочное и доброе. Прямотаки волшебное, праздничное, как в новогоднюю ночь.

- Почему?

- Потому что здесь - ты. Тайга тебе рада.

- Ой, Алексей, - жалобно проговорила Алена, - мне так хорошо, что сердце сжимается и летит куда-то. Ничего больше не говори, а то расплачусь. Я давно уже не слышала о себе столько хорошего.

Он окатил ее водой в последний раз и легонько похлопал по спине ладонью.

- Теперь беги к печке и суши свои русалочьи волосы.

Торопливо обмывшись, Алексей еще растерся снегом и тоже заскочил в избушку, где полыхала раскаленная печка, светясь раскрасневшимися боками. Стоя перед нею, Алена расчесывала волосы, и не прикрыла перед ним своей наготы, словно перед близким человеком.

Потом они, распаренные, млея от покоя и тепла, сидя рядышком на овчине, пили чай со смородиновым вареньем. Потом, изнемогая от переполнившей его нежности, Алексей нетерпеливо задул лампу и жадными губами нашел ее теплые, податливые губы. Дыхание девушки источало легкий дух парного молока. Он мгновенно опьянел от запаха ее губ и волос, от близости молодого, упругого тела, и едва не задохнулся от залившего его желания и ощущения счастья.

Он ласкал ее неистово, с обжигающей страстью, о которой в себе даже не догадывался, какая случается только раз в жизни и помнится до последнего дня. Эта страсть захлестнула его всего, без остатка, растворила в себе, и Алена, кажется, была опарашена и напугана столь оглушающей неистовостью. Она что-то протанывала ему с мольбой, но он жарко зацеловывал ее слова, ненасытно, как хищник, упиваясь сладостью и жертвенной беззащитностью девичьего тела. Не выпускал ее из своих цепких объятий всю ночь, не помня себя, и, опустошенный, забылся перед утром.

Очнулся Алексей оттого, что вдруг различил, как скребется в дверь и постукивает Дымок. Окошко уже вызолотилось от солнца, и в избушке было светло. Алена спала, привалившись щекой к его груди. Ее легкие светлые волосы шевелились от его дыхания и щекотали ему губы.

Он потихоньку поднялся, бережно прикрыв девушку полами овчины. Оделся и вышел на волю, с наслаждением вдохнув полной грудью студеного воздуха. Ночью, после легкой оттепели, поджал морозец, и ветви кедров, пихт, кустарников и каждая былинка, торчащая из снега, обросли пушистой изморозью. С ясного неба сыпались сверкающие блестки. Дымное солнце ворочалось над хребтом, набираясь сил для нового дня. Природа дышала покоем и благостью. На редкость умиротворенная тишина стелилась вокруг, даже крикливые сойки не ссорились в рябиннике. В душе Алексея тоже было светло и благостно, будто в его жизни свершилось то, чего он ждал все годы, и теперь у него впереди только свет и бесконечное

счастье. Нет, его грело не одно тщеславное удовлетворение от мужской победы. Такие победы случались и раньше, да померкли в памяти. Нынешнее чувство было не сиюминутным, а основательным и огромным, заполнившим все его существо, дающим ему уверенность и новые силы для дальнейшей жизни. Он ощутил себя возрожденным. Для чего - пока и сам не знал, лишь подспудно чувствовал в себе способность на обновление жизненного пути. Захотелось жить не как до Алены, будто исполняя какую-то повинность, а радостно, с удовольствием, наслаждаясь каждым прожитым днем. Поймал себя на этой мысли и усмехнулся над собой. «Вот ведь как. Раньше мечтал: насладиться бы близостью с Аленой и - после этого готов умереть. А теперь, после близости, еще острее жить захотелось. Потому что узнал, какие радости таит настоящая-то жизнь. Когда рядом - любимая».

Подошел Дымок, прошедший ночь в лунке под кедром, тоже весь заиндевший, даже ресницы и усы побелели. Ткнулся влажным носом в хозяйскую ладонь, требуя к себе внимания.

- Что, Дымок, заскучал? Проголодался? - задумчиво спросил его Алексей. - Забыл про тебя непутевый хозяин? - Потрепал густой загривок. - Забыл, совсем забыл про кобелька. Да я и себя-то едва помню. Короче, гон наступил у твоего хозяина. Шибко крутой гон. Круче, однако, и не бывает. Может даже последний на этом свете гон. Так что прости своего хозяина и не осуждай. Что-то большое случилось со мной, даже страшновато. Ну да моща у нас есть. И годы в запасе остались. Все осилим. - Залез на сугроб возле стены, достал с крыши навеса, из-под орешного решета, два замерзших полиэтиленовых мешочка с кабарожьим мясом. Один мешочек тут же разорвал с треском и, очистив смерзшееся мясо от полопавшихся кусочков пленки, подал собаке. - Возьми, Дыма, для подогрева шкуры. К обеду сварю еще белочек. - Другой мешочек унес в избушку, прихватив по пути березя поленьев.

Сходяв за водой и поставив вариться мясо, он принялся колоть чурки, которых за избушкой, под густой пихтовой кроной, оставалось уже мало. Осенью, когда пластал бензопилой ветровальные сухие лесины для предстоящего промысла, ему казалось, дров заготовил сезона на два. Так бы, верно, и вышло, не появившись в избушке Алена. Не ведал, не гадал, что такое может случиться. А если бы знал загодя, то и дров наворочал бы еще больше. И как славно, что это случилось. Ведь до нее жил как бы по инерции, накатом, не заглядывая в завтра и не ожидая от грядущих дней особых радостей. Прошел день - и слава Богу. Каков будет завтрашний - без разницы. Дни катились, как камешки с крутого склона, похожие один на другой и тотчас забывались. Теперь жизнь наполнилась новым смыслом, и пусть суть этого ему не совсем ясна, да он и не спешит докопаться до сути вот так, сразу, но впереди ему стал видиться какой-то свет, согревающий душу. Хорошо ему было сейчас, радостно, он ощущал в себе веселую силу. А что будет дальше. И не обратится ли

обнадеживающий свет в горстку светлячков, в обманку - никому не ведомо. И если после праздника наступит похмелье - он и к этому готов. Испытал сладкое, испытай и горькое, как в жизни ведется.

Когда Алексей вошел в избушку проверить печку и вариво, Алена уже не спала и лежала затаенно, не поднимая на него затененных ресницами глаз. Он разделся, подсушил у печки повлажневший от пота свитер и присел к ней на нары. Еще только готовясь подойти, думал: какие первые слова сказать Алене. После ночи любви, сблизившей их, и слова должны быть особые, не такие, как вчера. Может, сказать: «Доброе утро, любимая»? Но его что-то остановило. Не был уверен, что слово «любимая» ей будет приятно от него услышать. Как ни опьянен был обладанием Алены, а все же краешком души помнил, на каком условии она ему досталась. И потому произнес более нейтральное, хотя и ласковым голосом:

- Доброе утро, таежное солнышко. Как ты себя чувствуешь?

Приподняла темные ресницы.

- Как рыбка на сковородке, - отозвалась невесело.

- Что так? - спросил он озадаченно.

- А сам не понимаешь?

- Нет, - выдохнул почти без голоса, смущенный и растерянный. Уж чего-чего, а недовольства от нее никак не ожидал. Ему казалось, что как мужчина, он был на высоте, даже втайне гордился собою и вот - на тебе!

- Ох, здешний охотничек, изжужкал ты меня всю. Едва живая. Прямо с ума сошел. Набросился, будто век женщины не знал.

- Такой, как ты - не знал, - кивнул виновато. - Веришь, я будто заново родился. Силы меня распирают, аж жуть берет. Лет тридцать сбросил.

- А меня всю выжал, как лимон. Дорвался... Думала до утра не доживу.

- Прости, Аленушка, если я был слишком горяч, - понурился он покорно.

- Чуть не сжег меня дотла. Ну, посмотри: губы распухли, как вареники стали. Глаза и те зацеловал, покраснели и зудятся. Лицо и грудь - в засосах. Все тело пестрое. Как я в таком виде покажусь в поселковую больницу? Ты хоть подумал об этом?

- А если сказать: синяки от той катастрофы? - Ну уж синяки-то от засосов они отличат. Не дурнее нас с тобой.

- Придется тебе тут пожить еще пару дней. Пока все пройдет.

- За два дня тут от меня вообще ничего не останется. Ты ведь вон какой здоровенный и ненасытный. Это просто ужас!

- Останется, - успокоил он, глядя в ее истомленное лицо. - Ты полна жизни и радости. Я пью твою радость и не могу напиться. И кажется, никогда не напьюсь досыта. Только еще больше хочу тебя.

Изумленно округлив глаза, усмехнулась.

- Ну ты и плейбой! Да такой крутой, пробу ставить негде.

- Какой там плейбой. Просто изголодавшийся мужик, - сказал он грубовато, мысленно винясь перед нею за эти кощунственные слова.

- Да не-ет, - протянула она упрямо, - ты либо недооцениваешь себя, либо просто кокетничаешь. Если уж откровенно, любовник ты классный. У меня, конечно, были мужчины, но ничего подобного не встречала.

- И много у тебя было мужчин?

- А что?

- Хочу тебя получше узнать, - улыбнулся он мягко. - Говорят, мужчина интересен будущим, а женщина - своим прошлым.

- В таком случае, мы оба неинтересны. У тебя нет будущего, а у меня весьма скромное прошлое: всего двое мужчин. Кроме тебя.

- Я тоже, конечно, не ангел. Были женщины, были... Но такую, как ты, не встречал. И даже не знал, что они бывают. Знаешь, у меня чувство, будто все эти годы я спал, и ты меня разбудила. А что, если мы созданы только друг для друга? Брось свой город. Оставайся со мной в тайге.

- И что мы тут будем делать?

- Как что, жить. Детей наплодим. - Он мечтательно улыбался.

- Да уж представляю, какая будет орава, - хмыкнула она. - Боюсь, как бы мы уже не сделали зачин. После такой ночи - и не понести, как минимум, двойняшек, это надо надеяться на чудо.

- Надейся. И я буду надеяться.

- Ты-то на что будешь надеяться?

- Что понесешь.

- Сумасшедший... Куда мне с ним деваться?

- Станешь кормить грудью. Она у тебя высокая, классическая, как у Венеры Милосской. В жизни это - большая редкость. А еще она такая аккуратная и аппетитная... - шутиливо вздохнул. - Сам бы сосал всю жизнь.

- Дурачок, - выдохнула с ласковой грустью.

Он нежно приник губами к ее груди.

- Какая у тебя гладкая кожа. Прямо шелковая.

- А я вся шелковая. Кроме характера.

- Скажи, трудно быть красивой?

- «Трудно» - не то слово. Иногда - просто невыносимо.

- Пристают со всех сторон?

- Конечно. И заметила, что особенно равнодушны ко мне - кавказцы. И нацмены разные. Прямо глазами всю пожирают. Вяжутся внаглую. Деньги предлагают. Они вообще уверены, что все на свете можно купить.

- У тебя слишком русская красота. Правда, овальное лицо, большие серые глаза, светло-русые волосы и румяные губы бывают у красавиц других народов. Это общие приметы красоты. Вот смотришь по ящику какой-нибудь боевичок с кровью, а теперь только американские и показывают, своих-то не стало, и на экране - стандартная американская красотка... Конечно же, она - блондинка с длинными волосами. И черты лица правильные, и все параметры соблюдены. Смотрю на нее и умом понимаю: она красивая. А душой к ней не тянусь. Потому что красота ее - холодная, не согретая нутром. Я ее восприни-

маю, как вон ту картинку на потолке. Влюбиться не смогу. Ведь она ничего во мне, кроме любования ее лицом и телом, не вызывает.

- Так уж совсем и ничего? - недоверчиво улыбнулась Алена.

- Кое-что, конечно, вызывает, - смутился он. - Ну, ты понимаешь, о чем я. Короче, только плотское желание. И ничего больше. Душой она мне - чужая. А твоя красота какая-то теплая, нутряная, родная. Короче, русскую красоту ни с какой другой не спутаешь. Русскую женщину всегда отличишь от других. А то, что пристают к русским женщинам разные нацмены, так это и понятно. Наша страна сильно унижена. И когда инородец добивается русской женщины, он видит под собой не только одну конкретную женщину, но и саму Россию. Может я грубо выразился, но это так. С нами нынче не перемянутся.

- Не знаю, какая во мне красота, но мне ужасно надоели все приставания русских и нерусских. Любых. Кто мне нужен, я сама дам знать.

- Сочувствую. Красота - это богатство, которое дома не оставишь. Она всегда при тебе и носить ее, конечно, нелегко, как и любое богатство. Каждый норовит отщипнуть. Достается же соболу за его мех. Как говорят, на красивый цветок летит мотылек, и с этим ничего не поделаешь.

- И все хотят одного: попить сладкого нектару.

- Вот и я оказался не лучше других, - склонил он голову виновато.

- Мне от тебя было никуда не деться. Ты же мой спаситель. Да и смотрел на меня, как кот на сметану, облизывался. И я свыклась с мыслью, что телом должна заплатить за свою жизнь. Женщина единственным может платить. Но я схитрила: добавила тебе поход за мешочком. То есть, подняла цену. Вот только не думала, что ты меня так выпотрошишь.

- Жалеешь об этом? - спросил он задумчиво.

- Я же еще молода. Мне - двадцать три года, и должна беречь себя. И если уж расхотелось, то экономно. Когда девушка невоздержанна с мужчинами, красота быстро уходит. А ты в эту ночь переусердствовал. Дорвался, как до бесплатного, а обо мне не подумал. Мне-то ведь нельзя так. Я не мужняя жена, у которой все сложилось и можно о будущем не беспокоиться. Мне надо о замужестве думать, о том, как завести свою семью.

- Хочешь сказать, эта ночь была тебе во вред?

- Ну, конечно. Тело у меня не железное, это само собой. Но ведь я еще и душой убываю. Чувствую, что меня становится меньше для суженого.

- Я об этом как-то не подумал, - сказал он покаянно и стал бережно гладить ее легкие волосы. - Короче, не врубился.

- Где же тебе было врубиться. Ты же свою мужскую силу хотел показать.

- Прости дурака...

- Чего уж теперь... Если откровенно, я бы хотела, чтобы мне попался такой же страстный и ненасытный муж, вроде тебя. То есть, сексуальный. А вдруг попадется фригидный слабачок? И знаешь, что тогда?

- Что?

- А тогда я буду сравнивать его с тобой, вспоминать, как мне было хорошо. Начну искать похожего на тебя. Догады-ваешься, к чему это приведет? Развод, одиночество, смена мужчин. Все это не по мне. Я хочу нормальной семьи и детей. То есть, хочу того, о чем мечтает любая девушка. Независимо, красивая она или нет. Впрочем, хватит обо мне. Расскажи лучше о себе.

- А что тебе рассказать? Я весь перед тобой. - Алексей поднялся, пошел к печке. Помешал ложкой в суповой кастрюле, сыпанул туда вермишели, подложил в печь полешко и вернулся. Снова сел на овчину к Алене. Но за эти две минуты бегло пролистнул в памяти всю свою жизнь, и был готов отвечать на вопросы. Перебирая пальцами невесомые, как дым, волосы девушки, ждал.

- Ну, говори же, - велела она.

- Не знаю, с чего начать.

- У тебя много детей?

- Одна дочь.

- Вот как! - непроизвольно воскликнула Алена. Ответ Алексея ее, кажется, удивил. - И она, конечно, уже замужем?

- Давно. В девках не засиделась.

- Молодые с вами живут?

- Нет, в Барнауле.

- Внуков-то подарили?

- Есть внучка. Машенька.

- Дед в ней, конечно, души не чаает?

- Естественно. Хочешь сказать, я тебе в отцы гожусь? К этому подвела?

- Ты сам до этого дошел. Сроду бы не подумала, что у тебя - взрослая дочь. Ну, никак не ожидала. Сын - еще куда ни шло, а дочь...

- А что тебя так дочь допекла?

- Удивляет, что вчера ты меня не пожалел. И не подумал даже, что вот и ею кто-то может так же воспользоваться.

- Ты меня вогнала в краску.

- Тебе бы вчера устыдиться. Все вы - кобели...

- Мне совестно перед тобой, а не жалею, что так случилось, - заговорил он упрямо, не глядя ей в лицо. - Не представляешь, как я счастлив и полон жизни. Может, и ты тоже спасла меня. Говорю же, будто заново родился. А совестно мне, что был сильно горяч, не поберег тебя. Если можешь - прости. Эта ночь останется со мной до конца жизни. Буду помирать, вспомню ее.

- Можно подумать, тебе больше и вспомнить нечего, - заметила Алена с укоризной. - Через неделю обо всем забудешь. Появится новое увлечение, и уже другой женщине будешь говорить эти же слова. Не надо, Алексей, врать. Ни мне это не надо, ни тебе. Расскажи о своей жене. Хорошо с ней живете?

- Никак не живем. Параллельно существуем в одном доме. У нее - своя жизнь, у меня - своя. Сосуществование двух систем.

- И виновата, конечно, она?

Криво усмехнулся, одной щекой.

- Оба виноваты. Разговариваем, как на разных языках. Верить, совсем не понимаем друг друга. В обычные слова вкладываем разный смысл. О чем бы ни начали разговор, оканчиваем скандалом. Полнейшая несовместимость. Поэтому больше молчим. У нас даже есть общая любимая фраза: «Только не говори, пожалуйста, ничего». Мы ее понимаем с ней одинаково и часто говорим друг другу. Вот таким манером и общаемся.

- Не весело. Она кто по специальности?

- Учительница.

- А как вы познакомились?

- В одном старинном романе поется: «мы странно встретились». Так вот встретились на самом деле странно. Я как раз заканчивал Кировский охотоведческий институт. Уже диплом защитил и получил направление на Алтай. Сам напросился перед распределением. Много слышал и читал о здешней тайге. Короче, сильно рвался сюда, даже во сне все эти дебри видел. О родных вятских лесах даже и слышать не хотел. С девушками встречался, но по-серьезному ни с одной не было. Ну и вот... Обедаю однажды в студенческой столовой. Гляжу, ко мне за стол подсаживается девица. В красивом таком вязаном свитере. Сам свитер серый, с голубизной, и на нем - зеленые треугольные елочки. Рисунок сильно понравился, особенно эти елки. И сама девица - очень даже ничего... Грудь полная такая, и заметно, фигуристая соседка. Улавливаю, она на меня поглядывает с интересом. Парень-то я был что надо, накачанный, готовил себя к борьбе с браконьерами. Силушка так и выпирала из меня. Подковы на спор ломал. И симпатичный был. Дело прошлое, но девкам я нравился.

- Ты и сейчас неплох, - негромко, как бы в дреме от его ласковых прикосновений, проговорила Алена. - Когда я у тебя в избушке очнулась, подумала, что попала к какому-то бродяге. Ты был весь такой заросший, дикий, аж жуть взяла. А когда побрился да вымылся, оказался привлекательным мужчиной. Тебя бы еще постричь, причесать да модно одеть, не стыдно было бы с тобой и на городской тусовке показаться.

- Спасибо, - он благодарно склонил голову. - Ну, а тогда я был - вообще... Короче, эта соседка все на меня поглядывает и поглядывает. И тайком, и откровенно. А я возьми да и спроси ее. Свитер-то, говорю, сама вязала или купила? Отвечает, что сама. И тут меня будто черт за язык дернул. Свяжи мне, говорю, такой же - женюсь. Ну, сказал и ушел. И забыл. А где-то через неделю, опять же в столовой, она подошла ко мне и положила на стол прозрачный пакет со свитером. Вышли в вестибюль. Примерил я свитер - точно по мне. И такие же на нем треугольные елочки. Куда тут денешься? Проводил раз, другой... Короче, стали встречаться. Потом по-

ехали на кордон к моему деду. Он лесником был. Ну и там, на сеновале, все у нас и случилось. Она отдалась мне без всяких «не надо». Безропотно, как мужу в первую брачную ночь. В общем, лишил я ее невинности, и, как порядочный человек, предложил узаконить наши отношения. В те годы к этому делу относились серьезно, не как нынче. Она оказалась студенткой пединститута и тоже на последнем курсе. Ей нужен был муж, мне - жена. Вот и нашли друг друга. Короче, приехали сюда, в Иогач, вместе. Я стал работать охотоведом в леспромхозе, а она - в школе.

- Романтическая история, - с неясной усмешкой подвела итог Алена.

- Наша романтика быстро перешла в будни, да еще в какие. Ни дня без ругани. Обидно, что причин особых-то нет. Просто не выносим друг друга. И духовно, и физически - всяко. До женитьбы мы мало были знакомы и толком не разглядели друг друга. Все скоропалительно вышло. Елочки на ее свитере меня с толку сбили. Увидел их и думаю: судьба, нашел родственную душу... Короче, оба виноваты, и оба каемся в своей глупости. Да что там говорить, собак для вязки подбирают старательнее и серьезнее, чем люди друг друга. Когда охотник ищет кобеля для своей породистой лайки, то всех кандидатов переберет не только в округе, но и в районе, и в Горно-Алтайске, и даже в Барнауле. Изучит предков кобеля до четвертого колена. Все достоинства и недостатки выяснит. Осмотрит досконально. В рот заглянет - каков прикус? Лапы оглядит: нет ли прибылых пальцев. С мужиками посоветуется, которые знают этого кобеля по работе. И уж только потом решается: вязать или поискать еще кого. Смешно сказать, но о будущих щенках люди больше пекутся, чем о своих детях и внуках. У людей все просто: поглянулись друг другу - и хорош. А что у них за предки, какова будет наследственность, и вообще подходят ли они друг другу - им и дела нет. А ведь впереди - целая жизнь. И она гораздо дольше собачьей. Но никого это не заботит. Вот и мы с моей Зоей сбежались и грыземся, как собаки.

- Но ведь так жить - невыносимо.

- Притерпелись. И живем.

- Часто ей изменяешь?

- Когда мне часто-то... Я ведь по полгода в тайге провожу, а тут с кем изменять? В поселке - бывает. Что касается физиологии, то партнершу для этого дела найти не трудно. И в самом Иогаче есть подходящие бабенки, и на турбазе хватает желающих. Однако, я не шибко люблю часто таскаться на сторону. На душе гадко. Будь дома с женой нормально - куда бы не пошел. Ну, половое желание еще можно с кем-то сбить. А как насчет душевного общения? Иногда так хочется поговорить с близкой женщиной, поплакаться ей, ласковое слово услышать... Улыбаешься... Думаешь, мужику этого не надо? Еще как надо. Тоскую по женщине, которая бы меня хоть маленько понимала.

- Жена тебя совсем не понимает?

- Ни грамма.

- А если тебе подойти с лаской?

- Всяко перепробовал, бесполезняк. Стоит мне слово сказать, она сразу взрывается: не по ее сказано. И опять я в чем-то виноват. Если с кем поспорил или спор какой вышел, думаю, она на моей стороне? Ни в жизнь! Все вокруг правы, кроме меня. Вспоминать неохота...

- Я тоже однажды чуть не пролетела. Встречалась с молодым мужчиной. Вроде бы, и симпатичный, и умный, и характером покладистый. Удачливый предприниматель. Престижный жених. В отношении меня у него были серьезные намерения. А я... вот даже не пойму в чем дело, но никак не могла привязаться к нему душой. Что-то мешало. Мне все время казалось, что он чем-то напоминает одну мою подругу. Характером, манерой поведения, пристрастиями. Даже внешне у них находила много общего. Ну вот похожи они друг на дружку и все. А что, думаю, если их познакомить? В общем, познакомила. И что ты думаешь? Он больше ко мне не пришел. А подружка потом позвонила и говорит: извини, у нас с ним - взаимность. Представляешь? Была у них на свадьбе те ли сватьей, те ли еще кем - сама не пойму. И ведь прекрасно живут и ладят. Потому что созданы друг для друга. Вот и твоя жена предназначалась для кого-то другого. И ты чей-то не встреченный. Теперь и маетесь оба.

- Ладно, хоть ты разобралась вовремя.

- У меня математический склад ума. Я умею прогнозировать, просчитывать. А ты - художественная натура. Это сразу видно. Признайся, писал в детстве стихи? Если честно...

Алексей заулыбался со смущением.

- Конечно, писал. Да только переболел ими, как корью. Но поэзию до сих пор люблю. В Базовой избушке держу двухтомник Пушкина, и как прихожу туда, обязательно беру в руки. У него стихи на все случаи жизни. Прочитаю что-нибудь и будто ключевой водой умылся. И жить дальше легче, и на душе светлее. А еще обожаю музыку. Веришь, в армии пел в солдатском ансамбле.

- Чего ж ты пошел по охотничьему делу?

- Говорю же, у меня же дед - лесник, к которому свою будущую жену на кордон возил. Кстати, я спросил его, дескать, как она тебе, глянется? А он эдак уклончиво: «В себя загляни. Тебе с ней жить». Я у него на кордоне все каникулы проводил. Вместе с дедом ходил по обходам, чистил тропы. Летом помогал ему заготавливать семенную сосновую шишку, гнуть пополья для саней, вязать метлы. Ну, а осенью и зимой - непременно охотничали. Вот от него и пошло.

- А у меня все - от мамы. Она программист высокого класса. С детства учила работать на компьютере. Потом я закончила политехнический, и сама стала программистом. Кажется, неплохим. Во всяком случае, так все говорят.

- Что ж тогда секретаршей устроилась? Не нашла работу по специальности?

ехали на кордон к моему деду. Он лесником был. Ну и там, на сеновале, все у нас и случилось. Она отдалась мне без всяких «не надо». Безропотно, как мужу в первую брачную ночь. В общем, лишил я ее невинности, и как порядочный человек, предложил узаконить наши отношения. В те годы к этому делу относились серьезно, не как нынче. Она оказалась студенткой пединститута и тоже на последнем курсе. Ей нужен был муж, мне - жена. Вот и нашли друг друга. Короче, приехали сюда, в Иогач, вместе. Я стал работать охотоведом в леспромхозе, а она - в школе.

- Романтическая история, - с неясной усмешкой подвела итог Алена.

- Наша романтика быстро перешла в будни, да еще в какие. Ни дня без ругани. Обидно, что причин особых-то нет. Просто не выносим друг друга. И духовно, и физически - всяко. До женитьбы мы мало были знакомы и толком не разглядели друг друга. Все скоропалительно вышло. Елочки на ее свитере меня с толку сбили. Увидел их и думаю: судьба, нашел родственную душу... Короче, оба виноваты, и оба каемся в своей глупости. Да что там говорить, собак для вязки подбирают старательнее и серьезнее, чем люди друг друга. Когда охотник ищет кобеля для своей породистой лайки, то всех кандидатов переберет не только в округе, но и в районе, и в Горно-Алтайске, и даже в Барнауле. Изучит предков кобеля до четвертого колена. Все достоинства и недостатки выяснит. Осмотрит досконально. В рот заглянет - каков прикус? Лапы оглядит: нет ли прибылых пальцев. С мужиками посоветуется, которые знают этого кобеля по работе. И уж только потом решает: вязать или поискать еще кого. Смешно сказать, но о будущих щенках люди больше пекутся, чем о своих детях и внуках. У людей все просто: поглянулись друг другу - и хорош. А что у них за предки, какова будет наследственность, и вообще подходят ли они друг другу - им и дела нет. А ведь впереди - целая жизнь. И она гораздо дольше собачьей. Но никого это не заботит. Вот и мы с моей Зоей сбежались и грыземся, как собаки.

- Но ведь так жить - невыносимо.

- Притерпелись. И живем.

- Часто ей изменяешь?

- Когда мне часто-то... Я ведь по полгода в тайге провожу, а тут с кем изменять? В поселке - бывает. Что касается физиологии, то партнершу для этого дела найти не трудно. И в самом Иогаче есть подходящие бабенки, и на турбазе хватает желающих. Однако, я не шибко люблю часто таскаться на сторону. На душе гадко. Будь дома с женой нормально - никуда бы не пошел. Ну, половое желание еще можно с кем-то сбить. А как насчет душевного общения? Иногда так хочется поговорить с близкой женщиной, поплакаться ей, ласковое слово услышать... Улыбаешься... Думаешь, мужику этого не надо? Еще как надо. Тоскую по женщине, которая бы меня хоть маленько понимала.

- Жена тебя совсем не понимает?

- Ни грамма.

- А если тебе подойти с лаской?

- Всяко перепробовал, бесполезняк. Стоит мне слово сказать, она сразу взрывается: не по ее сказано. И опять я в чем-то виноват. Если с кем поспорил или спор какой вышел, думаешь, она на моей стороне? Ни в жизнь! Все вокруг правы, кроме меня. Вспоминать неохота...

- Я тоже однажды чуть не протелела. Встречалась с молодым мужчиной. Вроде бы, и симпатичный, и умный, и характером покладистый. Удачливый предприниматель. Престижный жених. В отношении меня у него были серьезные намерения. А я... вот даже не пойму в чем дело, но никак не могла привязаться к нему душой. Что-то мешало. Мне все время казалось, что он чем-то напоминает одну мою подругу. Характером, манерой поведения, пристрастиями. Даже внешне у них находила много общего. Ну вот похожи они друг на дружку и все. А что, думаю, если их познакомить? В общем, познакомила. И что ты думаешь? Он больше ко мне не пришел. А подружка потом позвонила и говорит: извини, у нас с ним - взаимность. Представляешь? Была у них на свадьбе то ли сватьей, то ли еще кем - сама не пойму. И ведь прекрасно живут и ладят. Потому что созданы друг для друга. Вот и твоя жена предназначалась для кого-то другого. И ты чей-то не встреченный. Теперь и маетесь оба.

- Ладно, хоть ты разобралась вовремя.

- У меня математический склад ума. Я умею прогнозировать, просчитывать. А ты - художественная натура. Это сразу видно. Признайся, писал в детстве стихи? Если честно...

Алексей заулыбался со смущением.

- Конечно, писал. Да только переболел ими, как корью. Но поэзию до сих пор люблю. В Базовой избушке держу двухтомник Пушкина, и как прихожу туда, обязательно беру в руки. У него стихи на все случаи жизни. Прочитаю что-нибудь и будто ключевой водой умылся. И жить дальше легче, и на душе светлее. А еще обожаю музыку. Верить, в армии пел в солдатском ансамбле.

- Чего ж ты пошел по охотничьему делу?

- Говорю же, у меня же дед - лесник, к которому свою будущую жену на кордон возил. Кстати, я спросил его, дескать, как она тебе, глянется? А он эдак уклончиво: «В себя загляни. Тебе с ней жить». Я у него на кордоне все каникулы проводил. Вместе с дедом ходил по обходам, чистил тропы. Летом помогал ему заготавливать семенную сосновую шишку, гнуть полозья для саней, вязать метлы. Ну, а осенью и зимой - непременно охотничали. Вот от него и пошло.

- А у меня все - от мамы. Она программист высокого класса. С детства учила работать на компьютере. Потом я закончила политехнический, и сама стала программистом. Кажется, неплохим. Во всяком случае, так все говорят.

- Что ж тогда секретаршей устроилась? Не нашла работу по специальности?

- Скажешь тоже... Не нашла... Хорошие программисты нынче в дефиците. Везде возьмут. А в секретарши пошла - была причина. Это - особый случай. - Алена заметно поскурилась и замолчала.

- Расскажи.

Болезненно поморщилась и вздохнула.

- Потом. Сейчас настроения нет. - И переменила тему. - Мне так рябиновый компот понравился. Он остался еще?

- Остался. Да что компот, вообще обедать пора. Солнышко-то уж почти в зените. - Алексей поднялся и пошел к печке.

- Как там погода? - спросила Алена, одеваясь.

- Прекрасная.

- Пойду проверю.

- Давай... Кстати, ты когда-нибудь ходила на лыжах?

- Немножко. В институте делали вылазки на лыжную базу. А что?
- Может пригодиться. Не придут спасатели - сами выбираться будем. Своим ходом. На чердаке лежат старенькие лыжонки, надо после обеда их опробовать. Вспомнишь студенческие годы.

- Я их и так не забыла. Только на лыжной базе мы катались по ровному лесу, а здесь вон какие горы. Расшибусь вдребезги.

- Потренируемся с горок. Дам в руки каек. Научу их поворачивать и тормозить. Нам ведь придется катить все вниз и вниз, до самой Пыжи.

- Я буду стараться. Мне, край, надо скорее домой выбраться. У меня там мама от горя с ума сходит. Мысленно, наверно, уж похоронила меня. Ведь когда теряется самолет или вертолет, редко кого живым находят. Представляю, как она там, бедненькая, мучается. Все о доченьке думает...

- Понимаю и сочувствую. Если все будет ладно, завтра с утра и двинем в Иогач. Хотя не хочется отпускать тебя так рано.

Алена благодарно улыбнулась, глаза ее поблескивали от близких слез.

- Спасибо тебе, Алексей. Уж пожалуйста, помоги мне выбраться отсюда.

- Конечно, помогу. Куда я денусь.

* * *

Старые лыжи, оставшиеся от Наливайко и без пользы лежащие под крышей избушки, оказались вполне годными, хотя мыши немного погрызли камус да крепежные ремни затвердели. Алексей привел их в порядок и приспособил под короткие валенки. Свои же рабочие же лыжи, вместе с обутками, решил отдать Алене. Так ей будет легче и удобнее.

Вышли на волю для первой прикидки. Стоя на снегу в громоздких обутках до самых колен, Алена наблюдала, как Алексей согнувшись затягивает ей лыжные ремни и конфузливо улыбалась. Роскошные шуба и шапочка никак не гармонировали с грубыми, самошитыми обутками. А он, старательно подгоняя крепления, растроганно говорил:

- Спасибо запасливому Наливайко. Не его бы лыжонки, не знаю, что бы и делали. Как тут не вспомнить с теплотой хозяйственного мужика... Без его стачочка вчера не побрился бы даже. Щеголял бы перед тобой заросшим дикарем. Вот ведь как, человек давно тут нет, а добро от него все идет и идет. А от нас что-нибудь доброе останется? Нас-то с теплотой кто-нибудь вспомнит? Ну да тебе еще рано об этом думать. Такие мыслишки в возрасте появляются. - Поднял голову. - Что улыбаешься? Смешное говорю?

- Я подумала, в этих бы бахилах по Ленинскому проспекту пройтись. Люди бы останавливались. Посчитали бы, из прошлого века явилась.

- Для города они, конечно, диковинка, - соглашаясь кивнул Алексей. - Вид у них грубоватый и непривычный. Но ты же чувствуешь, какие они теплые и удобные? Под брезентовой оболочкой - толстый войлочный чулок, да еще вязаные носки. Ноги, как в печке, сроду не озябнут. И идти в них легко: мягкие, сгибаются где захочешь. Короче, сплошная благодать.

- Сплошная, - весело повторила Алена.

- А вот если в твоих модельных сапожках пойти по тайге, все звери соберутся посмеяться. Даже медведи из берлог повалязят. Ты же в них нормального шага не сделаешь. Головой в первый сугроб зароешься. - Поднялся, отряхнул полы куртки от снега. Поддал потемневший от времени наливайковский каек. - Теперь слушай и запоминай. Держать каек надо обеими руками, вот так, словно кормовое весло. Поедешь с горы и если сильно разнесет, налегай на него изо всех сил - притормозит. А надо повернуть, заводи нижний конец в сторону повтора и опять же дави на комлевый конец. Ну, поняла?

Неуверенно кивнула.

- Поняла.

- Это мы сейчас проверим. Ступай потихонечку к поляне.

Подошли к подножью поляны и Алексей, испытующе оглядев крутой склон, уходящий к далекому кедрачу, сказал:

- Поднимайся по лыжне вверх. Насколько смелости хватит. Потом оттуда скатись. А я подожду здесь. В случае чего, подстрахую. Ну, давай!

Маленькими, неуверенными шажками она двинулась вперед.

- Ой, как здорово! - воскликнула на ходу. - Иду в гору, а лыжи совсем не скользят назад. Это потому, что шкурой обиты, да?

- Разумеется. Шерстинки становятся дыбом и не пускают назад. Зато вперед катятся, как по маслу. Ну, готова? Немного подогни колени, наклонись вперед. Каек держи покрепче. Поехали!

- Не расшибусь?

- Исключено. Снег - мягкий. Да тут и всего-то десять шагов. Поймаю.

Отчаянно взвизгнув, Алена покатилась вниз, где Алексей поймал ее в свои объятия. Щеки девушки покраснелись, глаза блеснули восторгом.

- Молодец, - похвалил он. - Давай закрепим успех. Поднимись повыше.

- Только ты не лови меня. Я сама остановлюсь.

- Не буду. У тебя здорово получается.

Алена скатилась еще несколько раз, с каждым заходом поднимаясь все выше и выше. Держалась на лыжах она уже увереннее и чувствовалось, ей это понравилось, даже в азарт вошла.

- Ты способная ученица, - искренне восторгался он, - я доволен тобой.

- Стараюсь, - возбужденно смеялась она.

- Ну, коли успехи налицо - давай поднимемся на самый верх поляны, - и показал рукой. - Во-он до того кедрача.

- Ой, это же далеко и так высоко.

- Но ты же смелая.

- Хочешь, чтобы я оттуда скатилась?

- Хочу.

- И сломала бы ногу? И чтобы еще у тебя осталась?

- Нет, милая Аленушка. Насчет остаться - с радостью бы. А ноги ломать не надо. Они у тебя такие прелестные. Этого я тебе не позволю. Просто мы поднимемся наверх, полюбуемся панорамой гор, а потом серпантинном, с остановками, скатимся вниз. Сохранность твоих конечностей и всего остального я гарантирую. Подниматься туда, с непривычки, трудновато, но зато увидишь оттуда такую красоту, что не пожалеешь.

- Ну если так...

- Разве я тебя когда обманывал? Ступай первой, чтобы видеть не мою спину, а окружающее великолепие. Оно стоит того, сама убедишься.

Они поднялись высоко, на самый конец поляны, к теплой зелени кедров, и там остановились, устало опершись на кайки. Алексей широко, дарящим жестом повел рукой вдоль горизонта и, выждав, пока наладится сбившееся дыхание, глядя на раскрасневшуюся Алену, произнес с нескрываемым торжеством:

- Любиуйся. Все это я дарю тебе на память.

- Ах, какая щедрость! Прямо-таки царская, - с веселой насмешливостью, певуче проговорила она, восхищенно глядя на раскинувшуюся перед ней панораму горных хребтов с острыми вершинами. Пронзившие поднебесье пики были слепяще белы от снегов и солнца и резко выделялись в густой синеве небо-склона. На них было больно смотреть. Ниже шли сверкающие гольцы, отполированные ветрами, а под ними бескрайне расстелилась тайга, вперемишку со скальными выступами. Плоские вершины кедров, в массивах, соседствовали с черными вкраплинами островерхих пихт и от этого хвойное разнорельефье казалось пестрым, облитым разноотонной зеленью и голубизной. А в самом низу, у подножья гор, раскинулось широкое ущелье речки Турги, и темнела там, среди деревьев и кустарников, крошечная избушка, придавленная шапкой снега.

- Ну, как, - горделиво пытал Алексей, - впечатляет?

- Божественная красота, - горячо прошептала Алена, будто громким голосом могла спугнуть видение. - А знаешь, что меня больше всего тут удив-

ляет? Что снег очень белый. В городе он какой-то серый. Наверно, от копоти труб и вообще от грязи. На руднике тоже - не первой белизны. А тут он невероятно белый. И вообще меня поражает чистота всего: снега, воздуха, леса.

- Здесь людей нет. Некому пачкать, - заметил Алексей.

- И хорошо, что нет. А красота тут, на самом деле, дивная. Просто неземная. Словами не пересказать. Я ничего подобного еще не видела. Только в кино. Но разве кино передаст все эти краски и оттенки, и эту прозрачность воздуха... До тех острых гор, наверно, много километров, а кажется, они - совсем рядом. - Расслабленно улыбнулась и тихо вздохнула своим мыслям.

- Да, Алексей, все прекрасно, а жить я бы тут не смогла. Ведь я коренная горожанка. Полубовалась на природу, поахала, и домой захотелось, в шумный и дымный город.

- Я ведь тоже не деревенский. Родился и вырос в Вятке. Как там у нас говорят: «вяцкий». А жить в городе мне не глянется. Тесно мне там, простору не хватает. И людей слишком много. Муравейник.

- Какие мы разные... - задумчиво проговорила Алена.

- Да это и хорошо. Если бы все люди были одинаковыми, то скучились бы либо в городе, либо в селе, либо, как я, на дикой природе. А поскольку разные, то и распределились равномерно. А вообще человек ко всему может привыкнуть. Верно сказал Пушкин:

Привычка свыше нам дана.

Замена счастию она.

- Мне кажется, я бы не смогла привыкнуть здесь жить. На прииске неделю пробыла, и то вся истосковалась. Все там до жути надоело, даже природа. Такая скукота. Тянуло в городской муравейник - спасу нет.

- Потерпи. Недолго осталось. Скоро приедешь в свой город, будешь сидеть в роскошном офисе, перед любимым компьютером. И вдруг вспомнишь Купеческую избушку. И как с горы каталась. И какой тут белый снег.

- Конечно, вспомню. И не раз.

- Кстати, как называется ваша фирма?

Алена посмотрела на него встревоженно.

- Зачем тебе?

- На всякий случай. Мало ли чего... Вдруг придется тебя искать.

- Лучше не знать.

- Почему?

- Дольше проживешь.

- Такая криминальная контора?

- Держись от нее подальше. Да и не нужна она тебе. Адрес мой знаешь. Так что приходи прямо к нам домой. И старайся незаметнее. Не мозоль глаза соседям. Если меня не будет дома, говори с моей мамон так же откровенно, как со мной. Она будет в курсе. По телефону не звони. Ни в коем случае.

- Понимаю. Будут прослушивать.

- Само собой. А из фирмы я уйду. Сразу, как вернусь в город.

- Что так?

- Есть причина.

- Коммерческая тайна?

- Личная.

- Не жалко бросать престижную фирму?

- Жалко - не жалко, а надо. Возникла такая необходимость.

- Есть на примете другая фирма? Еще круче?

- Ничего на примете нет. Просто ухожу и все. Так надо.

- Безработица уже не пугает?

- При желании, без работы никогда не останусь, - усмехнулась, загадочно блеснув глазами. - Меня в любой фирме возьмут. В русской, в смешанной или в чисто иностранной. Да и вообще в любой стране. Хоть в Штатах.

- Такой классный специалист?

- Представь себе.

- Наверное, по-английски шпрехаешь?

- Если уж на то пошло, шпрехают по-немецки. По-английски, пожалуй, спикают, - сказала она насмешливо.

- Ну и ты нормально спикаешь?

- Нормально. Почти как по-русски. Компьютер без английского слеп и глух, говорит моя мама. Так что язык осваивала с детства, вместе с техникой. Дома мы с мамой часто на английском разговариваем. Для практики.

Алексей смущенно улыбнулся.

- Знаешь, а ведь и я уже второй год учу английский. Самостоятельно. В институте-то его учили для профформы. Да и зачем он был нужен? Это сейчас без него нигде невпротык. Вывеску на магазине не прочитаешь.

- Тебе-то он на что? - улыбнулась она. - Вывески читать?

- Вывески - это так, к слову. А если серьезно, то промысловая охота здесь гложет. Зверя мало, за пушнину платят мизер. И какой резон уродоваться на путиках? В поселке у нас для иностранцев кемпинги строят. На берегу озера. Роскошные номера со всеми удобствами и даже со спутниковой связью. Будут приезжать богатые тузы из-за бугра. Полюбоваться природой, подышать чистым воздухом. Ведь таких мест в мире, не тронутых цивилизацией, почти не осталось. Ну и прикинул я, что выгоднее водить валютных охотников по тайге. Помогать им добывать охотничьи трофеи. Надо глухаря - покажу токовище. Требуется марал - приведу на солонец, в скрадок. Дудкой подманю ему быка с красивыми рогами - стреляй. Повесишь потом дома на стенку - все завидовать будут. А если хочешь в кабинет на пол шкуру медведя - свожу на берлогу. Короче, весь к вашим услугам, господа, у которых в кармане шуршат доллары. А что, избушки у меня есть. И любители экзотики из-за бугра найдутся. Надо только иметь с ними общий язык. Без него - глухо. Вот и учу на старости лет.

- Ты не такой уж и старый, - задумчиво заметила Алена.

- Спасибо за комплимент. - Он галантно приложил руку к груди. - А без английского не только у вас в городе, но скоро и в глухой тайге не обойтись. Пора, видно, и кобелька переучивать, - кивнул на умного пса, сидящего неподалеку и с явным недоумением смотрящего на веселого хозяина, так не похожего на себя, обычно сурового и работающего. - Эй, Дымок, - позвал Алексей громко. - Ю окэй? С тобой все в порядке?

Дымок вильнул колечком хвоста, метя снег.

- Видишь, уже шарит по-английски, - рассмеялся Алексей. - Он у меня башковитый. С иностранцами собирается работать.

- Смех-то смехом, а ты сам не хотел бы охотиться где-нибудь в Америке или в Австралии? - спросила Алена, одарив его долгим, изучающим взглядом.

- Интере-е-сный вопрос... - протянул Алексей. - Улыбка разом сползла с его лица, он задумался. - Вообще-то, судя по фильмам, тамошние промысловики живут не худо. Ты же профессионалов имеешь в виду? Не любителей?

- Таких, как ты.

- Значит, трапперов.

- Траппер - это, кажется, охотник на пушного зверя в Северной Америке?

- Молодец, - искренне восхитился Алексей. - Ты на самом деле здорово шарить в английском, коли такое знаешь. Так вот, избушки у трапперов - не сравнить с нашими. В бытовом смысле оборудованы полностью. И автономное электричество есть. А значит, и плита, и телевизор, и всякие другие новорочки. Там и снегоходы мощные, и оружие доброе. Продукты разнообразные с витаминами. О связи я уж и не говорю. Рация - у каждого, как предмет первой необходимости. Случись что - махом связался с миром и сообщил что надо. Возьмем наш случай. Неделю сидим и ждем спасателей. А была бы рация, вызвали бы поселок, и все вопросы бы решились. И не транжирились бы деньги на пустые поиски. Да что об этом говорить... Дикость сплошная.

- Значит, пошел бы в трапперы?

Алексей вздохнул.

- Я много о них читал, видел фильмов. Короче, сильно интересовался ими. Может, и не все у них гладко, но живут они получше нашего, это уж точно. Был бы помоложе, наверно, мечтал бы перебраться куда-нибудь на север американских штатов. Природные условия там близки нашим, сибирским, так что сильно переучиваться не пришлось бы. Но пересаживают, Аленушка, только молодые деревца. Корешочки у них восприимчивы к любой почве, легко приживаются на новом месте. А мне - поздновато. Затоскую я в чужих краях. Буду думать: как там моя Купеческая избушечка живет? Не скучает ли по мне? Ведь почти четверть века в этих местах протайговал, по всему течению Пыжи. Все тут настолько родное... При

- Понимаю. Будут прослушивать.

- Само собой. А из фирмы я уйду. Сразу, как вернусь в город.

- Что так?

- Есть причина.

- Коммерческая тайна?

- Личная.

- Не жалко бросать престижную фирму?

- Жалко - не жалко, а надо. Возникла такая необходимость.

- Есть на примете другая фирма? Еще круче?

- Ничего на примете нет. Просто ухожу и все. Так надо.

- Безработица уже не пугает?

- При желании, без работы никогда не останусь, - усмехнулась, загадочно блеснув глазами. - Меня в любой фирме возьмут. В русской, в смешанной или в чисто иностранной. Да и вообще в любой стране. Хоть в Штатах.

- Такой классный специалист?

- Представь себе.

- Наверное, по-английски шпыхаешь?

- Если уж на то пошло, шпыхают по-немецки. По-английски, пожалуй, спикают, - сказала она насмешливо.

- Ну и ты нормально спикаешь?

- Нормально. Почти как по-русски. Компьютер без английского слеп и глух, говорит моя мама. Так что язык осваивала с детства, вместе с техникой. Дома мы с мамой часто на английском разговариваем. Для практики.

Алексей смущенно улыбнулся.

- Знаешь, а ведь и я уже второй год учу английский. Самостоятельно. В институте-то его учили для профформы. Да и зачем он был нужен? Это сейчас без него нигде невпротык. Вывеску на магазине не прочитаешь.

- Тебе-то он на что? - улыбнулась она. - Вывески читать?

- Вывески - это так, к слову. А если серьезно, то промысловая охота здесь гложет. Зверя мало, за пушнину платят мизер. И какой резон уродоваться на путиках? В поселке у нас для иностранцев кемпинги строят. На берегу озера. Роскошные номера со всеми удобствами и даже со спутниковой связью. Будут приезжать богатые тузы из-за бугра. Полюбоваться природой, подышать чистым воздухом. Ведь таких мест в мире, не тронутых цивилизацией, почти не осталось. Ну и прикинул я, что выгоднее водить валютных охотников по тайге. Помогать им добывать охотничьи трофеи. Надо глухаря - покажу токовище. Требуется марал - приведу на солонец, в скрадок. Дудкой подманю ему быка с красивыми рогами - стреляй. Повесишь потом дома на стенку - все завидовать будут. А если хочешь в кабинет на пол шкуру медведя - свожу на берлогу. Короче, весь к вашим услугам, господи, у которых в кармане шуршат доллары. А что, избушки у меня есть. И любители экзотики из-за бугра найдутся. Надо только иметь с ними общий язык. Без него - глухо. Вот и учу на старости лет.

- Ты не такой уж и старый, - задумчиво заметила Алена.

- Спасибо за комплимент. - Он галантно приложил руку к груди. - А без английского не только у вас в городе, но скоро и в глухой тайге не обойтись. Пора, видно, и кобелька переучивать, - кивнул на умного пса, сидящего неподалеку и с явным недоумением смотрящего на веселого хозяина, так не похожего на себя, обычно сурового и работающего. - Эй, Дымок, - позвал Алексей громко. - Ю окэй? С тобой все в порядке?

Дымок вильнул колючим хвостом, метя снег.

- Видишь, уже шарит по-английски, - рассмеялся Алексей. - Он у меня башковитый. С иностранцами собирается работать.

- Смех-то смехом, а ты сам не хотел бы охотиться где-нибудь в Америке или в Австралии? - спросила Алена, одарив его долгим, изучающим взглядом.

- Интере-е-сный вопрос... - протянул Алексей. - Улыбка разом сползла с его лица, он задумался. - Вообще-то, судя по фильмам, тамошние промышленники живут не худо. Ты же профессионалов имеешь в виду? Не любителей?

- Таких, как ты.

- Значит, трапперов.

- Траппер - это, кажется, охотник на пушного зверя в Северной Америке?

- Молодец, - искренне восхитился Алексей. - Ты на самом деле здорово шарить в английском, коли такое знаешь. Так вот, избушки у трапперов - не сравнить с нашими. В бытовом смысле оборудованы полностью. И автономное электричество есть. А значит, и плита, и телевизор, и всякие другие наворотки. Там и снегоходы мощные, и оружие доброе. Продукты разнообразные с витаминами. О связи я уж и не говорю. Рация - у каждого, как предмет первой необходимости. Случись что - махом связался с миром и сообщил что надо. Возьмем наш случай. Недельку сидим и ждем спасателей. А была бы рация, вызвали бы поселок, и все вопросы бы решились. И не транжирились бы деньги на пустые поиски. Да что об этом говорить... Дикость сплошная.

- Значит, пошел бы в трапперы?

Алексей вздохнул.

- Я много о них читал, видел фильмов. Короче, сильно интересовался ими. Может, и не все у них гладко, но живут они получше нашего, это уж точно. Был бы помоложе, наверно, мечтал бы перебраться куда-нибудь на север американских штатов. Природные условия там близки нашим, сибирским, так что сильно переучиваться не пришлось бы. Но пересаживают, Аленушка, только молодые деревца. Корешочки у них восприимчивы к любой почве, легко приживаются на новом месте. А мне - поздновато. Затоскую я в чужих краях. Буду думать: как там моя Купеческая избушечка живет? Не скучает ли по мне? Ведь почти четверть века в этих местах протайговал, по всему течению Пыжи. Все тут настолько родное... При

одной мысли, что уеду - комок в горле... А ты сама не собираешься?

- Раньше только мечтала. Не с чем было туда ехать. Нищие там не нужны. А теперь засветила надежда. Начала подумывать всерьез.

- Собираешься там свое дело открыть?

- Почему бы нет? Если засветила надежда.

- А-а, ты имеешь в виду...

- Да, конечно. Ты меня правильно понял. То, что в мешочке, я переведу в твердую валюту. Но с нею у нас никуда не пойдешь. За мной постоянно будут присматривать. Лишнюю копейку не истратишь.

- Меня тоже будут пасти. В городе - проще, а в деревне - каждый на виду. Куплю в магазине кусок дорогой колбасы, а завтра весь поселок будет обсуждать. Вот, мол, маралatina ему уже поперек горла. На деликатесы потянуло. Не иначе, как вертолетного золотишка приворовал и шикует.

- Ты же мечтал самородок найти. С ним тоже не просто.

- Найти - одно, украсть - совсем другое. Будешь сидеть на грязных деньгах, дрожать и помалкивать. И думать, как их отмыть.

- Поэтому я тебя и спросила про зарубеж.

- С валютой туда тоже не выпустят. Спросят: откуда? И - конец.

- Это мне известно, - легким голосом отозвалась Алена. - Продумаю несколько вариантов. Не забывай, я - опытный программист и вхожу в Интернет. Тебе это слово что-нибудь говорит?

- Интернет? Вообще-то слышал, но что это - толком не знаю.

- Ну, и не знай. Тебе это ни к чему. Скажу только, что Интернет дает возможность получить информацию из любой точки Земли. И дать миру свою информацию. Но это так, к слову. А варианты... Например, оформлю фиктивный брак с богатым иностранцем и уеду из страны. Кто меня оставит и спросит про валюту? У меня на руках ее нет. Все вопросы - к мужу. А он найдет что ответить.

- Норма-а-ально... - усмешливо пропел Алексей, глядя на Алену с прищуром. - А как же я? Ведь мы с тобой повязаны. Можно сказать, поделнички.

- Подумала и о тебе, - сдержанно сказала Алена. - Про твой зарубеж.

- Найдешь там престарелую миллионершу?

Скосила на него лукавые глаза.

- Престарелой тебя отдавать жалко. Ты мужичок еще в соку.

- Возьми себе.

Она никак не отозвалась, будто не слышала его слов, и после некоторого молчания спросила, пылливо заглянув ему в лицо:

- А если я тебе открою счет в швейцарском банке?

- В швейцарском? Это круто. Ведь не утерплю, расхвастаюсь мужикам.

Дескать, знаете, в каком банке у меня счет? Аж в самом...

- Не ерничай, - с досадой оборвала Алена. - Дело серьезное.

- Ну, откроешь. И что, я за ними туда поеду? - Алексей начал злиться.

- Не сразу, конечно. Через некоторое время.

- Да кто меня туда пустит? Сразу ухайдокают.

- Не ухайдокают. Мы все просчитаем. Найдем безопасный вариант.

- А если с поездкой туда вообще не получится? Пойми, для меня что в Швейцарию ехать, что на луну лететь - нереально.

- У тебя есть дочь. Можно оформить счет на два имени. Кому-нибудь из вас эти деньги все равно сгодятся. Главное, чтобы они были.

- Помозгую на досуге, - вяло пообещал Алексей, лишь бы отвязаться. Но Алена не отставала от него, говорила с горячностью:

- Досуга не будет. Думай сейчас. И лучше - о себе. Поживи по-людски. Жалко мне тебя. Такой классный мужчина и - в нищете. Ничего не видишь, кроме этих гор. А в мире еще столько всего интересного. Лично я хочу разные страны посмотреть. Вдоволь попутешествовать.

- С собой-то за бугор не приглашаешь? - спросил шуливо, но в его голосе угадывалась затаенная обида.

- Нет, там я буду - сама по себе. Ты - сам по себе. У каждого своя жизнь. В нем все-таки теплилась слабая надежда.

- А если общая?

- У меня другие личные планы, - твердо сказала она, построжев лицом.

- И вообще мы с тобой квиты. Не так ли?

- Да, конечно, я понимаю... - выдохнул безнадежно. И опять вспомнил свой вещий сон. Вот, оказывается, почему он так жалел, что не может взлететь в высокое небо. Алена - молода, она под облаками, где уж ему со старыми крыльями подняться до нее. Его поздняя любовь смешна, и может вызвать в ней лишь сочувствие, а то и жалость, но не ответное чувство.

Глянул на ее тонкий профиль. Она смотрела вдаль, за гряды гор, и казалась сейчас еще моложе. На ее тугой щеке высветился нежный персиковый пушок, так умиляющей его. И хотя она, юная, налитая молодыми силами, стояла близко, и он слышал ее ровное дыхание, но всей своей сущностью Алена была далеко от него - в другом поколении, в ином, уже недоступном ему мире. Смотрела за горы жадно, пристально, будто пыталась заглянуть в свое будущее, где для него, Алексея, рядом места не находилось.

- Нет, Аленушка, никуда я отсюда не поеду, - проговорил он с глубинной грустью. - Ни к трапперам, в Северную Америку, ни в Швейцарию. Там хорошо, но мне туда не надо. Не поманивает. Съездил в позапрошлом году к отцу в Вятку. Вроде бы, родина, а веришь, дни считал, когда - обратно. Тянуло меня сюда со страшной силой. Крепко прирос я душой к здешней тайге. - Широко повел рукой, обводя перед собою все видимое пространство. - Эти уголья лишь на мне и держатся. Поселковые бракоши сюда не суются. Знают: не потерплю. Правда, из-за перевала каракокшинские лезут, но найду и на них укорот. Если бы не я, тут вообще было бы мертво. Все бы выбили подчистую: и соболей, и белок, и кабарожек, да и маралов тоже. Я-то промышляю бережливо. Все же - ученый охотовед. И вдобавок - мэнээс. То

одной мысли, что уеду - комок в горле... А ты сама не собираешься?

- Раньше только мечтала. Не с чем было туда ехать. Нищие там не нужны. А теперь засветила надежда. Начала подумывать всерьез.

- Собираешься там свое дело открыть?

- Почему бы нет? Если засветила надежда.

- А-а, ты имеешь в виду...

- Да, конечно. Ты меня правильно понял. То, что в мешочке, я переведу в твердую валюту. Но с нею у нас никуда не пойдешь. За мной постоянно будут присматривать. Лишнюю копейку не истратишь.

- Меня тоже будут пасти. В городе - проще, а в деревне - каждый на виду. Куплю в магазине кусок дорогой колбасы, а завтра весь поселок будет обсуждать. Вот, мол, маралатина ему уже поперек горла. На деликатесы потянуло. Не иначе, как вертолетного золотишка приворовал и шикует.

- Ты же мечтал самородок найти. С ним тоже не просто.

- Найти - одно, украсть - совсем другое. Будешь сидеть на грязных деньгах, дрожать и помалкивать. И думать, как их отмыть.

- Поэтому я тебя и спросила про зарубеж.

- С валютой туда тоже не выпустят. Спрячат: откуда? И - конец.

- Это мне известно, - легким голосом отозвалась Алена. - Продумаю несколько вариантов. Не забывай, я - опытный программист и вхожу в Интернет. Тебе это слово что-нибудь говорит?

- Интернет? Вообще-то слышал, но что это - толком не знаю.

- Ну, и не знай. Тебе это ни к чему. Скажу только, что Интернет дает возможность получить информацию из любой точки Земли. И дать миру свою информацию. Но это так, к слову. А варианты... Например, оформлю фиктивный брак с богатым иностранцем и уеду из страны. Кто меня оставит и спросит про валюту? У меня на руках ее нет. Все вопросы - к мужу. А он найдет что ответить.

- Норма-а-ально... - усмешливо пропел Алексей, глядя на Алену с прищуром. - А как же я? Ведь мы с тобой повязаны. Можно сказать, подельники.

- Подумала и о тебе, - сдержанно сказала Алена. - Про твой зарубеж.

- Найдешь там престарелую миллионершу?

Скосила на него лукавые глаза.

- Престарелой тебя отдавать жалко. Ты мужичок еще в соку.

- Возьми себе.

Она никак не отозвалась, будто не слышала его слов, и после некоторого молчания спросила, пытливым взглядом заглянув ему в лицо:

- А если я тебе открою счет в швейцарском банке?

- В швейцарском? Это круто. Ведь не утерплю, расхвастаюсь мужикам.

Дескать, знаете, в каком банке у меня счет? Аж в самом...

- Не ерничай, - с досадой оборвала Алена. - Дело серьезное.

- Ну, откроешь. И что, я за ними туда поеду? - Алексей начал злиться.

- Не сразу, конечно. Через некоторое время.

- Да кто меня туда пустит? Сразу ухайдокают.

- Не ухайдокают. Мы все просчитаем. Найдем безопасный вариант.

- А если с поездкой туда вообще не получится? Пойми, для меня что в Швейцарию ехать, что на луну лететь - нереально.

- У тебя есть дочь. Можно оформить счет на два имени. Кому-нибудь из вас эти деньги все равно сгодятся. Главное, чтобы они были.

- Помозгу на досуге, - вяло пообещал Алексей, лишь бы отвязаться. Но Алена не отставала от него, говорила с горячностью:

- Досуга не будет. Думай сейчас. И лучше - о себе. Поживи по-людски. Жалко мне тебя. Такой классный мужчина и - в нищете. Ничего не видишь, кроме этих гор. А в мире еще столько всего интересного. Лично я хочу разные страны посмотреть. Вдоволь попутешествовать.

- С собой-то за бугор не приглашаешь? - спросил шутливо, но в его голосе угадывалась затаенная обида.

- Нет, там я буду - сама по себе. Ты - сам по себе. У каждого своя жизнь. В нем все-таки теплилась слабая надежда.

- А если общая?

- У меня другие личные планы, - твердо сказала она, построжев лицом.

- И вообще мы с тобой квиты. Не так ли?

- Да, конечно, я понимаю... - выдохнул безнадежно. И опять вспомнил свой вещий сон. Вот, оказывается, почему он так жалел, что не может взлететь в высокое небо. Алена - молода, она под облаками, где уж ему со старыми крыльями подняться до нее. Его поздняя любовь смешна, и может вызвать в ней лишь сочувствие, а то и жалость, но не ответное чувство.

Глянул на ее тонкий профиль. Она смотрела вдаль, за гряды гор, и казалась сейчас еще моложе. На ее тугий щеке высветился нежный персиковый пушок, так умиляющей его. И хотя она, юная, налитая молодыми силами, стояла близко, и он слышал ее ровное дыхание, но всей своей сущностью Алена была далеко от него - в другом поколении, в ином, уже недоступном ему мире. Смотрела за горы жадно, пристально, будто пыталась заглянуть в свое будущее, где для него, Алексея, рядом места не находилось.

- Нет, Аленушка, никуда я отсюда не поеду, - проговорил он с глубинной грустью. - Ни к трапперам, в Северную Америку, ни в Швейцарию. Там хорошо, но мне туда не надо. Не поманивает. Съездил в позапрошлом году к отцу в Вятку. Вроде бы, родина, а веришь, дни считал, когда - обратно. Тянуло меня сюда со страшной силой. Крепко прирос я душой к здешней тайге. - Широко повел рукой, обводя перед собою все видимое пространство. - Эти уголья лишь на мне и держатся. Поселковые бракошники сюда не суются. Знают: не потерплю. Правда, из-за перевала каракокшинские лезут, но найду и на них укорот. Если бы не я, тут вообще было бы мертво. Все бы выбили подчистую: и соболей, и белок, и кабарожек, да и маралов тоже. Я-то промышляю бережливо. Все же - ученый охотовед. И вдобавок - мэнээс. То

есть, младший научный сотрудник научно-исследовательского института пушнина и звероводства.

Алена состроила удивленную гримаску, глаза ее округлились.

- Круто, - сказала она с одобрением.

- Это раньше было круто, а сейчас наука никому не нужна. Короче, хоть маленький, но ученый. Составляю научные прогнозы на ближайшие промысловые сезоны. По моим рекомендациям работает охототдел леспромхоза. Будь моя воля, я бы вообще тут закрыл охоту лет на пять. Чтоб зверь мог восстановить численность. Но кому это надо? Так что, если я уеду отсюда, все будут только рады. И через пару лет с этих угодий волки уйдут, и даже вороны улетят - им жрать тут будет нечего. Двуногие хищники все вычистят. И древостой выпластают. Кедр, правда, запретили валить, но наш леспромхоз и тут исхитрился. Под видом строительства дорог выпиливает широченные просеки. До самых гольцов выбривают тайгу... - Алексей вдруг осекся, глянул на притихшую Алену. - Заговорил я тебя? Извини. Все один и один. Не перед кем выговориться. Накопилось.

- Да нет, мне интересно.

- Эх, открыть бы здесь национальный парк! На всем левобережье озера. Чтобы люди зимой и летом ездили сюда не за шкурками и не за кабарожьими пуповинами, а отдохнуть душой, полюбоваться на это величие. В медицине есть новое направление - ландшафтотерапия. То есть, лечение красотой природы. Нервы успокаивает, восстанавливает жизненные силы. Ведь многие болезни - как раз из-за нервов. Я уж давно бьюсь над идеей национального парка. Пишу в газеты, в администрацию района и области, но пока - глухо. Меня не слышат. Отмахиваются: не до того, мол, других забот хватает. А как было бы здорово! - Лукаво улыбнулся. - Представь: приезжает однажды богатая американка, очень красивая, холеная дама. Со светло-русскими волосами и темно-серыми глазами с фиалковым отливом. Слышала, говорит, есть тут у вас так называемая Купеческая избушка на Турге. Имею желание на нее глянуть. «Да, - отвечают, - есть такая избушка, - и живет там безвылазно лесник-отшельник». Привезли ее туда на вертолете. Увидела она седовласого лесника и говорит ему: «Я весь земной шар обогнула колесом и крылом. Искала мужчину своей мечты, но так и не нашла нигде лучше тебя. Ты мне нужен».

- Не надо, Алексей, - тихо попросила Алена, шурясь от солнца.

- Ну, почему? Дай хоть помечтать.

- Не надо, а то заплачу.

- Ты же, вроде, улыбаешься.

- Сквозь слезы.

- Отчего?

- Не знаю.

- Плакать на морозе нельзя. А то выпцветут твои фиалковые глаза. Да и вообще, давай покатаемся потихоньку вниз. С небес на грешную землю.

Надо собраться и отдохнуть перед дорогой. Завтра у нас - трудный день. Прощайся с горами. И пусть они пожелают тебе удачи.

***

Уходил в небытие еще один короткий зимний день. Солнце уже свалилось за хребты, и таежные массивы на крутых склонах зачернели, теряя очертания и краски. В долину тургинского ущелья, с горных вершин, стекались густеющие синие тени, окутывая сумерками поднебесное пространство. Наступил короткий стык дня и ночи, когда все живое и неживое затихает в оцепенении, готовясь к переходу из света во тьму. И хотя ночь приходит на смену дня с начала сотворения Мира, и происходит регулярно, через определенное время, но смена эта всегда таинственна и грустна. Примолкли шумливые кедровки с сойками, и даже верховой ветерок перестал шевелить ветви на плоских вершинах кедров. Все притихло, все затаилось до первых проблесков утра.

Избушка, приютившаяся на высоком берегу речки Турги, среди могучих деревьев, тоже растушевана густеющими сумерками. Слабо светится крохотное оконце, выжелтив сугроб. Из ржавой жестяной трубы уперлась в морозное бледное небо сизоватая струя дыма. К стене избушки, под навесом, прислонены две пары широких лыж и два кайка. Рядом с ними, стволом вниз, висит ружье. Неподалеку от навеса, под кедром, в глубокой снежной лунке, свернувшись клубком и упрятав нос в пушистый хвост, дремлет Дымок. Острые кончики ушей чутко подрагивают, когда на речке стекляно лопается наледь.

В избушке Алексей и Алена неторопливо и с какой-то заостренной сосредоточенностью пили чай. Все главное было сказано и, как бы завершая деловой разговор, Алена бодрым голосом пожелала:

- Дай бог, все будет нормалек.

- Боюсь, в греховных делах Господь не помощник, - с легкой улыбкой отозвался Алексей. - Вся надежда на наших ангелов-хранителей. Только они нас могут пожалеть. У тебя, кстати, хороший ангел-хранитель? Он тебя выручает?

- Не он, а она. У меня ведь, по идее, должна быть хранительница женского пола. Ангелица или как ее там. Иногда она меня выручает. Когда в строении.

- Напрасно ее обижаешь, - с укором сказал Алексей. - Выжить в такой катастрофе... Твоя ангелица здорово старалась. Спаслась одна ты из пятых.

- Может и старалась, - вяло согласилась Алена. - Правда, она тут же на помощь еще двух мужчин позвала. Усатого летчика и тебя. Выходит, и ты мой ангел-хранитель.

- Спасибо за комплимент.

- Это не комплимент, а констатация факта. Вот только ангелом ты оказалась не слишком святым. Не упустил своего.

Алексей виновато опустил голову.

- Грешен, Алenuшка, грешен. Но со мной такого еще не было. Это что-то большое и чистое.

- Все вы так говорите, - произнесла она усталым, прогорклым голосом.

- Я не лукавлю. Это на самом деле так. Свалилась ты на меня, как снег среди лета. Нежданно-негаданно...

- И я не думала, что вместо города окажусь в глухой тайге. Хлопот я тебе, конечно, много принесла. Сколько ты со мной перемучался, бедный. Ладно, хоть собою рассчиталась за все твои старания.

- Не говори так, - нахмурился Алексей. - У меня к тебе совсем не то что ты думаешь. Жил спокойно, а теперь ты во мне навечно поселилась.

- Не переживай. Завтра уеду и сразу успокоишься. Найдешь себе в поселке симпатичную женщину и утешишься. И такие же слова будешь ей шептывать. Не я у тебя первая, не я - последняя.

- Меня теперь никто не утешит, кроме тебя. До самой смерти.

- Ой, только не надо... Я этого наслышалась за свою короткую жизнь. У меня к таким признаниям - аллергия. Все вы одинаковы. Вам лишь бы добиться своего, а потом куда все красноречие девается. Хватит, ладно?

- Как скажешь... - пасмурно отозвался Алексей.

- У меня испортилось настроение. Я лягу.

- Конечно, ложись. Извини, это я виноват. Про ангела-хранителя разговор затеял. Хотел сказать, что мой ангел перестал меня понимать. И мы в нем в ссоре.

Алена никак не отозвалась на его слова, пошуршала одеждой и притихла под овчиной, укрывшись с головой.

Алексей прибрал на столе, подбросил в печку дров и снова сел к столу.

- Лампу потушить? - спросил тихо.

- Как хочешь, - глухо выдохнула она.

Он задул лампу и глядел в оконце, где сияла полная луна.

- Чего сам не ложишься? - донеслось из-под овчины.

- Посумерничаю немного, - сказал он с грустью и, помолчав, продолжил тихим, безнадежным голосом: - А все-таки хорошо, что ты поселилась в моей душе. Что ты есть на свете. Что можно любить тебя даже без взаимности. Уже этим ты делаешь меня счастливым. И где бы ты ни была, знай, что есть в глухой тайге человек, преданный тебе. Как говорится, до последней капли крови. Костями лягу, но тебя в беде не оставлю. И это не просто слова, это - клятва. Вот так-то, мое небесное создание, - произнес тихим, но твердым голосом. И добавил: - Короче, только позови, приду сразу.

- Алексей, но ты же меня совсем не знаешь, - произнесла Алена с укоризной. - Даже странно от тебя слышать такие слова. Пожилой мужчина, а ведешь себя как мальчишка. Ну, понравилось тебе молодое тело. Это для

мужчин твоего возраста как наркотик. Возбуждает, взбадривает, а когда кончаются галлюцинации - начинаются мучения. Клянешься, а моя душа для тебя - потемки. Ну, скажи, разве не так?

- Мне кажется, я тебя знаю всю жизнь, - возразил он. - И душу твою чувствую глубоко. Как свою собственную. Ты - хорошая.

- Ох, Алексей, жаль мне тебя. Ты сам себя в капкан садишь.

- Я хочу в этот капкан.

- После сладких минут наступают и горькие. Они длятся дольше.

- Знаю. Я все знаю...

После этого они долго молчали. Алексею подумалось, что Алена уснула, но она, оказывается, не спала.

- Хочешь, расскажу одну поучительную историю? - донесся ее совсем не сонный голос. - Из моей жизни.

- Давай, - встрепенулся он.

Алена помолчала, собираясь с мыслями, поворочалась на нарах, видимо, устраиваясь поудобнее, и начала:

- В общем, так... После института мама устроила меня в фирму по компьютерному обеспечению предпринимателей. Фирма солидная, крепкая, но почти весь коллектив - старперы. Ужасно склочные. Постоянно ссорились, и на работу приходили с валидолом. Смотреть на них - тоска... И вот однажды появился у нас новый клиент. Высокий такой, симпатичный. Уверенный в себе. Ну и положил на меня глаз. Я это сразу почувствовала. Мне он тоже понравился. Особенно его хозяйская самовитость. Сразу тогда подумалось: этому что в руки попадет - не упустил. Предложил мне встретиться. Я согласилась. А сама тайком проверила его досье. Узнала пароль, и когда в компьютерном зале никого не было, вошла в банк данных клиентуры. Много интересного о нем узнала. В профессиональном плане и в личном тоже. Бывший геолог. Одно время работал начальником разведочной партии в Горном. Создал прииск, прибрал к рукам еще несколько мелких старательских артелей. В общем, ворочал крупными делами. А офис его - в Барнауле. Мы стали встречаться. Потом он предложил мне перейти к нему. Пообещал купить самый современный компьютер и даже портативный ноутбук. Для командировок. Мне запомнилась его фраза: «Мы будем всегда рядом». Уже позже, когда я все это анализировала, до меня дошел смысл сказанного. Я с удивлением поняла, что «рядом» не означает «вместе». Но в то время казалось, что у него ко мне - серьезные намерения. Относился он ко мне прекрасно. Купил в свой офис и компьютер, и ноутбук - как обещал. На свидание всегда приходил с цветами. Это были три алые розы. А как он на меня смотрел...

- Нежнее, чем я? - ревниво спросил Алексей.

- Не знаю, но тоже очень-очень нежно. Думала, все у нас - нормалек. Ждала, когда он сделает предложение. На работе, конечно, все знали про наши отношения, и не считали это флиртом. Я бы это сразу почувствовала. Наоборот, считали, что мы - жених и невеста, и что у нас все обговорено.

Так продолжалось долго, почти полгода. И вот эта командировка. Вообще-то он и раньше брал меня в поездки, взял и на этот раз. С ноутбуком... - Алена судорожно перевела дух. - Ну, приехали мы на прииск. И так случилось, что к нам туда нагрянул ревизор из налоговой службы.

- Как у Гоголя, - с сарказмом заметил Алексей.

- Да, - согласилась Алена. - И стал этот ревизор копать. И у моего шефа, вижу, сильно портится настроение. Куда вся самовитость делась. А потом и вообще раскис. Я его таким еще не видела. А ревизор - мужичок в годах, глаза хитрые и масляные. Все на меня поглядывал. Смотрит и - мурашки по коже. Днем шеф с ревизором сидят в кабинете, разбираются с бумагами. Вечером ревизор уходит в гостиницу. Один. Без шефа. По-моему, они не выпивали вместе. А это, как я понимала, плохой признак. Ревизор выкопал что-то серьезное, и потому держался на расстоянии и очень официально.

- Тяжелый случай, - сказал Алексей сочувственно.

- Для меня - в особенности. И вот после того, как ревизор ушел в гостиницу, захожу к шефу. Тот сидит за столом, обхватив руками голову. Весь в отчаянии. «Неужели так плохо?» - спрашиваю его. Отвечает: «Плохо. Хуже некуда. Только ты можешь спасти». «Я? В каком смысле?» «В прямом. Отнеси ему пакет». И кивнул головой в сторону сейфа. Там, на полу, стоял пластиковый пакет, наполненный чем-то. Спрашиваю: «что в пакете?» «Выпивка и закуска». «Почему бы тебе самому не отнести?» «Ему будет приятнее, если принесешь ты. Он об этом намекнул». Веришь, Алексей, у меня чуть ноги не подкосились. Почувствовала, как лицо жаром обдало. Оно прямо горело от стыда. Ведь поняла, что шеф подставляет меня этому ревизору. Хотела заглянуть ему в глаза, но тот смотрел на столешницу. Глаз на меня так и не поднял... - Алена замолчала.

- И что ты? - нетерпеливо спросил Алексей.

Вздыхнула с горечью.

- А что я? Молча взяла пакет и пошла в гостиницу. Там у нас гостевой коттедж был. Впрочем, он и сейчас есть. Просто все это для меня уже в прошлом. У коттеджа - два выхода. С одной и с другой стороны. По две комнаты. С правой стороны в одной комнате жила я, в другой - шеф. А левую часть коттеджа отдали ревизору. Вот к нему я и постучалась. Он открыл сразу, будто ждал и стоял у двери. Просиял весь. Представляешь?

- Еще как, - напряженным голосом отозвался Алексей.

- Мужичок засутился, взял у меня пакет, выставил на стол две бутылки коньяка и шампанское. Еще в пакете была колбаса, кусок копченого тайменя и коробка шоколадных конфет. Красивая такая коробка. На ней нарисованы розы. Почти такие же, какие он мне дарил. В первую минуту мне хотелось повернуться и уйти. Потом подумала: а может поговорить с ним по-человечески? Объяснить ему ситуацию, вдруг да поймет. Ну, сели мы к столу. Я чуть пригубила шампанского, чтоб его не обидеть и стала говорить. Рассказала, что мы с шефом собираемся пожениться. И о том, какой он хоро-

ший, честный и порядочный. И как много работает. И как доверяет людям. Ну, просто ангел. И ты знаешь, это мужичок понял меня. Оказался человеком. Пообещал спустить наше дело на тормозах, а меня отпустил. Ох, как же я его благодарил: даже в щечку поцеловала. А сама - в двери и скорей - в свою половину. Шефа там не оказалось. Побежала в контору. Но его не было и в конторе. Мне хотелось поскорее его найти и все рассказать. Не нашла. Вернулась в свою комнату, стала ждать: не хлопнет ли входная дверь. До утра не спала, ворочалась и все ждала. Но он так и не появился. Представляешь мое состояние? Утром прихожу на работу - шеф на месте. Но это уже другой человек. Взгляд - холодный, голос - сухой. Меня в упор не видит. Я ему, естественно, все рассказала, а он выслушал и на губах - усмешка. Вижу, не верит мне ни на грамм.

- А может, не хотел верить? - сказал Алексей.

- Я так и поняла. Ведь сказала же ему, что ревизор пообещал не применять санкции. Шеф, наверно, подумал: «А с чего это он вдруг стал таким добрым? За то, что просто посидела с ним? Кто в это поверит? Деловые люди делают добро только за что-то». И коли уж шеф отдал меня этому ревизору, то на сто процентов уверен был, что тот воспользуется. И даже сам куда-то на ночь исчез. Не хотел ревизору мешать. А может и специально ушел. Дескать, будет там у них что-то или нет, а у меня теперь есть право не верить.

- Значит, твоему шефу это надо было, - сказал Алексей уверенно.

- Что - надо?

- Избавиться от тебя. И подвернулся ревизор.

- Тут две версии. Либо хотел рассчитаться мною, либо искал повод. И нашел. А может и то и другое. В общем, я поняла: в этой фирме мне больше делать нечего. Позвонила в город маме, попросила вызвать меня телеграммой. Остальное ты знаешь.

- Вот тебе и шеф, - раздумчиво проговорил Алексей. - Кстати, ты его ни разу не назвала по имени. Все шеф да шеф.

- Не хочу даже произносить его имя.

- Извини за нескромный вопрос... Ты была с ним близка?

Алена помолчала и тихо выдавила:

- Да, была.

- И еще... - продолжил Алексей со смущением. - Неловко спрашивать, но раз уж у нас такой разговор... Короче, ты ему досталась девушкой? Или нет?

- Это что, так важно?

- Может, и не важно, но... - Алексей замаялся, подыскивая слова помягче. Алена перебила его.

- А если не девушкой, то что?

- Ничего. Просто подумалось, вдруг в этом и причина? Все-таки, что ни говори, а надкушенное яблочко... А для женитьбы...

Так продолжалось долго, почти полгода. И вот эта командировка. Вообще-то он и раньше брал меня в поездки, взял и на этот раз. С ноутбуком... - Алена судорожно перевела дух. - Ну, приехали мы на прииск. И так случилось, что к нам туда нагрянул ревизор из налоговой службы.

- Как у Гоголя, - с сарказмом заметил Алексей.

- Да, - согласилась Алена. - И стал этот ревизор копать. И у моего шефа, вижу, сильно портится настроение. Куда вся самовитость делась. А потом и вообще раскис. Я его таким еще не видела. А ревизор - мужичок в годах, глаза хитрые и масляные. Все на меня поглядывал. Смотрит и - мурашки по коже. Днем шеф с ревизором сидят в кабинете, разбираются с бумагами. Вечером ревизор уходит в гостиницу. Один. Без шефа. По-моему, они не выпивали вместе. А это, как я понимала, плохой признак. Ревизор выкопал что-то серьезное, и потому держался на расстоянии и очень официально.

- Тяжелый случай, - сказал Алексей сочувственно.

- Для меня - в особенности. И вот после того, как ревизор ушел в гостиницу, захожу к шефу. Тот сидит за столом, обхватив руками голову. Весь в отчаянии. «Неужели так плохо?» - спрашиваю его. Отвечает: «Плохо. Хуже некуда. Только ты можешь спасти». «Я? В каком смысле?» «В прямом. Отнеси ему пакет». И кивнул головой в сторону сейфа. Там, на полу, стоял пластиковый пакет, наполненный чем-то. Спрашиваю: «что в пакете?» «Выпивка и закуска». «Почему бы тебе самому не отнести?» «Ему будет приятнее, если принесешь ты. Он об этом намекнул». Верить, Алексей, у меня чуть ноги не подкосились. Почувствовала, как лицо жаром обдало. Оно прямо горело от стыда. Ведь поняла, что шеф подставляет меня этому ревизору. Хотела заглянуть ему в глаза, но тот смотрел на столешницу. Глаз на меня так и не поднял... - Алена замолчала.

- И что ты? - нетерпеливо спросил Алексей.

Вздохнула с горечью.

- А что я? Молча взяла пакет и пошла в гостиницу. Там у нас гостевой коттедж был. Впрочем, он и сейчас есть. Просто все это для меня уже в прошлом. У коттеджа - два выхода. С одной и с другой стороны. По две комнаты. С правой стороны в одной комнате жила я, в другой - шеф. А левую часть коттеджа отдали ревизору. Вот к нему я и постучалась. Он открыл сразу, будто ждал и стоял у двери. Просил весь. Представляешь?

- Еще как, - напряженным голосом отозвался Алексей.

- Мужичок засуетился, взял у меня пакет, выставил на стол две бутылки коньяка и шампанское. Еще в пакете была колбаса, кусок копченого тайменя и коробка шоколадных конфет. Красивая такая коробка. На ней нарисованы розы. Почти такие же, какие он мне дарил. В первую минуту мне хотелось повернуться и уйти. Потом подумала: а может поговорить с ним по-человечески? Объяснить ему ситуацию, вдруг да поймет. Ну, сели мы к столу. Я чуть пригубила шампанского, чтоб его не обидеть и стала говорить. Рассказала, что мы с шефом собираемся пожениться. И о том, какой он хоро-

ший, честный и порядочный. И как много работает. И как доверяет людям. Ну, просто ангел. И ты знаешь, это мужичок понял меня. Оказался человеком. Пообещал спустить наше дело на тормозах, а меня отпустил. Ох, как же я его благодарила: даже в щечку поцеловала. А сама - в двери и скорей - в свою половину. Шефа там не оказалось. Побежала в контору. Но его не было и в конторе. Мне хотелось поскорее его найти и все рассказать. Не нашла. Вернулась в свою комнату, стала ждать: не хлопнет ли входная дверь. До утра не спала, ворочалась и все ждала. Но он так и не появился. Представляешь мое состояние? Утром прихожу на работу - шеф на месте. Но это уже другой человек. Взгляд - холодный, голос - сухой. Меня в упор не видит. Я ему, естественно, все рассказала, а он выслушал и на губах - усмешка. Вижу, не верит мне ни на грамм.

- А может, не хотел верить? - сказал Алексей.

- Я так и поняла. Ведь сказала же ему, что ревизор пообещал не применять санкции. Шеф, наверно, подумал: «А с чего это он вдруг стал таким добрым? За то, что просто посидела с ним? Кто в это поверит? Деловые люди делают добро только за что-то». И коли уж шеф отдал меня этому ревизору, то на сто процентов уверен был, что тот воспользуется. И даже сам куда-то на ночь исчез. Не хотел ревизору мешать. А может и специально ушел. Дескать, будет там у них что-то или нет, а у меня теперь есть право не верить.

- Значит, твоему шефу это надо было, - сказал Алексей уверенно.

- Что - надо?

- Избавиться от тебя. И подвернулся ревизор.

- Тут две версии. Либо хотел рассчитаться мною, либо искал повод. И нашел. А может и то и другое. В общем, я поняла: в этой фирме мне больше делать нечего. Позвонила в город маме, попросила вызвать меня телеграммой. Остальное ты знаешь.

- Вот тебе и шеф, - раздумчиво проговорил Алексей. - Кстати, ты его ни разу не назвала по имени. Все шеф да шеф.

- Не хочу даже произносить его имя.

- Извини за нескромный вопрос... Ты была с ним близка?

Алена помолчала и тихо выдавила:

- Да, была.

- И еще... - продолжил Алексей со смущением. - Неловко спрашивать, но раз уж у нас такой разговор... Короче, ты ему досталась девушкой? Или нет?

- Это что, так важно?

- Может, и не важно, но... - Алексей замялся, подыскивая слова помягче. Алена перебила его.

- А если не девушкой, то что?

- Ничего. Просто подумалось, вдруг в этом и причина? Все-таки, что ни говори, а надкушенное яблочко... А для женитьбы...

- Ох, и бессовестные же вы, мужики, - вспыхнула Алена. - Я значит, надкушенное яблочко, а он - невинный мальчик? Ты, Алексей, отстал от жизни в своей тайге. Может, в глухих деревнях девицы еще и берегут невинность для будущего мужа, а в городе об этом давно никто не думает. Да и зачем беречься? Она - невинна, а он многих перепробовал. Ей, разве, не обидно? Нынче мужчины и женщины уравнины в правах. Парень не должен требовать от девушки того, что сам давно потерял. Да и не в целомудрии дело. Тебе вон попало целое яблоко, ни кем не надкушенное, а что толку? Ты хорошо с ней живешь? Ты счастлив? Главное для семейной жизни - найти родственную душу. Разве не согласен?

- Ты права, - согласился Алексей со вздохом, - дурак твой шеф.

- Да катись он... Мне назад пути нет.

- А что впереди?

- В личном плане? Пока не знаю. Никого на примете нет. - Коротко рассмеялась. - Ну вот, видишь, какая я нехорошая? Да еще не все знаешь. Я тебе только краешек своей жизни показала. А ты клянешься в вечной любви. Лезешь в капкан. Ладно, не переживай, прошая.

- Не надо меня прощать. - Алексей поднялся и пересел к Алене на нары. Нашел рукой ее голову, стал бережно перебирать легкие волосы. - Какая ты ни есть, - заговорил тихим, проникновенным голосом, - а прирос я к тебе за эту неделю так, что оторвать можно только с мясом. У меня пустовало сердце. Оно всегда кого-то ждало. Вот кедровый орешек завалиется где-то в сухоте и лежит себе, ждет часа. Потом попадет во влажную почву и прорастет. Так и я. Дождался своего часа и ожил душой. Ты меня разбудила к жизни. Большое это счастье - любить. Даже без взаимности.

Алена усмехнулась под его рукой.

- Синдром стареющего мужчины?

- Возможно, - покорно согласился он.

- А если бы вместо меня оказалась другая? Тоже бы орешек пророс?

- Не знаю, - вздохнул он. - Может, и пророс бы. Но пришла ты.

- Свалилась на твою седеющую голову, - уточнила она.

- Свалилась. И за эти дни мы с тобой столько всего вместе пережили, что другим хватило бы на целую жизнь. Разве не так?

- Да, приключений было предостаточно. Даже с избытком.

- И теперь мы повязаны с тобой крепкими веревками. Согласна?

- Но в личном плане я - свободна, - строго предупредила она. - Ты об этом знай и всегда помни.

- Знаю. Живи как хочешь и с кем хочешь. Но душой я всегда буду рядом с тобой. И пути мне назад тоже нет. И не будет.

- Это твой вопрос, - сухо отозвалась Алена и хотела вывернуться из-под его руки, но он не отпустил. Бережными прикосновениями ласкал ее щеки и шею.

- Я понимаю умом, - говорил он доверительно, как бы размышляя вслух - ты еще такая молодая, а я пожилой мужик. И что мы сильно разные. А вот ничего с собой поделать не могу. Ты мне разрешишь надеяться?

- На что? - осторожно осведомилась она.

- Что когда-нибудь будем вместе. Не рядом, а вместе. Поняла?

- Ты - романтик. Но то, о чем мечтаешь, маловероятно. Пойми это.

- Понимаю. Но надеяться-то можно? - Упрямо гнул свое.

- Надейся. Как жить совсем без надежды? Пусть даже неосуществимой.

Надежду я отнять не могу. Это жестоко.

- Спасибо, - растроганно прошептал Алексей.

- На здоровье, - в тон рассмеялась она и, ощутив его горячую ладонь на своей груди, возмутилась горячим шепотом. - Ой, Алексей, что ты со мной делаешь? Зачем ты опять заводишь меня? Я же не бесчувственная чурка. Отпусти. Слышишь? Мы же договорились.

- Милая моя Аленушка, - горячечно зашептал он, - можно я рядышком с тобой полежу? Напоследок.

- Тебя пусти, так ты...

- Я буду смирный-смирный. Вот увидишь. - Его заливал нахлынувший жар. Враз пересохла губы, и сердце готово было вырваться из груди.

- Ну ладно, - выдохнула она жертвенно. - В случае чего - прогони.

Прижался к ней, нашел жадными губами ее теплые губы и прильнул к ним, как истомленный жаждой к чистому источнику.

- Ой, Алексей, что ты делаешь... Мне же завтра - к врачам...

- Я буду нежно-нежно...

- Попался бы мне такой муж, - в изнеможении выдохнула она под его ласками. - Свалился на мою голову, ненасытный...

* * *

Алексей плотно прикрыл за собой дверь избушки, вскинул на плечи рюкзак, нацепил лыжи, снял с гвоздя ружье, подхватил каек и заспешил к Алене, которая ждала его поодаль от навеса, уже полностью собранная в дорогу. На ногах у нее были ботинки Алексея с его же лыжами. Еще Алексей предложил ей поверх шубки надеть белый маскировочный халат, чтобы колючими ветвями не испортить дорогой мех, но она решительно отказалась. «Не хочу выглядеть пугалом». «Да кто тебя тут увидит?» «Все равно мне будет противно в этом грязном халате». Так и не уговорил. Только суконные рукавички-верхонки поверх изящных перчаток она все-таки натянула, чтобы руки не зябли. Ожидая Алексея, Алена, щурясь от солнца, рассеянно оглядывала окрестности.

- Ну что, попрощаемся с избушкой? - спросил Алексей.

- Я уже попрощалась. Мысленно.

- А я еще нет. - И он поклонился зимовью. - Спасибо тебе, избушечка, за уют и тепло. Ты согрела не только тело, но и душу. Не скучай, я скоро

вернусь. - После этого он обернулся к Алене, молча наблюдавшей за ним со снисходительной улыбкой. - Не хочешь еще раз за речку глянуть?

- Уже поглядела.

- Хорошо место запомнила?

С недоумением глянула на него.

- Зачем?

- А на всякий случай. Мало ли что тут может со мной случиться. Случайно наеду лыжами на чело берлоги, медведка осердится и заломает меня.

- Не наезжай на медведей, и будешь цел.

- Не я наеду, так на меня наедут. Те же волчки.

- Нет уж, пусть с тобой ничего не случается. Веди себя разумно и не суйся ни к медведкам, ни к волчкам, ни к дурным людям. Помни: я жду тебя в городе до июня. Но ты постарайся раньше.

- Буду стараться. Чтобы поскорее увидеть тебя. Вот какой я нехороший. Еще не расстались, а уже начинаю скучать.

- Скорее приедешь, скорее увидишь.

- Ясно. Тогда помели?

- Помели. Только не очень быстро.

Припорошенная снегом лыжня была не слишком скользкая, лыжи по ней катили мягко и бесшумно. Алексей шел впереди, поминутно оглядываясь: как там Алена? Но она оказалась способной ученицей, и довольно уверенно скользила за ним, не притормаживая кайком на коротких горках. Впрочем, особых перепадов высот здесь не было. Турга стремилась к Пыже плавно, без заломов и водопадов, так что катиться вниз, не прилагая больших усилий - сплошное удовольствие. Оглядываясь, Алексей видел раскрасневшуюся Алenu и, судя по ее лицу, ей нравилась эта вынужденная прогулка.

Алексей чуть прибавил ходу, и успевал по пути подправлять петельки на жердях и обихаживать редкие капканы. Дымок облаял несколько белок, но хозяин стрелять их не стал, и кобель потрусил по лыжне, не сворачивая больше в глубокие сугробы. Нерабочее состояние хозяина передалось ему, и умная собака больше голоса не подавала.

До Базовой избушки добрались без приключений к часу дня. Алексей сразу затопил печку и поставил чайник. Алена сняла шубку и обсушилась перед печкой. Лицо ее так и светилось от новых впечатлений.

- Какая прелесть - здесь кататься, - говорила она, блестя глазами. - Будто и не катишься, а плывешь. Сроду такого наслаждения не испытывала. И ни чуточки не устала. Наоборот, какую-то свежесть в себе почувствовала. Меня прямо всю расpiraет и от катанья, и от тайги, и от погоды. Все чудно!

- Я рад, что тебе понравилось, - улыбался Алексей, - а вообще из тебя бы добрая таежница получилась. Иди ко мне в напарники. Будешь тут лесной феей.

- Вот если на горки будешь затаскивать - подумаю.

- Конечно, буду. Куда я денусь! - сказал Алексей, разливая чай. - Только согласись. На любую гору заташу.

- В другой раз. Сначала домой съезжу, - размягченно улыбалась Алена.

- Представляю, как тебя домой тянет, - посочувствовал Алексей.

- Хочется поскорее маму увидеть, успокоить ее. Она там, беденькая, вся изболелась за меня. Сижу, как на иголках. Встала бы и побежала. Сил нет терпеть. Мы скоро выходим?

- Попьем чаю, пять минут посидим перед дорожкой и - в путь.

- Нам еще долго идти?

- С полчаса. Вверх по Пыже. Потом поднимемся на высокий, крутой берег. Там - лесовозная трасса. По ней, с лесосек, возят хлысты в Иогач. Дожидаемся лесовоза и на нем - в поселок.

- Скорее бы, - мечтательно сощурилась Алена.

- Успеешь, - проговорил он задумчиво. - Теперь насчет акклиматизации. Уши закладывало, когда спускались?

- Да, было. А что?

- Мы теряли высоту. Почти километр сбросили. До поселка еще метров пятьсот по вертикали вниз. Так что еще будет уши закладывать, когда поедем на лесовозе. Но это - акклиматизация организма. А есть и психологическая.

- И как она проходит?

- Сложнее. Понимаешь, то, что высоко в горах тебе кажется справедливым и логичным, внизу может вызвать сомнение. На себе испытал.

Алена насторожилась.

- К чему ты клонишь?

- Да все к тому же. Ты уверена, что мы верно поступили с мешочком?

- А ты, вижу, засомневался?

- Речь не обо мне. Я сделаю так, как ты скажешь. Лишь бы сама была уверена, что делаешь правильно. И не засомневалась бы в городе.

- Сейчас уверена, - сказала Алена твердо. - Думаю, останусь при этом мнении и в городе. После психологической акклиматизации.

Коротко кивнул.

- Ну что ж, ладно. И все равно, для гарантии, черкни мне из города письмишко. Так, мол, и так, поправляюсь, чувствую себя лучше. И я пойму, что все нормально. Договорились?

- Хорошо, письмо будет. А на какой адрес посылать?

- Иогач, Солину.

- Жена не заревнует?

- Может, даже зауважает. - Усмехнулся невесело и поднялся. - Ну, все. Одеваемся и выходим. Готова?

- Алена быстро поднялась, надела шубу и отчего-то замешкалась. Пытливо заглянула ему в лицо.

- Алексей, тебя, вижу, гложет совесть. Не мучайся. Мы взяли у жуликов. Если б ты знал, что они творят...

Положил ей руки на плечи и, поправляя капюшон шубы, мягко улыбнулся.

- Я о них не думаю. Я думаю только о тебе.

- Акклиматизируешься в поселке и забудешь про меня, - улыбнулась она.

- Исключено. Но писать тебе о своих чувствах не стану. Из конспирации.

- Взглянул на часы, озабочился. - Все, пошли. А то не только на лесовоз, но и на вахтовый автобус не успеем. Он может пройти раньше.

Они скользили на широких лыжах по заснеженной Пыже. Небо над ними стелилось синее и чистое, без малейшего облачка и дымки. Солнце висело над горами, так щедро серебрил снега, что слепило глаза. Путик замело напрочь, он совершенно не проглядывался, и Алексей торил новый вдоль берега, рядом с переходной волчьей тропой.

- Кто тут бегал? - крикнула Алена из-за спины.

- Волчки, - сказал он, не оборачиваясь.

- Да ты что! - встревожилась она. - Можно, я пойду впереди?

- Быстро устанешь по целине-то.

- Зато сзади не схватят.

- Они таких красивых не трогают. Впрочем, как хочешь.

Алена обогнула его и пошла впереди. Алексей сзади иногда советовал взять левее или правее, где легче идти. Река тут была спокойна, без порогов и скальных прижимов. Не темнели поляны, не было наледей и вздутий. Иди себе спокойно, любуйся окружающей природой. Сам Алексей уже по привычке к пыжинским красотам, но сейчас смотрел на все глазами Алены и как бы заново открывал для себя исхоженные им места вдоль и поперек. Оказывается, берега реки здесь просто чарующи. Правый - крут, подступает к самой стремнине, и слышно, как в глубине шумит вода. Нависшие скалы в густой изморози, посверкивающей многоцветными огоньками. Свесились под тяжестью морозного опушения кусты маральника со свернутыми на зиму живыми листочками. А над маральником и скалами громоздятся кедры, недвижимые в зимней дреме.

Левый берег, вдоль которого они шли, поположе, хотя и попадаются скальные островки. Он густо обрамлен кустарниками и прозрачными кронами берез, напоминающими слабый дым костра. Выше, на взгорьях, темнеют кедряки, поднимаясь все выше и выше, а над ними сияют белые шапки гольцов. А сама Пыжа! Выстеленная среди дремучих гор, она так и манит ступить на девственно чистые снега над ледяным панцирем и глянуть за очередной ее поворот, где открываются все новые и новые пейзажи.

Алене то ли передалось его настроение, а может и сама испытывала то же самое, потому что обернувшись прокричала восторженно:

- Вот так бы шла и шла! И чтобы река эта не кончалась!

- Не утомилась? - заботливо поинтересовался он. - Тебя сменить?

- Нет! Хочу впереди! Отсюда такой вид! Все-таки, я ужасно люблю путешествовать. И я объеду весь мир! Чего бы это ни стоило!

- Я сам люблю бывать в новых местах. Жаль, сейчас наше путешествие заканчивается. Точнее, лыжная часть. Сворачивай вправо и лезь в гору. Но не в лоб, а наискосок. Туда как раз Дымок свернул.

- Как? Неужели уже пришли? - Алена казалась разочарованной.

- В ста метрах отсюда - трасса. Ее не видать за деревьями.

- А я бы еще шла и шла, - сказала Алена с сожалением.

- Теперь уж в другой раз.

- Другого раза может не быть.

- Да, милое небесное создание, сказка кончается.

- Верю, здешний охотник, - отозвалась Алена, поднимаясь по склону все выше и выше. Перелезла высокий сугроб и ступила на накатанную до блеска автомобильную трассу, откуда Дымок приветственно покачивал кольцом хвоста.

- Все? - спросила она, когда Алексей встал рядом, взяв Дымка на поводок.

- Как видишь. Снимай лыжи. Больше они тебе не нужны. Делай, как я. Поднимаем пятку повыше и высвобождаем носок. Ну? Молодец, получается. Теперь разворачиваем ногу и стряхиваем лыжу. Стряхнули. Теперь другую ногу.

- Мне их жалко снимать, - виновато улыбнулась Алена. - Привыкла. Особенно интересно на них в гору лезть. Назад не скользят, и поэтому уверенно себя чувствуешь, надежно.

- А с горки?

- А с горки вообще - блеск. Такое чувство, будто летишь. Завидую тебе.

Он улыбнулся ей с тихой печалью, взял обе пары лыж, ружье и все это спрятал за придорожным сугробом, под кедровой колодиной.

- Может, мне сапоги надеть? - неуверенно спросила Алена, оглядывая громоздкие обувки на своих ногах, выглядевшие комично на фоне ее модной шубы и шапочки.

- Что, застеснялась? Цивилизацию зачуяла?

- Немножко, - мило смутилась Алена.

- Потерпи. Нам еще машину ждать, да потом ехать около двух часов. Ноги заморозишь. В больнице переобуешься.

Алексей напряженно вглядывался в даль дороги, теряющейся за поворотом, вслушивался в тишину, но машин что-то не было, хотя шел уже четвертый час, и небо предзакатно вызолотилось.

Он рассчитывал на лесовоз. Там, в кабине, только шофер, а не горластая бригада вальщиков, среди которой они будут сидеть с Аленой, как на клубной сцене перед зрителями. И не просто сидеть, а отвечать на вопросы дотошных мужиков, слыша многозначительные покашливания и смешки. Не хотел он этого, но из-за поворота, как назло, высветилось оранжевое пятно вахтового автобуса.

Руку Алексей не поднял, не было такой нужды. Вахтовка сама остановилась. Алексей открыл дверцу, поднял и вбросил внутрь Дымка, следом за ним - рюкзак. Потом сам вскарабкался на высокую ступеньку и уже оттуда, сверху, втащил за руку Алену.

Своих собак промысловики постоянно возят в вахтовке, так что на Дымка никто из мужиков особого внимания не обратил, и тот привычно лег в проходке. И если бы Алексей следом за собой втащил живого медвежонка, то это, конечно, вызвало бы веселое оживление в салоне и даже некоторую панику. Но слишком бы этому не удивились: человек идет из тайги, может ему кто-то заказал зверя, да мало ли какая блажь втемяшится в одичавшую головушку штатного охотника. Но когда среди мужиков в лохматых шапках и телогрейках появилась, будто сойдя с глянцевого обложки модного журнала порозовевшая от смущения Алена и ставшая от этого еще красивее, мужики оказались не просто в шоке. Они превратились в безмолвные изваяния с остекленевшими глазами. Когда Алексей распахивал дверь вахтовки, оттуда несся веселый гвалт. Обычно мужики всю дорогу рассказывают анекдоты, со всех сторон несутся немудреные шутки и соленые словечки. Над головами - клубы дыма от курева, на который не только топор, бензопилу «Урал» можно повесить. А теперь, едва вошла Алена, сразу стало очень тихо. И уже никто не курил, и весь дым куда-то подевался. Молоденький чокеровщик-сучкоруб вдруг заполошно сорвался со своего бокового места, и товарища потащил за рукав в конец салона - уступил сиденье. И никто из мужиков никакой шуткой на этот порыв не отозвался.

Алексей усадил Алену и сел с нею рядом, кивком поблагодарив парней, глупо тарачившихся на его спутницу с раскрытыми ртами и даже не заметивших его благодарного движения. Да что там молодые парни, пожилые вальщики и трактористы, помимо воли смущаясь, тоже взглядывали на Алену и опускали глаза на грубые ботинки, которые так не гармонировали с ее одеждой. К застекленному окошечку водительской кабины изнутри прилипло широкоскулое лицо бригадира. Он с любопытством глазел и шевелил толстыми губами. Видно, делился своими наблюдениями с шофером.

Но такова уж природа человека, он ко всему привыкает. Свыклись мужики и с присутствием незнакомой красивой девушки. Пришли в себя, успокоились и негромко заговорили о своих делах. Только изумленно молчавший все это время дед Глухов, подтапливающий на лесосеке бытовку, где бригада грелась и обедала, не вытерпел и протянул восхищенно:

- Ну, Леха... Ну, ерапла-а-ан...

Все засмеялись, но как-то по-доброму, и это сразу сбило все напряжения. Улыбнулся Алексей, улыбнулась и Алена. А ведь ей, как он понимал, было еще тяжелее в этой непростой ситуации. Всю остальную дорогу мужики вели себя очень благопристойно: не курили и не произносили худых слов, а он боялся. Видать, недооценил своих поселковых землячков, на

которых женская красота столь облагораживающе подействовала, и Алексей их мысленно благодарил.

В Иогач приехали уже в сумерки. На краю поселка вахтовка остановилась. Вышли двое вальщиков. Алексей попросил их передать шоферу, чтобы подвез к больнице. Там Алексей помог Алене выйти, вскинул на плечи рюкзак и повел в приемный покой. Дымок уже успел сцепиться с собаками, но отбил и гордо трусил впереди хозяина, довел до самых дверей.

Пожилая медсестра, соседка Солиных, вытаращила на Алексея и на его спутницу удивленные глаза и Алексей, не дожидаясь расспросов, коротко пояснил, кивнув на Алену:

- Она с вертолета, Степановна. Слышала, поди...

Та понятно кивнула и всплеснула руками.

- Дак врачей-то никого нету. Все домой ушли.

- Ты ее сама прими. Разберись, что и как. Надо будет врачей - вызовим.

- Конечно, конечно, - засуетилась та, - проходите.

В приемном кабинетике Алексей усадил Алену на стул, вытаскил из рюкзака ее сапожки, сумку, после чего вышел в коридор, давая возможность переобуться. Минут через пять он вошел снова, взял свои ботинки, затолкал их в рюкзак и, понимая, что надо попрощаться, распрямился.

- Ну, ладно, - сказал он сразу обоим, Алене и медсестре. - Вы тут разбейтесь и располагайтесь. А мне еще надо участковому позвонить и все сообщить. - Помедлил и добавил: - В случае чего, я - дома. - Пошел к двери и обернулся к Алене, досадуя, что не получается проститься без свидетеля.

- А вы выздоравливайте и всего вам доброго.

- Спасибо, - скромно произнесла Алена, и в ее глазах Алексей уловил нежную искорку. - До свидания.

- Будьте счастливы, - не глядя на нее, обронил Алексей и вышел.

На дворе его ждал Дымок. Небрежно потрепал его загривок.

- Ну, все, сынок. Все кончилось, - пробормотал опустошенно, и вдруг забыл, в какой стороне его дом. Встряхнул головой, будто взбалтывая ее. - Однако, твой хозяин совсем плохой стал. Веди меня, Дыма, домой.

Постучал в дверь. Жена открыла. В очках. Наверное, тетради проверяла.

- Ты? - слегка удивилась она. - Что так рано?

- Надо, - коротко отозвался он.

Занес на веранду рюкзак и зашагал к бане по не чищенной от снега тропинке. Натаскал воды, дров, затопил. После этого, не раздеваясь, вошел в комнату, где сидела жена с тетрадями, устало опустился на стул и потянулся к телефону. Набрал номер участкового Шитова. Тот оказался дома.

- Здорово, Андреич, это Солин.

- Привет, - отозвался тот. - Чего рано вышел? План выполнил?

- Я это... девушку привез в больницу. С того вертолета.

- Да ты что! - возбужденно вскричал тот. - Как она?

- Теперь, вроде, нормально. Сама дошла до трассы.
- А остальные? Где сам вертолет?
- Там... - тяжело вздохнул Алексей. - Зацепился за Чедор и упал в Коозу. Живых больше - никого... Слышь, я тут баню затопил. Помыться надо, а то весь пропотел как конь. Короче, приходи через часок. Все расскажу. Кстати, звякни в район, сообщи. - И положил трубку.
Жена, подняв голову от тетрадей, глядела на него с немым вопросом.
- Как там? - одними губами, без голоса, спросила она.
- Плохо. Но об этом потом. Чтоб два раза одно и то же не рассказывать. И так сердце разрывается от ужаса. Дома-то что нового? Как там живут наши горожане? - Семейку дочери Ольги Алексей называл горожанами.
Лицо жены сразу озабочилось, на лбу пролегли морщины, и он только сейчас заметил, как она постарела. А может еще и потому ему так показались, что в его глазах до сих пор стояло молодое лицо Алены.
- Звонила Оля. Ничего хорошего. Зарплату им все не дают, а у Машеньки зимние сапожки малы стали. Растет ведь девочка. Пальтишко ей надо новое. Как у тебя с добычей-то? Хотя что-нибудь заработаешь?
- Заработаю. Принес котов. Надо будет сдать несколько штук.
- Сдай. Хотя как-то поможем молодым. Трудно им там. Ни своих овощей, ничего. Все с базара, покупное.
- Поможем, куда мы денемся. Завтра пойду в охототдел.
Посидел еще немного и поднялся.
- В баню? - ровным голосом спросила жена, склоняясь над раскрытой, в красных пометках, тетрадкой.
Алексей угрюмо кивнул. Горячим комом наворачивалось раздражение. Хотелось сказать: «Что ж ты мужа-то не встречаешь, как положено нормальным женам? Ведь он из тайги вернулся, не с гулянки, а ты сидишь клушей и даже пальцем не шевельнешь. Тебе только до его соболей дело есть?» Но ничего этого не сказал. Заранее знал: в ответ услышит привычное, многожды раз слышанное: «А я что тут - бездельничаю? Не видишь - работаю. Ну, содержи меня, буду дома сидеть, заниматься хозяйством и тебя улаживать. Да только с твоими заработками - с голоду загнешься, не то что еще детям помочь». Ничего этого слышать не хотел, чтобы не портить себе настроение, потому пошел на веранду разобрать рюкзак. Там, кроме соболей, была еще и маралятина, килограммов десять, взятая с Базовой избушки. Мясо надо было разрубить, разложить в полиэтиленовые мешочки и положить в железный ящик на холодной веранде, что он и сделал.
Покончив с хозяйственными делами, взял из шифоньера чистое белье, полотенце, опять же без какого-либо участия жены, и отправился в баню. «Смывать грехи», - подумалось со злой усмешкой. Шагая по занесенной снегом тропке к бане, стараясь ступать в свои следы, Алексей вдруг мстительно вспомнил, как таращились мужики в вахтовке на Алену. Теперь в поселке ему все

косточки перемоют. Бабы его осудят, мужики, кто тайно, а кто и открыто - позавидуют. Ну да пусть говорят. Лишнего не скажут.

Когда разоплевший от жары, чувствуя в теле молодую легкость, Алексей вошел в дом, в комнате уже сидел участковый, немолодой, лысоватый мужик с хитрыми глазами на круглом лице и разговаривал с его женой. Тот, не вставая, протянул вялую руку, испытующе глядя Алексею в глаза.

- А что мы тут сидим? - недоуменно спросил Алексей, слергивая с головы влажное, на концах затвердевшее от мороза полотенце.

- А где надо сидеть? - ухмыльнулся Шитов.

- На кухне. Слышь, Зоя, - обратился к безучастно примолкшей жене, - ты, может, что-нибудь соберешь на стол? Мужик после тайги, да еще из бани.

- А почему таким тоном спрашиваешь? - холодно поинтересовалась жена.

- Каким тоном? Я нормально спросил.

- Ты не умеешь нормально спрашивать. Все с подковыркой.

- Да будет вам, - продолжал хитро ухмыляться участковый. - Без меня доругаетесь. Я по делу пришел. Где говорить-то будем? Здесь или на кухне? - поочередно посмотрел на обоих супругов, как бы спрашивая, кому здесь решать.

Жена с тоскливым вздохом поднялась и, поджав губы, ушла на кухню, где тотчас раздраженно загремела посудой.

- Ну, ты понял, Андреич? - горько поморщился Алексей. - Никак к этому привыкнуть не могу. Сколько живем, а вот не могу и все.

- Понял. - Участковый, поднявшись, похлопал его по плечу. - Ладно, пошли.

Сели в кухне за стол. Алексей пошарил глазами по столешнице, где стояли тарелки с соленым салом, квашеной капустой и ломтями хлеба. Поднял прищуренные глаза на жену, уже собирающуюся сесть.

- У нас че-нить есть?

Она одарила его презрительным взглядом и достала из шкафа початую бутылку водки, которую он покупал еще перед промыслом.

Алексей плеснул участковому и себе (жена не пила вообще), поднял рюмку.

- Ну, со свиданьем.

Потом он рассказал все, что видел на перевале, и как выхаживал спасенную девушку, и как они добирались до поселка. Участковый его слушал очень внимательно, не отводя хитроватых глаз и, когда Алексей закончил, спросил:

- Ну, а золото?

- Какое золото? - Алексей недоуменно втянул голову в плечи. - Я, вроде бы, пока еще охотник, а не старатель. Да с лотком в эту пору и не ходят.

- Знамо, не ходят, - почти ласково согласился тот с легонькой ухмылкой.

- Я спрашиваю про золото, которое в вертолете.

- Теперь, вроде, нормально. Сама дошла до трассы.
- А остальные? Где сам вертолет?
- Там... - тяжело вздохнул Алексей. - Зацепился за Чедор и упал в Коозу. Живых больше - никого... Слышь, я тут баню затопил. Помыться надо, а то весь пропотел как конь. Короче, приходи через часок. Все расскажу. Кстати, звякни в район, сообщи. - И положил трубку.
Жена, подняв голову от тетрадей, глядела на него с немим вопросом.
- Как там? - одними губами, без голоса, спросила она.
- Плохо. Но об этом потом. Чтоб два раза одно и то же не рассказывать. И так сердце разрывается от ужаса. Дома-то что нового? Как там живут наши горожане? - Семейю дочери Ольги Алексей называл горожанами.
Лицо жены сразу озабочилось, на лбу пролегли морщины, и он только сейчас заметил, как она постарела. А может еще и потому ему так показались, что в его глазах до сих пор стояло молодое лицо Алены.
- Звонила Оля. Ничего хорошего. Зарплату им все не дают, а у Машеньки зимние сапожки малы стали. Растет ведь девочка. Пальтишко ей надо новое. Как у тебя с добычей-то? Хоть что-нибудь зарабатываешь?
- Заработаю. Принес котов. Надо будет сдать несколько штук.
- Сдай. Хоть как-то поможем молодым. Трудно им там. Ни своих овощей, ничего. Все с базара, покупное.
- Поможем, куда мы денемся. Завтра пойду в охототдел.
Посидел еще немного и поднялся.
- В баню? - ровным голосом спросила жена, склоняясь над раскрытой, в красных пометках, тетрадкой.
Алексей угрюмо кивнул. Горячим комом наворачивалось раздражение. Хотелось сказать: «Что ж ты мужа-то не встречаешь, как положено нормальным женам? Ведь он из тайги вернулся, не с гулянки, а ты сидишь клушей и даже пальцем не шевельнешь. Тебе только до его соболей дело есть?» Но ничего этого не сказал. Заранее знал: в ответ услышит привычное, многожды раз слышанное: «А я что тут - бездельничаю? Не видишь - работаю. Ну, содержи меня, буду дома сидеть, заниматься хозяйством и тебя ублажать. Да только с твоими заработками - с голоду загнешься, не то что еще детям помочь». Ничего этого слышать не хотел, чтобы не портить себе настроение, потому пошел на веранду разобрать рюкзак. Там, кроме соболей, была еще и маралятина, килограммов десять, взятая с Базовой избушки. Мясо надо было разрубить, разложить в полиэтиленовые мешочки и положить в железный ящик на холодной веранде, что он и сделал.
Покончив с хозяйственными делами, взял из шифоньера чистое белье, полотенце, опять же без какого-либо участия жены, и отправился в баню. «Смывать грехи», - подумалось со злой усмешкой. Шагая по занесенной снегом тропке к бане, стараясь ступать в свои следы, Алексей вдруг мстительно вспомнил, как таранились мужики в вахтовке на Алену. Теперь в поселке ему все

косточки перемоют. Бабы его осудят, мужики, кто тайно, а кто и открыто - позавидуют. Ну да пусть говорят. Лишнего не скажут.

Когда разоплевший от жары, чувствуя в теле молодую легкость, Алексей вошел в дом, в комнате уже сидел участковый, немолодой, лысоватый мужик с хитрыми глазами на круглом лице и разговаривал с его женой. Тот, не вставая, протянул вялую руку, испытующе глядя Алексею в глаза.

- А что мы тут сидим? - недоуменно спросил Алексей, слергивая с головы влажное, на концах затвердевшее от мороза полотенце.

- А где надо сидеть? - ухмыльнулся Шитов.

- На кухне. Слышь, Зоя, - обратился к безучастно примолкшей жене, - ты, может, что-нибудь соберешь на стол? Мужик после тайги, да еще из бани.

- А почему таким тоном спрашиваешь? - холодно поинтересовалась жена.

- Каким тоном? Я нормально спросил.

- Ты не умеешь нормально спрашивать. Все с подковыркой.

- Да будет вам, - продолжал хитро ухмыляться участковый. - Без меня доругаетесь. Я по делу пришел. Где говорить-то будем? Здесь или на кухне? - поочередно посмотрел на обоих супругов, как бы спрашивая, кому здесь решать.

Жена с тоскливым вздохом поднялась и, поджав губы, ушла на кухню, где тотчас раздраженно загремела посудой.

- Ну, ты понял, Андреич? - горько поморщился Алексей. - Никак к этому привыкнуть не могу. Сколько живем, а вот не могу и все.

- Понял. - Участковый, поднявшись, похлопал его по плечу. - Ладно, пошли.

Сели в кухне за стол. Алексей пошарил глазами по столешнице, где стояли тарелки с соленым салом, квашеной капустой и ломтями хлеба. Поднял прищуренные глаза на жену, уже собирающуюся сесть.

- У нас че-нить есть?

Она одарила его презрительным взглядом и достала из шкафа початую бутылку водки, которую он покупал еще перед промыслом.

Алексей плеснул участковому и себе (жена не пила вообще), поднял рюмку.

- Ну, со свиданьем.

Потом он рассказал все, что видел на перевале, и как выхаживал спасенную девушку, и как они добивались до поселка. Участковый его слушал очень внимательно, не отводя хитроватых глаз и, когда Алексей закончил, спросил:

- Ну, а золото?

- Какое золото? - Алексей недоуменно втянул голову в плечи. - Я, вроде бы, пока еще охотник, а не старатель. Да с лотком в эту пору и не ходят.

- Знамо, не ходят, - почти ласково согласился тот с легонькой ухмылкой.

- Я спрашиваю про золото, которое в вертолете.

Алексей очень правдоподобно вытаращил глаза, глядя то на участкового, то на затаенно притихшую жену, как бы пытая, не смеются ли над ним. Но они не смеялись, а смотрели на него изучающе, будто видели впервые.

- Говоришь, в вертолете? - переспросил Алексей.

- Ну да, в вертолете, - коротко кивнул участковый. - Ты что, не знал?

- Нет. Первый раз слышу.

- А та девица тебе разве ничего не говорила?

- Про золото? Абсолютно ничего. Я, конечно, расспрашивал ее, когда в себя пришла. Кто, мол, ты, откуда и куда летели. Она, говорит, летела в Барнаул, к больной матери. Из какого-то села. Из какого - не сказала. Вот и все.

- Фамилию девицы знаешь?

- Летяева Алена Владимировна. При ней сумка была. С паспортом.

Участковый вынул из планшета блокнотик, записал и поинтересовался, пристально глядя ему в глаза:

- Ты потом ходил в Коозу?

- Ходил. Где-то через неделю. Конечно, лучше бы сразу. Может, кто в живых еще оставался. Хотя... - горько поморщился и безнадежно махнул рукой. - Там глухо... Но раньше сходить никак не получалось. Девушку без сознания не бросишь. Двое суток в себя не приходила. Сам понимаешь...

- Понятно. Значит, пошел через неделю. А зачем?

- Говорю же, посмотреть, что и как. Душа-то болит. Да и путик там у меня самый добычливый. Надо было капканы проверить. Как только Летяева малость оклемалась, я и пошел. Сколько же спасателей ждать. Я их и так каждый день ждал, все из избушки выходил да на небо глядел. Думал, вот-вот появятся. Где их черти-то носят?

- Они искали по курсу, а ты далеко в стороне.

- Но я-то тут при чем? И так больше недели - кобелю под хвост. Окладато у меня нет. Сколько поймаю, за столько и получу. Кто простой оплатит?

- Не знаю. Может, родственники этой девицы.

- Как же, получишь с них. Как и с авиаторов.

- С этим вы без меня разберетесь, - отмахнулся участковый, и упрямо продолжал спрашивать. - Значит, ты пришел в Коозу.

- Ну, пришел, - уже злясь, кивнул Алексей.

- И что там?

- Не что, а кто. Если уж точнее.

- Кто же? - участковый так и сверлил его глазами.

- Волки. Да еще вороны.

Тот открыл, было, рот для вопроса, но тут же понятиво опустил глаза и, скорбно помолчав, произнес тихо:

- Печально. Очень печально.

- Я там котелок закопченный повесил. Чтоб хищников отпугивал.

- Ясно, ясно... Ну, а в вертолет-то заглядывал?

- Заглядывал. Обглоданные ребра торчат.

- А золото? - мягко наседал Шитов. - Ты его видел?

- Какое к черту золото! - в сердцах вскричал Алексей, выкатив побелевшие от возмущения глаза. - Говорю же, там окровавленные кости! Я что, полезу шариться среди трупов и искать какое-то золото? Откуда я знал, что оно там есть? Да если бы и знал, не полез бы. Автомат там, среди окровавленных тряпок, вроде бы торчал. Но я только глянул и - сразу назад. Верить, чуть не стошнило.

- Автомат, говоришь? - прищурился тот.

- Вроде бы, - неохотно подтвердил Алексей.

- Но задумался, откуда он мог там оказаться?

- Мало ли откуда. Нынче с охраной летают. Время-то, сам знаешь какое. - Знаю. Еще как знаю. - Участковый покачал лысоватой головой. - Наступило воровское время. Воры празднуют. - Вздохнул расслабляясь и поглядел на забытую в разговоре бутылку.

Алексей уловил его взгляд, налил в рюмки.

- Давай, Андреич, помянем мужиков. Я одного только и видел - усатого летчика. До сих пор стоит перед глазами, как живой. Настоящий был боец. Как говорится, земля им пухом.

Молча, не чокаясь, выпили и участковый поднялся.

- Спасибо за угощение, идти надо. Служба.

- Ты звонил в район-то? - озабоченно спросил Алексей.

- Обязательно. Завтра, должно, прилетят. Ты пока не уходи в тайгу.

Проводником у них будешь, все расскажешь и покажешь.

- Само собой, - кивнул Алексей.

Когда участковый ушел, Алексей посидел еще за столом, опустив голову, явственно ощущая кожей изучающий взгляд жены, потом встал и пошел в свою комнату. Там он разделся, застелил скрипучий диван, на котором спал последние годы, погасил свет и лег, мысленно прокручивая в голове события этого долгого дня и в особенности последнего часа. Но в одиночестве он пребывал недолго. Не прошло и пяти минут, как дверь в его комнату распахнулась настежь. На пороге, как в раме, подсвеченная сзади лампочкой из коридора, возникла жена. Картинно подбоченясь, она некоторое время взирала на него, но не дождавшись никакого отклика на свое появление, спросила холодно:

- Ты мне ничего не хочешь сказать?

- Ничего. Все, что было, я уже рассказал.

- Она красивая?

- Кто? - сделав вид, что не понял, отозвался Алексей.

- Девица эта.

Помолчав, с неохотой выдавил:

- Красивая.

- То-то ты ее фамилию и имя-отчество запомнил. Прямо наизусть забыл. Выпалил без запиночки. Только от зубов отскочило. Все с тобой ясно.

- Что тебе ясно?

- Понятно, почему ты из тайги пришел сам не свой. Молодую девицу там обхаживал. То-то и скучно тебе дома, весь истосковался.

Продолжать пустой, изматывающий разговор не имело смысла. Алексей встал, оделся и ушел в баню, где закурил и долго сидел в теплом предбаннике, пока не погас свет в комнате жены и весь дом не погрузился в сумрак.

* * *

Утром, когда Зоя молча ушла на работу, демонстративно не замечая мужа, Алексей, не вынося безделья, и хоть чем-то занять душу, принялся разбираться с принесенными соболями. Аккуратно перебрал всех, рассортировав их по цвету и качеству. Шесть штук, не самых лучших, отложил для сдачи в охототдел, для быстрых денег. С остальными решит позже, после промысла, когда станет известно их общее число. Он съест столько, сколько значится в договоре, а лишних, коли они окажутся, продаст на сторону. Может, удастся сбить подороже заезжим купчишкам или туристам. А ведь еще предстоит поездка в Барнаул. Почему бы и там не попытать счастья. Вдруг подвернется оптовик. Впрочем, об этом думать еще рано. Сезон не закончен.

Закончив с соболями, взял снеговую лопату и пошел расчищать дорожки во дворе - к бане, к уборной, к калитке. Но что он ни делал, мысленно был рядом с Аленой. Думал о ней постоянно. Его так и тянуло сходить в больницу, попроведовать ее, но испытывал неловкость и опаску. Не деревенская молва его останавливала, от нее никуда не деться, просто не хотелось лишний раз показывать свою близость к Алене. Ведь одно дело, когда просто догадки, совсем другое, если придет к ней. А это уже факт. Тот же дотошный Шитов, об этом, конечно, дознается и заподозрит между ними тайный сговор. Если еще не заподозрил. Мужик он въедливый. Надо с ним поосторожнее.

Прокопав аккуратные дорожки, Алексей вернулся в дом попить чаю. И едва сел к столу, задребезжали стекла в окне. Сугробы во дворе пересекла быстрая тень низко летящего вертолета. Вот они, спасатели, объявились-таки.

Быстро оделся и пошел к конторе леспромхоза, издали увидев, как директорский уазик понесся к берегу Бни, где располагалась посадочная площадка. По пути к Алексею присоединился и торопливый Шитов.

- Как ночевал? - спросил тот, хитровато ухмыляясь.

- Нормально, - сказал Алексей бодро.

- Жена-то, поди, приревновала к этой девице?

- Она всегда ревнует. Где надо и не надо. К любой юбке.

- Эта - не просто юбка. Конфетка.

- Видел, что ли? - покосился на него Алексей.

- Служба такая - все видеть. Сходил к ней вчера, как от тебя вышел. Ух, и красавица, доложу тебе. Прямо, как с картинки.

- По-моему, обыкновенная, - равнодушно отозвался Алексей.

- Не скажи. - Шитов с несопасием повел головой из стороны в сторону. Парни с вахтовки прямо ошалели от нее. Таких красавиц, говорят, только по телу видели, а живьем - не доводилось.

- Ты уж и парней успел порасспросить? - удивился Алексей.

- Успел, - довольно ухмыльнулся Шитов.

- Шустрый ты мужик.

- Будешь шустрым, когда такое чепэ. Меня из райотдела задергали. Сам начальник УВД взял это дело под контроль. Представляешь, в какой я запарке?

- Представляю и сочувствую, - качнул головой Алексей, останавливаясь перед высоким крыльцом конторы леспромхоза и видя, что уазик уже возвращается с вертолетной площадки.

По ступеням к ним спускался директор Медведев, крупный, кряжистый, моложавый мужчина в ондатровой шапке и кожаной куртке, не застегивающейся на животе. Наверное, из своего кабинета в окно глядел и потому появился в самый аккурат. Поздоровавшись с участковым и Алексеем, враскачку, по-медвежьи, шагнул к подъехавшей машине.

Вразнобой захлопали дверцы, и на скрипучий снег ступили четверо мужчин.

«Что-то маловато вас, - подумал Алексей, истово разглядывая приехавших, - да и на спасателей не шибко похожи, кроме вон того, здорового». У высокого здоровяка, в оранжевой пуховой куртке и черной вязаной шапке, которого Алексей сразу выделил изо всей группы, лицо было бурое, обветренное, как у человека, проводящего много времени на природе. «Кажись, он - главный из спасателей, а остальные, вместе с летчиками, сидят в вертолете».

Глянул на двух пожилых мужчин в драповых пальто с каракулевыми воротниками и в ондатровых шапках, держащихся рядом. Судя по всему, их связывала не только внешняя похожесть, но и общая служба. Более пожилой и солидный держал в руке старомодный, порыжевший от времени кожаный портфель, который ныне большая редкость. Теперь деловые люди носят все больше плоские чемоданчики-кейсы. Кажется, этот обладатель портфеля в группе был главным. Еще когда подъезжали, Алексей приметил, что сидел он впереди, рядом с водителем, а это место считается начальственным. Спутник его, возможно, был помощником, но то, что оба они из правоохранительных органов, сомневаться не приходилось. Их и Шитов поедал глазами, как высокое начальство, подобрав животик и вытянувшись чуть ли не по стойке «смирно».

С этими ясно. А вот четвертый, в утепленном кожаном пальто и новейшей норковой шапке, совсем не походил на остальных. Очень ухоженный моло-

дой мужчина со слобно-белым, холеным лицом, на котором уже завязывался второй подбородок. Этот, скорее всего, из какой-то администрации, и напоминал нового русского начальника из крутых. Держа руки в карманах, он отстраненно осматривал окрестности. На породистом лице - никаких чувств. Жгуче-черные глаза излучали лишь холодное достоинство.

Директор леспромхоза пожал руку каждому, ладонь же самого пожилого дольше задержал в своей, и улыбался сердечнее, чем остальным. То ли он знал его лично или из уважения к чину. Представил гостям Шитова и Алексея. Те же пока себя не называли и выжидательно молчали.

- Ну что, товарищи, пойдём ко мне? - спросил Медведев и, не встретив возражений, зашагал по бетонным ступеням к дверям двухэтажного здания конторы, построенной в самом начале перестройки.

В своем просторном кабинете усадил всех на мягкие стулья к большому приставному столу. Самому пожилому предложил свое кресло, но тот скромно отказался и сел напротив Алексея, лицом к лицу, и Алексей сразу утвердился в мысли, что это не случайно.

Медведев неуверенно потоптался возле своего рабочего кресла во главе массивного стола и, помявшись, спросил:

- Мне как, уйти?
- Отчего же, - сказал пожилой. - Оставайтесь. От вас секретов нет.
- Ко мне вопросы будут?
- Да пока нет, - сказал тот. - Мы бы хотели послушать вот товарища. - И он ободряюще улыбнулся Алексею.
- Может, кофейку или чая? С дороги-то. - Предложил директор.
- Если не затруднит.

Медведев торопливо зашагал к двери, отворил ее, и тотчас, будто дожидаясь за дверями, вплыла секретарша с подносом, на котором исходили паром чашечки с чаем и кофе.

Она поставила поднос посередине приставного стола и вышла. Медведев не пошел к своему креслу, а скромненько приотился у двери, как бы показывая, что кабинет отдан гостям в полное распоряжение.

Сидящий напротив Алексея пожилой следователь отпил глоток чая, достал из портфеля, стоящего у ног, портативный диктофон и поставил его на стол, направив сеточку микрофона на Алексея. Так же поступил и его помощник.

- Ну что, Алексей Григорьевич, начнем? - спросил пожилой, готовно положив палец на диктофон и, уловив утвердительный кивок, добавил: - С самого начала и поподробнее: - После этого надавил кнопку записи.

Алексей повторил все, что вчера рассказывал Шитову. Не забыл поведать и о своем походе в Коозу, и что там увидел.

- Вы знали, что на борту - золото? - спросил следователь.
- Я вчера об этом узнал от Шитова.
- А там не знали?

- Откуда? Радиоприемника в верхней избушке нет.
- А в нижней или, как вы ее называете, Базовой, там есть?
- В Базовой есть, но не рабочий. Без батареек.
- Летяева вам о золоте ничего не говорила?

- Абсолютно ничего, - ответил Алексей, и вдруг поймал на себе очень заинтересованный взгляд с края стола, где сидел белолицый мужчина с взрывающимся вторым подбородком, и которого он мысленно окрестил «новый русский начальник». Алексей и раньше улавливал отсюда какой-то особо устойчивый интерес к своей персоне, но не обращал внимания, отвлекаемый следователями. Сейчас глянул туда и встретился глазами с белолицым, который откровенно изучал его. «Что он во мне ищет?» - подумалось с беспокойством и недоумением. И тот, как бы отвечая на немой вопрос, спросил Алексея:

- Каково состояние Летяевой?
- Вчера, вроде, ничего было. Сегодня - не знаю, - спокойно ответил Алексей.

Белолицый отвел глаза от Алексея, проговорил озабоченно:
- Пока вы тут беседуете, я, однако, съезжу в больницу. Узнаю, как там наша сотрудница. Не против?

«Вон это кто! - Проглянула Алексея запоздалая догадка. - Кажется, сам шеф, директор прииска. То-то он меня так упорно разглядывал. Как сразу-то не допер!»

- А мы сейчас все вместе поедём, - господин Миркин, суховато произнес пожилой следователь. - Уже заканчиваем. Что не успели спросить, по дороге спросим. Скопил глаза на часы. - План таков. Сейчас, максимум, на полчаса в больницу, потом - вылет на место. Вы, Алексей Григорьевич, как абориген, будете нашим проводником. Надеюсь, не возражаете?

- Конечно. Мне все равно в тайгу возвращаться.
- И тут подавал голос Шитов:

- Солин говорит, что потерял больше недели на промысле. Вчера он, в беседе, спросил меня: кто ему возместит этот ущерб? Организация или еще кто. Это, конечно, не мое дело, но человек интересуется...

Алексей взглянул на него с благодарностью и тут же, устыдясь своего порыва, опустил голову.

- Медведев поддакнул от дверей.
- Промысел - это как уборка хлебов у крестьян. Время на нее отпускается ограниченное. Потерял время - потерял урожай пушнины. И уже не наверстаешь.

И все повернулись к белолицему мужчине.
Тот не замедлил отозваться:
- Думаю, мы решим этот вопрос с Солиным. В рабочем порядке.
Старший следователь, выслушав это, дружески подмигнул Алексею, подытожил легким голосом:

- Ну вот и отлично. - Он убрал диктофон в портфель и поднялся. Его товарищ тоже спрятав свой диктофон, и тоже встал. Распрямылся над столом и директор прииска, еще раз откровенно оглядев Алексея. В бледно-синих глазах - холодная озадаченность. Он будто пытается разгадать загадку и никак не может.

Старший следователь взял портфель и пошел к выходу.

- Мне тоже в больницу? Или не надо? - спросил его Алексей.

- А что? - тот приостановился и глянул на него внимательно.

- Да я хотел сбегать домой, собраться. Собаку взять надо.

- Мы вас в больнице долго не задержим. Успеете.

В машину сели вчетвером. Спасатель и Шитов остались в кабинете директора. В больнице старший следователь попросил директора прииска и Алексея подождать в коридоре, пока они с товарищем беседуют с Летяевой.

- Кстати, вы, - разрешил он Алексею, - можете сходить домой. - Вам пятнадцати минут хватит?

- Вполне, - кивнул Алексей и ушел.

Собрался Алексей быстро. Прихватил сдаточных соболей, купил по дороге хлеба, сигарет, и через четверть часа, с Дымком на поводке, был уже возле дверей больницы. Привязав собаку, вошел внутрь.

Беседовать с Аленой следователи еще не закончили, и директор прииска нервно мерил шагами пустой вестибюль. Увидев Алексея, приблизился к нему. Некоторое время глядел на него своими смолевыми глазами, спросил:

- Ну и во сколько вы оцениваете свой материальный и моральный ущерб?

- А это смотря во сколько вы оцениваете жизнь своей сотрудницы, - не моргнув глазом, мгновенно отчеканил Алексей, мысленно похвалив себя за находчивость. - Так что слово за вами.

- Хороший ответ, - сдержанно улыбнулся тот, глядя на Алексея с пронзительным интересом и не скрывая этого.

Алексей ответно улыбнулся, и тоже - сдержанно, одними губами. «А ведь он разглядывает меня, как возможного соперника. И гадает: могло у нас с Аленой что-то такое произойти или нет?» - понял Алексей, притушив в глазах ответное любопытство. - Думаю, мы с вами сойдемся в цене, - пообещал его белолицый соперник. - Не обидим.

Алексей пожал плечами с видом человека, у которого нет выбора.

- Будем надеяться.

Поговорить им больше не пришлось. Дверь кабинета главврача отворилась. На пороге возник помощник старшего следователя и сделал им знак рукой, приглашая войти. И оба они, с облегчением, отвернулись друг от друга. О чем было им еще поговорить? Не торговаться же о цене прямо здесь, в больнице. У Алексея к этому человеку вопросов не было, а у того, хотя наверняка и имелись, но не тот случай, чтобы их задавать. Не спросит же он напрямую: «Ты спал с ней или нет?» Место неподходящее, да и время тоже.

Алена сидела на кушетке в пестреньком больничном халате, такая скорбная и сиротливая, что Алексей насилу ее узнал. Увидев вошедших, попыталась подняться, но не хватило сил. Жалобно улыбалась, хотя по бледной щеке катилась, истаявая, крупная слеза.

Старший следователь сидел за столом главврача, на котором, рядом с книжками историй болезней, стояли два диктофона, и молча наблюдал встречу, не задавая пока никаких вопросов.

Директор прииска порывисто шагнул к Алене, наклонился, приник к ней и поцеловал в щеку, стерев слезу.

- Ну, как ты тут, Алена Владимировна? - спросил он с придыханием, положив ей руки на плечи и жадно глядя в ее бледное лицо.

- Спасибо. Получше, - проговорила она слабым голосом, и нашла взглядом глаза Алексея, который с неловкостью наблюдал встречу сотрудников. Вежливо кивнул девушке, стесняясь подойти поближе.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, Григорьич, - отозвалась жалобно. - Измучились вы со мной. Не знаю, как вас и благодарить. Спасибо вам за все.

- Да чего там... - пробормотал Алексей. - Главное - все обошлось. Живы, здоровы. Поправляйтесь скорее. Желаю всего самого-самого светлого. Ну, а будете выходить замуж, не забудьте пригласить на свадьбу.

- Конечно, - слегка заадела девушка, - ведь вы мне теперь как отец.

- Счастья вам. Будьте. - Легонько склонил голову напоследок и вышел из кабинета, не спросив даже позволения у следователей. Они, правда, его и не удерживали. В вестибюле и дожидался остальных, мысленно прокручивая короткий и для посторонних малозначащий разговор. Ее «Спасибо. Получше», сказанное в его присутствии, расценил как то, что беседа со следователями не вышла из намеченного руслу, и что она по-прежнему уверена в себе. И сам отозвался обнадеживающе, дескать, все обошлось. Друг друга они поняли. А то, что Алена играла в больную, так это только на пользу.

Минут через десять вышли из кабинета и все остальные. Какой там происходил разговор, Алексея уже мало трогало. Сели в машину, поехали в контору. Дымка пришлось спустить с поводка, и он бежал сзади.

Стали подниматься на второй этаж.

- Я на минутку. Заскочу в охототдел, - сказал Алексей.

Потянул ручку обитой железом двери на первом этаже, возле лестницы.

В насквозь прокуренном кабинете, кроме заведующего Кости Дронова, никого не было. Да и кому сейчас тут быть? Все охотники работают безвылазно на своих угодьях. Вот после промысла тут будет весело, и еще как! Сойдутся мужики, наскучавшись в тайге, в этой комнатухе. Тут и контора, и клуб, и дом родной, где всегда поймут их беспокойную душу. Жены будут чуть не силой растаскивать их отсюда по домам. Но пока было тихо, и Костя вытаращил на Алексея глаза, как на живое чудо.

Алексей торопливее вытащил из-под клапана рюкзака матерчатый мешочек, вытряхнул соболей на пустой стол заведующего. Поздоровавшись попросил:

- Костя, прими по шустрому шесть котов. Жена шею переела - денег нет.
- Ну, ты хоть Расскажи что и как, - укоризненно заулыбался тот. - Сказывают, шибко красивая. Таких только по ящику кажут. Врут, нет?
- Нашел о чем говорить, - нетерпеливо перебил Алексей. - Я в мыле весь. Сейчас летим на Коозу, под Чедор. Там такое... - поморщился и отчаянно махнул рукой. - Меня у директора мужики ждуют. Извини, Костя. Все - потом.

Костя начал перебирать пушнину. Брал кота одной рукой за головку, другой за основание хвоста, встряхивал, дул против шерсти, выскивая проплешины и другие дефекты. Тщательно оглядев каждого, предложил: - Всех приму третьим цветом. Если по-быстрому. Согласен? А потом, на пушно-меховой базе разберутся, и если я где занизил цветность, доплатят.

- Дава-а-ай, - торопил Алексей, которому не стоялось на месте. - Выписывай справку в бухгалтерию. Зоя завтра придет, получит.

- Если деньги есть, - охладил тот.
- Ну, ты объясни в бухгалтерии. Спасал, мол, человека. Время потерял.
- Объясню, - понятиливо ухмыльнулся Костя. - А доверенность?

Алексей быстро написал бумагу, поставил дату и расписался. Прислушался. По ступеням со второго этажа спускались люди, и он заспешил.

- Все, Костя, побежал. Ты это... не сочти за труд, если что - звякни жене в школу. Чтобы в бухгалтерию зашла.

- Да сделаю, - пообещал тот, - беги.

Впятером кое-как втиснулись в нутро уазика, шофер понесся к посадочной площадке, где издали маячил зеленый силуэт вертолета. Дымку места не хватало, и он, распустив хвост, бежал следом. Трясаясь на снежных ухабах, Алексею вдруг подумалось, что всех поселковых мужиков почему-то интересуют только его взаимоотношения со спасенной девушкой, а о золоте помалкивают. Видать, Алена затмила своей красотой даже золото, и от сознания этого, в его издерганной, беспокойной душе затеплилось горделивое чувство.

В салоне вертолета, кроме летчиков, сидели, на боковых лавках, еще четверо крепких парней в горных пуховках и толстых вязаных шапках - спасатели. Был среди них и вездесущий Шитов. Алексей сказал старшему следователю, что по пути ему надо забрать спрятанные возле трассы ружье и две пары лыж. Тот кивнул и пристроил Алексея позади кресел летчиков - показывать дорогу.

Вертолет взлетел, круто набирая высоту, беря курс к вершинам обогинского перевала. Скоро внизу, между водораздельными хребтами, показалась узкая, белая, петляющая меж каменных лбов, лента реки Пыжи. Алексей показал место, и машина, снизившись, зависла недалеко от трассы. Летчики не рискнули садиться на лед, скрытый снегом, и удерживали

тяжелую машину в метре от поверхности. Сидящий слева летчик обернулся, крикнул ему:

- Иди, прыгай! Да поживее там!

Один из спасателей поднялся, открыл дверь.

Алексей привязал рвущегося Дымка к лавке и вывалился на снег, благо, неглубокий. Побежал к дороге по накатанному вчера путику, кое-где проваливая обувками скользкую лыжню. Быстро откопал обе пары лыж, ружье и воротился к висящему в снежном вихре вертолету. Вбросил в дверной проем лыжи с ружьем, а самого его спасатели втащили в салон за руки.

Снова взлетели, стремительно и почти вертикально устремляясь вверх.

- Теперь по Пыже - в низовье! - кричал Алексей из-за спин летчиков и показывал рукой. - Мы пройдем над руслом Коозу! Видите, слева высокий, острый пик? Это Чедор! В него те ребята и врезались! Обходите его Пыжой! А вот здесь надо повернуть налево на девяносто градусов! Это место впадения Коозу в Пыжу! Держите курс - к гольцам! Через минуту будем на месте! Секунд тридцать осталось! Двадцать! Чуть помедленнее можно? Сейчас будет место! - кричал Алексей летчикам, напряженно всматриваясь в наплывающее ущелье, и увидел то, что искал. - Вон, смотрите! Видите, на самом дне, под скалой!

Левый летчик чуть заметно качнул головой. Вертолет замедлил движение вперед, как бы замер на одном месте. Оглянувшись, Алексей увидел, что в салоне все приникли к иллюминаторам левого борта и смотрели вниз.

- А теперь куда? - громко спросил летчик.

- На перевал! - Алексей указал рукой. - Больше приземлиться негде!

Взвихривая клубы снежной пыли, вертолет завис над ровной чистиной перевала, неподалеку от Чедора, и как бы замешкался в воздухе.

- Снег тут глубокий? - озабоченно спросил правый летчик.

- Сантиметров пятьдесят, не больше! Здесь его выдувает ветрами!

- Валий, прыгай! - велел левый летчик, снизившись еще немного.

Открыли дверь, Алексей выкинул упирающегося Дымка. Следом за ним полетели лыжи, ружье, рюкзак, потом прыгнул и сам. Отбежал, пурхаясь в сугробных наметах, в сторону, описал вокруг вертолета круг. Снег везде доходил до колен. Стоя возле ошарашенного вибрацией и грохотом взлохмаченного Дымка, наблюдал, как тяжелая машина провисла еще, колеса коснулись снега, вошли вглубь, утвердились на земле. Надсадный рев двигателя заметно утих. Лопасты сбавили обороты и вращались медленно, как бы на холостом ходу.

Из нутра полетели рюкзаки, мешки, мотки капроновых веревок, две лопаты из тонкого дюраля для расчистки снега, свернутая палатка и связка алюминиевых колышков и распорок. Выпрыгнули четверо парней. Знакомый уже Алексею главный спасатель подал парням сверху зеленый ящик с металлическими ручками, еще какое-то оборудование в чехлах, после чего, коротко перемолвившись со старшим следователем, прыгнул вниз. Осталь-

ные же пассажиры вертолета - следователи, директор прииска и Шитов прыгать, похоже, не собирались. Старший следователь, высунувшись из двери, показал Алексею рукой на главного спасателя и, едва перекрывая рев мотора, прокричал:

- Поступаете в его распоряжение! Поможете им!

Алексей согласно качнул головой.

Дверь закрыли. Главный спасатель с Алексеем отбежали в сторону, заранее прикрыв лица рукавами курток от вихрящейся снежной пыли. Вертолет затрещал сильнее, лопасти слились в сплошной сверкающий круг. Машина поднатужилась, вырвала колеса из наста и поднялась над головой, медленно разворачиваясь по курсу на Иогач. Скоро ее грохот истаял за хребтами.

Мужики споро поставили большую палатку, стаскали туда все снаряжение, а возле входа, на расчищенной площадке, установили зеленый ящик, в котором оказалась рация. Главный спасатель связался с радиорубкой леспромхоза. Убедившись, что двухсторонняя связь действует, доложил: на место прибыли и немедленно приступают к работе. Выключив и закрыв рацию, он быстро сделал себе грудную обвязку, защелкнул на ней альпинистский карабин и вскинул на плечи легкий рюкзак, сбоку которого прицеплены были скальные клинья, а из-под клапана торчал тугой моток основной веревки. Товарищи его тоже обрели походную готовность. Надели поверх пуховок легкие перкалевые ветровки, на ногах - горные ботинки с металлическими зубцами-триконями. Короткие, широкие лыжи, больше напоминающие снегоходы, висели за спинами, поверх рюкзаков. А сбоку у двоих пристроены были и саперные лопатки в чехлах.

- Что, прямо здесь будете спускаться? - спросил Алексей главного.

- А где ты спускаешься?

- С километр повыше. - Алексей повел рукой в сторону близких гольцов. - Там склон положе, хотя весь перевит кустарниками. Скатываюсь на лыжах.

- У нас нет времени на лишний километр туда и обратно, - отрезал тот, скорыми и экономными движениями поправляя снаряжение. Взглянул на сверкающий пик Чедора, и его грубоватое, суровое лицо помягчело. - Красивая горушка, разязви ее. Туда-то не ходил?

- В этот раз? Нет, а зачем? В прошлом году, в начале зимы бывал. Там берлог полно, с северной стороны. Надо было проверить, для учета, где залегли медведи, а которые пустуют.

- Да-а? - протянул тот с живым интересом. - Я ведь тоже с ружьишком балуюсь. Но пока нам не до медведей. Хотя сходить туда придется. - Отогнув рукав куртки, глянул на часы. - Значит, так, - сказал деловым тоном. - Сейчас - одиннадцать, пятьдесят пять. На твоих столько же? Отлично. Ровно в шестнадцать поднимаемся наверх. Разогрей тушенку, по банке на брата. Вскипяти побольше чаю, да покрепче. Посуда и харчи в мешках. Найдешь сам, что надо.

- Понял, - сказал Алексей, - а пока я до гольцов прогуляюсь, погляжу, что и как. Бракоши меня из-за перевала достают. Петли на кабарожок ставят, котов ловят. Совсем обнаглели. Да, чуть не забыл. Захватите мой котенок. Висит там, от волков. А то чаю, на путике, не в чем согреть.

- Захватим, - пообещал тот, и его сухое, костлявое лицо постrojело. - Ну, пока, Алексей. Начнем спуск с божьей помощью. Меня, кстати, Егором зовут.

- Давай, Егор. Как говорят, ни пуха...

Алексей нацепил лыжи, вскинул рюкзак и подошел к краю обрыва проводить спасателей. Один из них споро вколотил молотком, висающим на шнуре, в трещину скалы тонкий металлический клин, подцепил к кольцу конец веревки на карабине, после чего все они, друг за другом, подстраховываясь, стали спускаться по отвесной стенке. Алексей подождал минут десять, на всякий случай, но внизу было тихо, никто его не окликал, и он двинул к гольцам.

Неспешно пробивая лыжню по седловине перевала вверх, к нему вдруг пришло ровное и умиротворенное настроение. Он слегка подивился тому уверенному спокойствию, с которым вел себя и в разговоре с участковым, и со старшим следователем, и с директором прииска, и с главным спасателем. А все дело, наверно, в том, что мысленно он давно уже решил отдать содержимое мешочка небесному созданию, и пускай она с этим добром поступает как ей заблагорассудится. Ему же самому чужое золото не нужно. Воспользоваться им все равно будет нельзя, и кроме горя оно ничего не принесет. Конечно, он взял на душу грех, и грех этот на нем останется, как ни отмалчивай, но утешает, что корысти нет. Не для себя принес, для молодой девушки, которую предал любимый человек. Да еще она в такую мясорубку попала, чудо, как живой осталась. Пусть это будет наградой Алене за все страдания. Вот только бы поскорее передать ей свой подарок, сказать: «Это все - твое» и с тем проститься.

Подумал так, и стало еще легче, даже лыжи пошли быстрее. Вот что значит - высокогорье. Светлые мысли здесь посещают его чаще, чем в поселке. Ведь отсюда - ближе к Богу. И еще одна практическая мысль тотчас же проклюнулась в его мозгу, как бы рожденная общим настроением при виде близких гольцов: а что если не дожидаться весны или, тем более лета, а в середине января взять да смотаться к Алене в Барнаул? И не через Иогач, где его отъезд сразу заметят и кое у кого возникнут вопросы, а отсюда, через эти гольцы - в Каракокшу. Там на автобусе, а лучше на попутной машине - до Горного. Оттуда междугородним автобусом - в Барнаул. И таким же путем - обратно. Ни одна живая душа о его отлучке с угодий не узнает. А если придут егеря тропить, что маловероятно, и увидят лыжный след к гольцам, скажет: гонял браконьеров. Поверят. Тем более, что о браконьерах из-за перевала он в охототделе уже докладывал. Да и сейчас сказал главному спасателю, что пошел глянуть, нет ли брако-

шей. Все будет нормалек, как говорит Алена. Вот только надо будет прихватить с собой цивильную одежду. Хотя бы ношенные брюки и старенькие зимние сапоги. Охотничья суконная куртка из комплекта «тайга», а также вязаная шапка вполне подойдут и для городской сутолоки.

Да, отличную идею навеяли гольцы. На новогодние праздники он, как и все штатные охотники, выходит из тайги, а отгуляв - возвращается. Так что, собираясь после новогодья на промысел, он сунет в рюкзак брюки и сапоги. Если жена это каким-то образом обнаружит, скажет, берет для избушки, переодеваться там в сухое после путика. И все дела.

От такого расклада Алексей даже повеселел, и решил эти три с половиной часа, остающиеся до подъема спасателей, провести с наибольшей пользой. К примеру, подняться на голец и тщательно оглядеть сверху запредельную сторону, сориентироваться на местности. Это пригодится, когда сделает отсюда рывок в Барнаул. А идти сейчас на голец надо истоком Коозу, проверить места на соболя. Раньше не удавалось как следует опромыслить гольцовые, потому что тут не было избушки для ночлега. С перевала он спешил, обычно, в Коозу, замыкая круг на Базовой избушке. По гольцам же, к Купеческой, путик не проложен, хотя надо бы. Теперь неожиданно выдалась возможность обследовать траверс гольцов, и бежать, сломя голову, до зимовья ему не надо. На эту ночь он попросится к спасателям. Палатка у них большая, места много. В худшем случае, перебьется у нады. Не впервой ночевать у долгоиграющего костра.

Бредя вдоль мелкого здесь и пологого распадка Коозу, Алексей нашел торные собольи сбежки, и выставил под след пять оставшихся в рюкзаке капканов. Решив поработать в другой раз тут основательнее, он выбрался из ложбины на взгорок и повернул к низкорослому кедрачу. Петельки на белок в кармане рюкзака имелись, хотелось и их использовать.

Пошел кромкой кедрача, выискивая беличьи переходы, и вдруг совсем неподалеку услышал рабочую полайку Дымка. Лаял кобелек не как на белку, с неохотой, а очень даже азартно, словно на соболя. Осторожно подобрался к месту и увидел на вершине крупнейшего глухаря, который, наклоняя краснобровую голову то на один бок, то на другой, разглядывал лающую собаку и, вроде бы, дразнил ее своей полной недосягаемостью.

Потихоньку стряхнул с плеча ружье. Громыкнул выстрел, и птица, подгибая ветви своей тяжестью, рухнула в снег. Отнял добычу у подоспевшего Дымка, поднял обеими руками над головой, не давая ухватиться собаке. Размеры и тяжесть глухаря удивили Алексея. Здоровенный петух оказался и старый, даже голова замшела. Не упомянул, когда такого и добывал. А главное, куда теперь с ним? Не тащить же его на голец и обратно. Хочешь-не хочешь, а поворачивай назад, к стойбищу спасателей.

«Ладно, - успокоил себя Алексей, - сейчас до гольца не дошел, зато в другой раз уж точно дойду. Ну, а что запредельную местность не оглядел, так и это не беда. По карте-верстовке определюсь». - И тотчас же, пока

птица была еще теплая, содрал с нее перо вместе со шкурой (некогда было ощипывать), почистил и выпотрошил, бросив Дымку внутренности.

Кусок мяса сложил в полиэтиленовые мешочки, уложил в рюкзак. Вымыл руки снегом, обтер их о брезентовые голенища обшук. Глянул на циферблат. Времени у него оставалось около двух часов. Пора двигать назад. Надо еще перетаскать к палатке костровые колья с перекладиной, да нарубить побольше толстых сучьев для костра. А пока можно пяток минут отдохнуть. И он притулился спиной к шершавому стволу кедра, глядя на Дымка. Любил наблюдать, как ест кобелек. Вот и сейчас, видя, как с жадностью тот заглатывает теплые птичьи потроха, говорил добродушно:

- Ешь, сынок, ешь сладкие глухаринные потрошка. Заслужил. А еще мы с тобой накормим спасателей. Пускай мужички тоже попробуют свежей дичатинки. Ну, а-то, что ни кот, ни белочек не добыли, так в другой раз добудем. Не станем жалеть об этом. - Вскинул потяжелевший рюкзак на плечи и побрел назад.

Он успел соорудить кострище, натаскал много дров. Большой «семейный» котел спасателей и вместительный чайник уже висели на перекладине. Без четверти четыре поджег сухую заправку, и костер весело затрещал.

Спасатели чуть припозднились. Появились они над обрывом, когда уже был готов глухаринный суп с макаронами, найденными в продуктивном мешке, и легонько парил заваренный чайник, сдвинутый на край перекладины. Они подошли изможденные и угрюмые, с серыми лицами от холода и усталости. Сбросили рюкзаки, снаряжение и обступили костер, помалу приходя в себя от пережитого, грели руки над языками пламени.

- Как там? - спросил Алексей у Егора, но тот лишь, закрыв глаза, пожегся, словно от озноба и тяжело вздохнул.

- Понятно, - почти без голоса сказал Алексей, скорбно склонил голову и больше ни о чем не спрашивал.

Один из парней, по виду самый молодой, вдруг потянул носом воздух и осторожно приподнял крышку «семейного» котла.

- Не понял, - проговорил он, глянув на бурлящее варево, и с веселым изумлением посмотрел на товарищей.

- Глухарь, - скромно пояснил Алексей. Кивнул на Дымка, вежливо сидящего в сторонке, добавил: - Кобелек решил побаловать вас дичатинкой.

- Годится, - повеселел Егор. - С такой собакой с голоду не помрешь. Заулыбались и остальные. Посыпались шутки, смех.

Ужинали при затухающем небе, сидя вокруг костра на рюкзаках. Егор, потягивая крепкий чай, вдруг озабоченно заметил:

- Вроде, как потеплело. Снег перестал скрипеть.

- И горы вокруг засинели, - добавил Алексей. - Значит, давление падает. Не иначе, завтра ветра задуют. Наташат снегопадов.

- Снегопады нам совсем ни к чему, - нахмурился Егор. - Нам в этой шели еще пластаться и пластаться. У тебя-то какие планы?

- Промышлять, какие еще. Из работы я напрочь выпал со всем этим делом.

- Не один ты. Всех на уши поставили. Неделю искали не там, где надо. Да еще бы сколько пурхались в других горах. Парни измотались вконец.

- Была бы рация, я бы махом сообщил, - сказал Алексей. - В тот же день. Но наша бедность такую роскошь не позволяет.

- Не бедность, а наша дурость. И бедные мы только от своей дурости, - с раздражением проговорил Егор и сплюнул.

- Дядя Алексей, - подал голос молодой спасатель, тот, что учуял в котле варящегося глухаря, - а сколько раз за сезон ты спускаешься в это ущелье?

- Когда два, а когда и три раза.

- И сколько за каждый спуск у тебя выхолит?

- Чего - выходит? - не понял Алексей.

- Зарплаты.

- Ему не за спуски-подъемы платят, а за сланную пушнину, - сказал Егор.

- Да это я знаю. Но все-таки, сколько дает один спуск?

- Точнее сказать, не спуск, а кольцо: Купеческая избушка - перевал - спуск в Коозу - проход руслом до Пыжи, и потом - до Базовой. На кольцо уходит весь световой день. От восхода до заката.

- Пусть будет кольцо. Сколько оно дает?

- Первое в сезоне кольцо вообще ничего не дает. И спуск в Коозу - тоже. Ведь сначала надо выставить по всему руслу два-три десятка капканов под след. Если ставить аккуратно, на каждый уходит минут двадцать. То есть, на первом кольце только засеваю уголья ловушками. Собираю урожай на втором кольце. И на третьем, если оно случается. Ну, а в среднем каждое кольцо пять соболей. В деньгах это, примерно, четыре с половиной сотни рублей.

- Ты бы пошел? - спросил Егор молодого с усмешкой.

Тот рассмеялся и помотал головой.

- За четыре сотни? Ни в жизнь.

- Мало платят?

- Не густо. Да еще риск какой. Мы вон группой идем, что с кем случись, сразу поможем друг другу. А одному бродить по этим ледопадам - гиблое дело. Нога подвернется или сломается лыжа и - каюк. Так ведь, дядя Алексей?

- Конечно, так, - сказал Алексей.

- Ну, а если твою годовую зарплату разбросать по месяцам, сколько в среднем получается? - не отставал молодой.

- Около трех сотен.

- Всего-то?

- Иногда чуть больше. А еще у меня огород есть. Картошку, другие овощи выращиваю. Осенью с мужиками шишкарем. Тоже довесок к промыслу. Хотя шишка родится не каждый год. Короче, живем, не помираем с голоду.

- Только что... - невесело хмыкнул Егор, и глянул на молодого. - Ну что, не манит в охотники? Не по нутру такая романтика?

- Не по нутру, - признался тот, - лучше уж работать в отряде.

- Да ведь и у вас, ребята, работа тоже - не мед, - сказал Алексей, - хотя, может, и платят больше. По горам лазать - быстро без ног останешься. И какие нервы надо. Спасаете не только живых. Насмотрелись, поди-ка, всякого.

- Это уж точно, - качнул головой Егор, - что насмотрелись, то насмотрелись. На всю остатную жизнь. Хотя бы взять сегодняшний день. Волосы под шапкой дыбом поднимаются. Вроде бы, и привыкнуть уже должен, а все не получается.

- Котелок мой не помог, что на кусте висел?

- Только твой котелок и целый. А все остальное... Завтра груз «двести» будем поднимать в пластиковых мешках. Сплошные окровавленные тряпки с костями. Да и те поизжеваны. Я такого еще не видел. Даже в Афгане.

Алексей никак не отозвался, лишь тяжело вздохнул и достал сигареты. Егор потянулся к пачке и тоже закурил.

- Я тебя о планах не случайно спросил, - сказал Егор, шурясь от едкого дыма. - У тебя, говоришь, избушка в паре часов ходьбы?

- Если прогулочным шагом, налегке.

- В темноте найдешь дорогу?

- Приходилось ходить и ночью. А что?

- Так ступай себе в избушку.

- А завтра помочь вам?

- Обойдемся. Мы за это деньги получаем.

- Я бы пошел, да в темноте-то идти нет резона. Я же не турист. Надо ловушки по пути обиходить, обшарить распадки, в которых давно не был. Если у вас в палатке место найдется...

- Ночуй, - сказал Егор, - коли есть нужда. - И поднялся. - Ну что, братцы, - обратился ко всем сразу. - Подъем завтра в восемь ноль-ноль. Завтракаем и спускаемся вчетвером. Один останется принимать груз. И расчистит посадочную площадку. Измайлов, ну так не надумал еще в охотники?

- Никак нет, - весело отозвался самый молодой.

- Останешься наверху.

- Понял.

- Ладно. Все - в палатку. Укладывайтесь, а мне надо еще связаться по рации. Доложить что сделано и вызвать вертушку.

Мороз на воле хотя и ослабел, но начиналась поэмка, и все спешно ушли в палатку. Разбирали спальники при свете загущающего костра. Алексей дал пуховой мешок. Он залез в него, угрелся и сразу уснул.

Проснулся Алексей затемно, в семь. Осторожно выбравшись из мешка и из палатки, чтобы не разбудить спасателей, сходил за дровами, развел

костер. Разогреть, тушенку и вскипятить чай ему помог молодой спасатель, к которому Алексей чувствовал искреннюю симпатию. Сразу после завтрака Алексей собирался в обратный путь, к Купеческой. Сунул в рюкзак свой закопченный котелок, а вторые лыжи оставил спасателям.

- Вдруг пригодятся, - сказал он, - хотя бы за дровами сходить. На ваших-то далеко не уйдешь. Ну, а потом их у кострища оставьте. В другой раз заберу.

Егор, провожая, отвел Алексея от палатки.

- Что про золото не спрашиваешь? - сказал он.

- Какое мне дело до чужого золота. Нашли, не нашли - не моя забота.

- Конечно, нашли. Но ты к нему не подходил. Вопросов к тебе нет. Так что ступай спокойно и лови своих зверей. - Протянул руку. - Будь здоров.

- Спасибо, - поблагодарил Алексей растроганно. - Всего вам самого-самого... Ну, а в случае чего, моя избушка - внизу. Помогу, чем смогу. Бывайте...

- Давай, - кивнул Егор, и Алексей зашагал по целине к недалекому путику. Дымок обогнал его, и вскоре уже трусил по лыжне, безошибочно определив маршрут к Купеческой избушке.

После полудня, выставив по ходу три десятка жердей с петельками, сияв одного соболя и шесть белок (судьба будто сжалилась над ним за все его страдания), и со взгорка замаячила белая шапка крыши. Это видение было настолько родное и радостное, что выжало из глаз скупые слезы.

- Здравствуй, любимая избушечка, - шептал он онемевшими губами, - вот видишь, я и вернулся к тебе. Сейчас затопим печку, и нам станет веселее. Эх, жаль, нет с нами небесного создания. Осиротели мы с тобой.

Дымок уже требовательно скреб лапой в дверь. Хотя и не он загнал соболя, тот сам попался в капкан, но, поскольку кобелек первый его нашел и оповестил лаем хозяина, то и считал себя причастным к добыче. Однако, когда хозяин отворил дверь, совестливый пес не прыгнул на гостевые нары, а улегся на полу, возле печки, за что его тот мысленно похвалил.

Сразу же Алексей занялся привычными хозяйственными делами: разобрал рюкзак, повесил на гвозди тушки - размораживаться, сходил за водой, не забыв глянуть на другой берег речки Турги, на заветное местечко. Затопил печку, поставив на нее кастрюлю с мясом и чайник. А когда в избушке стало тепло, переоделся в сухое и сел на свои нары, где раньше лежала Алена. Задумчиво поглаживал рукой овчину. Казалось, прикрой глаза, и он услышит нежный голос Алены, а протяни руку, ощутит ладонью прикосновение к теплой, шелковистой ее щеке. Но он не закрывал глаз и не протягивал ищущую руку. Знал, что ничего этого уже не случится, и что короткое счастье, подаренное ему судьбой, останется с ним навсегда. И хотя понимал отчетливо и трезво, что все - в прошлом, у него никогда уже не будет близости с Аленой, а глупое сердце рвалось к ней, и он мысленно обдумывал предстоящий рывок в Барнаул.

Хотелось закурить, но в избушке не посмел, ведь здесь все дышало ее памятью. Даже не верилось, что Алены тут нет и больше не будет. Это в голове не укладывалось. Он лег на овчину, невидяще глядя в потолок, и вдруг заметил прямо над собой небольшой прямоугольник с белыми краями. Вгляделся пристально, и глазам не поверил. Это была фотография Алены, его небесного создания. Небольшая фотография, цветная и, похоже, любительская. Алена глядела с нее, улыбаясь, прямо ему в душу. И в ее легкой улыбке было столько тепла и света, что у него ком подступил к горлу и глаза защипало.

- Надо же... - проговорил ошарашенно. - Эту фотку я видел в ее сумке. Еще там, в Базовой. Но когда она успела прицепить ее к потолку?

И еще он заметил, что над его головой больше не красовалась обнаженная девица из иностранного журнала для мужчин. Ее заменил образ Алены.

* * *

Алексея от всего спасала работа. Как бы тяжело на душе не было от личной неустроенности, от неотвратимого умирания леспромхоза, от развала всего и вся в поселке, да и во всей, некогда великой стране, забвение он находил в тяжелом труде. Если был дома, принимался пилить и колоть дрова или обихаживать приусадебный огород. На сельском подворье дело всегда найдется, было бы желание. Про тайгу и говорить нечего, в ней он постоянно на ногах и всегда при деле. И вот сейчас, после ухода Алены, когда он ощутил душевную пустоту, даже почувствовал, что теряет интерес к жизни, будто глубокий старик, интуитивно искал спасение в физическом изматывании своего тела, чтобы некогда было копаться в своем нутре и думать о печальном.

Сидя вечером в Купеческой избушке и управившись со всеми хозяйственными нуждами, он, чтобы занять голову, положил перед собой карту угодий, внимательно оглядел ее на предмет опромысловости. Нашлись на ней уголки, куда он хотя и заглядывал, но редко и походя. И хорошо бы сделать в этом сезоне парочку новых путиков. Старые, конечно, удобны, рассчитаны по ходьбе и по времени, однако, зверь на них основательно выловлен, да и покидает места, где часто появляется человек со своим гладким следом. Взять хотя бы путь по Турге до гольцов. Вывершившая русло Турги, он, по давней традиции, уходит влево, ночует в Гольцовой избушке и спускается другим распадом до Куржавой. А вправо от истоков Турги не ходил, и предгольцовье до коозунского перевала оставалось как бы в тени и не опромысливалось. Переходя от мыслей к делу, Алексей тут же составил рабочий план на оставшиеся три недели декабря и на весь январь. Четко расписал, когда и по какому путику идти, и когда делать повторные прогоны. Намеченное решил блюсти неукоснительно, естественно, с поправкой на разные непредвиденные случайности.

костер. Разогреть, тушенку и вскипятить чай ему помог молодой спасатель, к которому Алексей чувствовал искреннюю симпатию. Сразу после завтрака Алексей собирался в обратный путь, к Купеческой. Сунул в рюкзак свой закопченный котелок, а вторые лыжи оставил спасателям.

- Вдруг пригодятся, - сказал он, - хотя бы за дровами сходить. На ваших-то далеко не уйдешь. Ну, а потом их у кострища оставьте. В другой раз заберу.

Егор, провожая, отвел Алексея от палатки.

- Что про золото не спрашиваешь? - сказал он.

- Какое мне дело до чужого золота. Нашли, не нашли - не моя забота.

- Конечно, нашли. Но ты к нему не подходил. Вопросов к тебе нет. Так что ступай спокойно и лови своих зверей. - Протянул руку. - Будь здоров.

- Спасибо, - поблагодарил Алексей растроганно. - Всего вам самого-самого... Ну, а в случае чего, моя избушка - внизу. Помогу, чем смогу. Бывайте...

- Давай, - кивнул Егор, и Алексей зашагал по целине к недалекому путику. Дымок обогнал его, и вскоре уже трусил по лыжне, безошибочно определив маршрут к Купеческой избушке.

После полудня, выставив по ходу три десятка жердей с петельками, сняв одного соболя и шесть белок (судьба будто сжалилась над ним за все его страдания), и со взгорка замаячила белая шапка крыши. Это видение было настолько родное и радостное, что выжало из глаз скудные слезы.

- Здравствуй, любимая избушечка, - шептал он онемевшими губами, - вот видишь, я и вернулся к тебе. Сейчас затопим печку, и нам станет веселее. Эх, жаль, нет с нами небесного создания. Осиротели мы с тобой.

Дымок уже требовательно скреб лапой в дверь. Хотя и не он загнал соболя, тот сам попался в капкан, но, поскольку кобелек первый его нашел и оповестил лаем хозяина, то и считал себя причастным к добыче. Однако, когда хозяин отворил дверь, совестливый пес не прыгнул на гостевые нары, а улегся на полу, возле печки, за что его тот мысленно похвалил.

Сразу же Алексей занялся привычными хозяйственными делами: разобрал рюкзак, повесил на гвозди тушки - размораживаться, сходил за водой, не забыв глянуть на другой берег речки Турги, на заветное местечко. Затопил печку, поставив на нее кастрюлю с мясом и чайник. А когда в избушке стало тепло, переоделся в сухое и сел на свои нары, где раньше лежала Алена. Задумчиво поглаживал рукой овчину. Казалось, прикрой глаза, и он услышит нежный голос Алены, а протяни руку, ощутит ладонью прикосновение к теплой, шелковистой ее щеке. Но он не закрывал глаз и не протягивал ищущую руку. Знал, что ничего этого уже не случится, и что короткое счастье, подаренное ему судьбой, останется с ним навсегда. И хотя понимал отчетливо и трезво, что все - в прошлом, у него никогда уже не будет близости с Аленой, а глупое сердце рвалось к ней, и он мысленно обдумывал предстоящий рывок в Барнаул.

Хотелось закурить, но в избушке не посмел, ведь здесь все дышало ее памятью. Даже не верилось, что Алены тут нет и больше не будет. Это в голове не укладывалось. Он лег на овчину, невидяще глядя в потолок, и вдруг заметил прямо над собой небольшой прямоугольник с белыми краями. Вгляделся пристально, и глазам не поверил. Это была фотография Алены, его небесного создания. Небольшая фотография, цветная и, похоже, любительская. Алена глядела с нее, улыбаясь, прямо ему в душу. И в ее легкой улыбке было столько тепла и света, что у него ком подступил к горлу и глаза зашипало.

- Надо же... - проговорил ошарашенно. - Эту фотку я видел в ее сумке. Еще там, в Базовой. Но когда она успела прицепить ее к потолку?

И еще он заметил, что над его головой больше не красовалась обнаженная девица из иностранного журнала для мужчин. Ее заменил образ Алены.

* * *

Алексея от всего спасала работа. Как бы тяжело на душе не было от личной неустроенности, от неотвратимого умирания леспромхоза, от развала всего и вся в поселке, да и во всей, некогда великой стране, забвение он находил в тяжелом труде. Если был дома, принимался пилить и колотить дрова или обихаживать приусадебный огород. На сельском подворье дело всегда найдется, было бы желание. Про тайгу и говорить нечего, в ней он постоянно на ногах и всегда при деле. И вот сейчас, после ухода Алены, когда он ощутил душевную пустоту, даже почувствовал, что теряет интерес к жизни, будто глубокий старик, интуитивно искал спасение в физическом изматывании своего тела, чтобы некогда было копаться в своем нутре и думать о печальном.

Сидя вечером в Купеческой избушке и управившись со всеми хозяйственными нуждами, он, чтобы занять голову, положил перед собой карту угодий, внимательно оглядел ее на предмет опромысловости. Нашлись на ней уголки, куда он хотя и заглядывал, но редко и походя. И хорошо бы сделать в этом сезоне парочку новых путиков. Старые, конечно, удобны, рассчитаны по ходьбе и по времени, однако, зверь на них основательно выловлен, да и покидает места, где часто появляется человек со своим гладким следом. Взять хотя бы путь по Турге до гольцов. Вывершившая русло Турги, он, по давней традиции, уходит влево, ночует в Гольцовой избушке и спускается другим распадом до Куржавой. А вправо от истоков Турги не ходил, и предгольцовые до коозунского перевала оставалось как бы в тени и не опромысливалось. Переходя от мыслей к делу, Алексей тут же составил рабочий план на оставшиеся три недели декабря и на весь январь. Четко расписал, когда и по какому путику идти, и когда делать повторные прогоны. Намеченное решил блюсти неукоснительно, естественно, с поправкой на разные непредвиденные случайности.

Начал он на этот раз именно с правотургинских гольцов, осознавая, конечно, что впереди нет зимовейки. Значит, сделав круг, ему придется возвращаться опять же в Купеческую. Продираясь сквозь заросшее ольховником русло Турги к ее истокам, Алексей вдруг поймал себя на том, что все его дела и мысли, так или иначе, крутятся вокруг Купеческой и ее окрестностей. Будто невидимые нити держат его и не отпускают на другие уголки, которых у него предостаточно. И он понимал, отчего это. Алена - само собой, память о ней связана с Купеческой, но было нечто и другое, о чем он вслух не говорил и даже старался не думать, догадываясь дальним умом, что слова и мысли - материальны и обязательно доходят до чьего-то слуха и ума. Полиэтиленовая бутылка с содержимым мешочка - вот что еще заставляло ходить по кругу. И пусть спасатель Егор успокоил его, дескать, к золоту ты не подходил, и сам он прочно утвердился в решении увезти Алене тяжелую бутылку, отказавшись от своей доли, а полного душевного успокоения не испытывал. Свои следы под скалой он замел, но одного мешочка с драгоценным песком там стало не хватать. И тот, кто отправлял груз, об этом скоро узнает, если еще не узнал. Начнутся явные и тайные поиски исчезнувшего таинственным образом мешочка, и кто даст гарантию, что до него, Алексея, они не доберутся. Так что пока содержимое мешочка лежало неподалеку от избушки, оно угнетало Алексея, лишало уверенности и покоя. Поэтому вынос опасного груза на седловину каракокшинского перевала, откуда в середине января планировал смотаться в Барнаул, он приурочил к прокладке нового гольцового путика.

Замотанную разным хламом литровую пластиковую бутылку нес в сумке с капканами на груди. При ходьбе она моталась, колотила в грудь, как бы подталкивала поскорее избавиться от нее, что он и спешил сделать. Продравшись сквозь колючие заросли и сдавленное с боков скалами верхнее течение Турги, выставив по пути два капкана, Алексей целиной ушел вправо. Исходя едким потом, месил лыжами снега предгольцовья, направляясь в сторону далекого еще каракокшинского перевала. Жалел, что возле Коозу нет избушки. Ни предшественник Наливайко не срубил ее, ни он, Алексей. А как бы она пригодилась сейчас, переночевал бы, и наутро - обратно. Но впереди - нет жилушки. Придется ему сегодня после того, как оглядит с каракокшинского перевала запредельную сторону, возвращаться низом, руслом безымянной речушки опять же в Купеческую. А это - почти полтора дневных перехода, да еще с расстановкой ловушек. Но дальность и трудность пути Алексея не угнетали. Меньше будут лезть в голову печальные мысли.

Путик он пробивал не где удобнее идти, а выбирал места, захлапленные кустарниками, скалами и древесными корчами, где соболи чувствуют себя вольготнее. Соболиных же троп и сбежек здесь оказалось гораздо больше, чем вдоль старых путиков и Алексей, не думая о времени, старательно

расставлял капканы под след, тщательно маскируя их. Так что до намеченной седловины перевала добрался лишь к трем часам пополудни.

Небо было укутано хмарью, мела поземка - предвестница снегопада, но было еще достаточно светло, когда он, не сходя с лыжни, под прикрытием каменных взлобков, сунул в снег надоевший сверток, заровняв место схрона промысловой деревянной лопаточкой. После этого, ощущая в себе душевное и физическое облегчение, перевалил горную седловину и внимательно оглядел открывшуюся перед ним панораму запредельной стороны.

Склон, по которому предстояло уйти, был густо лесист, с вкраплением скал, а подножье не просматривалось. Но где-то здесь пролегла браконьерская тропа, замеченная снегами. Так что при нужде удобный спуск, конечно же, сыщется. По карте-верстовке, изученной перед выходом в путь, значилось, что за подножием горы лежит широкая долина с двумя реками. Одна из них, Каракокша, отсюда совсем близко, вьется под самым перевалом. Вдоль противоположного ее берега помечена проселочная дорога, связывающая мелкие деревеньки с крупным поселком, названным по имени реки.

Определившись на местности в общих чертах, Алексей вернулся на свою сторону перевала и пошел обратно - полгорой, вдоль безымянной речки, время от времени выставляя капканы. Дымок же рыскал выше, в скальных крутяках, и голоса не подавал. Алексей даже забыл о нем, но тот вдруг напомнил о себе: остервенело заблажил в недалеком кедровом островке, и безостановочный лай его стал удаляться. «Не иначе, маралов подшумел на отстое», - подумал Алексей, и не ошибся. Едва приблизившись к опушке кедрача, увидел на снегу рваные наброды марального табунка и их размашистые следы, круто уходящие в гору. Гонный след Дымка тянулся сбоку, и с верхов несся его призывный лай.

- Где тебе, сынок, за ними угнаться, - проговорил Алексей, усмехаясь. - Да и без надобности нам тут мясом заниматься. Как его потом тащить? До избушки еще черт-те сколько брести. Надо будет, найдем поближе.

Хотел было уже двигаться дальше, да боковым зрением заметил: у кряжистого кедра качнулась нижняя ветка. Пригляделся. Маралуха! Недвижимо стоит под деревом, прикрытая ветвями, и ее буровато-серая шерсть почти не видна в густой хвое. Темные, блестящие глаза сторожат каждое его движение.

- Что ж ты не убежала с другими-то? - тихо и сочувственно сказал Алексей. - Больна или просто поленилась? Благо, кобелек тебя, в азарте, не заметил. Худо бы пришлось. Ну да ладно, живи. - И побрел мимо. Отойдя немного, оглянулся. Маралуха смотрела ему вслед. Ее уши слегка подрагивали. И ему приятно стало от своего великодушия. Подумалось, что когда отпускаешь зверя, радость светлее, чем когда его добудешь. Потому, что нет корысти.

Начал он на этот раз именно с правотургинских гольцов, осознавая, конечно, что впереди нет зимовейки. Значит, сделал круг, ему придется возвращаться опять же в Купеческую. Продираясь сквозь заросшее ольховником русло Турги к ее истокам, Алексей вдруг поймал себя на том, что все его дела и мысли, так или иначе, крутятся вокруг Купеческой и ее окрестностей. Будто невидимые нити держат его и не отпускают на другие уголки, которых у него предостаточно. И он понимал, отчего это. Алена - сама собой, память о ней связана с Купеческой, но было нечто и другое, о чем он вслух не говорил и даже старался не думать, догадываясь дальним умом, что слова и мысли - материальны и обязательно доходят до чьего-то слуха и ума. Полиэтиленовая бутылка с содержимым мешочка - вот что еще заставляло ходить по кругу. И пусть спасатель Егор успокоил его, дескать, к золоту ты не подходил, и сам он прочно утвердился в решении увезти Алене тяжелую бутылку, отказавшись от своей доли, а полного душевного успокоения не испытывал. Свои следы под скалой он замел, но одного мешочка с драгоценным песком там стало не хватать. И тот, кто отправлял груз, об этом скоро узнает, если еще не узнал. Начнутся явные и тайные поиски исчезнувшего таинственным образом мешочка, и кто даст гарантию, что до него, Алексея, они не доберутся. Так что пока содержимое мешочка лежало неподалеку от избушки, оно угнетало Алексея, лишало уверенности и покоя. Поэтому вынос опасного груза на седловину каракокшинского перевала, откуда в середине января планировал смотаться в Барнаул, он приурочил к прокладке нового гольцового путика.

Замотанную разным хламом литровую пластиковую бутылку нес в сумке с капканами на груди. При ходьбе она моталась, колотила в грудь, как бы подталкивала поскорее избавиться от нее, что он и спешил сделать. Продравшись сквозь колючие заросли и сдавленное с боков скалами верхнее течение Турги, выставив по пути два капкана, Алексей целиной ушел вправо. Исходя едким потом, месил лыжами снега предгольцовья, направляясь в сторону далекого еще каракокшинского перевала. Жалел, что возле Коозу нет избушки. Ни предшественник Наливайко не срубил ее, ни он, Алексей. А как бы она пригодилась сейчас, переночевал бы, и наутро - обратно. Но впереди - нет жилушки. Придется ему сегодня после того, как оглядит с каракокшинского перевала запредельную сторону, возвращаться низом, руслом безымянной речушки опять же в Купеческую. А это - почти полтора дневных перехода, да еще с расстановкой ловушек. Но дальность и трудность пути Алексея не угнетали. Меньше будут лезть в голову печальные мысли.

Путик он пробивал не где удобнее идти, а выбирал места, захламленные кустарниками, скалами и древесными корчами, где соболы чувствуют себя вольготнее. Соболиных же троп и сбегжек здесь оказалось гораздо больше, чем вдоль старых путиков и Алексей, не думая о времени, старательно

расставлял капканы под след, тщательно маскируя их. Так что до намеченной седловины перевала добрался лишь к трем часам пополудни.

Небо было укутано хмарью, мела поземка - предвестница снегопада, но было еще достаточно светло, когда он, не сходя с лыжни, под прикрытием каменных взлобков, сунул в снег надоевший сверток, заровняв место схрона промысловой деревянной лопаточкой. После этого, ощущая в себе душевное и физическое облегчение, перевалил горную седловину и внимательно оглядел открывшуюся перед ним панораму запредельной стороны.

Склон, по которому предстояло уйти, был густо лесист, с вкраплением скал, а подножье не просматривалось. Но где-то здесь пролегла браконьерская тропа, заметенная снегами. Так что при нужде удобный спуск, конечно же, сыщется. По карте-верстовке, изученной перед выходом в путь, значилось, что за подножием горы лежит широкая долина с двумя реками. Одна из них, Каракокша, отсюда совсем близко, вытекает под самым перевалом. Вдоль противоположного ее берега помечена проселочная дорога, связывающая мелкие деревеньки с крупным поселком, названным по имени реки.

Определившись на местности в общих чертах, Алексей вернулся на свою сторону перевала и пошел обратно - полгорой, вдоль безымянной речки, время от времени выставив капканы. Дымок же рыскал выше, в скальных крутяках, и голоса не подавал. Алексей даже забыл о нем, но тот вдруг напомнил о себе: остервенело заблажил в недалеком кедровом островке, и безостановочный лай его стал удаляться. «Не иначе, маралов подшумел на отстой», - подумал Алексей, и не ошибся. Едва приблизившись к опушке кедрача, увидел на снегу рваные наброды марального табунка и их размашистые следы, круто уходящие в гору. Гонный след Дымка тянулся сбоку, и с верхов несся его призывный лай.

- Где тебе, сынок, за ними угнаться, - проговорил Алексей, усмехаясь. - Да и без надобности нам тут мясом заниматься. Как его потом тащить? До избушки еще черт-те сколько брести. Надо будет, найдем поближе.

Хотел было уже двигаться дальше, да боковым зрением заметил: у кряжистого кедра качнулась нижняя ветка. Пригляделся. Маралуха! Недвижимо стоит под деревом, прикрытая ветвями, и ее буровато-серая шерсть почти не видна в густой хвое. Темные, блестящие глаза сторожат каждое его движение.

- Что ж ты не убежала с другими-то? - тихо и сочувственно сказал Алексей. - Больна или просто поленилась? Благо, кобелек тебя, в азарте, не заметил. Худо бы пришлось. Ну да ладно, живи. - И побрел мимо. Отойдя немного, оглянулся. Маралуха смотрела ему вслед. Ее уши слегка подрагивали. И ему приятно стало от своего великодушия. Подумалось, что когда отпускаешь зверя, радость светлее, чем когда его добудешь. Потому, что нет корысти.

Он уже порядком подустал, шагая по глубокоснежью, но вскипятить чаю просто не было времени. Привалился спиной к сухостойной лиственнице, давая ногам краткий отдых и услышал: со стороны коозунского перевала, невидного отсюда, донесся наплывающий грохот вертолета, который, насадно поревев мотором, притих. Наверно, машина приземлилась на расчищенную площадку. А минут через пять снова загрохотало в небе, и гул стал удаляться.

- Повезли мешочки и «груз 200», - прошептал Алексей. - Золото и кровь, как всегда - вместе. Не могут друг без друга.

Мысль о золоте подстегнула Алексея к работе. Небо вечерело, а он не спешил к избушке, брел междугорьем, повторяя складки местности, заглядывая даже в крошечные боковые распадки. Он угнетал и измазывал свое тело с яростной самозабвенностью, отмаливая грех, чтобы хоть этим очистить душу.

В избушку вернулся уже во тьме, чувствуя удовлетворение от сделанного минувшим днем, а переночевав и испытывая после пробуждения ноющую боль в костях, с рассветом ушел-таки на другой путик, числящийся вторым в его плане. Выдерживал долго и бесплодно стоящие там капканы, складывая их в рюкзак - сгодятся на других, более добычливых угодьях. Целую неделю не давал себе никакого продыха, отработав по будней программе даже воскресный день.

Вертолет прилетал на коозунский перевал еще два раза, и больше над горами не появлялся. Алексея это немного успокоило, но подспудная тревога, что гости снизу все же могут заявиться к нему в Купеческую, не исчезала. Поэтому каждый раз, подходя к зимовейке, напрягшимися глазами искал следы чужих лыж. Однако, катились дни, но никто к нему так и не пришел.

Он почувствовал себя надежнее, защищеннее. Ему не терпелось нагнать упущенное время. Сделав переход к левогорьцовой избушке и осев там, принялся опромысливать окрестные урочища. А еще через неделю, вывершив каменистую, водораздельную релку, скатился к крохотной избушке Куржавой, куда, по его наблюдениям, с верхов мигрировала белка. Неудачно поставленная на близких грунтовых водах, избушонка была сырой. На ее низком потолке и стенах всегда висели хлопья седой изморози, за что и была прозвана Куржавой. Ночевать в ней, на коротеньких нарах, поджав ноги, да еще в сырости - сплошное мучение, но Алексей, будто даже радуясь неудобствам, провел здесь четыре ночи, выставив весь запас петель в пологом разнолесье, где белка, и на самом деле, тропила весьма густо. После этого, с чувством добросовестно выполненной работы, свалил в Базовую избушку. Там он осел окончательно, до новогоднего выхода в Иогач.

Тридцатого декабря, загрузив рюкзак пушниной и маралатиной, покинул Базовую избушку, направляясь по Пыже к лесовозной дороге.

***

Раньше любил Алексей в предновогодье выходить из тайги. В былые времена он, как и другие промысловики, искушавшись по дому, готовился к этому загодя. Добывал глухаря и с десятков рябчиков к праздничному столу, собирал падающие вдоль путиков кедровые шишки - гостинчик для дочери, и непременно приносил нарезанные ветки маральника со свернутыми зелеными листочками и цветковыми почками. Дочка сразу ставила их в вазу с водой, где они, постояв в тепле, разворачивали листья и распускали розово-фиолетовые соцветия, напоминая о далекой еще весне. И сразу так празднично становилось в комнате от этого таежного букета! Маленькая девочка Оля чувствовала своим детским сердечком отчуждение между отцом и ма-терью. Металась между ними, показывая, как нужны они ей оба и вместе. Она, как родной посредник, связывала их и, в размолвках родителей, чаще бывала на стороне отца. Наверное, видела его какую-то незащищенность, ведь дети всегда на стороне слабого, а не сильного. Да и он относился к дочери нежнее и бережнее, чем нервная, издерганная в школе и не по-женски жесткая мать, скупая на ласковое слово.

Но это было так давно, за перевалами годов. В последние же годы, когда Ольга вышла замуж и жила в городе своей семьей, и уже перестала быть связующим звеном между отцом и матерью, а его отношения с Зоей стали невыносимыми. Алексей не испытывал прежней радости от возвращения домой. Заранее знал: женской заботы о себе не увидит, душевного слова не услышит. Его не пожалеют дома, не спросят - трудно было или нет, а сразу начнется извечный разговор о деньгах и их безвылазной бедности. И хотя в поселок он не рвался, но все равно какой-то отблеск от былых радостей оставался на доньшке его души. Ждал встречи с друзьями-охотниками, с которыми всегда найдется о чем поговорить. Общение с себе подобными - одна из немногих радостей, оставшихся у него, да и вообще жаждалось расслабиться, дать изработавшейся плоти понежиться в безделье, чтобы через два-три дня снова уйти на целый месяц, скитаться от избушки к избушке, измазываясь на путиках.

Ни глухаря, ни рябчиков он на этот раз не принес, не испытывал такого настроения, да и не хотелось отвлекаться от основного промысла. Вместо дичи рюкзак оттягивало маралье мясо - без выдумки и практично. Но когда шел по Пыже, не удержался, сломил с нависающих скал несколько заиндевевших веток маральника. Пусть они напоминают о лучших временах.

Дома его ожидала новость. Едва он сбросил на веранде тяжелый, пропотевший на спине рюкзак и вошел в комнату, Зоя, не дав отдышаться, огорошила прямо с порога:

- Позавчера из Барнаула звонили. Из организации, где работает твоя девица.

- Какая это моя? - грубовато хмыкнул он, прикрывая мгновенный испуг. Как ни отмаливался, а грех жил в нем, постоянно напоминая о себе.

- Которую ты выходил. Про которую вся деревня трезвонит.

- И что они хотели? - ровным голосом спросил Алексей, вешая на крючке у порога шапку и куртку, а сердце надсадно екнуло. Видно, в покое его не оставят. Напрасно надеялся. И это только начало. А что будет дальше?

- Спрашивали, когда выйдешь из тайги. Я сказала: не сегодня, так завтра.

- А зачем им я? - Не стаскивая обуви, зашел на кухню и тяжело опустился на табуретку, вытянув перед собою гудящие ноги.

- Хотят тебе компенсацию выплатить. За заботу о девице, ну и за то, что потерял рабочее время.

- Что ж, хорошо, - проговорил он с усталым безразличием, - не откажемся.

- Еще бы - отказаться, - иронично усмехнулась Зоя. - Нам в школе уже три месяца зарплату не дают. На Новый год выдали по тридцатке и все. Гуляйте, мол.

- Но я же сдал шесть котлов. Разве не получила?

- Толку-то, что сдал. В вашей бухгалтерии тоже денег нет. Как думаешь, сколько тебе отвалит за девицу?

Пожал плечами.

- Откуда мне знать? Может, рублей пятьсот, а то и всю тыщу.

- Хорошо бы. Ты знаешь, что я подумала? Вот сейчас каникулы начались, съездить бы мне на недельку к Ольге с Машенькой. Отвезти бы им хоть немного мяса, ну и денег, конечно. Как считаешь?

- Поезжай. Мяса я принес, а деньги, Бог даст, привезут. Ты когда хочешь?

- Как деньги будут, так и поеду.

- Они не сказали - когда?

- Нет, но, наверно, в праздники. Я им сказала, что дома будешь дня три.

- Ладно, подождем... Кстати, где Новый год-то встречать будем? Дома или пойдем к кому-нибудь? Не думала еще?

- Вдвоем нам скучно будет. В компании - веселее.

- Ну и к кому нацелимся? К моим или к твоим друзьям?

Зоя презрительно поджала губы.

- К своим я тебя уже водила. Там на тебя повесилась Верка, брошенка эта, а ты и слюни распустил. Рад-радешенек. Как же, на него внимание обратили. С меня хватит. На этот раз пойдем к твоим. Медведевы пригласили, - уточнила с торжественными нотками в голосе. - Там, по крайней мере, все бабы с мужьями будут. Ни к одной не прилипнешь.

- Черт-те что мелешь, - поморщился он.

- А разве неправда? Раз такой есть.

- Ладно, - вяло махнул рукой, как бы отсекая разговор, ведущий к очередной и совсем ненужной ссоре. - Как скажешь. К Медведевым, так к Медведевым. Благо, иди недалеко, соседи. Так кто приглашал-то? Сам директор или жена?

- Ирина позвонила. Сказала, что Владимир Иванович лично и сама она хотели бы видеть нас среди гостей праздничного стола. Так по-писаному и сказала. Ты у нас, Солин, однако, знаменитым стал.

- С чего взяла?

- С того. Раньше-то нас Медведевы на большие праздники не звали, а теперь вдруг - «хотели бы видеть». Не ради же меня такая честь. Это о тебе весь поселок трезвонит. Всем охота посмотреть на тебя и послушать. Как же, герой дня.

- Собираешь что попало, - раздраженно выдохнул он и отправился топтать баню. Проходя по двору, покосился через забор на директорскую усадьбу и подумал, что пора объявить себе, если не вовсе сухой, то хотя бы полусухой закон. Чтоб по пьянке не болтануть лишнего.

Следующий день, тридцать первого декабря, начался в предпраздничных хлопотах. Алексей накрутил мяса, и они с женой принялись лепить пельмени. Не с пустыми же руками идти в гости. Сидели над тестом и фаршем молча. Каждый думал о своем. Об общем, связывающем их, все было сказано. Ближе к полудню, когда Алексей вынес на веранду второй лист с пельменями и, глянув в окно, выходящее на улицу, увидел, что к их дому подкатил фиолетовый «джип» с затемненными стеклами. Из кабины вышел плечистый парень в кожаной куртке и необъятных штанах. Без шапки, с короткой стрижкой - ежиком. Оглядев дом и усадьбу, решительно шагнул к калитке.

Алексей вышел к нему, уже догадываясь, откуда гость. Тот поздоровался, обнажив в улыбке два золотых зуба.

- Солины здесь живут?

- Здесь, - кивнул Алексей, внутренне напрягаясь.

- Вы, наверно, Алексей Григорьевич?

- Он самый.

- Тогда я по вашу душу. Можно?

- Конечно, - пригласил Алексей, - заходите в избу.

Парень вытащил из машины белую картонную коробку, с изображением на ней красных розочек и перевязанную крест на крест алой лентой с завитками на концах, с нею и вошел в дом. Он не стал проходить ни в комнату, ни на кухню, всем своим видом давая понять, что спешит, и остался в коридоре. поприветствовал Зою, которая вся так и светилась нескрываемой радостью, поздравил хозяев с наступающим Новым годом, извлек из кармана кожанки продолговатый глянцевый конверт.

- Руководство фирмы, - заговорил торжественно, - благодарит вас, Алексей Григорьевич, за благородный поступок. Вы спасли сотрудницу и невесту нашего директора. Примите скромное вознаграждение. - Протянул Алексею конверт, а Зое подал картонку. - Это вам презент к празднику. Будьте здоровы и счастливы.

- Может, чайку попьете с дороги? - засуетилась Зоя.

- Нет, нет, спасибо. На прииске ждут. Время поджидает. Засветло бы поспеть. Везу рабочим гостинцы в стеклотаре.

- Тоже надо, - понимающе улыбнулся Алексей, выходя проводить гостя.

Когда фиолетовая иномарка скрылась за поворотом, он постоял еще у калитки, задумчиво глядя ей в след. «По вашу душу», - пульсировали в голове слова шофера, сказанные, возможно, без задней мысли, но чуткий Алексей уловил в них знак своего греха. В дом вернулся пасмурным. На кухонном столе стояла привезенная коробка со снятой уже крышкой. В ней красовался огромный торт, похожий на цветочную клумбу. Зоя сидела перед столом, спиной к окну, с задвинутыми шторками и сосредоточенно пересчитывала деньги.

- Ну, сколько там? - спросил, присаживаясь сбоку.

- Три тысячи, - шепотом проговорила она, с выражением на лице радости и тоски одновременно. - Даже не верится. Господи, как надоела вечная нищета! Теперь хоть маленьку вздохнуть можно. Какие-то крохи появились. - Внезапно лицо ее напряглось, стало злым и холодным. - Не вздумай похвастать, что столько отвалили. А то выпьешь в компании и понесет тебя.

Ничего не ответил, лишь вздохнул.

- Не вздыхай страдальчески, знаем мы тебя... В общем, так: тысячу дадим Ольге, а остальные пока спрячем. После праздника решим, что кому купить. Мне на работу ходить не в чем. Стыдобушка! Не только перед учителями, перед ребятишками совестно - в одном костюме полгода в класс заявляться. Опять же, сапоги у меня износились. Вся как обдергушка. Тебе надо рубашку купить. Много чего надо. Куда ни глянь, кругом дыры.

- Делай, как знаешь, - с безразличием отозвался Алексей. Поднялся, шагнул в коридор. Снял с вешалки шапку и куртку. - Добегу до магазина. Надо взять пару бутылок шампанского, да пару водки. Неловко идти в компанию нахалюва.

- Купи чего-нибудь вкусенького. Колбаски, сыру. Конфет хороших. А то и вкус их забыла. Во всем себе отказываю.

День хотя и закатывался, но самое главное было еще впереди, и все жили в радостном ожидании смены года, наивно веря в лучшее, как дети в сказку. Часто звонил телефон. То Зою поздравляли учителя, то друзья-охотники - Алексея.

- Ты вот что, - встрепенулась вдруг Зоя, - позвони-ка, узнай, может какая машина пойдет в город после праздников. Я бы и уехала, чего дни-то терять. Помогла бы Ольге, да с Машенькой позанималась. А то по русскому - тройки.

- Чего сейчас узнаешь? Все либо гулять собираются, либо уже поддатые.

- Попробайся. Тебя не убавится.

Замороченно потряс головой, набирая номер гаража лесокombината. Кроме дежурного там, естественно, никого не оказалось, да и тот, судя по голосу, был уже хороший. Едва выговаривая слова сказал, что никакая

машина ни в какой город не готовится. Слышал, правда, орсовский фургон днями куда-то собирается? В конторе ОРСа на звонки не ответили. Заведующего разыскал дома. Тот подтвердил: да, второго января, рано утром, отправляет фургон с орехами в Новосибирск. Там обещали их обменять на другие продукты. Одно место в кабине нашлось, и снабженец пообещал, что за Зоей шофер заедет.

Жена повеселела.

- Ну вот, а ты не хотел звонить. Оказывается, не все поддатые. Есть и нормальные мужчины. Которые в первую очередь о деле думают, - выговорила без обычного раздражения, и задумалась, мысленно отстраняясь от него. Будучи душой уже в Барнауле, у дочери с внучкой, она больше не доставала мужа упреками и колкостями. Нервная обстановка разрядилась, в доме стало непривычно спокойно и тихо. Даже телефон перестал трезвонить.

Новогоднюю ночь они провели у Медведевых, куда принесли лист мороженых пельменей и выпивку, а Зоя от радости так расщедрилась, что выделила на общую гулянку половину роскошного торта.

Гостей в просторном директорском особняке набралось много. Пришли, в основном, специалисты леспромхоза и конторские служащие, все с женами или с мужьями. За обильным столом, впритык уставленным нарядными бутылками и дорогими закусками, витали шум и веселье. Тосты провозглашались один за другим. Все много пили, ели, перебрасывались шутками, смеялись и танцевали.

Алексей сидел рядом с Зоей, постоянно ловя на себе изучающие и многозначительные взгляды соседей по столу - мужчин и женщин. На него таращились как на чудо, будто вернулся не из тайги, а с другой планеты. Пил он мало, едва пригубливая из рюмки. Танцевать не выскакивал, ощущая боком острый локоть жены, и вообще праздничного подъема в душе не испытывал. На лице он постоянно держал улыбку, как и должно на общем торжестве, а сердце холодила глубинная печаль. Подумалось, что и Алена вот так же сейчас сидит за новогодним столом со знакомыми людьми и веселится. Интересно, вспоминает ли она в эти минуты о нем, о Купеческой избушке? Выпила ли за него хотя бы мысленно? И когда в очередной раз зазвенели рюмки, решительно поднял свою. «За тебя, Аленушка», - произнес внутренне и чуть не опрокинул в рот всю рюмку, но остерегся и без голоса же повинился: «Прости, что за тебя - не до дна. Все только и ждуть, чтобы у меня язык развязался. Надо держаться». Впрочем, скажи он даже голосом, никто бы не услышал - на всю мощь гремел магнитофон.

- А почему это мы кукуем? - Услышал над ухом капризно-возмущенный женский голос. Его за руку тащила в круг танцующих жена директора Ирина, дородная, под стать мужу, ярко одетая и густо накрашенная, терапевт поселковой больницы. Вытянув Алексея на середину комнаты, жеманно положила ему на плечо пышную белую руку и, танцуя, с показной игривой томностью неотрывно гляделась в его глаза, как в зеркало.

- Чего так смотришь, соседка? - спросил с неловкостью, видя, как все с любопытством наблюдают за ними, и меж собой пересмеиваются.

- Как? - Ее глаза лучились откровенной игрой, щеки покраснелись. Она явно работала на публику, и была довольна собой.

- Будто на свежака. Или не узнаешь?

- Тебя трудно узнать. Ты так изменился, - сладко пела она сочным голо-
сом.

Недоуменно поднял брови.

- Изменился? В каком смысле?

- В самом прямом.

- Ну, хоть в лучшую сторону? Или в худшую?

- Ты какой-то загадочный стал, Леша. Тебя словно закодировали. Весь такой задумчивый, сам в себе. Не веселишься. Рюмочку до дна не выпиваешь. Скажи по-соседски: заболел или влюбился?

- Заболел, - отрезал с досадной усмешкой.

- Не похоже. Симптомы не те. Говорю это тебе как врач. - И, обволакивая его игривым взглядом, жарко выдохнула: - Ты влюбился.

- В кого?

- Тебе лучше знать.

- Просто устал.

- Я понимаю. Любить нелегко, - сочувственно улыбалась она. - Если очень любишь. - И, отстранившись от него, громко похлопала в ладоши, привлекая всеобщее внимание, хотя все гости и без того глазели на ее представление. Повелительно позвала: - К столу! Все быстренько - к столу. Скоро придет Новый год, а мы еще старый толком не проводили.

И снова тосты, шутки, смех. Когда стрелки настенных часов сошлись на двенадцати, веселье возобновилось с новой силой.

У Медведева оказались припасенные для такого случая сигнальные ракеты. Все шумно повалили во двор глядеть на салют. Женщины восторженно взвизгивали, мужчины кричали «ура», видя, как черное морозное небо рассекают яркие всполохи рассыпающихся разноцветных огней. В поселке, то в одном краю, то в другом гремели ружейные выстрелы - охотники тоже салютовали Новому году из подручных средств.

С мороза все опять бросились за стол. Потом отмечали Новый год по московскому времени, и снова зазвенели фужеры и рюмки. Надоевший магнитофон выключили, попытались затянуть старинную застольную песню, но слова мало кто знал. Нынешние деревенские люди привыкли только слушать и смотреть, как поют другие, и песня увяла.

После таежного одиночества, Алексей быстро устал от шума и веселья, подумывая, как бы сбежать домой. Ему надоели откровенные подмигивания мужиков и изучающие взгляды женщин. Зоя сначала зло косилась на него, перехватывая направленные на мужа чужие взгляды и постно поджимала губы. Потом вдруг неестественно развеселилась. Вскакивала танце-

вать, выпивала с соседями по столу, излишне громко разговаривала и смеялась, показывая ему, как ей легко и радостно, дескать, назло тебе. Он терпел, ведь не бесконечно же эта ночь. Держал на лице нелепую улыбку, от которой устали мышцы щек. Вместе со всеми пригубливал из рюмки, стараясь не выделяться из окружения. Когда мужики потянулись во двор покурить, тоже пошел. Там главный лесничий Мишка Пащенко, кудрявый, с огненными глазами, холостякующий местный сердцеед, спросил его напрямую:

- Ну ты разобрался в избушке с той красоткой-то?

Мужики, дымя сигаретами, тотчас обступили, глядели Алексею в рот с жадным ожиданием, предвкушая подробности.

- С кем разбираться-то было? Едва живая, - вяло отмахнулся.

- Кончай, Леха. Вальщики видели, как вы ехали в вахтовке. Сидели рядышком, прижались друг к дружке, как голубки.

- Там тесно было, - заоправдывался Алексей, понимая, что слова его неубедительны и чувствуя, что краснеет. Благо, в темноте не видеть.

- Ну и как она? - гнул свое Пащенко, - сладкая, а? Я ее видел, когда в вертолет садилась. Шитов говорит: конфетка. А я добавлю: шоколадная, с коньячной начинкой. Верите, мужики, чуть слюнями не захлебнулся.

Захототали.

- Паслушай, дарагой, зачем ему большая дэвушка! - встрял грузин Гога, заведующий леспромхозовской столовой. - Он там золотишком разжился. Здоровую купит. Самую красивую.

Алексей начал было злиться, но остановила разумная мысль: случись на его месте кто другой, то же самое было бы. Так же бы думали, что и золотом поживился, и девицу попробовал. Им хотелось в это верить, и они подначивали его, не догадываясь, что близки от истины. И если ему злиться и нервничать, то будет еще хуже. Поэтому он сделал над собой усилие, внутренне расслабился и рассмеялся вместе со всеми.

- Леха, - теребили его за рукав, - а ты что, уже иномарку отхватил?

Мужики переключились на джип, и даже Медведев не удержался.

- А я вижу, возле Солиных стоит шикарный японский «Лэнд Крузер». Еще подумал, может кто к ним в гости приехал. - Хлопнул Алексея по плечу. - Так это, выходит, ты купил? Поздравляю и завидую.

- Его, его! - загалдели все разом. - Когда обмывать будем, Леха?

- Ну, купил, - не стал спорить Алексей. - Сначала хотел «мерседес», да посадка шибко низкая. Куда на нем по нашим дорогам?

- Круто! Везет же людям.

Как ни длинна была эта ночь, но она закончилась. Солины вернулись домой под утро. Зоя, привыкшая оценивать на двойку любой поступок мужа и всегда быть недовольной его поведением, на этот раз констатировала ровным голосом и, вроде даже разочарованно:

- А ты мало пил. И к бабам не липнул.

- Это плохо?

- Да нет, хорошо, - одарила его внимательным взглядом. Похоже, и ей в муже открылось что-то необычное.

- Хоть раз угодил. Даже не верится.

- Кстати, чего от тебя хотела Ирка? Повесилась на шею и глазки, строила.

- Ничего не хотела. Просто спросила, как живу.

- Заботливая какая. Жаловался ей - жена неласковая?

- Мы о тебе вообще не говорили.

- Ирке чего не выпендриваться, живет как у Христа за пазухой. Дом - полная чаша, муж заботливый. А я от тебя много хорошего видела? Как были в нищете, так и остались. До конца своих дней.

- Тебе надо было в тот раз кому-нибудь другому связать свитер.

- А больше никто не просил.

- Ну, тогда терпи и помалкивай.

Отоспавшись, Алексей хотел пойти попроведовать друзей-охотников, да передумал. Опять начнутся расспросы, а говорить и объяснять ничего не хотелось. Но они сами его нашли. Сначала один пришел с бутылкой, за ним другой, третий, и скоро в кухне было не повернуться.

На стол им Зоя ничего не подавала. Поджав губы, демонстративно удалилась в комнату, потом вообще собралась и ушла к подругам по работе. Алексей сам нарезал сала, наложил миску квашеной капусты, разрезал булку хлеба и достал стаканы. Сказал виновато:

- Извините, мужики, что угощаю, как в избушке, но, - беспомощно развел руками, - сами видите; какая у меня хозяйка.

- Не извиняйся, Леха, не слепые.

После ухода Зои все почувствовали себя свободнее. Алексей даже Дымка впустил, который тотчас лег под столом, у ног хозяйина. Он всегда, когда не было жены, позволял себе такую вольность. Усидев бутылку, мужики попросили рассказать о своих приключениях и много ли ему отвалили за хлопоты со спасенной девицей. Коротко рассказал им суть, но с неохотой, сдержанно, признавшись, что измучен расспросами и допросами. А поскольку не дал никакой пищи разгоряченному воображению друзей, те отстали и заговорили о промысле, о собаках, об оружии и ценах на пушнину, то есть о том, чем жили.

Зоя вернулась в сумерках, и мужики засобирались восвояси. Дымок выбрался из-под стола. Пригнувшись и настороженно косясь на хозяйку, тоже пошел к порогу, стараясь не цокать когтями.

Жена выглядела загадочно-молчаливой. Глаза болезненно сощурены, губы скорбно поджаты. Весь ее вид выражал человека, познавшего горькую тайну. Даже не отреагировала на Дымка обычным: «Опять здесь твоя псина? Чтобы не было ее в комнате. Мне некогда за ней шерсть убирать!» Встав в проеме кухонной двери, иронично наблюдала, как муж убирает со стола остатки пиршества и, наконец, сообщила:

- А у девицы твоей видели на груди засосы.

- Кто видел? Учителя? - отозвался с ответной иронией.

- Да нет, не учителя. Медсестра видела, когда та переодевалась.

- А что еще она видела? Может, девица уже и беременна?

- Может, и беременна. Тебе виднее. Ирка-то не про нее ли расспрашивала?

Плюнул с досады, ушел курить в баню. Пригорюнившись сидел на лавке, кляня свою неудавшуюся жизнь. Не захочешь на сторону, да пой- дешь. Дома совсем невыносимо стало. Хоть беги куда глаза глядят.

В дверь поскреб когтями Дымок. Впустил его.

- Что, сына, соскучился? - заговорил, положив ему руку на загривок. - Заходи, а то и поплакаться некому. Один ты по мне скучаешь, больше никто. Худо мне, кобелек, совсем худо. Жить расхотелось, никакого интереса не осталось. Жена не любит, а ревнует. Как же, ее собственность. В паспорте об этом штамп стоит. Попробуй кто позарься... А еще постоянно только и слышишь: нищие, нищие. Разве моя вина, что в стране случилась революция, и специальность охотоведа оказалась ненужной? Знать бы раньше, в молодости, так и пошел бы учиться на торгаша или на банковского работника. Нынче они как короли живут. Сейчас бы сам имел крутой джип. И жена бы не корила, что нищий. А впрочем, не пошел бы я в торгаша или банкиры. Нет у меня таких способностей. Да и слишком совестливый... Меня корит, а учителя что, сильно нужны при новой власти? Ведь и самой зарплату не дают. Так-то, Дыма... Чужой я в своем доме. Скорей бы в нашу тасжку. Залижу там болячки и оклемаюсь. И может еще сколько продержусь на этом свете.

На следующее утро, еще затемно, на улице просигналил фургон. Зоя, уже собранная в дорогу и молча сидевшая в коридоре на табуретке, словно в зале ожидания, двинулась к двери. Алексей нес за нею тяжелую сумку. Бросила ему походя, не обернувшись:

- Долго дома не рассиживайся, уходи в тайгу. А то загуляешь со своими дружками. Последнее пропеть.

- Да уж не задержусь, - холодно пообещал он.

Помог жене подняться в кабину, где уже сидела экспедиторша. Сумку поставили в фургон, доверху забитый мешками с орехами. Махнул жене на прощание рукой, попросил:

- Поцелуй за меня Машеньку.

Вернувшись в дом, посидел у стола, собираясь с мыслями, и начал готовиться в путь. Уходить он решил завтрашним утром, с первым лесовозом. Три заполошных дня в поселке вконец измотали его. Столько всего рассмотрелся и наслушался - голова не успевала переваривать, в висках ломило. Отвык он от общения со множеством людей, от разговоров. Хотелось тишины и покоя.

Прибравшись в доме и подтерев полы, сварил похлебку. Поел сам, накормил Дымка и принялся вязать петельки на белок. Изготовив три десят-

ка, отложил это занятие. В Базовой избушке, вечерами, навяжет сколько надо. Принес из сарая все капканы, даже совсем старые и привел в порядок. Впереди еще целый месяц промысла, надо навтыкать их побольше. Закончив с ловушками, сходил в магазин, прикупил продуктов. Собрал рюкзак, не забыв уложить на самое дно старенькие зимние сапоги и не новые же брюки - для январской вылазки в Барнаул. Сел перекурить, прикидывая, что еще надо сделать, а также захватить с собой, и услышал: на веранде хлопнула дверь. Кого там еще несет?

Вошел участковый, хитровато шурясь, потирая с мороза руки. Ну уж этого-то совсем бы не хотелось видеть, да не выгонишь же.

- Здорово, хозяин! - приветствовал тот сильным голосом. - С Новым годком!

- И тебя по тому же месту, - откликнулся Алексей, туша окурочка.

- Один кукуешь?

- Зоя к дочери уехала. Каникулы...

- У тебя молодые-то где там работают? Поди, в коммерции?

- Какая к черту коммерция... Зять - мастером на моторном заводе, а Ольга - в школе. Учителствует. Как говорится, по материнским стопам. И, как мать, сидит без зарплаты который уже месяц.

- Ясно, ясно... Крепко гульнули у Медведева-то?

- Нормально. Устал я от праздников. В тайгу вот собираюсь.

- Поди-ка, с похмела маешься?

- Да нет, я пил немного. А ты что, похмелиться желаешь? Только у меня - сухо. Вчера мужики заходили, все опростали. Чай будешь?

- А давай, пошвыркаем, - согласился тот.

Алексей заварил свежего чаю, разлили по кружкам.

Шитов снял шапку, шинель и, присаживаясь к кухонному столу, спросил:

- Слышал, че делается-то?

- А что? - Алексей так и замер с кружкой в руке, не донеся ее до рта, и сердце тревожно сжалось. Ждал: чем его огорошит участковый? Какой новостью?

- Дак половина областного правительства - под следствием.

- Да ты что! - выкатил глаза Алексей, почувствовав мгновенное облегчение. Он-то думал, что новость касается его самого, а тут какое-то правительство, гори оно синим пламенем. Но не сгонял с лица выражение ошарашенности. - И за что?

- Заворовались. - Говорю же, воровское время наступило. Раньше-то, в наши времена, воровать и спекулировать считалось позором, а теперь наоборот - доблесть. Чем больше украдешь, тем больше тебе чести. Даже по телевизору покажут. Слышал, в трех городах страны мэрами стали бывшие зэки. Воры в законе. Представляешь? И ведь не каким-то воровским путем пролезли. Нет, их избрали работяги, учителя, пенсионеры. Видано ли -

народ сознательно выбирает над собой вора! В какой еще стране такое может быть? Ни в какой, только в нашей. Если так пойдет и дальше, скоро в президенты выберут вора.

Алексей заулыбался, зная слабинку Шитова - рассуждать о политике. Решил подыграть ему, начал развивать тему.

- Тогда будем называть его не президент, а пахан. И правление у нас в России станет не президентским, а паханским. Кремль назовут - хаза. Ну, а в думе, где заседают - малина. Народное хозяйство - обшак. Так, Андреич? Вот заживем! Кто красть не станет, того - в тюрьму. Короче, все будет наоборот. Воры - при власти. Честные люди - в тюрьме.

- А че ты смеешься? Все к этому идет.

- Теперь, Андреич, прежде чем арестовать преступника, хорошенько подумай. Вдруг он вскорости станет мэром, губернатором или самим президентом. Он потом тебе «спасибо» не скажет. Не завидую милиции.

- Мы сами себе не завидуем, - сумрачно вздохнул тот. - Работать стало трудно, а зарплату по два месяца задерживают. О пайковых уж забывать стали.

- Это специально так делается, - подначивал Алексей, - чтобы не шустрили особо. А то вору спокойно украсть не даете.

Пошутили, посмеялись и повздохали. Участковый поднялся.

- Благодарствую за чай. Идти надо - служба. Я че к тебе приходил-то...

- Озабоченно потер лоб ладошкой. - Склероз... А-а, вспомнил. Золото не все нашлось возле вертолета. Мне только что сообщили.

- Как, не все? - очень натурально удивился Алексей.

- А так. Не хватает одного мешочка.

- Да ты что! - с отчаянием воскликнул Алексей. - Как мне теперь в Коозу-то идти? Там капканы проверять надо, а без свидетелей и соваться боязно. Скажут, нашел и не отдал. Дернул же меня черт сходить туда до спасателей. Теперь переживай из-за этого золота. Знал бы, что оно на борту, обошел бы проклятое местечко стороной, от греха подальше.

- Все мы умны задним числом, - вяло посочувствовал участковый. - Кто знал, что такое случится? Знали бы летчики, тоже бы не полетели. Так ведь? А в Коозу тебе придется идти, раз там капканы.

- В чем и дело. Кровь из носа, пару раз еще пройти надо. Хочешь, вместе двинем? Через недельку? Или через две. Как скажешь.

- Где уж мне по ущельям лазать. Нету ни сил, ни умения. Не каждому дано. Спасатели говорят, там суший ад.

- Давайте кого другого. Или лучше пару человек, для верности. Есть же у вас в райотделе охотники. Ты позвони, поговори.

- Сходи, Алексей, сам. Найдешь, так вернешь. Ведь ты же еще честный человек, а? Хотя это нынче не модно.

- Сходить - схожу, раз уж капканы выставлены. Но искать ничего не буду, - сказал Алексей твердо. - Я - охотник. Моя забота - коты. А золото

ка, отложил это занятие. В Базовой избушке, вечерами, навязет сколько надо. Принес из сарая все капканы, даже совсем старые и привел в порядок. Впереди еще целый месяц промысла, надо навтыкать их побольше. Закончив с ловушками, сходил в магазин, прикупил продуктов. Собрал рюкзаки, не забыв уложить на самое дно старенькие зимние сапоги и не новые же брюки - для январской вылазки в Барнаул. Сел перекурить, прикидывая, что еще надо сделать, а также захватить с собой, и услышал: на веранде хлопнула дверь. Кого там еще несет?

Вошел участковый, хитровато шурясь, потирая с мороза руки. Ну уж этого-то совсем бы не хотелось видеть, да не выгонишь же.

- Здорово, хозяин! - приветствовал тот сиплым голосом. - С Новым годком!

- И тебя по тому же месту, - откликнулся Алексей, туша окурков.

- Один кукуешь?

- Зоя к дочери уехала. Каникулы...

- У тебя молодые-то где там работают? Поди, в коммерции?

- Какая к черту коммерция... Зять - мастером на моторном заводе, а Ольга - в школе. Учителствует. Как говорится, по материнским стопам. И, как мать, сидит без зарплаты который уже месяц.

- Ясно, ясно... Крепко гульнули у Медведева-то?

- Нормально. Устал я от праздников. В тайгу вот собираюсь.

- Поди-ка, с похмела маешься?

- Да нет, я пил немного. А ты что, похмелиться желаешь? Только у меня - сухо. Вчера мужики заходили, все опростали. Чай будешь?

- А давай, пошвыркаем, - согласился тот.

Алексей заварил свежего чаю, разлили по кружкам.

Шитов снял шапку, шинель и, присаживаясь к кухонному столу, спросил:

- Слышал, че делается-то?

- А что? - Алексей так и замер с кружкой в руке, не донеся ее до рта, и сердце тревожно сжалось. Ждал: чем его огорчит участковый? Какой новостью?

- Да половина областного правительства - под следствием.

- Да ты что! - выкатил глаза Алексей, почувствовав мгновенное облегчение. Он-то думал, что новость касается его самого, а тут какое-то правительство, гори оно синим пламенем. Но не сгонял с лица выражение ошарашенности. - И за что?

- Заворовались. - Говорю же, воровское время наступило. Раньше-то, в наши времена, воровать и спекулировать считалось позором, а теперь наоборот - доблесть. Чем больше украдешь, тем больше тебе чести. Даже по телевизору покажут. Слышал, в трех городах страны мэрами стали бывшие зэки. Воры в законе. Представляешь? И ведь не каким-то воровским путем пролезли. Нет, их избрали работяги, учителя, пенсионеры. Видано ли -

народ сознательно выбирает над собой вора! В какой еще стране такое может быть? Ни в какой, только в нашей. Если так пойдет и дальше, скоро в президенты выберут вора.

Алексей заулыбался, зная слабинку Шитова - рассуждать о политике. Решил подыграть ему, начал развивать тему.

- Тогда будем называть его не президент, а пахан. И правление у нас в России станет не президентским, а паханским. Кремль назовут - хаза. Ну, а в думе, где заседают - малина. Народное хозяйство - общак. Так, Андреич? Вот заживем! Кто красть не станет, того - в тюрьму. Короче, все будет наоборот. Воры - при власти. Честные люди - в тюрьме.

- А че ты смеешься? Все к этому идет.

- Теперь, Андреич, прежде чем арестовать преступника, хорошенько подумай. Вдруг он вскорости станет мэром, губернатором или самим президентом. Он потом тебе «спасибо» не скажет. Не завидую милиции.

- Мы сами себе не завидуем, - сумрачно вздохнул тот. - Работать стало трудно, а зарплату по два месяца задерживают. О пайковых уж забывать стали.

- Это специально так делается, - подначивал Алексей, - чтобы не шустрили особо. А то вору спокойно украсть не дадут.

Пошутили, посмеялись и повздыхали. Участковый поднялся.

- Благодарствую за чай. Идти надо - служба. Я че к тебе приходил-то...

- Озабоченно потер лоб ладошкой. - Склероз... А-а, вспомнил. Золото не все нашлось возле вертолета. Мне только что сообщили.

- Как, не все? - очень натурально удивился Алексей.

- А так. Не хватает одного мешочка.

- Да ты что! - с отчаянием воскликнул Алексей. - Как мне теперь в Коозу-то идти? Там капканы проверять надо, а без свидетелей и соваться боязно. Скажут, нашел и не отдал. Дернул же меня черт сходить туда до спасателей. Теперь переживай из-за этого золота. Знал бы, что оно на борту, обошел бы проклятое местечко стороной, от греха подальше.

- Все мы умны задним числом, - вяло посочувствовал участковый. - Кто знал, что такое случится? Знали бы летчики, тоже бы не полетели. Так ведь? А в Коозу тебе придется идти, раз там капканы.

- В чем и дело. Кровь из носа, пару раз еще пройти надо. Хочешь, вместе двинем? Через недельку? Или через две. Как скажешь.

- Где уж мне по ущельям лазать. Нету ни сил, ни умения. Не каждому дано. Спасатели говорят, там суший ад.

- Давайте кого другого. Или лучше пару человек, для верности. Есть же у вас в райотделе охотники. Ты позвони, поговори.

- Сходи, Алексей, сам. Найдешь, так вернешь. Ведь ты же еще честный человек, а? Хотя это нынче не модно.

- Сходить - схожу, раз уж капканы выставлены. Но искать ничего не буду, - сказал Алексей твердо. - Я - охотник. Моя забота - коты. А золото

пусть ищет тот, кому положено. Да и чего я там после спасателей отыщу? Они, наверняка, все ущелье перерыли вверх дном.

- Тебя искать никто и не просит, - сказал Шитов. - Но вдруг найдутся такие любители. Ты там поглядывай. Не появится ли кто в районе Коозу из чужих. Или даже из наших, поселковых. Соображаешь, о чем я?

- Насчет этого, Андреич, будь спокоен. За своими угольями слежу.

- В случае чего, извести меня. Отправь записку с лесовозом.

- Это я - махом, - энергично кивнул Алексей. - Из-за перевала бракоши приходят. Помнишь, я на собрании докладывал? С автоматами, не с дробовыми ружейками, как мы. Вот и подступись к новым русским охотникам. Лично у меня нет такого желания. Ну, а появятся - жди записки.

На том и расстались. Участковый ушел. Проводив его взглядом из окна, Алексей закурил, с неудовольствием отметив, что чаще стал тянуться за сигаретой, и задумался. Он и раньше четко знал: хватятся взятого им мешочка, но не так переживал. Да, большая разница, когда знаешь только сам и когда услышишь об этом со стороны. Сразу острее чувствуешь реальность случившегося. И он заново, с особенной ясностью осознал, что его не оставят своим вниманием ни милиция, ни те, кому принадлежит золото. Шитов, конечно же, не просто так заинтересовался его молодыми. Теперь и за семьей дочери станут присматривать: не купили ли что-нибудь дорогое? Каждую их копейку станут просчитывать. Правда, Алексея несколько озадачила сумма, которую отвалила фирма за хлопоты, но, может, и дали-то эти деньги, чтобы притупить его осторожность? Дескать, начнут транжирить, прикрываясь компенсацией фирмы, перешагнут три тысячи и засветятся. Кто знает... А вообще ничего удивительного в этом нет. Подозревать его не просто должны, а обязаны. И не надо делать удивленные глаза при каждом знаке подозрения. Все логично. Он заранее знал, на что шел. Был в полном здравии и с открытыми глазами. Любовники Клеопатры купили ее ночь ценою жизни. Он получил Алену, всего лишь рискнув свободой. И еще под вопросом: заплатит эту цену или нет.

Снова подумал о хитроване Шитове. Дотошный он милиционер, цепкий, в поселке его побаиваются. Даже дали кличку - Клещ. Мол, если вопьется в кого, то всерьез. Вот в него, Алексея, и впился. Непонятно только: мужик - в годах, уже лысына вполголовы и виски седые, а все еще старший лейтенант. Не переводят его в более крупное село или в райотдел. Видно, до нового звания и должности недостает ему раскрытия крупного дела. Такого, как кража мешочка с присковым золотом из разбившегося вертолета. Теперь вездливый Шитов землю будет рогами рыть, докапываясь до истины. И, возможно, докопается. Хотя пускай бы подольше топтал иогачские уочки в погонах старшего лейтенанта.

Невеселые размышления Алексея прервала трель телефонного звонка. Недовольно поморщившись, снял трубку и услышал радостное, с придыханием:

- Приветик, мой яхонтовый.

- Здравствуй, - ответил сдержанно, не добавив привычного «моя цыганка», испытывая неловкость за неожиданную сухость своего голоса. В другое время, пользуясь отъездом Зои, уже бы нежился с Верой в ее алькове, а тут - никакой радости от ее звонка и нет желания идти к ней.

- Слыхала, бубновый король скучает в одиночестве, - сладко пела Вера своим тонким голоском, который всегда возбуждал его, а сейчас не трогал никак.

Вот что еще всегда удивляло Алексея - прозрачность деревенских домов. Чтобы ни свершилось за семейными стенами, быстро становилось известно всему поселку. И то, что Зоя поехала в город, знали все, у кого в том был интерес. Это знал участковый Шитов, знала и женщина Вера, бывшая близкая подруга жены, но после того, как та, по выражению Зои «повесилась» на ее мужа, дружба их распалась. А произошло это на гулянке, на дне рождения Веры, тридцатилетней одинокой учительницы биологии. То ли нравился ей Алексей, то ли от бабьей тоски по крепкому мужику, но она, в танце, вдруг прильнула к нему всем своим гибким телом нерожавшей женщины и стала целовать его в губы. Сначала, вроде, шутейно, лукаво подмигивая подругам, мол, желаю раззадорить Солину, потом ей это понравилось, и она, почувствовав вкус и теряя голову, присосалась к нему всерьез. Да и самому Алексею показались сладки ее неожиданные ласки. Кончилось тем, что он, не избалованный вниманием жены, которая с поцелуями к нему никогда не лезла, вдруг загорелся, перехватил у Веры инициативу и всю ее, как потом долго корила и отчитывала жена - «облизал».

Гости были выпивши, посмеялись над сценкой, но Зоя не простила близкой подруге посягательства на свою собственность. Тем более, все происходило на людях. Завтра начнут чесать языки, а для самолюбивой Зои - это нож острый. Что касается Алексея, то он, после того случая, как-то вечером наведаясь в уютное гнездышко биологички и отказа не получил. Первое любовное свидание потянуло за собой другие встречи. Не слишком, правда, часто, но когда ему дома становилось невыносимо, когда неистраченные нежность и жажда любить выплескивались в нем через край, он тайком занорювал в домишко к Вере, находя там все, что надо мужчине - ласку, доброе слово и успокоение.

Не сказать, чтобы Вера взяла красотой. Чернявая и гибкая, как цыганка, а главное - молодая, она была неистовой и жадной в любви, умела дарить минуты счастья, без которых он чувствовал свою обездоленность и неполноценность. Он называл ее «моя цыганочка», а она, поддерживая игру, гадала ему по руке, называла его «мой яхонтовый». Любил ли он ее - и сам не ведал. Да и не задумывался об их отношениях. Просто, ему было хорошо с ней. Наверное, если бы любил, так ушел бы к Вере насовсем, но такой мысли у него не возникало. Она была для него отдушиной, глотком свежего воздуха в неустрашенной жизни.

После растерянной заминки ответил озабоченно:

- В тайгу собираюсь ляться. Завтра с утра.

- И даже увидиться не хочешь? Сто лет тебя не видела.

- Не знаю, - мялся он, - однако, не получится. - И понял: после Алены он просто не хочет другую женщину. Не может оскорбить нечто нежное и трепетное, таящееся в душе, которое он берег и лелеял. Растерянно умолк, не находя слов.

Вера тоже замолчала, но разговор их продолжался - беззвучно. Она чутко слушала его душу и, верно, услышала. Проговорила с горечью:

- Видно, правду девки болтают. А я, дуреха, не поверила.

- Что они болтают? - спросил по инерции, лишь бы что-то сказать, и сам почувствовал замороженную мертвость своего голоса, в котором не пульсировало даже крохотной живинки.

- Сам знаешь, мой яхонтовый...

И тут Алексей уловил в трубке посторонний звук: металлический щелчок и слабый фон. Сообразил мгновенно: к линии присоединился кто-то третий. Прослушивают. Вспомнил: еще тридцать первого, звоня по просьбе Зои насчет машины, его насторожили эти звуки, но, в предпраздничной суматохе усомнился и не попытался разгадать эту загадку, а потом забыл. Теперь сомнения рассеялись. С подслушиванием - предельно ясно, а вот что сказать сейчас Вере? Принялся лихорадочно подыскивать убедительную причину, объясняющую, почему он, ну никак не может к ней придти, однако на другом конце провода не стали ждать и положили трубку. Вера без объяснений все поняла.

«Понятливая», - мысленно похвалил ее. Мысленно же повинился перед нею и попрощался, зная: больше она не позвонит. Задумался, но не о самой Вере, а о ее последних словах. Его угнетало, что везде болтают о них с Аленой. Шитов смекнет: дыма без огня не бывает, начнет докапываться до истинности их отношений, а потом подведет под это формулу: коли любовники, то и о золоте сговорились. А чем ему возразить?

От переживаний разболелась голова. Не хотелось больше кого-либо видеть или слышать. С него хватит. Запер входную дверь и шторы задвинул. К телефону больше не подходил, хотя тот, время от времени, исходил трелями. Желал единственного - скорее в тайгу, в Купеческую избушку, где все жило и дышало памятью об Алене, и само Небесное Созданье смотрело с дареной фотокарточки на сиротливо-пустые пока нары.

Он подгонял время, торопил его, а оно и так не стояло на месте. Каждый удар сердца отсчитывал уходившие из жизни секунды, минуты, часы. И через шестнадцать часов, уже следующим днем, охотник Солин выпрыгнул из кабины лесовоза на заснеженную горную дорогу. Взгромоздил на плечи рюкзак, нацепил выгаченные из-под колодины широкие лыжи, повесил на плечо ружье, взял в руки каек, жадно вдохнул таежного воздуха полной грудью, мысленно отметая все беды, и покотил со взгорья на слепяще белую полосу реки Пыжи.

Как Алексей и планировал, за две недели января он обошел все путики, включая коозунский, снимая добычу и заново настораживая ловушки, а в середине месяца, перед снегопадом, как медведь на берлогу, ушел за каракокшинский перевал. Спустившись к полдню, переоделся и переобулся, спрятал в придорожном сугробе все ненужное и с матерчатой хозяйственной сумкой в руке, где лежал тяжелый сверток, зашагал в сторону села Каракокши.

До Барнаула добрался глубокой ночью на попутной машине. Попросил высадить у железнодорожного вокзала. Спустился в подвальное помещение, где располагалась автоматическая камера хранения. В столь позднее время там, кроме дежурной, никого не было, и он сунул надоевшую сумку в одну из пустых ячеек.

Усталость и нервное напряжение буквально валили его с ног. Надо было отдохнуть и расслабиться. Хотел уже пристроиться подремать в укромном уголке зала ожидания, да услышал по радио объявление, сообщающее, что в четвертом тупике стоят вагоны, где можно переночевать с постельными принадлежностями. Этим он тотчас же и воспользовался.

Утром на проспекте Ленина разыскал дом, в котором жила Алена. Послевоенной постройки, еще с архитектурными излишествами, он стоял в самом центре города, рядом с кинотеатром «Россия», так что можно было не опасаться встретить здесь дочь или зятя - они жили на дальних Черемушках, работали тоже на окраине города. Звонить Алене домой было нельзя, она заранее предупредила об этом, а теперь Алексей и сам знал, что телефон ее, наверняка, прослушивается. Вычислив подъезд, из которого она должна выйти, наблюдал за ним из глубины двора, прохаживаясь прогулочным шагом. Пришел сюда к восьми часам; рассчитав, что на службу она ходит к девяти, как все конторские, и что в половине девятого, плюс-минус десять минут, она должна появиться.

У него порядком заколенили ноги от неспешного вышагивания вдоль ряда кирпичных гаражей, когда, наконец, из подъезда вышла Алена. Узнал ее не только по шубе и шапочке, но и по легкой походке. Сердце взволнованно дрогнуло и зачастило. Она обогнула подъезд, под аркой вышла на улицу, направляясь к троллейбусной остановке. Он следовал за нею в некотором отдалении, стараясь не привлекать к себе внимания. Наступал утренний час лик, когда многие едут на работу, и людей на остановке скопилось порядочно. Алена стояла в сторонке от толпы. Алексей осторожно приблизился к ней.

Она вздрогнула, увидев его пред собой, удивленно округлила глаза, давая понять, что узнала, но ее лицо сразу же приняло надменное выражение недоступной красавицы, уставшей от уличных приставаний.

- Универмаг - следующая остановка, - проговорила нейтральным голосом, каким говорят с незнакомыми людьми, спрашивающими, где находит-

ся то или это, и, вытянув руку, показала вдоль проспекта, для большего внимания шевельнув пальцами в перчатке. - Там есть отдел женской одежды. На втором этаже, - и, отходя от него к приближающемуся троллейбусу, добавила тихо: - В половине шестого вечера. Вы меня поняли?

- Понял, спасибо, - кивнул он, отметив, что она не случайно так осторожничает. Как видно, ее тоже тут обложили со всех сторон. И еще некоторое время глядел вдоль проспекта, куда указала ее рука.

Он втиснулся в переполненный троллейбус и вышел возле универсама, еще закрытого. Потоптался пред табличкой с указанием часов работы. Впереди был целый день. Мельтешить по улицам и магазинам не хотелось. Знакомых в городе, как говорится: раз, два и обчелся, но вдруг да кто встретится? Тогда придется изворачиваться по поводу своего появления. Поэтому, закоулками он воротился на четвертый тупик, купив по пути, в коммерческой лавке кусок колбасы, батон и бутылку газированной воды. Устроился в другом вагоне, чтобы его не запомнили ночующие там или проводница. Позавтракав, лег на постель, прикидывая, как вести себя с Аленой в универсаме. Глаза от недосыпания смеживались. Незаметно провалился в зыбкое забытие, и проспал до четырех часов.

Перед отделом женской одежды, на втором этаже, Алексей появился ровно в половине шестого, как ему и было сказано. Покупательниц, между висящих длинными рядами платьев и костюмов, прохаживалось немного. В середине ряда стояла Алена, рассматривая сиреневое платье, которое держала на вытянутой от себя руке за крючок вешалки.

Он не подошел к ней сразу, а побродил между рядами со смущенным и озабоченным видом сельского мужика, которому наказали купить женскую вещицу, а от обилия таковых у него разбежались глаза. Остановился за спиной Алены, рассматривая платье в ее руках. Снял зеленоватое, тупо и стеснительно его разглядывая, но ничего не понял, беспомощно огляделся по сторонам, и шагнул с ним к не замечающей его Алене.

- Извините, эта штукавина модная или нет?

Не удостоив Алексея взглядом, равнодушно перевела глаза на платье, которое он, со стыдливой улыбкой, неумело держал в руке.

- Смотря, кому берете. Пожилые женщины или молодой девушке, - произнесла чужим, холодным, без интонации голосом.

- Для молодой, - сказал он.

- Тогда оно слишком блеклое. Девушке - желательнее поярче, посочнее. Вы непременно хотите зеленое?

- Да, зеленое - цвет надежды, - сказал он двусмысленно.

Пропустив его слова мимо ушей, повесила сиреневое платье и прошла в дальний конец ряда, оглядывая висящие наряды. Сняла ярко-зеленое платье, насыщенное всеми оттенками зелени, и держала перед ним, повернувшись спиной к продавщице, наблюдавшей за отделом.

- Не ждала тебя так рано, - тихо, но явственно произнесла Алена.

- Я через перевал пришел, прямо с угодий. Никто не знает, - шепотком отозвался он, жадно глядя в ее лицо, так не похожее на прежнее. Изысканный макияж придал ей кукольную красоту, холодную и чужую, как ее голос.

- Привез? - дрогнули ее румяные губы.

- Да. Камера хранения на вокзале, внизу. Ячейка - 18. Код: А 2347. Алена 2347, - повторил он. - Первые две цифры - твои года, последние - мои. Повтори.

- Ячейка - 18, код - А 2347, - эхом откликнулась она.

- Как у тебя? - спросил он, не отрывая от нее любящих глаз.

- Ничего. Но ты пока больше не приезжай, и меня не ищи. Очень горячо. Сама тебя найду и извещу. - Говоря это, поворачивала перед Алексеем зеленое платье то одним боком, то другим.

- Понятно, - кивнул он. - Теперь самое главное. То, что привез - все твое.

- А ты?

- Мне ничего не надо.

В ее глазах проглянуло изумление.

- Почему?

- Так решил. Обойдусь. Ну, все, я пошел. Будь.

Взглянула на него с немой досадой.

- Как, слишком пестрое? - уже громче спросила она, для посторонних. - Ну, знаете, это дело вкуса. А вообще платье надо примерять. - Алена повесила вещь на место и ушла, одарив Алексея мимолетным, прощальным взглядом.

Он еще побродил по отделу и тоже направился к выходу.

- Так ничего и не подобрали? - участливо поинтересовалась продавщица. Улыбнулся ей виновато.

- Говорят, примерять надо. А то ошибиться можно.

Ночным бийским поездом Алексей отправился в обратный путь.

В Купеческую избушку воротился благополучно, со смешанным чувством удовлетворения и досады одновременно. Он испытал величайшее облегчение, избавившись от опасного груза, но короткое и странное свидание с Аленой очень опечалило его. Увидев девушку в городе, в привычной ей среде, еще острее понял, какие они разные, и как она теперь для него недоступна. Перемучавшись и мысленно простившись с ней, принялся изматывать себя по головоломным путикам. Утешало, что память об Алене у него никто не отнимет, и Небесное Созданье будет приходить к нему в сновидениях.

В начале мая он снова попал в Барнаул, надо было отвезти молодому маральего мяса, добытого на солонце, а заодно и сбыть лишних соболей. Проходя по центральной улице, увидел будку с надписью «Горсправка». Подумалось, вот бы подойти сейчас и справиться: «Как поживает Алена Летяева? Все ли у нее ладно, не болеет ли?» Но такой справки никто не даст. Однако, эта мысль не увяла

в его мозгу, продолжилась: «А что, если хотя бы узнать, на прежнем ли месте она живет и вообще жива ли? За попытку в лоб не дадут», и помимо воли, будто кто направил его, шагнул к будке.

- Разыскиваю родственницу, - заявил пожилой женщине в окошечке.

Она подала чистый бланк, велела заполнить.

Написал фамилию, имя, отчество и предполагаемый район проживания - на проспекте Ленина, у кинотеатра «Россия». Женщина попросила заплатить и подойти через часок. Сунул в окошечко бланк и деньги, вдвое больше запрошенного, для старания, после чего пошел бродить по близлежащим магазинам, которые были тут на каждом шагу.

Через час ему вернули бланк, где значился знакомый Алексею адрес Алены и ее домашний телефон, но наискось стояла надпись: «Выбыла».

- А куда? - растерянно спросил Алексей, разглядывая бумажку.

- Неизвестно, - доброжелательно сказала женщина. - В этой квартире теперь проживают другие люди.

- Странно, - пробормотал он.

А вы обратитесь по адресу на бланке, - посоветовала она, видя его огорчение. - Может, которые там живут, подскажут, где ваша родственница.

Поблагодарил и пошел прочь, бросив смятый бланк в урну. Обращаться к новым поселенцам квартиры он, разумеется, не стал. Зачем? Ведь Алена просила не искать ее. Обещала сама известить, когда будет нужно. Впрочем, для какой нужды теперь его о чем-то извещать, коли он наотрез отказался от своей доли? Больше их ничто не связывает, никакие дела. Она молода, свободна и богата. Пусть живет, как знает. И дай ей, Господь, счастья.

Но Алена все-таки дала о себе знать.

Случилось это в начале июля. Он только что вернулся на своей моторке из Каменного залива, где у него стояли переметы на налимов и, сидя в лодке, приткнутой носом к берегу, собирал в ведро рыбу. Три девицы-туристки в шортах и ярких, облегающих маечках брели по песчаной полоске берега. Подошли, с любопытством разглядывая его добычу.

- Дядечка, а как эта рыба называется? - с детским интересом спросила одна из них, белобрысенькая, с челкой, совсем еще молоденькая девчушка.

- Налим, красавица.

- А наши парни так ничего и не поймали. Мы даже подумали, что в Телецком озере совсем нету рыбы.

- Рыба есть, да не всем дается, - усмехнулся он.

- А вы нас не прокатите?

- Я только приплыл. Досыта накачался.

- А мы вам бутылочку дадим.

- Бачок пустой. Весь бензин выжег.

- А кто может? Так охота прокатиться...

Привстав, Алексей оглядел берег с вытащенными на песок лодками. Метрах в ста на воде покачивалась «казанка» с мотором на транце. С ним копался Костя Дронов. Видать, тоже нацелился порыбачить.

- Вон того мужика спросите. Он собирается плыть, может и прокатит.

Девицы побрели дальше, а белобрысенькая вернулась с полпути. При села на борт лодки, наблюдая, как Алексей ловко подхватывает исходящих слизью налимов, и вдруг спросила:

- А вы здешний охотник?

- Допустим, - отозвался он, не придавая особого значения сути ее вопроса. Но тотчас же с недоумением подумал, что выразилась она неточно. При чем тут охотник, когда он сейчас занят рыбой. Правильнее было бы сказать: рыбак. Ошиблась словом или намеренно так сказала? Выжидательно поднял голову.

- Если вы здешний охотник, то вам привет, - негромко произнесла девчушка, смело глядя ему прямо в глаза.

Он распрямился, внимательно посмотрел на нее, чувствуя сердцебиение.

- Вот как? И от кого же? - спросил настороженно.

- От одного человека.

- У этого человека есть имя? - пытал девчушку, а смутная догадка уже горячо ворохнулась в нем, и он замер, в ожидании ответа.

- Есть, - тряхнула та белобрысой челкой, - но вы называли этого человека по-другому. Небесное Созданье. Вспомнили?

Ему будто кипятком плеснули в душу.

- Где она? - прошептал немеющими губами.

- Не знаю. Кажется, очень далеко.

Потрясенный, он усталился в ее молодое личико, ища в нем ответы.

- Как она, в порядке?

- Да. Велено вам передать слова: «Ты мне нужен». И еще запомните... - Она наморщила лобик, сосредоточилась. - Июль. Горный. День, место и шифр - по умолчанию. Записывать нельзя, так запомните.

Повторил услышанное, запоминая.

- Это все?

- Все, - улыбалась облегченно, с чувством исполненного долга.

- Хотите рыбы на уху?

- Давайте, - не отказалась она. - А то уедем, и здешней рыбы не попробуем.

Наложил полный полиэтиленовый мешочек самых крупных пятнистых налимов. С этим мешочком белобрысенькая побежала к моторке Кости, где стояли ее подружки, с восторженным криком:

- Девчонки, нас рыбой угостили! Утром нос парням!

Алексей сел на лавку и закурил, не в силах придти в себя от случившегося. Ведь, вроде бы, уже давно мысленно простился с Аленой и успокоился, а пришла от нее весточка, и снова обожгло. Поманила издали, и он кинется на ее зов, сломя голову. И ничего ему с собой не поделаеть.

Вспомнил разговор с Аленой в самом верху поляны, над Купеческой избушкой, и теперь белобрысенская напомнила о нем тремя словами: «Ты мне нужен». Они звучали как призыв, обжигая и волнуя сердце. В голове проклюнулись строки бессмертного Пушкина, выразившего его состояние:

Пускай погибну я, но прежде
Я в ослепительной надежде...

Да, это так. Именно эти три слова наполнили его меркнувшую жизнь ослепительной надеждой. Неужели Алена уже за бугром? Каким образом удалось выбраться? Замужество за иностранцем или что другое? Впрочем, не столь важно. «Значит, так, - расшифровывал услышанное от белобрысенской вестницы. - «По умолчанию», - это, видимо, то, что уже было». Встречался он в барнаульском универмаге с Аленой двадцать первого января. Выходит, в Горном ему надо быть тоже - двадцать первого, но июля. Место передачи - как в прошлый раз, в камере хранения. Железнодорожного вокзала в Горном нет. Есть только автовокзал. Стало быть, ее послание - там. Ячейка 18, шифр А 2347. Интересно, что в ячейке будет храниться? Этого пока знать не дано, и больше двух недель он станет терзаться в ожидании. Было тревожно и радостно. Снова издали замаячил ему огонек надежды.

***

В столицу бывшей области, а ныне республики Алексей приехал рейсовым автобусом, с командировкой в кармане. Надо было сдать составленный им промысловый прогноз на будущий сезон и подведенные научные итоги прошедшего. Общая картина добычи всех охотников леспромхоза удручала. План по соболям мужики едва выполнили, но у поголовья соболей появилась какая-то болезнь. Мездра их, местами, была бурой, с наплывами, вроде экземы, и неясно, как к их приему отнесется новосибирская пушно-меховая база. А еще, уже по собственной инициативе, собирался зайти в отдел природопользования администрации и продолжить разговор по созданию национального парка на базе хиреющего леспромхоза. Особенной надежды, правда, не испытывал. Чиновники ссылались на отсутствие средств. А вообще, как он понимал, суть скрывалась в неопределенности окружающей жизни. Никто не знал, что делать дальше и довольствовались тем, что было. Крохотная республика, как и вся огромная страна, дремала в политическом, финансовом и нравственном параличе, досыта наевшись свободы, обещанной первым российским президентом.

Выйдя из автобуса, Алексей сразу же зашел в просторное помещение вокзала, где было по-летнему многолюдно, шумно и душно. Лениво прошел мимо автоматической камеры хранения, найдя глазами ячейку под номером 18. Поглазел на витрину киоска, дивясь обилию продаваемых

газет и журналов; а также бесстыдству цветных снимков на их обложках. Потолкался там и сям, но к ячейке пока не подходил - изучал обстановку. Вроде, все нормально, ничего подозрительного. Вокруг - мельтешение людей, разноголосый говор, суета. Он выжидал, сам не зная чего, скорее всего, какого-то сигнала, после которого его подход к ячейке будет логически оправдан.

Дождался. Когда в динамике, под потолком, раздалось объявление о посадке в автобус на рейс (направление не расслышал, да это ему и не нужно) он, как спохватившийся пассажир, ринулся к заветной ячейке. Набирая букву и цифры в контрольном окошечке, сильно волновался: вдруг да не откроется? Тогда раздастся тревожный звонок на весь зал, и ему придется изворачиваться перед дежурным и охраной. Спросят, что у вас там было? А он и не знает. Но замок открылся, и Алексей с облегчением распахнул дверцу.

В ячейке стоял полиэтиленовый цветастый пакет, какие продаются на каждом углу. В нем - пластиковая полуторалитровая бутылка лимонада бийского производства, обернутая стопкой разномастных газет. «Для объема, - сообразил он, - чтобы не класть на хранение пустой пакет». Пока не вынимал его из железного нутра, перебирал в нем газеты, самые обычные, из тех, что продавались в зале автовокзала, однако, никакого пакета, вкладки или листа бумаги между страницами не обнаружил. Алексей уже занервничал, но его внимание привлекла этикетка на бутылке. Один край ее был отогнут. На обороте виднелись буквы, написанные синей пастой шариковой ручки: «Позвоните по тел. (далее шли цифры), и назовитесь по умолчанию». Две пары цифр запомнил, подумав, что по умолчанию он - «здешний охотник».

И вдруг Алексея начала обволакивать все возрастающая тревога. Интуитивно почувствовал: вокруг него что-то изменилось. Острое осознание близкой опасности пронзило его мозг. Кажется, кто-то очень внимательно наблюдал за ним. Чужие глаза уперлись в спину, вызывая ознобные мурашки. Но он не оборачивался, ощущая, как рубашка под пиджаком стала мокрой от внезапного пота. Остороженько, двумя пальцами повлажневшей руки оторвал клочок этикетки с сообщением и, туго скатав его, зажал между средним и указательным пальцами.

С пакетом в правой руке и скатанным клочком этикетки в левой отошел от ячейки. Лицо скучное, ко всему безучастное. Потолкался по залу, незаметно присматриваясь к окружающим людям, но не натолкнулся ни на чей прямой взгляд. Ниоткуда никакого к себе интереса не обнаружил, а тревога не отпускала, заполнила его всего, без остатка. Он вышел на площадку перед зданием автовокзала и огляделся. Неподдалеку дымил мангал шашлычника, дразня ноздри запахами поджаренного мяса и специй. Возле него сидели две бродячие, беспородные собаки и смотрели не мигая на куски мяса, которые тот равнодушно нанизывал на шампуры.

Не столько обдуманно, сколько движимый невидимым поводырем, Алексей направился к мангалу. Взял шпажку шашлыка прямо с жару, успев незаметно выпустить скатанный обрывок этикетки на полыхающие жаром угли. Неторопливо рассчитавшись, стал есть, осторожно косясь по сторонам. Вокруг текла обычная жизнь. Своим чередом подъезжали и отъезжали автобусы, суетились пассажиры с сумками и чемоданами. Он пытался себя успокоить, дескать, все нормально, это, видимо, просто сдают нервы, но тревога не рассеивалась, она устоялась в нем и окрепла уже не как предчувствие, а реальный факт. Похоже было, чья-то биологическая энергетика сконцентрировалась на нем, не выпуская из своего поля. Он постоянно ощущал ее каждой клеткой тела, и сердце томительно ждалось от безысходности.

Попытался вспомнить сон минувшей ночи, но не смог. В памяти зрительные картины не отложились, однако, спал беспокойно, что-то мучило его. Проснулся с похмельной тяжестью на душе, хотя спиртного в рот не брал. «А может это мой последний денек? - кольнула его внезапная мысль. Посмотрел на полуденное небо, синь которого ярче отгоняли белые, курявые облака. - И день-то славный, в такой и помирять весело». - И вздохнул обреченно.

Жевал волокна мяса, не чувствуя вкуса. Во рту - непривычная горечь и сухость. Сочные кусочки, с кольцами лука, не лезли в горло. Стащил их со шпажки, бросил собакам, мысленно попросив, усмехаясь своей прозорливости: «В случае чего, хоть вы помяните меня». Судорожно набрал воздуха в грудь, будто перед прыжком в воду и, покачивая пакетом, зашагал от мангала.

Едва завернул за угол автовокзала, в тень, как возле него, буквально в шаге, тормознул фиолетовый «джип» с затемненными стеклами. Машина оказалась знакомой. Стекло водителя было опущено, и Алексей узнал парня за рулем. Это он перед самым Новым годом привез ему компенсацию от прииска и торт с алыми розочками. Парень радостно расплылся, посверкивая двумя передними золотыми зубами, словно родного встретил.

- Здорово, братан! - крикнул он из окна, и высунул руку для пожатия. - Рад тебя видеть. Каким ветром занесло?

- Привет, - сдержанно отозвался Алексей, пожимая протянутую из окна руку, понимая отчетливо: эта машина тут не случайно, радость водителя зловеща, а свойское обращение к нему «братан» только усилили ощущение реальной опасности. Теперь она была совсем близко - в шаге от него. От затемненных окон заднего сиденья струился горький жар в самое сердце, опаяя душу, сковывая движения и мысли. И он понял: это - конец.

- Так ты домой, в поселок? - спрашивал тот, продолжая - натужно улыбаться, не выпуская его руки, сжимая ее крепко.

- Да нет, я только приехал, - ответил Алексей, заправленно озираясь по сторонам, зная наверняка, что уже никто ему не поможет.

- А то поехали, отдохнем на природе. Пивка попьем.

Краем глаза Алексей заметил, как медленно распахнулась задняя дверца. Из нутра машины лениво вылез шкафоподобный парень в черной майке, с желтой цепочкой на жилистой шее и с короткой, как у водителя, стрижкой. В руке - откупоренная бутылка пива. Из глубины машины на него глядел еще один мордоворот, похожий на вышедшего, но выбираться с свет божий пока не спешил, развалясь на широком сиденье.

Вышедший расплылся в ленивой улыбке и, гимнастически размяв плечи, встал позади Алексея, смачно потягивая из горлышка.

- Говорю же, только приехал. В командировку. По охотничьим делам, - громко, почти с отчаянием говорил Алексей водителю. Он понимал неизбежность расплаты, но все в нем противилось, не хотелось смириться с тем, что слишком уж быстро подошел этот срок. И еще он прекрасно понимал, что эти парни - не случайные налетчики, от которых еще можно попробовать как-то отмахнуться или просто убежать. Эти знают, где он живет, снова найдут не сегодня, так завтра. А ведь у него еще дочь и внучка. Никак нельзя допустить, чтобы самые родные люди пострадали за его грех. Этого он не допустит.

- Садись, - уже с раздражением велел водитель, - не тяни время.

И, помедлив самую малость, Алексей обреченно полез в машину, осознав: пришло время платить.

Шкафоподобный ухмыльнулся, дыша запахом пива.

- Давно бы так, а то какие-то дела, в натуре... - Он с виду шуточно, но с силой толкнул Алексея в бок, и тот влетел в салон, где его тотчас подхватил и придержал сидящий в машине. Понаблюдай за этой сценкой кто со стороны, подумал бы: крутые встретили своего дружка и уговорили поехать развлечься. Никто бы и не догадался, что это - похищение.

Широкий парень втиснулся на заднее же сиденье, прижав Алексея к своему напарнику с другой стороны. Хлопнула дверца, и машина понеслась окраинными улочками к выезду из города. По этой дороге Алексей сегодня приехал сюда, а теперь по ней, уже не по своей воле, его везли обратно.

- Парни, да вы что! - вяло возмущался Алексей. Но ему не отвечали.

Сидевший слева выпотрошил пластиковый пакет, который Алексей взял из камеры хранения, себе на колени, но ничего интересного там не нашел. Газеты, по одной, бегло задерживая взгляд на пикантных снимках, сунул обратно в пакет, который спрятал под сиденьем. Повертел в руках бутылку с лимонадом, свинтил крышку и с наслаждением напился, после чего передал ее напарнику с другого бока. Тот отпил немного, протянул водителю.

- Что было в пакете? - спросил парень слева.

- Ты же сам видел, газеты и лимонад.

- Не гони дуру. Письмо? Записка?

- Только лимонад и газеты.

Спереди подал голос водитель:

- В карманах у него поищите.

Его обшарили, вытащили сложенные вдвое листки отчета, командировочное удостоверение, паспорт и кошелек с деньгами. Оглядели все это, бросили на пустующее переднее сиденье, рядом с водителем.

- Ну, что там? - нетерпеливо спросил водитель.

- Да ничего, это его бумажки, - отозвался мордovorot.

- Говори адрес! - велел парень слева.

- Чей?

- Летяевой. Ну, живо!

- Так она живет где-то в Барнауле.

- Спрашиваем, куда она слиняла. Ну?

- Ребята, не знаю, о чем вы.

Ему накинули на шею тонкий капроновый шнур. Потянули за концы с разных сторон. Сдавили горло так, что в глазах поплыли огненные круги.

- Где она живет? В Америке? В Канаде? Или в Германии?

- Не знаю, - задавленно твердил он.

Шнур на его горле затягивался все сильнее. Подступила тошнота.

- Что тебе передала эта стерва?

Алексей захрипел, чувствуя, что еще немного и потеряет сознание.

- Вы его там не задушите, - недовольно сказал водитель, - а то полгода пасли и все - порожняком. Шеф нас не поймет.

- Молчит же, гад, - отозвался шкафоподобный.

- У хозяина заговорит.

Шнур соскользнул с шеи, оставив резкое жжение.

Машина быстро неслась по улицам, обгоняя всех и вся. «Хоть бы гаишники остановили», - страстно желал Алексей, но их не останавливали. Перед выездом из города показался пункт ГАИ - последняя надежда.

- Вякнешь - замочу, - пригрозил парень слева и кольнул в бок острием ножа. Острие он не убирал, от этого боль была постоянной.

Водитель включил музыку.

Возле невзрачного строения стоял гаишник с коротким автоматом через плечо и, поигрывая полосатой палочкой в руке, глядел на проезжающие машины. Он тоже не остановил и даже приветствуя осклабился в улыбке. Водитель, отвечая ему, коротко просигналил.

«У них все схвачено», - опустошенно подумал Алексей, уже больше ни на что не надеясь, готовя себя к самому худшему.

Вырвавшись за пределы городской черты, машина резко увеличила скорость, и стремительно неслась по трассе, между гор, чудом вписываясь в головокружительные повороты. Водитель был лихим асом, это чувствовалось по всему, и, наверное, очень спешил привезти пленника своему шефу.

Парни снова принялись за Алексея. Острие ножа сильнее уперлось ему в бок, глубоко проколов кожу. В боку стало горячо, рубашка повлажнела от крови. Он изнеможенно закрыл глаза и глухо застонал.

Водитель, не отрывая глаз от несущейся навстречу дороги, приказным тоном заметил парням:

- Вы мне салон не запачкайте.

- Что нам, целовать его? - огрызнулся шкафоподобный.

- Это ваш вопрос. В машине не должно быть следов.

- Ну и возись с ним сам.

- А вы там на что? По-хорошему не умеете?

- Не поймет.

- Пробовали?

Парни помолчали, и заговорил тот, что слева.

- Ну вот что, мужик. Как ты золотишко взял, нам неинтересно. Скажи, где ты свою долю закурковал? В тайге или в огороде?

- У меня нет никакой доли, - хрипло отозвался Алексей.

- Да что ты говоришь! - Ткнули в бок кулаком слева.

- Нету. Чем угодно могу поклясться.

- Даже внучкой? - загаенно заинтересовался голос слева.

- Даже внучкой, - прошелестел Алексей, холодея.

- Похоже, не врет, - донесся слева раздумчивый голос. - Она его сделала как фраера. Рассчиталась натурой и слиняла с рыжим песком.

- Она фраернула не только его. Но и еще кое-кого, - усмешливо бросил через плину водитель. - Гениальная девка. Адрес нужен. Работайте!

- Он же по-хорошему не понимает.

- Давайте по-плохому. Но у хозяина он должен быть живым.

Алексея били по почкам и лицу с двух сторон, подкрепляя каждый вопрос двойным ударом.

- Говори ее адрес!

- Кто подложил пакет?

- Телефон связника, и ты нам больше не нужен!

- Сдадим ментам, пускай они с тобой разбираются. Слышишь? Телефон!

- Останешься жить! Хотя и в зоне! Адрес связника!

Он молчал.

По голове ударили тяжелым. В глазах потемнело. Проваливаясь в зыбкую тьму забытья, услышал оправдывающийся голос слева.

- Пусть покемарит, пока перекурим. Кулаки болят.

Очнулся Алексей, когда машина, прощурив по мосту через Бию, свернула на Турочак и понеслась по шоссе серединой дороги, заставляя встречные легковушки и грузовики опасливо прижиматься к обочинам.

Начинались бомы, где с одной стороны, над дорогой, высились скалы, с другой кипела порожистая Бия. Скоро покажется и порог «кипяток», самый опасный участок трассы. Там, с двухсотметровой высоты видно, как далеко внизу кипит и пенится бешеное течение. У Алексея всегда захватывало дух в том месте, и «кипяток» уже близок. Метров двести осталось, не больше... Сто пятьдесят... Сто... Скоро, скоро... - беззвучно шептали рас-

КРАСНЫЕ ЛИСЫ

1

Едва Иван переступил порог отцовской избы, как сразу понял: его ждали. Отец и младший брат Гришка, который хотя тоже был женатым мужиком, но от родителей из-за жилья не отделялся, сидели не в кухне, где обычно ужинали в будние вечера, а в горнице за круглым столом, покрытым праздничной скатертью с кистями. Перед ними томилась непочатая бутылка водки. Налажена была и закуска: хлеб, ломти желтого, с душиком, прошлогоднего сала, квашеная капуста. Три порожних стакана стояли наготове. Тоже ждали.

Губастый Гришка с таким жгучим интересом уставился на вошедшего Ивана, будто незадолго до этого узнал, что его брат - оборотень, и теперь пытался разглядеть это новое братово качество. Таращит сизые линиялые глаза, которые не сразу различишь на его поношенном, тоже будто вылинявшем лице, - не сморгнет, нижняя губа отвисла, и его шалавой ухмылочки не видать. И столько в нем было робости перед непонятной братовой силой, что, кажется, пугни его Иван, и Гришка вылетит в окно, которое словно на этот случай и распахнуто за его спиной. Отец хотел казаться спокойным, однако в его морщинах залегла какая-то особая значительность, было в его лице что-то такое, отчего у Ивана нехорошо во-рохнулось сердце.

Днем к Ивану на поле прибежал Гришкин пацан и передал: «Деда велели прийти». В последнее время Иван старался реже появляться в родительском доме, чувствуя молчаливое стариковское осуждение. Приглашение это озаботило его и насторожило. Теперь он наверняка знал, для чего «деда велели прийти». Дураком надо быть, чтобы не догадаться. Решились, значит... Конечно, знай он точно, что именно об этом пойдет речь, так пораскинул бы мозгами, поискал бы, чем ответить. Подстилать же соломки на всякий случай Иван не умел и не любил, и раз вошел ни к чему не готовый, так что же, не поворачивать назад. Это - не по его. Готовый не готовый - деваться теперь некуда.

Иван сбросил у порога на лавку замасленную телогрейку, сполоснул руки перед умывальником.

Отец сидел в черном суконном пиджаке, который когда-то был ему очень даже впору. Сиживал в нем отец в президиуме на собраниях важно на-супленный, теперь же усох отец, будто жизнь уходила из него вместе с

телом, и пиджак стал велик, как с чужого плеча. На груди висели две медали. Одна потускневшая - военная, другая совсем новенькая - трудовая. Ее отец получил, когда провозжали на пенсию. Да и как не наградить такого человека. Вся жизнь числился передовым совхозным трактористом, и после себя не пустое место оставил, а двух сыновей, тоже трактористов. Так что ветеран и глава династии, это понимать надо.

На отвороте пиджака, чуть поодаль от медалей сиял свежей эмалью еще красный значок дружинника. Это уж после проводов Гришка ему дома свой прицепил. Носи, мол, батя, наводи порядок. Ваш брат пенсионер это любит. А с ним в самый раз. Кого захочешь заберешь. Ради смеха прицепил, а отцу значок неожиданно понравился: с серпом и молотом. Так и не снял.

Чужеродно выглядел значок дружинника на стариковской впалой груди, но для Ивана, который сейчас во всем усматривал особый смысл, даже и этот значок казался тут не случайным, имеющим свое тайное предназначение.

- Праздник, что ли, какой? - присаживаясь к столу, осторожно поинтересовался Иван.

- Ага. Праздник, - ответил отец сдержанно. - Веселиться сейчас будем. Жизнь больно веселая пошла.

- А мать чего же на празднике не видеть? - спросил еще Иван, соображая, как быть дальше.

- К соседям послал посидеть. Радости ей тут мало будет.

- Та-ак... Понятно... - тяжело проговорил Иван, попеременно оглядывая то отца, то брата. - Приготовились, значит?

- Приготовились.

- Ну давайте, начинайте. Послушаем.

Усмехнулся натянуто, откинулся на спинку стула и руки на груди скрестил, а глаза - отрешенные. Говорите, мол, что хотите, мне все равно.

Отец откупорил бутылку, разлил всем поровну, поднял свой стакан, но чокаться с сыновьями не торопился. Косился на Гришку и как будто ждал чего-то.

Оттого ли, что отец с Гришкой сидели рядом и озабочены были одним, но Гришка сейчас сильно походил на отца. Такой же росточком невеликий, узкоплечий, можно сказать - плюгавенький мужичонко, хотя и жилистый, белоглазый такой же - в отца. Чем его не обделили, так это губами. На троих бы хватило. Иван же, наоборот, был мужик высокий и синеглазый, будто и рост и цвет - все ему, первенцу, досталось.

Иван поглядел на подрагивающий стакан в слабой отцовской руке.

«За какие такие радости посередь будней недели?» - хотел спросить и чуть не спросил, да заметил - Гришка ему в рот смотрит, и удержался от вопроса, чутьем угадав, что лучше помолчать.

Тогда, выждав время, Гришка сам спросил:

- За что, батя, выпьем?

- А вот за жену его, за Марию! - тотчас откликнулся отец, кивая на Ивана. - Дай ей бог, чтоб выздоровела. Чтоб пацаны при живом отце сиротами не остались.

Иван хотя и догадывался, о чем пойдет разговор, но такого крутого оборота не ждал. Вздрыгнул. Водку на колени сплеснул. Рука сама собой опустила стакан на стол.

- Вы меня за этим позвали? Поиздеваться? - горько спросил он, отодвигаясь от стола.

- Ты слышал? - повернулся отец к Гришке. - За его семью пьют, добра ей желают, а он - издевается. Седьмой десяток живу - сроду такого не видел. Или, может, по-нонешнему так и надо, а?

- Со своей семьей я уж как-нибудь сам разберусь, - жестко сказал Иван, думая, что дальше делать. Слушать или встать и уйти? Можно, конечно, обидеться - и в дверь, но ведь все равно этого разговора не избежать. Пусть уж, раз начали.

- Разберешься... - продолжал отец. - Я ждать устал, когда ты разберешься. Давай-ка, старшой, выпьем за Марию, за детей. В чем они перед тобой виноватые? Ни в чем. А если уж хочешь знать, на такую жену, как твоя, молиться надо. Другая бы давно из дому выперла, на всю деревню бы осрамила, а эта молчит и терпит. Терпеливая баба. Таких мало осталось и скоро, видно, совсем не будет. Нонешние-то бабы знаешь какие пошли?

- Это уж точно, - поддакнул Гришка. - Доведись до моей - сразу бы в рабочком. Эта бы не стала гадать, куда идти. По собраниям бы затаскала, все жилы бы на кулак вымотала. Тут батя правильно говорит. Я с ним согласный. Да только вроде бы и тебя, Ваня, кто-то заложил. Портрета твоего нету. Сняли.

Это Иван и сам знал. Напарник в поле сказал. Новость неприятно изумила Ивана. Вечером он специально прошел возле клуба, где вдоль аллеи выставлены были портреты лучших механизаторов. И там, где раньше между отцом и Гришкой находился его портрет, зияла пустая металлическая рама.

- Пускай снимают, - невесело усмехнулся Иван и потянулся за стаканом. - С трактора они меня не снимут. Зябь-то пахать кто будет? Рабочком, что ли? Такого плана, как я, им никто не даст. Еще в ножки поклонятся, если задумаю уходить. Скажи, Гришка, а? Поклонятся?

- Точно, точно. Поклонятся, - подтвердил тот и тянулся со своим стаканом - чокаться. - С тобой у нас во всем совхозе тягаться некому. Ты на работе - зверь!

Иван чокнулся с отцом, с братом, поглядел в стакан так, словно в него налито самое горе, и, решившись, выпил.

Некоторое время мужики сосредоточенно молчали - закусывали.

телом, и пиджак стал велик, как с чужого плеча. На груди висели две медали. Одна потускневшая - военная, другая совсем новенькая - трудовая. Ее отец получил, когда провозжали на пенсию. Да и как не наградить такого человека. Всю жизнь числился передовым совхозным трактористом, и после себя не пустое место оставил, а двух сыновей, тоже трактористов. Так что ветеран и глава династии, это понимать надо.

На отвороте пиджака, чуть поодаль от медалей сиял свежей эмалью еще красный значок дружинника. Это уж после проводов Гришка ему дома свой прицепил. Носи, мол, батя, наводи порядок. Ваш брат пенсионер это любит. А с ним в самый раз. Кого захочешь забереешь. Ради смеха прицепил, а отцу значок неожиданно понравился: с серпом и молотом. Так и не снял.

Чужеродно выглядел значок дружинника на стариковской впалой груди, но для Ивана, который сейчас во всем усматривал особый смысл, даже и этот значок казался тут не случайным, имеющим свое тайное предназначение.

- Праздник, что ли, какой? - присаживаясь к столу, осторожно поинтересовался Иван.

- Ага. Праздник, - ответил отец сдержанно. - Веселиться сейчас будем. Жизнь больно веселая пошла.

- А мать чего же на празднике не видеть? - спросил еще Иван, соображая, как быть дальше.

- К соседям послал посидеть. Радости ей тут мало будет.

- Та-ак... Понятно... - тяжело проговорил Иван, попеременно оглядывая отца, то брата. - Приготовились, значит?

- Приготовились.

- Ну давайте, начинайте. Послушаем.

Усмехнулся натянуто, откинулся на спинку стула и руки на груди скрестил, а глаза - отрешенные. Говорите, мол, что хотите, мне все равно.

Отец откупорил бутылку, разлил всем поровну, поднял свой стакан, но чокаться с сыновьями не торопился. Косился на Гришку и как будто ждал чего-то.

Оттого ли, что отец с Гришкой сидели рядом и озабочены были одним, но Гришка сейчас сильно походил на отца. Такой же росточком невеликий, узкоплечий, можно сказать - плюгавенький мужичонко, хотя и жилистый, белопазый такой же - в отца. Чем его не обделили, так это губами. На троих бы хватило. Иван же, наоборот, был мужик высокий и синеглазый, будто и рост и цвет - все ему, первенцу, досталось.

Иван поглядел на подрагивающий стакан в слабой отцовской руке.

«За какие такие радости посередине будней недели?» - хотел спросить и чуть не спросил, да заметил - Гришка ему в рот смотрит, и удержался от вопроса, чутьем угадав, что лучше помолчать.

Тогда, выждав время, Гришка сам спросил:

- За что, батя, выпьем?

- А вот за жену его, за Марию! - тотчас откликнулся отец, кивая на Ивана. - Дай ей бог, чтоб выздоровела. Чтoб пацаны при живом отце сиротами не остались.

Иван хотя и догадывался, о чем пойдет разговор, но такого крутого оборота не ждал. Вздрыгнул. Водку на колени сплеснул. Рука сама собой опустила стакан на стол.

- Вы меня за этим позвали? Поиздеваться? - горько спросил он, отодвигаясь от стола.

- Ты слышал? - повернулся отец к Гришке. - За его семью пьют, добра ей желают, а он - издевается. Седьмой десяток живу - сроду такого не видел. Или, может, по-нонешнему так и надо, а?

- Со своей семьей я уж как-нибудь сам разберусь, - жестко сказал Иван, думая, что дальше делать. Слушать или встать и уйти? Можно, конечно, обидеться - и в дверь, но ведь все равно этого разговора не избежать. Пусть уж, раз начали.

- Разберешься... - продолжал отец. - Я ждаль устал, когда ты разберешься. Давай-ка, старшой, выпьем за Марию, за детей. В чем они перед тобой виноватые? Ни в чем. А если уж хочешь знать, на такую жену, как твоя, молиться надо. Другая бы давно из дому выперла, на всю деревню бы осрамила, а эта молчит и терпит. Терпеливая баба. Таких мало осталось и скоро, видно, совсем не будет. Нонешние-то бабы знаешь какие пошли?

- Это уж точно, - поддакнул Гришка. - Доведись до моей - сразу бы в рабочком. Эта бы не стала гадать, куда идти. По собраньям бы затаскала, все жилы бы на кулак вымотала. Тут батя правильно говорит. Я с ним согласный. Да только вроде бы и тебя, Ваня, кто-то заложил. Портрета твоего нету. Сняли.

Это Иван и сам знал. Напарник в поле сказал. Новость неприятно изумила Ивана. Вечером он специально прошел возле клуба, где вдоль аллеики выставлены были портреты лучших механизаторов. И там, где раньше между отцом и Гришкой находился его портрет, зияла пустая металлическая рама.

- Пускай снимают, - невесело усмехнулся Иван и потянулся за стаканом. - С трактора они меня не снимут. Зябь-то пахать кто будет? Рабочком, что ли? Такого плана, как я, им никто не даст. Еще в ножки поклонятся, если задумаю уходить. Скажи, Гришка, а? Поклонятся?

- Точно, точно. Поклонятся, - подтвердил тот и тянулся со своим стаканом - чокаться. - С тобой у нас во всем совхозе тягаться некому. Ты на работе - зверь!

Иван чокнулся с отцом, с братом, поглядел в стакан так, словно в него налило самое горе, и, решившись, выпил.

Некоторое время мужики сосредоточенно молчали - закусывали.

Потом отец тихо сказал:

- А ведь меня вызывали туда. В рабочком-то. Так, мол, и так: разберитесь с этим делом сами, а то вопрос на повестку поставим. Позору не оберетесь. Семья ваша заслуженная, у всех на виду, вот и не хотим срамить, даем вам возможность. И еще говорят: мол, хотели разбирать заявление Григория на квартиру, а брат ему подпортил. Теперь, дескать, не знаем, как и быть. Если все тихо-мирно решится - тогда поглядим.

- Кто же это заложил? - задумался Гришка. - Неужто Мария?

- Нет, не Мария, - твердо сказал отец. - Она тут ни при чем.

- А кто тогда?

- Люди... кто... Все-то они видят, до всего-то им дело, - вздохнул отец и посмотрел на Ивана. - Ты вот, старшой, на меня вроде озлился, а зря. Будто я тебя плохому учу. А у нас в роду никто семью не бросал. Ни дед мой, ни отец, ни я. И вам не веляю. Сам подумай, хорошо ли матери было бы, брось я ее с вами двоими? В молодости и у меня такое раз случилось, да не о себе, о вас подумал. Как представил, что без отца останетесь, - так и кончил свою любовь... Мать-то до сих пор ничего не знает. Вот так-то, Ваня... Теперь мне уж и помирать пора, во сне каждую ночь землю вижу, а не помирается. Как я помру, если у вас не все ладно? С позором меня земля не примет.

- Да я еще никого не бросил, - сказал Иван глухо. - С чего ты взял? На блу у меня написано?

- Вижу... Как мне, отцу, не видеть, если чужие люди и те видят. Давно уж хотел поговорить с тобой, да все ждал, думал, сам очнешься. А тут за тебя уж рабочком взялся. Обидно мне, Ваня, обидно. Всю жизнь никто про меня худого слова не сказал, а теперь в лицо смеются: сын треплется. Не те у тебя годы, чтобы новую семью заводить. Голова-то вон седеет, где уж за молоденькой ухлестывать. Стыд один и только.

Повернулся к Гришке.

- Подай-ка зеркало. Пусть братка на себя глянет.

Гришка притащил с комода зеркало и держал его на вытянутых руках перед братом. Иван сначала хотел заслониться рукой, потому что давно он побаивался рассматривать свое лицо, но отчего-то не заслонился.

Это было старое семейное зеркало в темной деревянной раме, и видело оно Ивана всякого. Еще младенцем с рук матери пускал пузырьки своему отражению. Потом чубчик перед зеркалом зализывал, собираясь к реке на тырлу. Клуба в деревне еще не знали. Парни и девки собирались на берегу. Почему свои игрища они называли тырлой - до сих пор непонятно. А как свою жену Марию охаживал! Светлый чуб набок зачесет, ломаную бровь подымет, подмигнет себе в зеркало: мы, дескать, свое возьмем! И взял. Сколько возле Марии парней ни крутилось, а всех как ветром раздуло.

Да, молодое в те годы лицо у Ивана было, свежее. Привлекало оно мужской решительностью с той долей беспашапной самоуверенности,

которая должна быть у парня и которая так нравится девкам. Но когда это было! Так давно, что, кажется, и не с ним, а совсем с другим.

Было - да сплыло. А теперь зеркало показало ему стареющего мужика, седоватого, с красным от ветров лицом, с морщинами у глаз и сами глаза смотрели уже не самоуверенно, как некогда, а грустно и устало. Ничего не скажешь - выпвел.

Иван усмехнулся над собой и отвернулся. Чего смотреть? Хорошего он там ничего не высмотрит.

- Так-то, Ваня, - говорил отец, наблюдая за сыном. - Видно, отгулял свое. Взять бы вожжи да отстегать хорошенько одно место. Может, поумнел бы.

- Отстегай, отец, - тихо согласился Иван и бессильно уронил голову. - Вдруг да поможет.

- С моими силами тебя, жеребца, не пронять. Хоть бы с меньшого брата пример брал. Он помоложе, а никто на него пальцем не показывает. И портрет не снимают. А ты... Девке-то, сказывают, девятнадцати нет.

- Она сама за ним ухлестывает, - вступился за брата Гришка. - Из Сосновки к нему бегаёт. Пять километров лесом.

- Да по мне пусть хоть за пятьдесят! - крикнул в сердцах отец. - Мы-то разве виноваты? Мария слегла, пацаны мучаются. Разбирать нас будут, осрамят на всю деревню. За что ты нас так, Иван? Слышишь, нет? Неужто мы тебя без сердца родили? - Он поднялся со стула и, подойдя к Ивану, вдруг опустился перед ним на колени. Только медали звякнули.

Было это так неожиданно и нелепо, что Иван сначала даже не сообразил, в чем дело. Ему подумалось, что отцу стало плохо. Он кинулся поднимать отца, но тот отталкивал локтем. По морщинам уже скатывались слезы.

- Вот видишь, сын, - говорил отец, глядя снизу вверх. - Я на колени перед тобой встал. Сроду ни перед кем не становился, а перед тобой стою. Пожалей ты всех нас, развяжись с этой девкой. Неужто ты всех нас на нее променяешь?

- Отец, не надо. Отец, не смей, слышь! - сдавленно сказал Иван, подхватывая отца за острые локти и пытаясь его поднять, но отец не вставал, упирался.

- Пообещай, что развяжешься. Дай мне помереть как человеку. Иначе прокляну. Вот на этом самом месте прокляну, - и стучал по давно не крашенной, облезлой половице бурым, похожим на крученный корень пальцем.

Иван отпустил локти отца, разогнул спину и изумился: солнце еще вроде не закатилось, а в комнате уже стояли густые сумерки, неожиданные для этого часа. У Гришки было черное лицо, будто вымазанное сажей. Черной вспышкой сверкнуло в дальнем углу зеркало, сверкнуло и смутно о чем-то напомнило. Обгорелой головешкой покачивалась у ног голова отца.

- Пообещай, - просил отец глухо, как из-под земли. - Иначе буду так стоять, пока не помру.

Гришка хватал Ивана за рукав, шептал:

- Посули ему. Что тебе стоит. Вишь, он еле живой. Кончится тут - всю жизнь тебе прощенья не будет.

- Ладно, - сказал Иван придушенно, цепenea от этого слова, которое, казалось, произнес не он, а кто-то другой, так не похож был голос. И опустошенно опустился на стул, будто вся сила ушла из него вместе со сказанным единственным словом.

Гришка усадил отца за стол. Тот подпер голову вздрагивающей рукой, не подымал глаз на сыновей. Молчал.

Через время спросил:

- Так, говоришь, из Сосновки бегают?

- Оттуда, - охотно отозвался Гришка. - Мужики сколь раз видели: шпарит по лесу - спасу нет. Вроде как шагом ходить и не умеет. Все бегом да бегом. Прицепщик как-то погнался за ей на мотоцикле. Ради смеха. Девка в чашу нырнула, а он едва об лесину не убился. Долго матерился. Ну, говорит, лешая... Теперь не гоняются. Разве когда вдогонку свистнут - и все.

- Гляди-ка... И не боится одна по лесу?

- Значит, не боится. Раз бегают.

- Тоже, видать, отчаянная головушка, - вздохнул отец.

2

Ивана от всего спасала работа.

Какая бы беда с ним ни случилась, какая бы тяжесть ни легла на душу, а стоило ему прийти на поле, забраться в кабину трактора, и все житейские переживания не то чтобы забывались, но как-то неожиданно мельчали на этом огромном поле с березовым колком посредине, казались уже пустячными, не такими угнетающими, как раньше.

Да и как могло быть иначе, если работа на поле - самое главное для него занятие, главное и - святое. Сначала, по-молодости, это ему отец втолковывал, но, видно, мудрость не передается, как не рождается зрелой пшеница. Все надо испытать от начала до конца самому - и злаку, и человеку. Потом Иван сам понял, какую великую, неиссякаемую силу тайло в себе поле. Много лет отец описывал крути на своем тракторе вокруг березника, поднимая то весновспашку, то зябь, и поле кормило его и многих других людей, которых он никогда не знал и не видел. Сопел отец с круга, и его сменил Иван. Жизнь на поле по-прежнему тоже шла кругами: возрождалась, созревала и, дав семена для продолжения рода, умирала. Вечным было поле и щедрым. Оно не только кормило многих людей, но и наполняло жизнь Ивана мудрым смыслом, без которого человеку никак нельзя.

Он и сегодня шел на поле с надеждой, ждал, что дело поможет ему. В голове прояснится, душа переболит и утешится. Ведь как мелка его, Иванова, беда по сравнению с этим огромным, вечным полем.

Иван завел трактор и пустил его по загонке - вокруг березника, привычным кругом. Однако на этот раз даже работа не успокаивала, не давала забыться. И чем больше день набирал силу, тем хуже становилось на душе, потому что горе не рассасывалось, а наоборот, скапливалось.

Он глядел в просвеченное солнцем стекло кабины, видел бегущую навстречу бурую стерню и впервые с тоской подумал, что по весне поле омолодится, начнет новую жизнь, а у него этой осенью что-то умрет в душе и больше уже не возродится, и от этой мысли душа запротивилась предстоящему. Ему казалось противоестественным, что в конце этого звонкого осеннего дня он расстанется с Верой и больше никогда не увидится. Ни умом, ни сердцем Иван этого не мог представить. Выходило, не только работа - самое главное, есть на свете, оказывается, и еще что-то.

Когда совсем стало немоготу, он заглушил мотор, выпрыгнул из кабины в борозду и, привалившись к капоту, над которым волновисто струилось тепло, огляделся.

Стояла та пора позднего сентября, когда в природе было уже много от осени, но и от лета еще оставались какие-то следы. Березник почти весь пожелтел, лист опадал, по окраинам колка просвечивал застывшим дымом. Только кое-где на старых корявых деревьях запоздало зеленели отдельные ветки. Но они выглядели тут случайными, на них Ивану почему-то грустно было смотреть. Летели, серебрясь, паутинки в горьковатом чистом воздухе. Пахло прелью и близким снегом.

Иван постоял возле трактора и вдруг, сам не зная зачем, побрел к березнику, который стоял посреди вспаханного поля. Там, среди бурой, побитой заморозками травы, он нашел полеглые, чудом уцелевшие ромашки.

«Надо же... Не померзли», - подумал Иван с нежностью.

Нагибаясь, он срывал цветы, бережно разворачивал истончившиеся лепестки, немного увядшие, но еще сохранившие белый цвет укатившегося лета. И он вспомнил, зачем пришел сюда, на край березового колка. Именно на этом самом месте весной Вера преподнесла ему заслуженный букетик, только не ромашек - им было еще рано, а подснежников.

Удивительные это были минуты, наверное, самые счастливые в его жизни, какие бывают только однажды и уже не повторяются. Здесь на поле стояло много тракторов и из Иванова села, и из соседней Сосновки. Бил дым из выхлопных труб и стелился по весенней сиреневой земле. Много было желающих победить на межсовхозном состязании пахарей, а победил Иван.

Здесь на краю колка перед судейским столом выстроили лучших трактористов и надели победителю красную ленту чемпиона. Шибко ему завидовали другие трактористы, особенно молодые парни. И было чему завидовать. Ведь это ему самодеятельный оркестр сыграл туш, и фотограф из районной газеты ползал на корточках перед ним, а не перед кем другим.

А потом появились девушки с подснежниками. Тогда-то к Ивану и подошла Вера с букетиком.

Она была длинноногая, легкая и очень молодая. У нее были ярко-рыжие перепутанные ветром волосы и зеленые глаза. Ивана ее волосы и глаза сильно удивили.

«Так, наверно, редко бывает», - подумал он и, сам не зная отчего, смутился. Даже забыл сказать ей «спасибо», и ушел домой встревоженный.

Цветы он пристроил в кабине у лобового стекла и часто глядел на них. Непонятно как-то было на душе: смутная радость пополам с тревогой. Обычная до этого, спокойная жизнь не-ожиданно кончилась, отчего Иван забоялся, даже хотел выкинуть завядшие цветы, да рука не поднималась.

А однажды под вечер, когда уже заканчивалась смена, глянул в окно и - под сердцем кольнуло. Стоит она на краю поля и на его трактор смотрит. Легкая, тонкая, рыжие волосы на ветру плещутся, как пламя костра.

Подошел к ней, посмотрел ей в зеленые глаза, и она не отвела их, и столько в них было чего-то неведомого, что Иван задохнулся, спросил первое, что на ум пришло:

- Ты чего тут стоишь?
- Нельзя? Тогда я уйду. - Она уже повернулась, и Иван спохватился.
- Почему нельзя? Можно. Только ведь холодно. Да и ветрено. Пойдем лучше в кабину.

Она склонила голову набок, ковыряла туфелькой землю. Гадала: пойти или нет?

- Боишься меня? - улыбнулся Иван.
- Нет. У вас глаза добрые.

В кабине Иван протер запыленное сиденье, и она опустилась на самый краешек. Увидела свои цветы, протянула к ним руку, трогая увядшие лепестки. Кисть у нее была тонкая, узкая, но болезненно шершавая даже с виду, в мелких красных трещинках.

«Доярка», - опытно определил Иван, потому что такие же руки, вечно шелушащиеся, в трещинах, были у его матери, пока она работала.

- Как тебя звать? - спросил он тем голосом, которым разговаривают с детьми.

- Вера, - ответила она и тут же убрала руку, заметив взгляд Ивана. Рук своих она стеснялась.

Скоро Вера спросилась на волю.
- Посиди еще, - попросил Иван. - Там же холодно.

- А здесь душно и тряско. Я лучше отсюда посмотрю, - сказала она, легко соскакивая с гусеницы. - Да и все равно уже надо идти.

- Ты еще придешь?

Вера неопределенно пожала плечами:

- Не знаю...

Высунувшись из кабины, Иван смотрел, как легко, невесомо, кажется, даже не касаясь ногами стерни, бежала Вера по проселочной дороге, и снова удивился Иван и затревожился непонятно отчего.

Через день Вера пришла опять, и они в сумерках бродили по березовому островку. С этого все и началось. Вера уже приходила часто, а когда ее не было, Ивану казалось, что на поле мертво и пустынно без рыжих Вериних волос и зеленых глаз.

А потом они сделали удивительное открытие: оказывается, в березнике жила пара лисец, молодых, сильных зверей, у которых были маленькие, но уже проворные лисята.

- Пойдем к нашим лисам, - иногда говорила Вера, и Ивана обладало трепетной радостью от слова «наши». Значит, появилось у них то, что принадлежало только ей и ему и никому больше.

Затаившись на краю поля в кустах, они смотрели, как лисы учили мышковать своих лисят, как, разыгравшись, взлетали в воздух, понарошке нападая друг на друга, и мусолили друг дружке загривки. Лисы словно светились под луной.

В такие минуты в темных Вериних глазах виделась грусть.

- Какие они вольные, - шептала она тихо, одними губами.

- А мы? - с улыбкой спрашивал он тоже шепотом.

- Нам ничего нельзя.

- Почему?

Она укоризненно взглядывала на него.

- Потому что мы - люди.

- Люди... - продолжал Иван игру. - Это хорошо или плохо?

- Хорошо. И плохо...

Скоро лисы перестали их бояться, этих двух прятавшихся от других людей в березнике, видно, чувствовали какую-то их особенность, их опасность. Только когда Иван был один, ему никогда лисы не попадались на глаза. Эту странность он давно приметил.

...Нарвал Иван ромашек, сунул их в карман телогрейки, вздохнул и пошел к трактору.

Скоро пришел сменщик, медлительный, молчаливый мужик. Непонятный какой-то человек. Приходил ли сменить Ивана, уходил ли, отработавшись, всегда на его лице лежала одинаковая усталость. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что прожил он две жизни, не меньше, доживает третью, и так ему все надоело, что и глаза смотрят сквозь узкую щелку, не-охота ему их распахивать на мир пошире. И голос у него тягучий, будто и слова он вытягивал из себя через силу.

Иван с ним близок не был. Разговаривали они редко, и то по необходимости. «Привет», - скажет один. «Привет», - откликнется другой. «Ну как?» «Все в норме».

А потом появились девушки с подснежниками. Тогда-то к Ивану и подошла Вера с букетиком.

Она была длинноногая, легкая и очень молодая. У нее были ярко-рыжие перепутанные ветром волосы и зеленые глаза. Ивана ее волосы и глаза сильно удивили.

«Так, наверно, редко бывает», - подумал он и, сам не зная отчего, смутился. Даже забыл сказать ей «спасибо», и ушел домой встревоженный.

Цветы он пристроил в кабине у лобового стекла и часто глядел на них. Непонятно как-то было на душе: смутная радость пополам с тревогой. Обычная до этого, спокойная жизнь не-ожиданно кончилась, отчего Иван забоялся, даже хотел выкинуть завядшие цветы, да рука не поднималась.

А однажды под вечер, когда уже заканчивалась смена, глянул в окно и - под сердцем кольнуло. Стоит она на краю поля и на его трактор смотрит. Легкая, тонкая, рыжие волосы на ветру плещутся, как пламя костра.

Подошел к ней, посмотрел ей в зеленые глаза, и она не отвела их, и столько в них было чего-то неведомого, что Иван задохнулся, спросил первое, что на ум пришло:

- Ты чего тут стоишь?

- Нельзя? Тогда я уйду. - Она уже повернулась, и Иван спохватился.

- Почему нельзя? Можно. Только ведь холодно. Да и ветрено. Пойдем лучше в кабину.

Она склонила голову набок, ковыряла туфелькой землю. Гадала: пойти или нет?

- Боишься меня? - улыбнулся Иван.

- Нет. У вас глаза добрые.

В кабине Иван протер запыленное сиденье, и она опустила на самый краешек. Увидела свои цветы, протянула к ним руку, трогая увядшие лепестки. Кисть у нее была тонкая, узкая, но болезненно шершавая даже с виду, в мелких красных трещинках.

«Доярка», - опытно определил Иван, потому что такие же руки, вечно шелушащиеся, в трещинах, были у его матери, пока она работала.

- Как тебя звать? - спросил он тем голосом, которым разговаривают с детьми.

- Вера, - ответила она и тут же убрала руку, заметив взгляд Ивана. Рук своих она стеснялась.

Скоро Вера запросилась на волю.

- Посиди еще, - попросил Иван. - Там же холодно.

- А здесь душно и тряско. Я лучше отсюда посмотрю, - сказала она, легко соскакивая с гусеницы. - Да и все равно уже надо идти.

- Ты еще придешь?

Вера неопределенно пожала плечами:

- Не знаю...

Высунувшись из кабины, Иван смотрел, как легко, невесомо, кажется, даже не касаясь ногами стерни, бежала Вера по проселочной дороге, и снова удивился Иван и затревожился непонятно отчего.

Через день Вера пришла опять, и они в сумерках бродили по березовому островку. С этого все и началось. Вера уже приходила часто, а когда ее не было, Ивану казалось, что на поле мертво и пустынно без рыжих Вериных волос и зеленых глаз.

А потом они сделали удивительное открытие: оказывается, в березнике жила пара лисиц, молодых, сильных зверей, у которых были маленькие, но уже проворные лисята.

- Пойдем к нашим лисам, - иногда говорила Вера, и Ивана обдавало трепетной радостью от слова «наши». Значит, появилось у них то, что принадлежало только ей и ему и никому больше.

Затаившись на краю поля в кустах, они смотрели, как лисы учили мышковать своих лисят, как, разыгравшись, взлетали в воздух, понорошке нападая друг на друга, и мусолили друг дружке загривки. Лисы словно светились под луной.

В такие минуты в темных Вериных глазах виделась грусть.

- Какие они вольные, - шептала она тихо, одними губами.

- А мы? - с улыбкой спрашивал он тоже шепотом.

- Нам ничего нельзя.

- Почему?

Она укоризненно взглядывала на него.

- Потому что мы - люди.

- Люди... - продолжал Иван игру. - Это хорошо или плохо?

- Хорошо. И плохо...

Скоро лисы перестали их бояться, этих двух прятавшихся от других людей в березнике, видно, чувствовали какую-то их особенность, их неопасность. Только когда Иван был один, ему никогда лисы не попадались на глаза. Эту странность он давно приметил.

...Нарвал Иван ромашек, сунул их в карман телогрейки, вздохнул и пошел к трактору.

Скоро пришел сменщик, медлительный, молчаливый мужик. Непонятный какой-то человек. Приходил ли сменить Ивана, уходил ли, отработавшись, всегда на его лице лежала одинаковая усталость. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что прожил он две жизни, не меньше, доживает третью, и так ему все надоело, что и глаза смотрят сквозь узкую щелку, не-охота ему их распахивать на мир пошире. И голос у него тягучий, будто и слова он вытягивал из себя через силу.

Иван с ним близок не был. Разговаривали они редко, и то по необходимости. «Привет», - скажет один. «Привет», - откликнется другой. «Ну как?» «Все в норме».

Перекинутся этими несколькими обязательными словами, покурят вместе, потому что расходиться просто так неловко: все же напарники, и уже после этого идут. Один - к трактору, другой - домой, отдыхать.

Но сейчас Иван не торопился уйти. Слишком много в нем за день скопилось горя, не унести одному. Ему захотелось вдруг, чтобы кто-нибудь, вот хотя бы этот пожилой обстоятельный мужик, выслушал его, утешил бы теплым словом, или, если не словом, то просто молчаливым сочувствием.

Закурили, и Иван стал маяться. Он не знал, с какого боку завести разговор. Сроду ведь ни с кем своей тайной не делился. Опасался, как бы сменщик раньше времени не затоптал окурок и не принялся бы запускать двигатель.

Однако сменщик, посмотрев на Ивана, всезнающе усмехнулся. Сам спросил:

- Тяжело, что ли?

- Тяжело, - признался Иван и вздохнул.

- Дело понятное, - протянул тот. - Меня вчера тоже свояк звал. Холодильник обмывать. А я прикинул: завтра - не суббота, не воскресенье. Не отоспишься, и с больной головой - на работу. Отказался, потому как похмелье у меня тяжелое...

- Да нет, я не с похмелья, - сказал Иван с досадой.

- А с чего тогда?

- У меня другое. Вишь, какое тут дело... - Иван судорожно перевел дух, решался. - Тут другое... Нынче вечером с одним человеком разойтись надо. Вот и мучаюсь.

- С женой, что ли?

- Да не с женой. С девушкой, - сказал Иван и покраснел. Слово это он выговорил с трудом. Произносить его язык не поворачивался. Когда молодой парень говорит «девушка», это одно, а из уст стареющего мужика услышать такое слово, конечно же, смешно. Иван это понимал и устыдился.

- А-а, с той самой? Которая бегаёт?

Ивану совсем стало горько.

- С той самой, - сказал он вызывающе. Он злился на сменщика за его усмешку, и в глаза его прищуренные смотрел твердо.

Но тот больше не усмехался. Сошурившись, смотрел куда-то далеко-далеко и видел, наверное, такое, чего не всем дано видеть. От этого на его лице, кроме усталости, появилась еще снисходительная скорбь.

- У тебя как с ней было? Баловство или по-серьезному? - спросил он, наконец.

- По-серьезному.

Сменщик скорбно покачал головой.

- Вот это плохо. Совсем плохо... - И даже языком поцокал. - Побаловаться мужику можно. Особенно, когда девка сама льнет. Я это понимаю. Мужичье ведь дело - известное. Побаловался - и с него как с гуся вода. Никакого спросу. В случае чего - девка сама виноватой и останется: а не льни. Но по-серьезному нашему брату - никак нельзя. Тут уж спрос с нас, ни с кого другого... Да-а... Вот и говорю, не думаем мы. Что бы прикинуть прежде: чем закончится? Да ничем хорошим. Если тебе семью бросать и брать эту девку, то надо уезжать куда-нибудь в город.

- Куда я поеду, - развел Иван руками. - Тут у меня все.

- Ну, а в деревне вам нельзя. Проходу не дадут. Ни тебе, ни ей житья не будет.

- Житья тут не будет, - согласился Иван. - Это уж точно. - И стал разминать новую папироску.

- Ну так бросай эту девку. Сам ведь все понимаешь.

- Бросай... - хмыкнул Иван. - Хорошо со стороны-то.

- Ну ведь не нужна она тебе. Если с умом подойти. Ты скажи себе: не нужна она мне. И легче будет. Попробуй.

- Себе-то я соврать не могу, - безнадежно помотал головой Иван. - Себя не обманешь. Как ни старайся.

- Нужна, значит?

- В чем и дело.

- А жна? Ты как женился-то?

- Обыкновенно. Как женятся... Поженились, жить стали. Вроде нормально. Ни скандалов, ни ругани. Баба спокойная, хозяйственная. И накормит, и обстирает, и за папанами пригляд хороший. Заботливая баба. Это у нее не отнимешь.

- Ну так какую еще тебе холеру надо? Раз баба хорошая?

- Вот и я так думал. Что больше ничего и не надо. А как стал с этой девушкой... с Верой встречаться, тут-то и подумал, что у меня жизнь будто и не начиналась. Вроде как я спал все эти годы и только проснулся. Все у нас с женой гладко шло, а вот чего-то не было... А с Верой - другое, - Иван тяжело вздохнул и покачал головой. - Совсем другое. Веришь, я даже не знал, что такое бывает на свете. Музыка появилась...

- Какая музыка? - озадачился сменщик.

- Ты песни любишь? - спросил Иван.

- Песни-то? А как же. Только до новых я не шибко охоч. Дочка как заведет этот самый... ну, как его... магнитофон, так хоть из дому беги. Орут благим матом. И все не по-нашему. Я старые люблю, душевные.

- Это само собой, - сказал Иван. - Душевные песни я тоже уважаю. А ты вот слышал, по радио передают еще не песни, а музыку. Вроде как симфонии?

- У меня баба их сразу выключает.

- Вот и я выключал. А как-то прислушался и будто вижу, как солнышко всходит, травка из земли проклевывается, березник шумит, и птицы в нем разные поют. И так мне хорошо стало... Даже удивительно, как я раньше не понимал. Приду домой, сяду и слушаю, слушаю. Жена глядит - не поймет ничего. Рехнулся - не рехнулся? Утром идти на смену, а во мне эта музыка играет. Одна кончается, сразу другая начинается, будто какой проигрыватель во мне. Сам удивляюсь. Раньше-то я эту симфонию в упор не слышал. Передают и передают. Как вроде и не для меня. А тут - уши открылись. Да что там уши! Глаза и те по-новому видят. И вот это полюшко, - Иван обвел рукой вокруг себя, - с малолетства знаю, а только недавно и разглядел, какое оно красивое... - Иван судорожно затянулся папиросой. - Ты только не насмехайся. Может, тебе и смешно, а все равно - не надо.

- Я и не насмехаюсь, - отозвался сменщик, скорбно глядя в свое далеко. - Я тебе очень даже верю.

- Конечно, - продолжал Иван, - если с умом подойти, так все это - мне нельзя. Я ведь из ума еще не выжил. Понимаю, что семейный. И жену жалко, столько ведь лет прожили. И сыновей растить, поднимать на ноги надо. Да только как подумаю, что и музыку, и все такое надо будет сломать в себе - душа на дыбы встает. Не хочет... - Иван проглотил горький комок и замолчал. Лишь вздохнул тяжело.

Сменщик тоже вздохнул, глядел на Ивана сочувственно, как на больного, и глаза у него были такие всезнающие и безнадежные, что у Ивана холодок прошел под рубахой.

- Сказать, чем кончится? - тихо спросил сменщик и едва заметно усмехнулся в пространство.

- Чем? - спросил Иван трудным голосом и весь напрягся в ожидании.

- А ничем.

- Как - ничем? - огоршился Иван.

- Ничем, и все. Как было, так и останется по-старому. Жизнь-то - она посильнее нас с тобой. Не таким рога сламывала. Помучаешься-помучаешься, да и будешь пахать свою зябь. Все переживешь. Никуда не денешься...

- Ну спасибо. Утешил, - с горечью отозвался Иван.

- А ты что хотел? Другое услышать? - проговорил задумчиво сменщик. - Я говорю, как будет. Помянешь меня потом.

Иван затоптал окурки.

- Легко тебе жить. Все-то ты наперед знаешь. Где упасть, так и соломки заранее подстелишь.

Сменщик - словно не слышал. Молча достал из кармана сырмятный ремешок, сосредоточенно намотал его на вал пускатча и обернулся:

- Не ты первый, не ты последний. Время все перепашет. Как этот трактор.

- И в сердцах рванул ремешок, отчего пускатч пронзительно, по-мотоциклетному затрещал, окутываясь синим дымом.

«Поговорили, называется», - досадовал Иван по дороге к дому. Настроение у него совсем испортилось.

Жил Иван на краю села. Не старый еще был у него дом, всего семь лет как поставил, а уж потускнели бревна от дождей и ветров, краска на крыше облезла. От этого дом казался серым и каким-то беспризорным. Оторванный лист железа свисал с карниза. Давно его оторвало ветром. По ночам он гулко хлопает по крыше, словно будит хозяина, а у того руки не доходят - залезть и прибить. Ключья черного, пересохшего мха торчат между бревен - повылазили. Самое бы время перед зимой-то подконопатить стены паклей, чтобы в холода не продувало, да глаза у хозяина до сих пор как незрячие были к дому, ничего не замечали. Сейчас только он поглядел пристально и увидел свой дом прохудившимся, неухоженным и беспризорным, будто и мужика в нем нет.

Сыновья были дома. Готовили уроки. Подняли глаза на вошедшего отца и снова опустили в книги, словно не отец пришел, а совсем чужой человек.

Иван не обиделся. Привык. Он и сам себе иногда казался постояльцем в родном доме. Заходил тихо, ступал по половицам нетвердо, осторожно, как в гостях. Умылся молча и стал переодеваться в чистое.

- Есть будешь? - спросил старший ровным голосом, не поднимая головы и явно не ожидая никакого ответа.

- Не хочу, - хрипловато ответил Иван. Он и на самом деле не хотел есть. Ничего в горло не лезло. Потерянно топтался посреди комнаты. - Как мать?

Сыновья, ни один, ни другой, не ответили, словно воды в рот набрали. С показной старательностью уткнулись в книги. Прилежание - куда с добром. Всегда бы так, а то Иван знал, что и пятиклассника Ваську, и третьеклассника Мишку учителя не больно-то хвалят. Совсем избегались. Не более нынче мать, носились бы по улицам.

«Ну постойте, я за вас еще возьмусь», - подумал Иван, и ему даже как-то полегчало от этих мыслей. Он прочнее, по-хозяйски увереннее почувствовал себя здесь, посреди комнаты, возле сыновей, и к жене в спальню прошел, уже твердо ступая по половицам.

Мария лежала в кровати с открытыми глазами, видимо, прислушивалась, как там, в комнате. Увидела мужа, и слабая улыбка обозначилась на ее исхудавшем лице.

Он сел на край кровати, положил ладонь на влажный лоб жены и заглянул ей в глаза прямо и просто, как раньше, когда у них все было хорошо.

- Ну как, Мария? Болит-то что?

- Ничего не болит. Слабость... - проговорила она еле-еле.

- Вставала сегодня?

- Не-ет... Голова шибко кружится.

- Ничего, Мария. Поднимем мы тебя... Поднимем... - проговорил он, оглядывая жену с ласковой заботой.

- Да уж скорее бы. Разлеживаться-то некогда. Мальчишки все оборвались. Ты необстиранный ходишь. Совестно мне лежать, когда хлопот столько...

Иван промолчал, погладил только жидкие, слипшиеся волосы жены, мысленно винясь перед ней. Да-а, что и говорить, на самом деле - редкая у него была жена. Все-то она знала, догадывалась сейчас, зачем на нем новый пиджак и белая рубашка, и - ни слова. Это Ивана всегда мучило больше, чем если бы она укоряла его, стыдила. Нет, ничего подобного он от Марии не слыхивал.

И сейчас она тоже - молчала. Лишь смотрела жалобно и покорно, как ребенок. Похудела... Лицо у нее и раньше-то было маленькое, теперь совсем детское стало. Одни глаза на нем жили, сторожили каждое мужнино движение, и столько в них было боли и ласки, что у Ивана все внутри переворачивалось.

Он шевельнулся, и Мария высвободила из-под одеяла слабую свою руку, на ощупь нашла мужнины пальцы, держала их.

- Я скоро вернусь, Мария, - сказал он тихо и значительно, стараясь, чтобы жена глубже поняла эти слова. - Все у нас будет нормально. Вот увидишь.

Она закрыла глаза. Веки ее вздрагивали.

- Я скоро приду, - повторил он и почувствовал, как жена медленно отпустила его пальцы.

Когда Иван вышел из спальни, Васька уже возился с кастрюлей, видно, собирался что-то варить. Иван смотрел на него. Длинный вырос парень, весь в него. Движения быстрые, порывистые. Отрощенные космы на голове аккуратно зализаны на пробор. Наверное, уже и на девок поглядывает. Мишка по-прежнему сидел за столом, держал в руках «Родную речь» так, будто загораживался ею от отца. И тот и другой выглядели настороженными. Ждали, что отец дальше будет делать.

- Врач был? - негромко спросил Иван.

- Был, - нехотя ответил Васька.

- Что он сказал?

- А что он скажет... Укол сделал.

- Только и умеют, - проговорил Мишка, по-взрослому наморщив лоб.

- Всю искололи. А что толку?

- Ничего-о, - проговорил Иван. - Все будет нормально. -

И шагнул к порогу.

- Ты пошел? - спросил Васька.

- Пошел.

- Ночевать-то придешь? Или можно заператься?

Иван задержался у порога.

«Совсем чужие стали», - с болью подумал он, и ему захотелось подойти к Ваське, сжать его в своих руках, с отцовской нежностью растрепать светлые космы, да знал: сын ласки не примет, кольнет ледяным словом.

- Проводи меня до калитки, - попросил он вдруг, чтобы наедине обнадежить его, успокоить.

- Некогда мне разгуливать, - отозвался тот хмуро. - Мамке молока вскипятить надо.

- Дров принести? - спросил еще Иван.

- Сами принесем. Иди.

3

Раньше Иван уходил к Вере не сразу и не напрямик. Сначала он выходил во двор как бы размяться, подышать свежим воздухом перед сном. Потоптавшись во дворе, с медлительностью хорошо поработавшего человека, умиротворенного удачным днем, вразалочку направлялся к калитке. Нехотя отворял ее, вроде бы интересуясь, как там жизнь за воротами.

Равнодушно глядел в один конец улицы, на поскотину, которая начиналась недалеко от дома, и если никого из соседей видно не было, двигался к поскотине. Тоже - неспешно, будто прогуливаясь. И потом, еще раз оглядевшись и не найдя к себе постороннего интереса, нырял в полоску березника, окружившего село, словно пояском.

Так было раньше. А сейчас Иван прямо от крыльца, нигде не задерживаясь и не озираясь попусту, крупно шагал через поскотину к леску. Глядите, соседи, кому шибко интересно. Ему уже все равно. Ничем не испугаешь. Да что там - соседи. Иван спиной чувствовал, как смотрят на него в окно сыновья, и все убыстрял шаги, хотел поскорее раствориться среди деревьев, чтобы не жгли ему спину сыновья глаза.

Скоро он шел уже среди берез, но легче ему не стало, наоборот, начало чудиться, что за ним кто-то идет. Уж не из сыновей ли кто? Нет, сыновья не пойдут - гордые. Кто же тогда?

В березнике было светло, солнце еще висело на ладонь от земли, косо высвечивало стволы. Иван посмотрел назад, но никого не увидел. Показалось ему, что ли? Вроде не показалось. Пока он стоит - тихо, а стоит пойти, и сзади слышно, как шуршит трава, похрустывают сухие веточки. Кто же это там такой любопытный? Посмотреть бы на него.

Решил схитрить. Он пошел быстрее, почти побежал и потом, прыгнув в сторону, притаился за корявой березой.

Ждать долго не пришлось. Еще и отдышаться не успел, как увидел крадущегося по кустам мужика. Пригляделся - и чертыхнулся от изумления. Это был Гришка.

- Ты гляди - попутчик! - почти ласково сказал Иван, выходя из-за дерева и заступая брату дорогу. - И далеко собрался?

- Ничего, Мария. Поднимем мы тебя... Поднимем... - проговорил он, оглядывая жену с ласковой заботой.

- Да уж скорее бы. Разлеживаться-то некогда. Мальчишки все оборвались. Ты необстиранный ходишь. Совестно мне лежать, когда хлопот столько...

Иван промолчал, погладил только жидкие, слипшиеся волосы жены, мысленно винясь перед ней. Да-а, что и говорить, на самом деле - редкая у него была жена. Все-то она знала, догадывалась сейчас, зачем на нем новый пиджак и белая рубашка, и - ни слова. Это Ивана всегда мучило больше, чем если бы она укоряла его, стыдила. Нет, ничего подобного он от Марии не слыхивал.

И сейчас она тоже - молчала. Лишь смотрела жалобно и покорно, как ребенок. Похудела... Лицо у нее и раньше-то было маленькое, теперь совсем детское стало. Одни глаза на нем жили, сторожили каждое мужнино движение, и столько в них было боли и ласки, что у Ивана все внутри переворачивалось.

Он шевельнулся, и Мария высвободила из-под одеяла слабую свою руку, на ощупь нашла мужнины пальцы, держала их.

- Я скоро вернусь, Мария, - сказал он тихо и значительно, стараясь, чтобы жена глубже поняла эти слова. - Все у нас будет нормально. Вот увидишь.

Она закрыла глаза. Веки ее вздрагивали.

- Я скоро приду, - повторил он и почувствовал, как жена медленно отпустила его пальцы.

Когда Иван вышел из спальни, Васька уже возился с кастрюлей, видно, собирался что-то варить. Иван смотрел на него. Длинный вырос парень, весь в него. Движения быстрые, порывистые. Отрощенные космы на голове аккуратно зализаны на пробор. Наверное, уже и на девок поглядывает. Мишка по-прежнему сидел за столом, держал в руках «Родную речь» так, будто загораживался ею от отца. И тот и другой выглядели настороженными. Ждали, что отец дальше будет делать.

- Врач был? - негромко спросил Иван.

- Был, - нехотя ответил Васька.

- Что он сказал?

- А что он скажет... Укол сделал.

- Только и умеют, - проговорил Мишка, по-взрослому наморщив лоб.

- Всю искололи. А что толку?

- Ничего-о, - проговорил Иван. - Все будет нормально. -

И шагнул к порогу.

- Ты пошел? - спросил Васька.

- Пошел.

- Ночевать-то придешь? Или можно запереться?

Иван задержался у порога.

«Совсем чужие стали», - с болью подумал он, и ему захотелось подойти к Ваське, сжать его в своих руках, с отцовской нежностью растрепать светлые космы, да знал: сын ласки не примет, кольнет ледяным словом.

- Проводи меня до калитки, - попросил он вдруг, чтобы наедине обнадежить его, успокоить.

- Некогда мне разгуливать, - отозвался тот хмуро. - Мамке молока вскипятить надо.

- Дров принести? - спросил еще Иван.

- Сами принесем. Иди.

3

Раньше Иван уходил к Вере не сразу и не напрямик. Сначала он выходил во двор как бы размяться, подышать свежим воздухом перед сном. Потоптавшись во дворе, с медлительностью хорошо поработавшего человека, умиротворенного удачным днем, вразвалочку направлялся к калитке. Нехотя отворял ее, вроде бы интересуясь, как там жизнь за воротами.

Равнодушно глядел в один конец улицы, на поскотину, которая начиналась недалеко от дома, и если никого из соседей видно не было, двигался к поскотине. Тоже - неспешно, будто прогуливаясь. И потом, еще раз оглядевшись и не найдя к себе постороннего интереса, нырял в полоску березника, окружившего село, словно пояском.

Так было раньше. А сейчас Иван прямо от крыльца, нигде не задерживаясь и не озираясь попусту, крупно шагал через поскотину к леску. Глядите, соседи, кому шибко интересно. Ему уже все равно. Ничем не испугаешь. Да что там - соседи. Иван спиной чувствовал, как смотрят на него в окно сыновья, и все убыстрял шаги, хотел поскорее раствориться среди деревьев, чтобы не жгли ему спину сыновья глаза.

Скоро он шел уже среди берез, но легче ему не стало, наоборот, начало чудиться, что за ним кто-то идет. Уж не из сыновей ли кто? Нет, сыновья не пойдут - гордые. Кто же тогда?

В березнике было светло, солнце еще висело на ладонь от земли, косо высвечивало стволы. Иван посмотрел назад, но никого не увидел. Показалось ему, что ли? Вроде не показалось. Пока он стоит тихо, а стоит пойти, и сзади слышно, как шуршит трава, похрустывают сухие веточки. Кто же это там такой любопытный? Посмотреть бы на него.

Решил схитрить. Он пошел быстрее, почти побежал и потом, прыгнув в сторону, притаился за корявой березой.

Ждать долго не пришлось. Еще и отдышаться не успел, как увидел крадущегося по кустам мужика. Пригляделся - и чертыхнулся от изумления. Это был Гришка.

- Ты гляди - попутчик! - почти ласково сказал Иван, выходя из-за дерева и заступая брату дорогу. - И далеко собрался?

Гришка растерялся, виновато заморгал короткими, белесыми ресницами. Никак он не предполагал, что его самого тут подкараулят.

- Да я с тобой. Чтоб, значит, не одному, - заторопился он, оправдываясь.

- А зачем ты мне? Для какой такой нужды? - спрашивал Иван, едва сдерживаясь, и положил на плечо Гришке свои цепкие пальцы. - Боишься, из-за меня квартиру не дадут?

- Да ничо я не боюсь. Я только напомнить и шел-то.

- Что напомнить?

- Зачем идешь, чтоб помнил. А то сам обнадежил старика, а сам вдруг возьмешь и передумашь.

Иван затвердел лицом.

- Я же слово дал. Ты разве не слышал?

- Слово... - ухмыльнулся Гришка. - Мало ли каких слов я могу наговорить. По пьянке-то. Успевай только слушай.

- Ну вот что, - проговорил Иван прерывистым голосом. - Ты мне хотя и брат родной, а если еще нос высунешь - не обижайся потом. Ой, не обижайся... - Он так сжал Гришке плечо - едва кости не захрустели. - Я тебе это говорю, чтоб потом обиды не было. - И не оглядываясь, двинулся дальше.

Узенький этот лесок уже редел, сквозь него проглядывало поле с черной полосой пахоты. Издали, вывернув из-за березового островка, на встречу шел трактор, таща за собой бледное облачко пыли.

«Зябь пахать...» - мысленно усмехнулся Иван, идя по пахоте к березовому колку и наверняка зная, что из кабины на него таращится сменщик. - А в этом худого ничего нету. Земля - она и есть земля». И едва перешел вспаханную полосу, как границу, так и забыл сразу о Гришке, о сменщике, будто их и на свете не было. Он пошел медленнее, шурша жухлыми листьями и слыша в душе печальную музыку, которая все эти дни жила в нем, то замолкая, то появляясь снова. Глядя в просветы между березами, искал глазами Веру.

Она всегда появлялась неожиданно, всегда не с той стороны, с какой он ее ждал, и Иван никак не мог к этому привыкнуть. Думал, увидит ее впереди, а она показалась сбоку.

Мелкая между тонкими стволами, рыженькая, длинноногая, она легко бежала к нему в светлом плащике. Казалось, даже не бежала, а летела над землей, не касаясь ногами ни листьев, ни трав, и у Ивана зачастило сердце.

Он уже знал: сейчас Вера увидит его и остановится, как пугливый зверек. Оглядит его издали и уж потом приблизится тихо и застенчиво. Осторожно и неумело, как впервые, коснется своей рукой его руки - поздоровается.

- Что же ты в белом плащике в лес приходишь? - спросил он с ласковой укоризной. - Запачкаешь или порвешь. Заругают дома.

- Но ведь я к тебе иду...

Он бережно обнял ее, нарядную, праздничную, пригладил растрепавшиеся от бега волосы.

- Чудо ты мое рыжее, неожиданное... Знаешь, ты похожа на какого-то лесного зверька. А вот какого - никак не догадаюсь.

- На лисицу, - сказала она, смеясь. - Я ведь рыжая. Мне даже иногда кажется, что когда-то давно-давно... много веков назад я была лисицей. Правда-правда так кажется. Я их и люблю поэтому. Ведь они мне - родня. Давай их поищем.

Иван, глядя на нее, улыбался, и в ее зеленых глазах мелькнул легкий испуг.

- Ты что смеешься?

- Ничего. Мне хорошо. Когда я тебя вижу - мне всегда хорошо. - И он достал из кармана пиджака смятый букетик.

Вера понюхала цветы, которые ничем не пахли, а если и пахли - то соляркой. Проговорила задумчиво:

- Наверное, самые последние.

- Последние, - как эхо отозвался Иван, подумав, что под этим словом понимает гораздо больше, чем она. Вот ведь как получилось: она с ним встретилась подснежниками, а он с ней прощается осенними ромашками. У нее - весна, все еще впереди, а у него - осень поздняя. Вот какой негаданный, горький смысл обнаружился в цветах.

- Вера, - сказал он тихо. - Поцелуй меня.

Склонив голову набок, она удивленно на него посмотрела.

- Ты меня об этом никогда не просил.

- А сейчас прошу.

- Почему?

- Не знаю.

- Разве тебе так плохо?

- Хорошо и так, - сказал он потускневшим голосом. - Раз не хочешь, то и не надо.

Теплой ладонью она провела по его щеке.

- Я не могу, - в голосе сквозила боль. - Я боюсь к тебе прикасаться. У меня внутри так, будто я тебя ворую. Ты только не сердись, что так говорю. Ведь это правда. А еще мне кажется, что если я поцелую тебя, что-то меня обязательно накажет за это. Обязательно...

- Кто? Бог, что ли? - Иван еще нашел в себе силы усмехнуться.

- Зачем бог... Не бог, а что-то другое. Которое не терпит неправды. Ведь есть же что-то такое на свете, - Вера повела рукой вокруг себя, - в деревьях, в траве, в листьях, в земле, в небе, в воде. Везде. Может, это сама жизнь.

- Ты хорошая, Вера, - сказал он задумчиво. - Лучше, меня, - и заметил на обнажившейся ее руке чуть повыше запястья темный кровоподтек.

- Что это? - похолодел Иван.

- Мамка...

- Из-за меня? - И ждал ответа затаив дыхание. Но, ничего не дождав-шись, приник губами к ее руке, и почувствовал солоноватый вкус крови. Внезапно Вера выдернула руку, напряглась.

- Смотри! Вон они!

Иван поднял затуманенные глаза и увидел лисиц, которые, выскочив из кустарника, катились по желтой стерне к низкому красному солнцу, коснувшемуся уже краешком горизонта. Самец бежал немного позади самки, не вырываясь вперед и не отставая - как привязанный, и Ивану подумалось, что он нарочно так бежит, прикрывая подругу от всякой случайности. Пальни в них сейчас картечью, и весь заряд придется ему.

Расстелившись по полю, лисы уходили к красному солнцу, и сами они были красные от закатных лучей, будто это два маленьких солнышка катились к большому. Сильные и вольные, живущие, как велит природа, они скоро слились с солнцем и так же, как солнце, исчезли, растворились, отчего на полях стало холодно и пустынно.

Люди проводили их долгими, мечтающими взглядами.

- Были бы мы лисами... - выдохнула Вера. - Побежали бы далеко-далеко, к солнцу. Правда ведь?

- Правда...

- Мне всегда снится, что я куда-то бегу и бегу, в какие-то новые места. А проснусь - никуда не убежала. Так и осталась, где была... А знаешь, лисы как-то не так бежали, - заговорила Вера с тревогой. - Будто насовсем убегали. А вдруг они больше не вернуться?

Иван промолчал и обнял ее.

Но Вера, освободившись от его рук, к чему-то прислушивалась. Позади в кустах, уже накрытых сумерками, что-то прошуршало.

- Ты слышишь? - прошептала Вера испуганно. - Что там?

- Кто его знает, - ответил Иван как можно равнодушнее. - Чей-нибудь теленок забрел.

Иван нашарил под ногами тяжелый, влажный сук и, вкладывая в раз-мах всю боль и горечь, пустил в кусты. Там что-то шархнулось, затре-щил валежник и затих в отдалении.

- Я же говорил - теленок.

Стоял, тяжело дыша. И уже понимал: пора...

Вера успокоилась, прислонилась головой к его плечу.

- И чего ты во мне нашла? - вдруг спросил Иван холодным и чужим голосом. - Я ведь старый для тебя.

- Ты добрый и сильный, - улыбалась она в темноте. - И руки у тебя нежные.

- Какие там нежные. Железо только и привыкли держать... Неужто у вас в совхозе парней хороших нету? - проговорил он и замолк. Не его это

были слова, чужие.

Вера отстранилась, напряженно вematриваясь в его лицо.

- Вера, знаешь... - начал Иван, но Вера прикрыла его губы теплой, вздрагивающей ладонью.

- Не надо... Я знаю. - И Иван почувствовал на щеке едва ощутимое прикосновение ее губ. - Это тебе на счастье.

- Какое теперь счастье, - проговорил он с надсадой и уже больше ни-чего не сказал, только смотрел, как медленно таяло в темноте светлое пятнышко Вериного плаща.

Иван долго стоял в оцепенении, облокотившись о ствол березы, и даже не двинулся, когда осторожно подошел Гришка и стал дожидаться, пока брат придет в себя.

- Все... - проговорил отрешенно Иван и взглянул на брата. - Теперь тебе будет квартира.

- Отшил? - оживился Гришка. - Ну вот, теперь ты - человек. И пра-вильно. Не вешайся на чужого мужика. Только че долго? Сказал бы сра-зу, дескать, так и так: поигрались и хватит. А то рассусоливал.

- Ты меня выведешь, Гришка. Двину я тебе, - пообещал Иван.

- И так чуть не угробил. Возле виска пролетело.

- А зачем высывывался?

- Ну как зачем? - Гришка ухмылялся в темноте. - Интересно было, что ты с ней делать станешь. Слышь, Ваня, у тебя с ней хоть было?

- Что было? - не сразу понял Иван.

- Ну... это самое.

Иван посмотрел на него с жалостью:

- Ни черта ты не понимаешь...

- Где уж мне понять, зачем мужик к бабе ходит, - усмехнулся Гришка, но Иван на него уже не обращал внимания.

Сказал глухо:

- Нехорошо мне. Будто убил кого-то.

- Кончай, Ваня! Что ты! - заговорил укоризненно Гришка. - Неужто так можно убиваться. Я дак из-за своей жены так не переживаю, а ты - из-за девки. Не-ет, я со своей - мертво. Чуть она на меня окрысится, я тихо-мирно к какой-нибудь бабенке на вечерок, - Гришка заговорщицки хихикнул. - Сделаю свое дело - и домой как ни в чем не бывало. А сам думаю: а не раскрывай на мужика рот. Вот так-то... Да к одной и той же не хожу. Они ведь привязчивые, чисто кошки... Слышь, пойдём ко мне. У меня в огороде бутылка спрятана. Верить, баба диву дается, - с удоволь-ствием рассказывал Гришка. - Сижу, значит, дома. Трезвый, как дурак. Ну и это... в огород, значит, выйду, будто по надобности, а вертаюсь уже нормальный. Всего-то на две минуты выйду, а честь честью. Ветром ка-чает. Баба ничего понять не может. Бата - тоже. Пойдем врежем.

- Мне с этого еще хуже будет.

- Ну гляди, я ведь хотел как лучше.
- Ты вот что... Иди-ка домой. А я еще погуляю.
- Как же я тебя брошу? - не согласился Гришка. - Ты ведь мне как-никак брат родной. Я тебя, как некоторые, ни на какую девушку не променяю. Давай погуляем вместе. Куда пойдем-то?

Иван рассеянно пожал плечами.

- Я и сам не знаю.
- Ну давай здесь побудем, - покладисто согласился Гришка. - А только бы лучше в огород. Чего мы трезвые, как дураки. - Он сплунул с досады, попытался сесть на пенек, да неудачно - о сучок оцарапал ногу.

«Ну вот и все», - только и подумал Иван.

Было тихо, и в этой тишине он слышал, как неустанно тарыхтел трактор на поле да негромко матерился Гришка.

4

А сменщик-то оказался прав.

Никуда Иван не делся, так же пахал зябь, как и раньше. Вроде успокоился. В семье налаживалось. Портрет на аллее передовиков опять появился - между отцом и Гришкой. Но, проезжая на своем тракторе мимо совсем оголившегося березника, возьмет и посмотрит на то место, где весной Вера преподнесла ему подснежники. В самом глубоком и тайном уголке души теплилась непонятная надежда, что если не на этом круге, то на каком-нибудь другом мелькнут на краю поля рыжие волосы, похожие на пламя костра. И хотя он понимает умом, что никого не увидит тут, на холодном, пустом поле, с которого улетели даже птицы, что и ждать-то нечего, а все-таки нет-нет да и оглянется на то место.

Оглянется - и дальше. Закладывать новый круг.

ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК

1

В конце дня, на заснеженной трамвайной остановке, у хлопчатобумажного комбината к девушке рабочего вида подошел моложавый мужчина.

- Скажите, пожалуйста, - заговорил он медлительным рокошущим баском, - каким номером можно добраться до центра города?

- На однерке, - отозвалась девушка механически, глядя вдаль, откуда должен появиться трамвай. Усталость и безразличие сквозили в ее озябшем остроносом лице, позе и голосе.

- Это значит, на первом? - уточнил он, улыбаясь мягко и застенчиво. И не отходил, ждал ответа.

- А вы что, иностранец? - огрызнулась она, презрительно дрогнув бледной щекой. - По-русски не понимаете?

- Но в русском языке нет слова «однерка». Есть «единица», - заметил он безо всякой обиды.

- Но ведь поняли же, - выдавила она уязвленно.

- Теперь понял. Большое вам спасибо. - Он склонил голову в знак благодарности, мягко улыбаясь, и все не отходил прочь, испытывая к довольно невзрачной особе какой-то устойчивый интерес.

Наверное, ей стало неловко за свою грубость, и она, помолчав, хриловато поинтересовалась:

- А куда вам в центр?

- В гостиницу «Центральная».

- На первом доседете до Октябрьской площади. Там, по ходу, переседайте на первый троллейбус и еще проедете две остановки.

- Благодарю, теперь точно доберусь, - очень проникновенно проговорил мужчина и все медлил отходить. - Простите, еще один вопрос, - продолжил он со смущением. - Вы сегодня вечером свободны?

- В каком смысле? - настороженно осведомилась девушка, мельком глянув на незнакомца.

- В смысле, не идете ли на свидание или к друзьям.

- А в чем дело? - сузив глаза, она покосилась на него с недоверчивостью особы, не избалованной вниманием сильного пола, и ее бескровное худощавое лицо презрительно закаменело.

- Понимаете, в вашем городе у меня - ни друзей, ни знакомых. А сегодня, так уж вышло - мой день рождения. Дата, правда, не крупная, но все равно в такой вечер сидеть одному - грустновато.

- Ну и что вы хотите? - спросила она без былой настороженности, но все еще деревянным голосом.

- Хочу пригласить вас в ресторан. Посидеть вдвоем, отметить мой скромный праздник. Обещаю: все будет красиво и чисто.

Она окинула его внимательным женским взглядом, способным даже по незначительным мелочам оценить человека. Перед нею стоял не блистающий особой красотой или статью, но вполне приятный мужчина. Не нахальный, нет, стеснительный и вежливый, а судя по здоровому цвету лица, - непьющий, что само по себе достойно уважения. Ухоженный и явно женатый. Такие бесхозными не бывают. По одежде и манерам не похож на крутого бизнесмена или даже владельца заурядного «комка». Из инженеров или мелкий чиновник. Видать, приехал в командировку и мается в одиночестве.

Затянувшееся молчание девушки мужчина истолковал по-своему.

- Не верите? - пророкотал он и вытащил из внутреннего кармана пальто паспорт. Раскрыл его. - Смотрите: дата рождения - первого марта. То есть - сегодня. Не обманываю.

С безразличием пожав плечами, девушка нехотя заглянула в паспорт. Различила фотографию, весьма схожую с оригиналом и имя - Александр. Фамилия и отчество были скрыты под пальцами владельца. Впрочем, какое ей дело до его фамилии и отчества.

- Ну так как? - рокотал он своим бархатистым голосом. - Вы подарите мне свой вечер?

- Я же со сменой, - усмехнулась она невесело, - и не одета для ресторана. Вам бы лучше пригласить кого-нибудь другого. Мало ли свободных девушек.

Пропустив мимо ушей ее слова, он сказал упрямо:

- Если вы, в принципе, не против, мы могли бы встретиться попозже.

- Глянул на часы. - Часиков в семь. На дорогу и сборы у вас более двух часов. Соглашайтесь. Очень прошу.

- Даже не знаю... - вздохнула она и помолчала. Потом подняла на него недоверчивые глаза. - А почему вы это предлагаете мне?

- Хочется провести вечер с хорошей девушкой.

- Откуда вам знать, хорошая я или нет?

- Вижу, - легко улыбнулся он.

- А вдруг ошибаетесь?

- От ошибок никто не застрахован. Но, уверен, не ошибаюсь.

- Я не такая современная. Как некоторые...

- И я, наверное, не слишком современный.

- Я не шибко веселая.

- Представьте, и я тоже. Но вдвоем будет веселее.

- Ну хорошо, - помявшись, согласилась она. - Где встретимся?

- На троллейбусной остановке перед гостиницей. Ровно в семь.

Подошел трамвай, и она, торопливо кивнув на прощанье, зашпешила к дверям. Невысокая, худенькая, в зеленоватом поношенном пальто с линялым песцовым воротником и в песчовой же выдавшей виды шапочке она явно стыдилась своей бедности. И еще ей было неловко от сознания того, что мужчина наверняка смотрит ей вслед.

А он на самом деле смотрел. Взгляд его был изучающ и строг. Но, похоже, его вполне устраивало увиденное, потому что на его полноватых губах означилась сочувственная улыбка.

2

Без пяти семь он вышел из гостиницы на широкое крыльцо, посеребренное ломким ледком. Сумерки уже опустились на город, растушевав подробности улиц. Неподалеку густо желтели фонари. В струящемся от них зыбком свете посверкивали бока и крыши легковых автомобилей, дремавших у подъезда гостиницы. Над некоторыми из них курился сизый парок от работающих моторов - трелись водители в ожидании хозяев.

Он постоял на крыльце самую малость и начал неторопливо спускаться. Из приоткрытого окна женственно округлой темно-фиолетовой иномарки его тихо окликнули, но он, не услышав, продолжал идти к троллейбусной остановке, вглядываясь в лица встречных людей.

Она приехала, запоздав самую малость.

- Добрый вечер, - пророкотал он, галантно беря ее под руку. - Я должен бы обратиться к вам по имени, но не знаю его. Не находите, что нам пора познакомиться?

- Ольга, - произнесла она сдержанно.

- Александр, - отозвался он в тон и рассмеялся, видя ее смущение. - Расслабьтесь, Оленька, мы же идем праздновать.

В вестибюле ресторана было довольнолюдно, но швейцар в livрее тотчас нашел их взглядом, отчего-то выделив эту пару из числа других гостей заведения. Уважительно склонил седую голову и сделал изысканный жест рукой в сторону гардеробной, куда и сам последовал за ними.

- Прошу вас, - сказал швейцар Ольге, готовно становясь у нее за спиной.

Она не помнила, чтобы кто-то помогал ей раздеваться, и засмушалась, но, встретив ободряющий взгляд своего кавалера, стала расстегивать пуговицы пальто.

Под полой у нее оказался целлофановый сверток с гвоздиками.

- Это вам, - сказала она, подавая Александру цветы. - Будьте здоровы и счастливы.

Он бережно принял сверток из ее рук, и его серые глаза растроганно повлажнели.

- Вы грели их возле сердца, и это самый дорогой для меня подарок. Огромное спасибо.

Ольга оказалась в нарядном черном, с блестками, платье. Глаза Александра выразили немое восхищение. И пока она, отойдя к зеркалу, приводила в порядок прическу, он внимательно оглядывал девушку. Платье ей было чутью великоватым и, кажется, она не очень уверенно себя в нем чувствовала.

Наверное, Ольга увидела в зеркале его изучающий взгляд и прочла в его глазах откровенную жалость, потому что когда она вернулась, выражение ее лица было дерзким, и щеки порозовели от внутренней борьбы.

- Все хорошо? - участливо спросил он.

- Почти, - промелестели ее подкрашенные тонкие губы. Она глядела на него с вызовом, хотела что-то произнести, но швейцар распахнул перед ними стеклянную дверь в зал, и она отчаянно шагнула вперед, будто ныряя в воду.

В зале перед ними возник гибкий, прилизанный официант, весь внимание и благорасположение. Профессионально белозубо улыбаясь, пригласил их к пустующему столику у стены, не слишком бросающемуся в глаза и откуда хорошо просматривался весь зал.

- Цветы поставьте в воду, - сказал ему Александр, протянув целлофановый сверток.

- Сделаем, сей момент, - сверкнул тот белозубой улыбкой. Положил на скатерть разолоченную папку меню и исчез.

- Нас тут встречают как родных, - с неопределенной усмешкой заметила Ольга. - Даже как-то странно.

- Благодаря вам, - спокойно отозвался Александр.

- Приятно слушать комплименты. Даже если они и не совсем искренние, - невесело усмехнулась она.

- Считаете, я не искренен?

Неопределенно пожала плечиками.

Он внимательно заглянул ей в глаза.

- У вас пропало настроение. Почему?

- Да так... - поморщилась и вяло махнула рукой.

- Я что-то не так сделал?

- Дело не в вас, - чуть дернула напряженной щекой. - Забудем об этом. Давайте веселиться. И будь что будет.

- Но сначала загляните в меню.

Она отстраненно откинулась на спинку стула.

- Закажите сами. Я сто лет не была в ресторане. Опыта нет.

- Как скажете, - несколько обиженно проговорил он, пододвигая к себе меню. - Постараюсь вам угодить.

Подлетел официант. Поставил вазу с гвоздиками на стол, развернул блокнотик. Карандаш с готовностью завис над бумагой.

Пока Александр заказывал, Ольга оглядывала зал. Народу было много, все столы заняты. На крошечной эстраде, расцвеченной мигающими огоньками, всю старались музыканты. Певичка в прозрачном розовом платье, чуть не заглядывая микрофон, пела популярный шлягер, старательно копируя московскую телезвезду. В пространстве между столами плавали танцующие пары. Мужчины - в кожаных куртках, а то и в модном ныне камуфляже. Куртки - нараспашку, на расписных футболках и рубашках мотались кресты и просто цепочки. Партнерши - в блескучих лосинах, в коротких юбочках, с распущенными волосами, с густой косметикой на кукольных лицах.

Люди постарше, посолиднее, в танцах почти не участвовали, восседали за столами, уставленными бутылками и явствами. Женщины среди них сидели в умопомрачительных платьях, сверкая дорогими украшениями, холеные и счастливые.

Ольга не покривила душой, сказав, что давно не была в ресторане. А если точнее, то и была-то всего один раз, да и то три года назад. Они тогда с подружками из бригады обмывали первую Ольгину зарплату. Народ в ресторане был попроще, не то что теперь. Сейчас сюда не только из-за бедности не пойдешь. Вокруг - чуждые люди. Горько рабочей девушке смотреть на их роскошества, и зря она согласилась пойти в ресторан.

Медленно ведя глазами, Ольга заметила: за соседним столом, за спиной Александра, скучали два парня. В плечах - квадратные, шкафообразные, с короткой стрижкой, отчего их головы, в сравнении с туловищами, казались несоразмерно малыыми. Поразили их лица - пустые, без какого-либо выражения, словно маски. И пустые глаза, без проблеска чувств. Парни равнодушно озирали людскую толчею. Перед ними, на скатерти, матово мерцал графинчик с водкой, стояли тарелки с закуской, но они изредка потягивали лишь пепси-колу и дремали с открытыми глазами.

Ольге подумалось, что она не случайно обратила на них внимание. Парни, кажется, тайком на нее посматривали. Женское чутье подсказывало, что она чем-то интересна им. Неужели понравилась? А что, не совсем она и дурнушка, хотя не размалевана тенями и не разодета, как некоторые. Кажущееся внимание шкафообразных парней несколько взбудрило Ольгу, и она стала наблюдать за ними, но осторожно, боковым зрением.

Вскоре на столе Ольги и Александра появилась плетеная чаша с фруктами. Уложенные затейливой горкой бананы, яблоки, груши, свисающие кисточки винограда были такие свежие, с капельками росы на боках, что у Ольги сами собой округлились глаза, и она невольно залюбовалась великолепием южных щедрот.

Откровенное восхищение девушки не ускользнуло от кавалера. Его полноватые губы тронула довольная улыбка, хотя глаза оставались сосредото-

- Вы грели их возле сердца, и это самый дорогой для меня подарок. Огромное спасибо.

Ольга оказалась в нарядном черном, с блестками, платье. Глаза Александра выразили немое восхищение. И пока она, отойдя к зеркалу, приводила в порядок прическу, он внимательно оглядывал девушку. Платье ей было чуточку великоватым и, кажется, она не очень уверенно себя в нем чувствовала.

Наверное, Ольга увидела в зеркале его изучающий взгляд и прочла в его глазах откровенную жалость, потому что когда она вернулась, выражение ее лица было дерзким, и щеки порозовели от внутренней борьбы.

- Все хорошо? - участливо спросил он.

- Почти, - прошелестели ее подкрашенные тонкие губы. Она глядела на него с вызовом, хотела что-то произнести, но швейцар распахнул перед ними стеклянную дверь в зал, и она отчаянно шагнула вперед, будто ныряя в воду.

В зале перед ними возник гибкий, прилизанный официант, весь внимание и благорасположение. Профессионально белозубо улыбаясь, пригласил их к пустующему столику у стены, не слишком бросающемуся в глаза и откуда хорошо просматривался весь зал.

- Цветы поставьте в воду, - сказал ему Александр, протянув целлофановый сверток.

- Сделаем, сей момент, - сверкнул тот белозубой улыбкой. Положил на скатерть разолоченную папку меню и исчез.

- Нас тут встречают как родных, - с неопределенной усмешкой заметила Ольга. - Даже как-то странно.

- Благодаря вам, - спокойно отозвался Александр.

- Приятно слушать комплименты. Даже если они и не совсем искренние, - невесело усмехнулась она.

- Считаете, я не искренен?

Неопределенно пожала плечиками.

Он внимательно заглянул ей в глаза.

- У вас пропало настроение. Почему?

- Да так... - поморщилась и вяло махнула рукой.

- Я что-то не так сделал?

- Дело не в вас, - чуть дернула напряженной щекой. - Забудем об этом. Давайте веселиться. И будь что будет.

- Но сначала загляните в меню.

Она отстраненно откинулась на спинку стула.

- Закажите сами. Я сто лет не была в ресторане. Опыта нет.

- Как скажете, - несколько обиженно проговорил он, пододвигая к себе меню. - Постараюсь вам угодить.

Подлетел официант. Поставил вазу с гвоздиками на стол, развернул блокнотик. Карандаш с готовностью завис над бумагой.

Пока Александр заказывал, Ольга оглядывала зал. Народу было много, все столы заняты. На крошечной эстраде, расцвеченной мигающими огоньками, вовсю старались музыканты. Певичка в прозрачном розовом платье, чуть не заглядывая микрофон, пела популярный шлягер, старательно копируя московскую телезвезду. В пространстве между столов плавали танцующие пары. Мужчины - в кожаных куртках, а то и в модном ныне камуфляже. Куртки - нараспашку, на расписных футболках и рубашках мотались кресты и просто цепочки. Партнерши - в блескучих лосинах, в коротких юбочках, с распущенными волосами, с густой косметикой на кукольных лицах.

Люди постарше, посolidнее, в танцах почти не участвовали, восседали за столами, уставленными бутылками и явствами. Женщины среди них сидели в умопомрачительных платьях, сверкая дорогими украшениями, холеные и счастливые.

Ольга не покривила душой, сказав, что давно не была в ресторане. А если точнее, то и была-то всего один раз, да и то три года назад. Они тогда с подружками из бригады обмывали первую Ольгину зарплату. Народ в ресторане был попроще, не то что теперь. Сейчас сюда не только из-за бедности не пойдешь. Вокруг - чуждые люди. Горько рабочей девушке смотреть на их роскошества, и зря она согласилась пойти в ресторан.

Медленно ведя глазами, Ольга заметила: за соседним столом, за спиной Александра, скучали два парня. В плечах - квадратные, шкафообразные, с короткой стрижкой, отчего их головы, в сравнении с туловищами, казались несоразмерно малыыми. Поразили их лица - пустые, без какого-либо выражения, словно маски. И пустые глаза, без проблеска чувств. Парни равнодушно озирали людскую толчею. Перед ними, на скатерти, матово мерцал графинчик с водкой, стояли тарелки с закуской, но они изредка потягивали лишь пепси-колу и дремали с открытыми глазами.

Ольге подумалось, что она не случайно обратила на них внимание. Парни, кажется, тайком на нее посматривали. Женское чутье подсказывало, что она чем-то интересна им. Неужели понравилась? А что, не совсем она и дурнушка, хотя не размалевана тенями и не разодета, как некоторые. Кажущееся внимание шкафообразных парней несколько взбудрило Ольгу, и она стала наблюдать за ними, но остороженько, боковым зрением.

Вскоре на столе Ольги и Александра появилась плетеная чаша с фруктами. Уложенные затейливой горкой бананы, яблоки, груши, свисающие кисточки винограда были такие свежие, с капельками росы на боках, что у Ольги сами собой округлились глаза, и она невольно залюбовалась великолепием южных щедрот.

Откровенное восхищение девушки не ускользнуло от кавалера. Его полноватые губы тронула довольная улыбка, хотя глаза оставались сосредото-

ченно-спокойными. Они у него были очень внимательными, от которых не ускользнуло ничто. И еще в его серых глазах Ольге, временами, виделись начальственно-властные точки уверенного в себе человека.

Рядом с фруктами встали бутылка шампанского, коньяка, сухого вина, бутылочки пепси-колы и газировки.

- К нам еще кто-то съедет? - озабоченно поинтересовалась она.

- Нет. Только вы и я.

- Тогда зачем всего столько?

- Праздник же... - улыбнулся он.

Стол сервировался с удивительной быстротой. Появились салаты из свежих овощей, бутерброды с красной икрой, янтарные ломтики копченой рыбы с кружочками лимона.

- Вы разоритесь, - обронила Ольга сочувственно.

- День рожденья - только раз в году, - шутливо продекламировал он, откупоривая шампанское и разливая по бокалам. - Начнем? - И поднял бокал на уровне глаз.

- За вас, - сказала она, - подняв бокал. - Чтобы в вашей жизни все было хорошо-хорошо!

- Спасибо, - кивнул он с чувством.

Ольга пригубила из бокала до половины, Александр осушил до дна и показал глазами на фрукты.

- Это - для вас. Так что не стесняйтесь.

Она благодарно улыбнулась, взяла банан.

Бросив себе в рот ягоду винограда, Александр свинтил пробку с коньячной бутылки, спросил:

- Что будете пить дальше? Шампанское, коньяк, сухое?

- Шампанское, - сказала она, слегка заалев от выпитого.

- А мне коньячок больше нравится, - признался он виновато, наполняя ее бокал шампанским и рюмку - коньяком. - Не осуждаете за такое пристрастие?

- Вы - мужчина, вам надо покрепче.

- Молодец, Ольга. Понимаете нашего брата. Кстати, расскажите о себе. Если, конечно, не секрет.

- Какие у меня секреты, - искренне рассмеялась Ольга. - Я из Повалихи. Есть такая деревня на той стороне Оби. После школы приехала сюда и вот работаю.

- Поступить в институт не пытались?

- На очное отделение? Где уж мне. Я средненько училась. Мать хотела дояркой устроить, а подружки на комбинат сманили. Из нашей деревни многие на комбинате работают. Утром - в город, вечером - обратно. Мотаются туда-сюда.

- Но это же так неудобно.

- Зато отработал в городе смену и дыши дома чистым воздухом. А у многих еще хозяйство. Коровы, свиньи, куры...

- Получается, вы наполовину крестьяне?

- Ага, серединка наполовинку.

- А квартиры вашим в городе дают?

- Раньше семейным часто давали. Но это еще при Советской власти. А теперь бесплатно - сами знаете... Строить - у комбината денег нет. Зарплату бы давали вовремя.

- Но вы, как я понял, в городе живете?

- В общежитии. Так что я - настоящая рабочая. А вы?

- Закончил политехнический. И самый настоящий итээровец, то бишь, инженерно-технический работник.

- Я сразу так и подумала, - призналась Ольга. - Наверно, к нам на комбинат приехали?

- Вы очень догадливы, - легко согласился он. - Впрочем, хватит о работе. Мы же веселиться пришли. - Поднял рюмку с коньяком, показал глазами на бокал с шампанским. - Давайте выпьем за то, чтобы всем жилось хорошо. И рабочим, и инженерам, таким, как я. И чтобы все мы понимали друг друга.

- Хороший тост, - похвалила Ольга.

Две девицы в тесных юбочках, едва прикрывающих низ живота, и в ажурных блузках, с полуприкрытыми грудями, вызывающе раскрашенные, брели по проходу, ожидая взгляды в лица сидящих мужчин. У соседнего, сбоку, стола обе замедлили шаг, искательно уставясь на примеченных Ольгой двух парней. Один из них отрицательно повел головой, и девицы, сразу заскучав, двинулись дальше. Одна обернулась и, уловив прямой взгляд Ольги, скорчила ей гримаску. Позавидовала, должно быть.

Александр вынул из кармана пиджака пачку сигарет, нерешительно повертел в пальцах, спросил:

- Хотите?

- Спасибо, не курю, - мотнула головой Ольга, аккуратно разрезая столовым ножом мягкую плоть груши. - А вы - пожалуйста.

- Можно?

- Конечно. Со всех сторон курят.

Пока он искал в кармане зажигалку и прикуривал, Ольга оглядывала окружающих. Парни за соседним столиком по-прежнему скучали, будто отбывали здесь какую-то повинность. Водка в их графинчике не убавилась. Пить пепси-колу им, видно, тоже надоело, и они лениво курили. Скользящий взгляд Ольги парни, кажется, не заметили, но один из них мимоходом и как бы нечаянно глянул на нее с ощутимым недовольством. И она, будто обжегшись, увела глаза, стала смотреть в центр зала, где за сдвинутыми столами

гуляла компания солидных господ и дам. Там громко произносились тосты и звенели бокалы, суетились официанты.

Александр проследил взгляд Ольги.

- Хозяйства жизни, - заговорил он задумчиво и негромко. - За этот вечер они прогуляют столько, сколько вам не заработать и за полгода. Представляете?

- Что делать... - вздохнула она.

- Вас это не волнует? - с некоторым удивлением спросил Александр, глядя ей в лицо, подталкивая голосом и взглядом на откровенный ответ.

Ольга отстраненно пожала плечиками, не поднимая глаз. Старательно выковыривала ножом из сердцевины груши коричневые семечки. Ей не хотелось говорить на эту тему и портить себе настроение. Иной раз в цехе бабы накричатся, всех политиков помянут мужицкими словами, а потом одна за сердце держится, у другой голова заболела, а настроение у всех - ни к черту. Ольга и с подругами-то не любила мусолить эту тему, а с малознакомым человеком - тем более. Вдобавок к этому, Ольгу что-то интуитивно настораживало в Александре. Может, то, что он значительно старше, образованнее и выше по положению? А может, и еще что-то их рознит, ей неведомое? Но она понимала главное: они не ровня и подспудно чувствовала перед ним свою униженность, с которой никак не могла справиться, и внутренне напряглась от его вопроса.

- Заметили «мерседес» у подъезда? - тихо, но настойчиво пытал он, и уже не удивление, а укор сквозил в его голосе.

- И что? - произнесла она простодушно.

- За эти лимузины не деревянными рублями заплачено, а трудом простых людей. В том числе и вашим. Не обидно? В вас не протестует классовое чувство?

- Не думала об этом, - обронила она уклончиво.

- А на работе не клянут бизнесменов всех мастей? За то, что ограбили народ и жируют?

- Там у нас всех подряд ругают.

Ее ответ, похоже, не устроил Александра. Он разочарованно помолчал, смял в пепельнице сигарету и снова спросил:

- Вам бы хотелось, чтобы все обратно вернулось? Советская власть и прочее? Только откровенно.

Она поразмышляла самую малость.

- Наверное, нет. Раньше тоже не рай был.

Александр оживился, в глазах появился азартный блеск.

- А родители ваши? Они ведь в деревне живут?

- В Повалихе, где же еще. Мама - доярка, отец - тракторист.

- Они скучают по Советской власти?

- Скучают, - смущенно улыбнулась Ольга.

- Почему? - нетерпеливо вопрошал Александр. Обнаружилось, что к политике он питает слабость.

- Зарплату совхоз не дает. Да и раньше их дровами обеспечивали и комбикормом. Теперь спекулянты все захватили и дерут три пшурки. Вообще, в деревне многие недовольны, - проговорила Ольга и подосадовала на себя. Не хотела, а разминтиговалась.

Александр мягко улыбнулся.

- Родители не довольны, а дочка довольна.

- Я не говорю, что довольна, - нахмурилась она. - Мы и раньше не шибко богато жили. И соседи - тоже. То-то молодые бежали в город. Не хотели чертомелить от темна до темна.

- Согла-а-сен, - потеплевшим голосом пропел Александр. - И раньше - не рай был. Это вы точно подметили. Однако и не такой ад, как сейчас. Давайте выпьем за светлое будущее.

- Коммунизма или капитализма? - простодушничала Ольга.

- А вы насмешница.

- Я просто спросила, - произнесла она ровным голосом, уже подустав от скользкого разговора и начиная злиться на кавалера, навязывающего даме политическую беседу. И где? В ресторане, за праздничным столом. Но своего раздражения не выказала.

- Просто? Пусть будет просто, - согласился он и внимательно, с прищуром смотрел ей в глаза. - Давайте, Ольга, выпьем за светлое будущее нашей России.

Ольга кивнула, торопливо подняла бокал и вдруг спохватилась:

- Может, нам встать? Тост-то государственный. Сидя - нельзя.

Он продолжал смотреть ей в глаза, и уже что-то новое появилось в его взгляде, похожее на уважение.

- Да ладно, выпьем сидя, - пророкотал примирительно. - Никто не услышит, а потому - не осудит.

Выпили, закусили деликатесной рыбкой.

Официант принес горячее, точно угадав момент.

- А вы - не простушка, - задумчиво изрек Александр.

- О чем вы? - безмятежно поинтересовалась Ольга, чувствуя, что выкарабкивается из состояния приниженности.

- Да все о том же. Значит, вы не завидуете им?

- Кому - им?

- Сильным мира.

- Я вообще никому не завидую. Что имею, тем и живу.

- Мудро сказано, - похвалил он. - Завидовать никому не надо. Зависть разъедает душу, как ржавчина. Кстати, жизнь у новых русских не такая безоблачная, как может показаться со стороны.

- Откуда вы знаете?

- Знаю... Есть у меня один знакомый. К слову, его мать работала на вашем комбинате... - Поднял рюмку. - Давайте под бифштекс. - И когда выпили и принялись за горячее, продолжил: - Так вот, есть у меня знакомый.

Однокашник, вместе в политехе учились. После института он пришел на завод инженером. Толковый был парень, активный. Избрали освобожденным комсомольским секретарем. Потом - секретарем парткома завода. Позже послали секретарем райкома партии в бийскую зону. Представляете, рост? А когда пошла заваруха с перестройкой и демократией, ушел в бизнес. Стал ворочать миллионами. Сейчас - миллиардами... Вы, Ольга, спокойно спите по ночам?

- Не всегда. Когда сильно расстроюсь, долго ворочаюсь.
- Что вас может расстроить?
- Да мало ли что... В декабре брак у меня пошел. Премии лишили. Из зарплат вычитали. Считаете, пустяки?

- Это досадно. Ну а еще?
- Купила на базаре сапоги с рук, а через неделю у одного подошва отвалилась напрочь. Полночи проплакала.

- И это огорчительно, согласен. А вот отчего не спит мой знакомый? В нескольких коммерческих банках он взял под проценты почти миллиард рублей. Представляете себе такие деньги?

- Наверное, целый мешок?
- Не смейтесь, это действительно много. На эти деньги он купил товар и сдал в торговлю. У торгашей с реализацией возникла проблема. Денег у людей нет. Им зарплату, как вашим родителям, задерживают, они и не покупают. А дни идут. Пора возвращать кредиторам деньги с процентами, а где их взять? Но это банкиров не волнует. Они включили счетчик. Представляете ситуацию?

- У всех свои беды. У одних - жемчуг мелкий, у других - суп жидкий. Как говорит моя мама.

- Ваша мама верно говорит. Но слушайте дальше. Расскажу, какие у моего знакомого еще есть заботы...

- Знаю, знаю! - перебила его Ольга. - Еще у вашего знакомого есть конкуренты, которым он мешает жить. И они мечтают его убить. Так ведь? Скажите!

- Вы поразительно догадливы. А потому мой друг держит...

- Телохранителей, - подсказала Ольга.
- Ну вы прямо все знаете, - развел руками Александр.

- Посидите у телевизора, еще не то узнаете.
- Так вот, мой знакомый платит охране большие деньги, а в безопасности себя не чувствует. Представляете, каково знать, что за тобой охотятся, и в любой момент может прогреметь выстрел?

- Это ужасно, - с наигранным сочувствием вздохнула Ольга. - Слава богу, я - бедная. Правда, вечером иду с работы, тоже боюсь. Особенно, если с зарплатой. Всю дорогу молюсь.

- Мой знакомый тоже частенько молится.
- Когда сильно приспичит, - продолжила Ольга в тон.

- Как и вам, - рассмеялся Александр. - У нас ведь, пока гром не грянет... Впрочем, не об этом речь. Богатый свою мольбу, а точнее, просьбу должен подкрепить материально. Например, купить автомобиль для детдома. Или пожертвовать на ремонт церкви. Устроить обед для инвалидов. То есть, к своей мольбе он должен присовокупить деньги на богоугодное дело. И вообще хотя бы раз в год обязан совершить что-то хорошее для бедных. Безо всякой просьбы к господу. Этот день мой знакомый называет прошенным.

- И это помогает ему?
- Представьте, да. После доброго дела его душе легче.

- Успокаивается совесть, - кивнула Ольга, и вскинула на него зеленоватые, цвета жухлой травы глаза. Огорошила вопросом:

- А вы очень богаты?
Он даже поперхнулся дымом и вмял окуроч в пепельницу.

- С чего вы взяли?
- У вас сигареты «Мальборо». Их курят крутые.

- Только и всего? - рассмеялся облегченно. - У меня же - праздник, а потому могу себе позволить кое-какую роскошь. Кстати, хочу задать нескромный вопрос.

- Сколько мне лет?
- На сей раз не угадали. Вы ведь не замужем?

- Была бы замужем, не сидела бы сейчас с вами.
- Это еще ни о чем не говорит. Некоторые замужние женщины ходят в ресторан с любовниками.

- Надеюсь, я к таким относиться не буду. Когда выйду замуж.

- Прошу прощения. Я не это имел в виду. Вопрос задал совсем по другому поводу. Нынешние девушки грезят о богатом женихе. Вы тоже? Если откровенно...

Ольга рассмеялась, но невесело.
- Лично мне это не грозит.

- Почему?
- Богатые хотят иметь все красивое. Квартиру, обстановку, посуду, собаку. И жену красивую. Чтобы украшала существование. И дети бы от нее пошли красивые...

Александр, слушая, смотрел на нее и видел опущенные уголки губ, различил ранние морщинки под глазами. Представил ее себе лет через десять. Усталая, издерганная, погасшая. И мужа ее разглядел дальним зрением. Такой же замухрыжистый бедолага, да еще и запивает от безысходности.

Словно прочтя его мысли, Ольга спросила с хрипотцой:

- Я страшенькая, да? Только честно.
Он ошарашенно втянул голову в плечи.

- Кто вам это сказал?

- Сама знаю. Каждый о себе все знает. Вот сижу и гадаю: почему вы пригласили меня? Ведь могли найти и по красивее. Я что, оказалась такой доступной?

- Я не думал, доступная вы или нет.

- А зачем взрослому мужчине, да еще командированному, приглашать девушку в ресторан, тратиться на нее, а потом просто проводить домой? Какой смысл?

- Вы меня, Ольга, ставите в тупик.

- Да вы сами себя туда загнали. Потому что на остановке говорили одно, а думали другое.

- Интересно, что же я думал?

- Думали, после ресторана пригласить к себе в номер.

- А вы пошли бы? - усмехнулся он, откинувшись на спинку стула и скрестив на груди руки.

- Нет, - решительно тряхнула кудряшками. - Нам, некрасивым, нельзя растрачиваться. На лице нет красоты, так пусть хоть в душе останется какая-то ценность. Больше у нас ничего нет.

- По-вашему, если мужчина приглашает девушку, то думает только о том, как бы с нею переспать? И другого расклада быть не может? - усмехнулся он с грустью.

- Это не только по-моему. В жизни так сплошь и рядом.

- А если мужчине просто интересно поговорить с девушкой? Это вы исключаете напрочь?

- Не я исключаю. Жизнь исключает.

- Зачем же вы пошли со мной?

- Вы были на остановке такой скромный, одинокий...

- А теперь?

- Теперь совсем другой.

- Интересно, какой?

- Итоги подводить рано. Ведь вечер еще не кончился.

- Хотите потанцевать?

- Не очень, - поморщилась она. - Но если желаете, пойдём.

- Ладно, повеселимся, не вставая, - махнул он ладонью, как бы отменяя свое предложение. - Не будем людям глаза мозолить. Давайте поиграем в откровение. Я вопрос вам, вы - мне.

- Годится.

- Начинаю первый. Что вы вообще обо мне думаете?

Посмотрела на него задумчиво и затаенно.

- Ну, вы - приятный мужчина. Спокойный, вежливый, грамотный. Вы женаты, и есть ребенок. Наверное, уже в первый класс ходит. В семье - ладите. И еще: вы - какое-то начальство. Может, даже больше. Все угадала или нет?

- Насчет «приятный» - решать не мне, - улыбнулся он, - но за добрые слова - спасибо. Есть жена и сын. Он в первый класс ходит. Вы что, ясно-видящая?

- Насчет сына? Простая арифметика.

- А то, что в семье ладим?

- Видно, что о вас заботятся. Вы ухоженный, домашний. И еще в вас есть спокойная основательность. Холостяки - совсем другие.

- Логично рассуждаете. Теперь угадывать - моя очередь.

- Только, чур, пощадите мое самолюбие. И не говорите, что я - приятная, симпатичная и прочее.

- Но вы на самом деле - приятная девушка. И это не комплимент, а факт. И еще - умница.

- Ой, ну, пожалуйста, не надо! - мило зарумянилась Ольга, - а то возьму и поверю.

- Да, да, вы - умница. С вами интересно разговаривать. Послушаешь и не поверишь, что простая рабочая.

- Рабочие разные бывают, Александр.

- Вам бы еще умного мужа.

- Буду искать, у которого красота - не на лице.

Александр долил ей шампанского.

- Да поможет вам бог.

- Спасибо. - Ольга чуть пригубила из бокала. - Вот вы спросили, завидую ли богатым. Богатым не завидую, а красивым - грешна - завидую. Сколько я слез пролила... Вот подружка моя. Вика... До чего хорошенькая! Ну прямо куколка! Она не сильно задумывается, как выйти замуж. Ей - не страшно. Живет вольно, берет от жизни все. А надо будет - жених сразу найдется. Любой посчитает за счастье. И скольких она перебрала до него - не в счет. Вика свою судьбу симпатичной мордашкой устроит. А как мне? Вся надежда - только на свои силы. Вот поступила в текстильный институт, заочно. Работать и учиться - это личной жизни не видеть. А куда деваться? Не до пенсии же мотальщицей стоять. Лет через пять, может, тоже итээрэшницей стану, как вы... - Ольга вдруг беспокойно встрепенулась. - Который час?

- Без пяти десять.

- Какой ужас! Мне пора домой.

- Может, с полчаса еще посидим?

- Я бы рада, да на смену рано вставать. Большое вам спасибо за вечер. Все было чисто и честно. Как и обещали.

Он обескураженно развел руками.

- Жаль. Но как скажете.

Александр подозвал официанта и рассчитался.

Поднимаясь, Ольга бросила сожалующий взгляд на оставшиеся фрукты в плетеной чаше, и это от Александра не ускользнуло.

- Возьмите их с собой в общежитие.

- Ой, нет! Что вы! - Ольга испуганно отстранилась.
- Вам их уложат в пакет.
- Нет, нет. Спасибо.
- А ведь жалко их оставлять?
- Очень даже жалко. Но не возьму. Не обижайтесь.
Оделись и вышли на улицу.
- В какой стороне ваше общежитие? - спросил Александр, достав сигареты и похлопывая себя по карманам.
- Близко. Всего две остановки. Да вы не беспокойтесь. Я сама как-нибудь доберусь.
- Зачем же «как-нибудь». Я обещал проводить до дома. А если обещаю, непременно делаю.
- Ну как хотите...
- Одну минуточку, Ольга... - Александр поозирался и, держа в пальцах сигарету, свернул к одной из легковых машин, где маячила фигура водителя. Прикурил и вернулся. - Кажется, зажигалку на столе оставил, - сказал он беззаботно.
- Так сходите за ней, я подожду.
- Потом схожу. - И взял ее под руку.
Они втолкнулись в автобус, через две остановки вышли и медленно шагали узкой темной улочкой. Вокруг - ни фонарей, ни прохожих. Ольга зябко поежилась.
- Я такая трусиха. Всегда боюсь тут поздно ходить. И хотя взять у меня нечего, все равно - мурашки по коже.
- У девушки всегда есть что взять, - усмехнулся Александр и, чувствуя, как вздрогнула ее рука, добавил укоризненно: - А еще хотела одна идти.
- Мне просто неловко было, - смущенно рассмеялась она. - Какая тишина и безлюдье. - Вам не страшно?
- Нет, - со смешком ответил он. - Верю в своих ангелов-хранителей. Надеюсь, не дадут в обиду.
- У вас их много?
- Не много, но надежные.
- А говорят, у каждого человека только один ангел-хранитель. - Ольга улыбнулась во тьме. - Чем вы лучше других?
- Это от бога - один.
- А от кого остальные?
- От самого себя.
- Разве так бывает?
- Почему бы нет. Если очень хочется. Впрочем, это шутка.
Некоторое время шли молча, слушая, как хрустит снег под ногами. Оба они понимали, что скоро их общая дорожка кончится и что теперь нужны какие-то прощальные слова.

- А вон и мое общежитие, - сказала Ольга с легкой грустью и облегчением одновременно, показав рукой на двухэтажное здание старой постройки, темнеющее в глубине двора. Перед входом тускло светил фонарь, отгоняя окружающую тьму.

Не сворачивая с тротуара в глубь двора, Александр остановился. Остановилась и Ольга.

- Спасибо вам за чудесный вечер, - проникновенно сказала она.
- И вам спасибо, - отозвался Александр. - За то, что поверили. За то, что украсили мой скромный праздник. Мне было с вами интересно. Общение душ - выше общения тел.

- Это верно, - прошептала она.
- Тогда дайте вашу руку.

Она сняла варежку, протянула ему теплую ладонь и почувствовала на запястье прикосновение чего-то металлического.

- Что это?! - вскрикнула она тревожно.
- Симпатичные часики с браслетом, - успокоил он.

- Зачем? Что вы! Не надо!
- Примите, Оленька, от чистого сердца.

- Но ведь не у меня день рождения, у вас!
- А когда ваш?

- В мае.
- Всего через два месяца? Ну вот, считайте это моим подарком к вашему дню рождения.

- Но мне так неловко...
- Не мучайтесь, Ольга, все нормально. Желаю всего самого светлого. И прощайте.

- Вам тоже всего-всего... - выдохнула она и пошла в глубь двора к освещенному входу.

3

Когда Ольга вошла в комнату, подруга в постели читала, явно дожидаясь ее. Откинула в сторону книжку, на кукольном личике - неуголенное любопытство.

- Ну, как твой залетный?
- Улетел, - ровным голосом ответила Ольга.

Сняла пальто и шапку. Подошла к окну, поглядела в темень и задвинула шторку. Стащила с себя платье с блестками, аккуратно повесила на спинку стула. Все это она проделала спокойно, но глаза от подруги прятала, не хотела встречаться с нею взглядом. А та следила за движениями Ольги, стгорая от нетерпения.

- Как тебе было в моем платье? - не удержалась подруга. - Ты, наверно, так шикарно смотрелась!

- Спасибо, - тусклым голосом отозвалась Ольга. Откинула покрывало на своей кровати и легла, невидяще глядя в потолок.

Подружка подпорхнула к ней, присела на кровать.

- Ну, Оль, ты че такая-то? - надув губки, заговорила она, бережно расправляя розовые кружевчики на комбинации Ольги. И увидела на руке часики. - Ух, ты! Какие красивые! Дорогие, наверно. - Вертела Ольгину руку так и эдак, разглядывая часы. - Заработала что ли? А такую скромницу из себя строишь...

- С ума сдурила! - вспыхнула Ольга. - Просто подарил.

- Ни за что, ни про что?

- Представь себе.

- И хочешь, чтоб я поверила?

- Я бы и сама не поверила, но это так.

- Расскажи толком-то: что и как. Хорошо ли в кабаке погудели? Что ели, что пили? Ты, прям, как замороженная.

- Нормально посидели. Было шампанское, фрукты, разная вкуснятина. Проще сказать, чего не было. Представляю, сколько истратил. Аж жалко его стало.

- Ясно-ясно. Посидели. А потом?

- Проводил до общаги.

- И все? - округлила подруга глазки.

- Все.

- Ну, хоть поцеловал?

- Даже не пытался.

- И там в номер к себе не звал?

- Нет.

- Чего ж ему надо было?

- Просто поговорить.

- Но так же не бывает.

- Как видно, бывает.

- Может, он втюрился в тебя?

- Нет, Вика. Я бы почувствовала.

- Не обещал еще приехать?

- Ничего не обещал. У него жена и сын.

- Чокнутый какой-то... Девке мозги напудрил и слинял.

- Да нет, не чокнутый, - со вздохом проговорила Ольга. - Мужичок он особенный.

- Все они особенные, пока в постель не заташат. А потом...

- Не надо, Вика, - поморщилась Ольга. - Не надо.

Помолчали, глядя в разные стороны. Ольга - в потолок. Вика - в затасанное лицо подруги.

- Может, еще придет? - обнадеживающе обронила Вика.

Ольга медленно повела головой из стороны в сторону.

- Не придет.

- И что теперь?

Ольга невесело рассмеялась.

- А ничего. Буду жить дальше.

4

Александр видел, как легкая фигурка приблизилась к крыльцу, отворила дверь, оглянулась, глядя во тьму, где он стоял, помахала напоследок варежкой и исчезла за хлопнувшей дверью.

Он достал сигарету, щелкнул зажигалкой. Мельком глянул на часы и, немного пройдя по темной улице в обратную сторону, остановился, озирая окрестности.

Сзади, без света, бесплотной тенью подкатил темный легковой автомобиль. Распахнулась передняя дверца. Александр молча опустил в мягкое кресло, продолжая задумчиво курить.

На заднее сиденье, с двух сторон, плюхнулись два крупных парня, возникшие из темноты.

Александр бросил сигарету в снег и захлопнул дверцу. Автомобиль тронулся с места и, включив фары, понесся безлюдными улицами к выезду из города.

ТЕНЬ СТРЕКОЗЫ

1

После смены леспромхозовский столяр Василий Атясов, мужик сухопарый, длиннорукий и стеснительный, взял в продуктовом бутылку белой. Было это так неожиданно, что женщины, толпившиеся у прилавка, переглянулись и покачали головами, а мужики, которым непьющего столяра частенько ставили в пример, обрадовались и начали гадать вслух: что же такое случилось с Атясовым, что и его наконец-то прорвало?

И Василий, мучаясь от всеобщего внимания, торопливо засунул поллитровку в карман, вышел поскорее из магазина и зашагал прочь.

Возле своего дома он замедлил шаги и, сощурившись, разглядел за стеклами глухие занавески. Значит, Варя еще не пришла из потребсоюза, Сережку она с утра уводит к теще, чтобы не слонялся с мальчишками, а причался бы помогать в хозяйстве.

Это было на руку Василию: никто не задержит. И он уже хотел было идти дальше, но вдруг будто уколосся: из смежного двора, отодвинув сломанную штaketину, на него глядела соседка Федоровна. Вставила в пролом, будто в раму, бурое, похожее на печеную тыкву лицо и глазела, недоумевала, видно, куда это подался Атясов мимо своего дома. А ниже, в пролом же, выставил острую морду нелюдимый старухин пес, будто и ему интересно.

Федоровну еще называли Золотой Рыбкой. Появилась на селе в войну вместе с другими эвакуированными и беженцами. Ходила старуха из дома в дом и гадала на фасоли про фронтовиков. По доброте ли своей, или оттого, что за хорошие предсказания подавали щедрее, но только исход всех гаданий обычно оказывался благоприятным. Вот и прозвали ее так. В благодарность, в насмешку ли - не поймешь.

После войны нездешние люди понемногу рассосались, а Федоровна заняла чью-то брошенную избушку и осталась в ней. Желаящих погадать становилось год от года меньше, а потом в сельсовете старуху припугнули выселением, и она поутихла. Был у старухи черный трехлапый пес, который неотвязной тенью ходил за нею, и она запрягала его в тележку или в санки, чтобы съездить за хворостом в лес. Женщины пугались, видя повозку в две силы - человечью и собачью, мужики отчего-то смущались и отворачивались. Однажды и Василий видел, как черный кобель, натужно упираясь тремя лапами, тащил по рыхлому снегу большую вязанку дров. Федоровна подталкивала воз сзади жердиной и не

помогала, а только мешала, когда налегала на жердину, чтобы не упасть. Как раз против окон Атясовых, где Варя посыпала тропку золой, чтобы не так скользко было, черный кобель совсем выбился из сил. Он лег и хватал снег горячим ртом, а Федоровна ослабила веревку на шею собаки и гладила мокрую шерсть на судорожно вздымающихся боках, говорила что-то утешающее, ласковое.

Не по себе тогда стало Василию. Он выскочил из дома, чтобы помочь, но кобель, не поднимаясь, с таким остервенением на него зарычал, что Василий ступешался и ушел с досадой. Теперь, видя, с каким интересом смотрит на него старуха из-за забора, поморщился.

«Выставились в четыре глаза. Вас только и не хватало», - подумал Атясов в сердцах и, потоптавшись, все же пошел от дома в конец села, и на душе у него было нехорошо, будто уличили его в чем-то худом.

За селом, между огородами и темной, зубчатой стеной леса, напоминающего перевернутую вверх зубьями пилу, лежало поле, поросшее невысокой сорной травой, уже заметно увядшей. Никто здесь ничего не сажал, не сеял, потому что поле числилось за авиаторами. Два раза в неделю садился тут рейсовый вертолет, курсирующий по таежным селам. Пилоты брали на борт нескольких пассажиров и сами же продавали им билеты.

Приземлялся здесь и небольшой вертолетик лесной противопожарной службы. Летчики-наблюдатели заправляли баки горючим, обедали в дешевой леспромхозовской столовой и летели снова кружить над тайгой.

Специальных строений на аэродроме не было. Под навесом, сколоченным из горбылей, хранились бочки с бензином и заправочные приспособления, а в стороне от заправки, на краю поля, стоял дом пожилого мужика Тимофея, который несколько раз в лето скашивал литовкой траву на поле, прогонял забредавших сюда деревенских коров, встречал и провожал вертолеты. К нему-то и шел Василий, покусывая сухую былинку, слушая, как пошвыстывает о голенища сапог жухлая трава и, удивляясь: вчера еще вроде поле молодо зеленело, а вот уж укатилась весна и лето на исходе. Как все-таки незаметно приходит одно за другим, и от этой быстротечности тоска ложится на душу.

Тимофей во дворе насаживал лопату на новый черенок. Увидел Василия - замер с занесенным для удара топором, постоял так, раздумывая, ударить или нет, и не ударил, опустил топор.

- Василий, ты ли, че ли? - спросил он с некоторым удивлением, заметив, чем оттянут карман столяра.

- Я, - сказал Василий с неловкостью. - Зашел вот...

- А я тут лопату подновляю. Картошку скоро копать.

- Ну так работай. Я подожду.

- То ли ее завтра копать, картошку-то, - улыбнулся Тимофей.

Он был выше Василия, и черты лица у него резкие, какие-то неотесанные, костлявые. Все у него твердое: и нос, и лоб, и впалые обветренные

щеки. Прорез рта неожидан, и от самых его краев начиналась колючая, как стерня, рыжеватая щетина. Очень мужское у Тимофея лицо, а улыбка - детская, беззащитная. Даже странно ее видеть на таком каменно твердом лице.

- Пошли в избу, - пригласил Тимофей и по привычке отряхнул верхонки одна о другую.

Сколько Василий знал Тимофея, всегда на его руках были брезентовые рукавицы-верхонки, и думалось, что они давно уже приросли к живой ткани рук и что под брезентовой кожей руки двупалы, как верхонки. Есть только большой палец и ладонь, которые могут сжиматься и разжиматься наподобие рачьей клешни, поднимать что-нибудь тяжелое и громоздкое, которое не всем под силу. И вообще казалось, что Тимофей самой природой создан для тяжелой, грубой работы, и к ней он всегда готов. Благо, и верхонки на руках.

Вошли в чистую горницу. Василий снял у порога сапоги, чтобы не напачкать, и, пройдя к столу, выставил уже надоевшую бутылку.

- А ведь мне нельзя, Василий, - сказал Тимофей в некотором замешательстве. - Пожарников надо встренуть.

- Ну нельзя, так и не надо, - не очень расстроился гость. - Тогда просто посидим. Поговорить надо.

- Зачем просто? Чаю подогрею.

Тимофей подал чай, принес банку магазинного варенья, хлеба.

- Ну как тут жизнь? - поинтересовался Василий, задумчиво отхлебывая чай и собираясь с мыслями.

- Идет вроде...

- Вертолеты, значит, летают?

- Летают, куда им деваться.

Василий вздохнул, повертел в пальцах стакан и отодвинул.

- Ты, Тимофей, только не смейся. Может, оно смешно, а ты не смейся.

Тут дело вот какое... Вертолет мне охота сделать...

Тимофей отпил глоток, тоже отодвинул стакан, стал смотреть на гостя. Шутит, не шутит? Спросил:

- Это как?

- Так... Сделать вертолет. Маленький, конечно, на одного. Полететь над полем, над лесом. - Василий поднял ладонь и повел ее над головой, показывая, как бы он полетел.

Тимофей посмотрел на ладонь Василия, изрек уверенно:

- Не полетит.

- Почему? - Василий опустил руку на стол. - Думаешь, не смогу? У меня хоть грамотешки не шибко много, а глаз цепкий. Вот, скажем, надо раму сделать. Я на нее поглядел... - Василий повернулся к окну и стал изучать раму. - Я на нее поглядел, и уже все размеры у меня вот где, -

стукнул указательным пальцем по лбу. - Хочешь, я тебе размеры сейчас на бумажке напишу, а потом смеряем рулеткой и проверим?

- Так это рама, - усмехнулся Тимофей беззубым ртом.

- Возьмем вертолет, - загорячился Василий. - Мне бы только вокруг него походить, заглянуть в кабину, и хорош. Сделаю. Я уж кое-какие журнальчики нашел, там про вертолеты все сказано. Мне на живой теперь надо поглядеть.

- Все равно не полетит, - упрямо качал головой Тимофей. - Не фабричный будет, потому и не полетит. Это, парень, вертолет... Не что-нибудь. Это тебе не раму изладить. Не управиться тебе.

- Управлюсь, - сказал Василий твердо и повторил: - Управлюсь.

- А потом я слышал, будто нельзя самодельные-то, - продолжал Тимофей, еле заметно улыбаясь. - Ты вот улетишь на ем в Америку, поминай тебя как звали.

- Я? В Америку? - изумился Василий. - Чего я там забыл?

- Кто тебя знает. Сведения передашь.

- Какие сведения?

- Какие бывают сведения...

- Ты зря так про меня, Тимофей, - загорюнился Василий. - У меня тут жена, папан... В Америку... Сто лет она мне не нужна, твоя Америка.

Тимофей уже открыто улыбался щербатым ртом.

- Да это я так... Шучу... - И, видя, что гость обиделся, спросил сочувственно: - И давно это у тебя?

- Да нет. Недавно, - сухоvalo отозвался Василий.

- Может, с детства метил в летчики?

- Да нет. Не метил. В армии насмотрелся разных самолетов-вертолетов - и ничего. А тут вдруг накатило - спасу нет.

- Ты вот что, - наставительно сказал Тимофей, - купи билет да слетай в райцентр и назад. Чтобы зуд-то прошел.

- Я пассажиром не хочу.

- Вот беда, - опечалился Тимофей и, помолчав, спросил: - Ты в столяры-то как пошел? Поди, отец заставил?

- Не заставлял он. Когда хворал сильно, подозвал меня. Тебе, говорит, дедов инструмент оставляю. Деда кормил, меня кормил и тебя прокормит. Вот и начал я столярничать. Не пропадать же инструменту, да и матери помогать надо было.

- Отец худому не научит, - подхватил Тимофей. - Столяром без куска хлеба сроду не останешься. У тебя сколь в мастерской выходит?

- По-разному...

- Ну а в среднем?

- Где-то за двести.

- Во! - поднял Тимофей негнувшийся палец. - Да еще калымишь. Разные там рамы, табуретки. Калым-то с сотнешку дает?

щеки. Прорез рта неожидан, и от самых его краев начиналась колючая, как стерня, рыжеватая щетина. Очень мужское у Тимофея лицо, а улыбка - детская, беззащитная. Даже странно ее видеть на таком каменном твердом лице.

- Пошли в избу, - пригласил Тимофей и по привычке отряхнул верхонки одна о другую.

Сколько Василий знал Тимофея, всегда на его руках были брезентовые рукавицы-верхонки, и думалось, что они давно уже приросли к живой ткани рук и что под брезентовой кожей руки двупалы, как верхонки. Есть только большой палец и ладонь, которые могут сжиматься и разжиматься наподобие рачьей клешни, поднимать что-нибудь тяжелое и громоздкое, которое не всем под силу. И вообще казалось, что Тимофей самой природой создан для тяжелой, грубой работы, и к ней он всегда готов. Благо, и верхонки на руках.

Вошли в чистую горницу. Василий снял у порога сапоги, чтобы не натоптать, и, пройдя к столу, выставил уже надоевшую бутылку.

- А ведь мне нельзя, Василий, - сказал Тимофей в некотором замешательстве. - Пожарников надо встренуть.

- Ну нельзя, так и не надо, - не очень расстроился гость. - Тогда просто посидим. Поговорить надо.

- Зачем просто? Чаю подогрею.

Тимофей подал чай, принес банку магазинного варенья, хлеба.

- Ну как тут жизнь? - поинтересовался Василий, задумчиво отхлебывая чай и собираясь с мыслями.

- Идет вроде...

- Вертолеты, значит, летают?

- Летают, куда им деваться.

Василий вздохнул, повертел в пальцах стакан и отодвинул.

- Ты, Тимофей, только не смейся. Может, оно смешно, а ты не смейся.

Тут дело вот какое... Вертолет мне охота сделать...

Тимофей отпил глоток, тоже отодвинул стакан, стал смотреть на гостя. Шутит, не шутит? Спросил:

- Это как?

- Так... Сделать вертолет. Маленький, конечно, на одного. Полететь над полем, над лесом. - Василий поднял ладонь и повел ее над головой, показывая, как бы он полетел.

Тимофей посмотрел на ладонь Василия, изрек уверенно:

- Не полетит.

- Почему? - Василий опустил руку на стол. - Думаешь, не смогу? У меня хоть грамотешки не шибко много, а глаз цепкий. Вот, скажем, надо раму сделать. Я на нее поглядел... - Василий повернулся к окну и стал изучать раму. - Я на нее поглядел, и уже все размеры у меня вот где, -

стукнул указательным пальцем по лбу. - Хочешь, я тебе размеры сейчас на бумажке напишу, а потом смеряем рулеткой и проверим?

- Так это рама, - усмехнулся Тимофей беззубым ртом.

- Возьмем вертолет, - загорячился Василий. - Мне бы только вокруг него походить, заглянуть в кабину, и хорош. Сделаю. Я уж кое-какие журнальчики нашел, там про вертолеты все сказано. Мне на живой теперь надо поглядеть.

- Все равно не полетит, - упрямо качал головой Тимофей. - Не фабричный будет, потому и не полетит. Это, парень, вертолет.. Не что-нибудь. Это тебе не раму изладить. Не управиться тебе.

- Управлюсь, - сказал Василий твердо и повторил: - Управлюсь.

- А потом я слышал, будто нельзя самодельные-то, - продолжал Тимофей, еле заметно улыбаясь. - Ты вот улетишь на ем в Америку, поминай тебя как звали.

- Я? В Америку? - изумился Василий. - Чего я там забыл?

- Кто тебя знает. Сведения передашь.

- Какие сведения?

- Какие бывают сведения...

- Ты зря так про меня, Тимофей, - загорюнился Василий. - У меня тут жена, пацан... В Америку... Сто лет она мне не нужна, твоя Америка.

Тимофей уже открыто улыбался шербатым ртом.

- Да это я так... Шучу... - И, видя, что гость обиделся, спросил сочувственно: - И давно это у тебя?

- Да нет. Недавно, - суховаато отозвался Василий.

- Может, с детства метил в летчики?

- Да нет. Не метил. В армии насмотрелся разных самолетов-вертолетов - и ничего. А тут вдруг накатилось - спасу нет.

- Ты вот что, - наставительно сказал Тимофей, - купи билет да слетай в райцентр и назад. Чтобы зуд-то прошел.

- Я пассажиром не хочу.

- Вот беда, - опечалился Тимофей и, помолчав, спросил: - Ты в столяры-то как пошел? Поди, отец заставил?

- Не заставлял он. Когда хворал сильно, подозвал меня. Тебе, говорит, дедов инструмент оставляю. Деда кормил, меня кормил и тебя прокормит. Вот и начал я столярничать. Не пропадать же инструменту, да и матери помогать надо было.

- Отец худому не научит, - подхватил Тимофей. - Столяром без куска хлеба сроду не останешься. У тебя сколь в мастерской выходит?

- По-разному...

- Ну а в среднем?

- Где-то за двести.

- Во! - поднял Тимофей негнувшийся палец. - Да еще калымишь. Разные там рамы, табуретки. Калым-то с сотнешку дает?

- Дает.
- Вот он, дедов-то инструмент. Пацану его передашь, глядишь, и эта, как ее... династия будет. За это нынче хвалят.

- Пацану, говоришь, передать? - поднял глаза Василий.

- Ну. Сыну своему.

- А если он не захочет? Вдруг у него другой талант откроется? - Василий помотал головой. - Отец отцом, только каждый своим умом должен жить. Пацан к машинам потянется, а я его в столяры... Династия... - Василий криво усмехнулся.

- Оно, видишь, тут как... Ты вот родился, а отцово ремесло уже в тебе сидит. Вроде как... наследственность. Я читал в газетке.

- А у летчиков от кого наследственность? - не поддался Василий. - Самолеты давно ли появились? Или Гагарина возьми. Кто у него в космосе летал, отец или, может, дед? Смеешься, Тимофей? Ну и смейся, ведь смешно. Наследственность... Нет, что ни говори, а я несогласный. Потянется Серега к другому делу, перечить не стану. Инструмент в печку брошу, гори он огнем, а жизнь пацану не испорчу.

- Зачем же в печку? - осудил Тимофей. - Старый инструмент кому хочешь согдится. Лучше продать.

Василий улыбнулся.

- Да я пока не собираюсь его бросать. Серега еще только в третий пойдет. Какие у него еще склонности. Кормить, одевать надо.

- Выбросить в печку! - все еще сокрушался Тимофей. - Попробуй выбрось. Жена тебе так выбросит, бедный станешь.

- Это точно, - согласился Василий. - У нас и дом от дедова инструмента, и обстановка от него, и сыты и одеты, слава богу, не хуже других. Все у нас на нем держится. Варя это знает. Я как-то оставил рубанок в сырой стружке, так она меня отчитала. Потому что лишняя тряпка - от рубанка. А одеваться она любит. Страсть прямо. Мне вот все равно, в чем я. Есть чистая рубаха, чистые штаны, сапоги без дыр - и ладно. А ей - нет. Увидит на складе кофту, особенно не напу, сама не своя, пока не купит.

- Баба... У них свое, - отозвался Тимофей. - Только хуже нет, когда жена в торговле работает. С одной-то стороны, вроде бы и ничего. Для дома достанет и то и другое. Уж торгаши себя-то завсегда обеспечат. Это дело известное. А с другой стороны... Товаров видит много, глаза и разбегаются... Не видала бы - так лучше, а тут умри, а купи. Не купить - сразу мужик плохой, мало зарабатывает. Да разве на все ее прихоти заработаешь? Я через это и разошелся. И лучше. Никто не дергает. Ты, парень, укорачивай свою-то. Эт-то в селе встренулась, так и не поздоровалась. Где ей, такой разодетой, с каким-то мужиком здороваться? От тряпок вся ихняя гордость. Укорачивай ее. Миллионер, мол, я ли, че ли? Мало ли чего на складе не лежит. Всего не купишь. Другим оставь.

- А-а, пускай, - махнул рукой Василий и насунился. - Пусть одевается, раз у нее интерес такой. Мне вот другое надо, Тимофей. Накатилось - веришь, спасу нет. Уж и снится стало, будто лечу над этим полем, над лесом. И так мне хорошо, так сладко, душа разрывается. Сроду со мной такого не было.

- Че с тобой делать-то... - раздумчиво проговорил Тимофей и долго смотрел на Василия молча, потом сказал: - Ну дак смастери себе вертолет, раз уж так приперло. Вот пожарники прилетят, подпущу тебя к машине. Гляди, шут с тобой.

- Вот за это спасибо, - повеселел Василий. - Я знал, Тимофей, что ты хороший человек, потому и пришел.

- Будет тебе, - поморщился Тимофей. - Хороший... А насчет механики проси Мишку, племяша.

- Это который в гараже слесарем? - Мишку Василий немного знал. Маленький мужичонко, шустрый такой, глаза проницательные.

- А что, Мишка слесарь хоть куда, - заговорил Тимофей, уловив в лице столяра раздумье. - Он хоть и закладывает, а в моторах шибко понимает.

- Можно и Мишку, - согласился Василий, понимая, что другого помощника, ему, пожалуй, не найти. - Ты поговори с ним, Тимофей. Я ему заплачу.

Но Тимофей уже прислушивался к чему-то другому. Василий глянул в окно, куда уставился хозяин, и увидел, как поле перечеркнула бесшумная тень вертолета, и только после этого услышал рокот мотора, неожиданный и сильный.

- Вот они, пожарнички, - проговорил Тимофей, поднимаясь. - Ты посиди покаместь тут, а как летчики уйдут, так и приходи. А то они не любят, когда трутся посторонние.

В окно Василий видел, как двое летчиков, невысокие, похожие друг на друга, может потому, что одеты были в одинаковые белые рубашки с закатанными рукавами, и на головах у обоих одинаковые форменные фуражки, поздоровались с Тимофеем за руку, весело что-то сказали ему и двинулись в село.

Когда Василий вышел, Тимофей, как часовой, прохаживался возле вертолета.

- Гляди сколь влезет, - разрешил он.

Вертолетик был маленький. Василий измерил его длину от носа до хвостового винта рулеткой и, сощурившись, пристально разглядывал лопасти основного винта и крошечные, словно игрушечные, колесики - пытался запомнить машину во всех подробностях. Потом он сквозь стекло заглянул в кабину, рассматривая ручки управления и многочисленные приборы.

- Тут без поллитры не разберешься, - хохотнул Тимофей.

- Можно дверцу открыть? Поглядеть поближе, что и как, - попросил Василий робко.

Но Тимофей сразу же затвердел лицом:

- Глядеть - глядя, а руки, паря, придержи. Нигде ими не касайся.

- Да я же не стем.

- Сказано - нельзя, - стоял на своем Тимофей. - А то рассерчаю и вовсе глядеть не разрешу.

Василий бродил возле вертолета, запоминая размеры, опускался на колени, изучая машину снизу, осматривая еще и еще спереди, с боков, до тех пор, пока не услышал молодой, насмешливый голос:

- Эт-то что тут за комиссия?

Тимофей растерялся от неожиданного появления летчиков, оправдываясь, заторопился:

- Это не комиссия. Это наш столяр Атясов. Он вертолет хочет излудить. Только смотрит. А руками нигде не касался.

- Значит, не касался? - сурово спросил один из летчиков и, повернувшись к Василию, потребовал:

- А ну, покажи руки!

Василий с готовностью протянул ладони.

Летчики расхохотались, похлопали столяра по плечу.

- Значит, вертолет хочешь? Ну дает! А «Москвич» не хочешь? Или «Жигули»?

- Не хочу.

Переглянулись не то с насмешкой, не то с одобрением.

- Толк знает мужик.

Потом один из летчиков открыл дверцу, сел в кресло и стал показывать, как он пилотирует. Тянул ручку на себя, щелкал другой, нажимал на педали.

- Ну, понял?

- Понял, - качнул головой Василий, стыдясь злоупотреблять терпением занятых людей.

- Тогда от винта!

Летчики уместились на сиденьях, захлопнули дверцу. Сквозь стекло было видно, как они весело переговаривались, поглядывая на Василия. И вдруг по-мотоциклетному затрещал мотор, лопасти винта сначала медленно, будто неуверенно кругнулись и слились в сплошной сверкающий круг, подминая траву тугим ветром.

Вертолет качнулся, его игрушечные колесики оторвались от земли. Машина невысоко зависла в воздухе, медленно поворачиваясь носом к лесу, и вдруг пошла вперед, поднимаясь все выше и выше. Поблескивая на солнце зелеными боками, она легко взмыла над синим лесом и, стрекоча, поплыла в поднебесье.

- Как стрекозка, - задумчиво сказал Василий, не в силах оторвать глаз от неба, в котором уже ничего не было видно, только далеким эхом дрожал воздух.

- Пошли, - тянул его за рукав Тимофей, потому что к ним из избы уже шел Мишка.

- Вы че это бутылку беспризорной оставляете? - спрашивал Мишка улыбочиво, поминутно сплевывая себе под ноги.

- Кто ее дома-то обидит? - хмыкнул Тимофей.

- Как это? А я не человек? - радостно ухмылялся Мишка, маленький росточком, даже удивительно было, что он - родственник рослому Тимофею.

Узнав про желание столяра, Мишка загорелся:

- Вертолет - это то, что надо! Когда в нашем ларьке выпить нету, взял и слетал в райцентр. Там-то завсегда. Так что мотор я тебе сделаю. Это мертво!

- У меня еще и мотора нет, - признался Василий.

- Как нет? - Мишка сплюнул, растер плевков носком стоптанного ботинка, задумался и снова встрепенулся: - Стоп, Вася, с тебя пузырек. Будет мотор. - И, оплянувшись, будто их мог кто услышать, зашептал: - В заготпушнине старые азросани есть. На сосну налетели ночью по пьянке. Сани-то угробили, понятно, а мотор - целый. Он сзади, что ему делается!

- А отдадут они его? - усомнился Василий.

- Отдадут-ут! - лихорадило Мишку. - Главное со Степановым, с ихним начальником, договориться. Мы к нему вместе пойдем, потому что тебя одного он сделает как хочет. А со мной - не-ет.. Я его как облупленного знаю. Он у меня знает где? - Мишка сжал кулак, показывая, где у него Степанов. - Мы его сразу за жабры. Так, мол, и так: отдай мотор по дешевке и не грши. А мотор - само то. Одно добро.

- Во че делает! - восхитился Тимофей, глядя на своего племянника. - На живом месте дыру вертит. Не пил бы, большим человеком был бы. Может, даже завгаром.

2

В просторном деревянном доме, куда привел Мишка Василия, сидела за канцелярским столом девица, перекидывала костяшки на счетах. Стены были увешаны плакатами с заглавными словами: «Охотник, знай» и «Охотник, помни». Вдоль стен стояли тяжелые скамейки, известка над ними дочерна вытерта спинами посетителей.

Мишка дурашливо облапал девицу сзади.

- Здоровы были!

Девица презрительно повела на него длинными ресницами, на которых дрожали кусочки туши, равнодушно освободилась от его рук и снова принялась за свое дело.

- Начальство у себя?

Она не ответила, да Мишка как будто и не ждал ответа.

Подмигнул Василию, потащил к другой комнате, дверь в которую была обита черным дерматином, как у всякого уважающего себя начальства.

Степанова, оказалось, Василий немного знал, иногда с ним встречался на улице, но знаком не был и потому не здоровался. Сейчас ему было неудобно. Степанов - мужик в годах, лысый начисто, а брови каким-то чудом сохранил густые, до того пышные и густые, что они казались чужими на его лице. Он подал руку Василию, кивнул на стул. На Мишку он даже не взглянул и сесть не предложил. Тот сам уселся.

- Такое дело, - начал Василий без обиняков, потому что крутить вокруг да около не любил и не умел. - У вас, говорят, ненужный мотор есть. Я бы его купил.

- Кто говорит? - спросил Степанов, косясь на Мишку.

- Да есть такие...

Глаза у Степанова цепкие, со смоляным блеском, какие-то очень уж зоркие, такие, кажется, человека насквозь видят. На Мишку он посмотрел остро из-под своих бровей, и тот беспокойно заерзал на стуле.

- Ненужного не держим, - проговорил Степанов. - У нас все только нужное. Не знаю, кто вас так неверно сориентировал.

- А сани-то! - не вытерпел Мишка. - Которые в складе. Ведь на них сто лет никто не ездит!

- Сейчас не ездим, а отремонтируем и будем.

- Да че там ремонтировать? Дешевле новые...

- А ты не суйся в чужие дела, - обрезал его Степанов. - Это мы уж сами разберемся, что с ними делать.

Василий, проклиная в душе Мишку, поднялся виновато.

- Ну, нет так нет. Извините, если что...

- Ничего, ничего... - вежливо подхватил Степанов и тоже поднялся со своего стула, прислонился к подоконнику. Смотрел на Василия без злости и недовольства. С интересом смотрел. - А зачем вам, если не секрет, этот мотор? Вы ведь, кажется, столяр, не охотник. Это охотникам сани для промысла нужны. А вам?

Василий замешкался с ответом, и тут встрял Мишка:

- Ему на глассер надо. По речке плавать!

Василий густо покраснел. Речка по селу протекала каменистая, мелкая. Какое по ней плаванье! Со стыда готов был под пол провалиться.

Степанов неопределенно покачал лысиной, но в подробности плавания по речке на глассере вдаваться не стал. Какой-то устойчивый интерес был в его лице.

- Сани у нас действительно есть, - заговорил он спокойно. - Сломанные. Все исправить никак не соберемся. Времени нет. То одно, то другое. Сейчас отлов соболой на носу. План большой, а у нас клеток мало. Вот

если бы вы... - Степанов голосом подчеркнул эти слова. - Вот если бы вы подрядились нам сделать с полсотни клеток, выручили бы нас, тогда как-нибудь решили бы и с мотором. Продали бы вам его, хотя на него промысловики давно зуб точат.

- Да сделает он вам клетки! - закричал Мишка. - Это ему как семечки. Сколь надо, столь и сделает!

У Василия заломило в висках. От других столяров он знал, что за клетку платят по рублю, а это разве цена для серьезного человека? С клетками работа кропотливая, муторная, себе в убыток. То-то за них никто и не берется. Но это другие не берутся, им мотор не нужен. А куда ему деваться? Такого мотора больше ни у кого нет.

Василий согласился чуть не плача.

Степанов позвал девушку из приемной, и она выписала тут же две бумажки. В одной Василий расписался в получении пятидесяти рублей аванса за клетки, в другой за то, что внес эти деньги в кассу заготовщины в счет мотора.

Василий вышел на улицу в большой растерянности, не зная, радоваться или огорчаться.

- Да че ты кислый такой! - горячо шептал Мишка. - Все нормально. Отдадут тебе мотор по дешевке. Видал, как мы Степанова прижали? Уж я-то его знаю как облупленного. - Помолчал, сплюнул под ноги, поинтересовался: - Тебе колеса какие нужны? От мотороллера?

- Вроде бы.

- Хочешь, сейчас достану? Пока настроение? Только трояк надо. Без этого сам понимаешь...

Василий дал три рубля и пошел прочь.

От природы Атясов был человек застенчивый, не любил надоедать людям, а тем более приставать с просьбами, но тут, хочешь не хочешь, пришлось ходить к знакомым и незнакомым людям, кланяться то одно, то другое. Противно, а иначе нельзя. Надо фанеры толстой и тонкой, надо клею хорошего, да мало ли еще чего надо. Легче сказать, чего не надо.

А через неделю снял с книжки триста рублей и днем, пока жена была на работе, привез домой мотор вместе со старым пропеллером на валу, спрятал в сарае под брезентом. Туда же затолкал потрепанные колеса от мотороллера, которые добыл ему Мишка.

Озабоченно присел возле приобретенного. Степанов деньги за мотор сорвал порядочные - триста рублей. Правда, Василий заплатил двести пятьдесят, остальные внес раньше, когда получил за клетки, но это не утешало. Колеса тоже недешево обошлись. В общем, от трехсот рублей ничего не осталось. Последние рубли на бутылки разменял: тому надо поставить, другому, третьему. Нигде насухую не шло.

Но не столько денег было жаль Василию, как совестно перед Варей. Что-то она скажет, когда узнает, что снял он деньги с книжки без спроса, тайком.

Ведь сроду с ним такого не случалось. Зарплату всегда отдавал до копейки, приработок тоже отдавал, не припрятывал, как другие, пятерку-десятку. Зачем припрятывать? Он не пьет, не курит, а на столовую жена сама даст.

Вздыхнул Василий, мысленно повинился перед женой.

Познакомился он с ней в потребсоюзе, куда его начальство послало под-ремонтировать окна и двери. Василий только вернулся из армии, носил солдатское, был весел и свеж лицом. И работал он споро и весело, изголодавшись по делу. В потребсоюзе сидели все больше молодые девки. Они, не скрываясь, тарачились на Василия, заговаривали с ним. Здесь же, среди других, была и Варя. На столыра она игриво не поглядывала, но, даже опустив глаза на бумаги, чутьем видела каждое движение парня. Уж она-то раньше других угадала в нем много жизни.

Василий подогнал двери к косякам, отладил створки окон, а когда главный бухгалтер Ширяев попросил врезать новый замок в его стол, он и это сделал.

Когда Василий собрался уходить, Ширяев сказал:

- Проси, солдат, что хочешь. Надо - шапку тебе ондатровую организуем. Как номенклатурный товарищ в ней будешь.

- Солдатскую еще не износил, - отказался Василий.

- Может, костюм желаешь? На складе есть импортные.

- И с костюмом погожу.

- Ну тогда выбирай невесту. Любую отдадим бесплатно. - И сделал широкий жест в сторону зарумянившихся и притихших девок.

И Василий посмотрел на Варю.

Варя кожей почувствовала на себе его взгляд, такой ощутимый, будто бывший солдат поглаживал ее рукой. Она отчаянно покраснела и подняла на него серьезные раскосые глаза. Они у нее были такие обещающие, что Василий задохнулся от предчувствия.

Вечером он дождался ее на улице, смело и просто подошел к ней, и она этому не удивилась.

Гулял Василий с Варей недолго. Когда упал снег и установилась санная дорога, сказал ей: «Зачем нам время переводить на гулянья? Пока снег неглубокий, самая пора бревна подвести. Давай-ка поженимся и начнем дом строить».

Деньги к тому времени у парня завелись, да и Варя оказалась девка не промах - загода копила, так что строиться было на что. Домишко, оставшийся Василию от отца-матери, отживал свое, и родители Вари предложили молодым пожить пока у них, однако Варя наотрез отказалась. Нам, мол, пора свои углы отстраивать, свою домашность заводить. Как ни худа развалюха, да своя, мы в ней хозяева.

Тут и свадьбу сыграли. Теснота была в избушке: не только в пляске разгуляться - сесть негде. Но молодожены не горевали, только посмеивались: «Не тужите, гости, приходите к нам летом - в хоромах примем».

Сказанные в веселый час слова оказались не пустыми. Сразу после свадьбы взял Василий в леспромхозе трактор с санями, привез бревен и досок, принялся размечать сруб. И не как-нибудь, сразу на пятистенком заманулся.

Всю зиму готовил сруб, а по весне, когда земля подсохла, пришли товарищи по работе и помогли возвести стены и поднять крышу. Старая избенка оказалась внутри нового дома, который словно заглотил ее.

Однако сруб своим видом Варю не поглянулся, и она заставила мужа облицевать стены на городской манер - узкой плашкой в слочку. Желание ее Василий исполнил: облицевал бревна плашкой, а саму плашку протравил марганцовкой и покрыл в несколько слоев бесцветным лаком, так что дом засверкал, как полированный. Под крышей он навесил кружевные карнизы, а на наличниках окон вырезал пузатых целующихся голубей. Высок и красив вышел дом! Казалось, на цыпочки привстал, чтобы отовсюду его было видно.

Как и обещали молодые, к середине лета справили новоселье. Пришли гости и ахнули: не голые стены предстали их глазам. На леспромхозовскую посуду Атясовы справили мебельный гарнитур, купили холодильник, стиральную машину и телевизор с большим экраном. Вот как: все одним махом!

Нет, не ошибся Василий, разглядев в Вариных глазах обещание близких радостей. Женой она оказалась куда с добром. И пылинки в комнатах соберет, и мужа обстирает, накормит, а вечером прижмется к его груди, и у того дыханье теснится, и голова тяжелеет от необъяснимой сладости. До чего же богатой оказалась его Варя, сколько черпает от нее радостей, а вычерпать не может, всегда она ими полна. И ни споров, ни ругани. О чем спорить, если Варя вся в заботах о доме, старается достать для дома хорошую вещь, которую в магазине так просто не купишь, а Василий прирабатывает по вечерам. Со ссудой рассчитались, уже лишние деньги завелись, стали их на книжку откладывать.

Все хорошо было, что и говорить, а вот теперь он, Василий, снял тайком деньги, израсходовал их на этот мотор, на старые колеса, которым на свалке и место.

3

Раньше, идя с работы, любил Василий лишний раз глянуть на свой дом, на его высокую крышу и крепкие, под лаковой плашкой стены. Посмотрит на него Василий и почувствует себя прочным, защищенным этими стенами. Кажется, никакая беда не достучится.

А теперь, подходя к калитке, Василий вздохнул и опустил глаза на дорожную пыль. Не глядел на дом, будто стыдился его. Он и калитку отворил неуверенно, не по-хозяйски, как чужую, и на крыльцо поднялся тихонько, стараясь не греметь сапогами. Пошарил за косяком, где заведе-

но было оставлять ключ, но пальцы нащупали между бревен лишь лохмотья сухого мха. Неужели Варя так рано пришла?

Василий, как был в спецовке, в сапогах, прошел в большую комнату и замер. Его жена в цветастых штанах и такой же кофте стояла перед зеркалом шифоньера и солнечно улыбалась.

- Ну как? - спросила она, расправляя складки кофты под пояском. - Нравится? На полчаса выпросила померить.

- Красиво, - осторожно сказал Василий и увидел на столе сберкнижку, которую Варя, судя по ее лицу и голосу, не раскрывала.

- Твою жену да модно одеть, знаешь бы какая была? - говорила она игриво, то одним, то другим боком поворачиваясь к зеркалу.

- Будто тебе нечего одеть. Полный шкаф платьев да кофт.

- Что ж, теперь до старости носить их прикажешь? Ты бы видел, что у нас сегодня делалось, когда товары привезли. Ужас, что творилось! То все платят - денег нет, а тут у всех деньги появились. Сбежались на склад. Даже уборщицы и те лезут, тоже хватают.. Ты, Вася, поднажми. К ноябрьским обещали ковры подбросить. Нам бы в большую комнату и в спальню. Зайди к Ширияеву, он книжные полки заказать хочет. Сделай ему, мужик он нужный.

- Сделаю, - пообещал Василий, с тревогой наблюдая, как жена нетерпеливо поглядывает на часы.

- Ну, покупать? - спросила Варя.

- Покупай. Только куда ты в нем пойдешь?

- Куда угодно. В кино, например.

- Засмеют, - через силу сказал Василий.

- Ва-ся... Ты, оказывается, ужасно отсталый у меня. Да в городе женщины давно брючные костюмы носят.

- То в городе, - упрямялся Василий, понимая, что сейчас откроется его вина. - А здесь выйди - засмеют.

- Скажи уж, что денег жалко, - потускнела жена.

- Ничего мне не жалко. - Василий наморщил лоб, соображая, с чего бы начать неприятный разговор. Все равно по ее будет, так пусть здесь, дома узнает про деньги, а не в сберкассе на людях.

- Варь, я снял три сотни, - с натугой сказал он.

- Как снял? - живо обернулась она.

- Как снимают. Снял и снял. - Первая тяжесть прошла, и Василий даже поразился своему спокойному ответу.

- А где они, эти деньги? - спросила Варя настороженно.

- Отдал, - выдохнул Василий. - Я это... мотор купил. - И покраснел, потому что смешон был его ответ, по-детски смешон и нелеп.

- Какой мотор? Для чего?

- Варя, давай в другой раз. Ты же в сберкассе не успеешь.

- Да уж до костюма ли мне теперь. Так для чего тебе мотор?

- Для вертолета.

Варя ошарашенно посмотрела на красное, будто спекшееся лицо мужа, потом, все еще не веря, взяла со стола сберкнижку, долго вчитывалась в нее, словно там могло быть написано, на что муж истратил деньги.

- Варь, да ты не переживай, - заговорил Василий. - Ведь не все истратил. Остались же. Да и еще заработаю. Ты меня знаешь.

- Знаю? - отозвалась Варя, с пристальным интересом рассматривая мужнину лицо, будто видела впервые. - Знаю... - невесело усмехнулась. - Это я раньше думала, что знаю. А теперь... Да-а... Наконец-то и я дождалась от своего муженька. На работе бабы рассказывают: у одной мужик пьет, деньги сроду не отдает. У другой треплется или еще что, а я: нет, у меня Вася не такой. Мой Вася себе разве такое позволит? Вот тебе и «мой Вася». Ухлопал деньги неизвестно на что, а жене ни звука, будто в доме она посторонний человек. Это надо же... Вертолет он захотел!

Василий сначала изумленно молчал. Ему даже казалось, что эти слова говорит не Варя, а даже по виду незнакомый человек. И голос не слыханный прежде, чужой, и слова чужие. Не стал больше ничего говорить, повернулся молча, ушел к себе в сарай. Опустился там на чурку, задумался.

Конечно, он и раньше знал, что не обрадуется жена, когда узнает про деньги, но таких обидных слов не ожидал и растерялся. Кто спорит, что не виноват? Виноват. Но можно ли из-за денег так на человека? Думал, поругается Варя и тем кончится, а вышло вон как. Видно, и он Варю не очень-то знал.

Долго размышлял Василий, вздыхая и горестно покачивая головой, словно жаловался невидимому собеседнику. Уже стемнело, но света он не зажигал. Зачем ему свет? Работать - все равно никакого настроения, хотя заказы ждут своей очереди. Да теперь эти клетки, пропади они пропадом вместе с шалопутом Мишкой.

Уже, наверное, двенадцатый час ночи шел, когда послышались шаги и скрипнула дверь. Василий даже головы на скрип не повернул, хотя и догадался: жена пришла.

Варя постояла у порога, озлилась, что муж не обращает на нее внимания, шелкнула выключателем. Яркий свет большой лампы под потолком больно резанул глаза.

- Ты что - тут ночевать собрался? - спросила Варя насмешливо.

Он промолчал.

- Чего есть не идешь? Или сытый? Своим мотором?

Василий снова не ответил, и тогда Варя решительно вошла в сарай, отдернула брезент, с горькой усмешкой рассматривала мужнины приобретения.

- Ну так что будем делать?

Василий пожал плечами.

- Ничего себе... Сам же виноват, да на меня же смотреть не хочет. Он, видите ли, обиделся...

Василий поднял глаза и увидел, что жена перед ним стоит в обычном своем платье, в котором она ему родна и привычна, и ему подумалось, что, не наден Варя на себя тот костюм, даже по виду чужой, странный, никакой сорбы бы не получилось, что в тех пестрых штанах Варя была не сама собой и говорила ему не свои слова, а те, что пришли к ней вместе с костюмом, и ему стало легче от знакомого ее вида, и обида понемногу улеглась.

- Варя, - хриловато от долгого молчания проговорил Василий, - ты скажи: привередливый я мужик или нет?

- В каком смысле? - осторожно поинтересовалась Варя. Не такая она была простушка, чтобы сразу ляпнуть «да» или «нет».

- Вообще. К еде я, скажем, придираюсь? Например, что-нибудь стоговиши, а я нос ворочу. Копаюсь, в общем. А? Скажи?

- К чему ты это говоришь?

- Интересно мне, какой я. Трудно тебе со мной или нет. Придираюсь я к тебе когда? - Варя промолчала, насторожилась, и тогда он ответил сам: «Нет, вроде бы я не зануда. Сроду ты от меня худого слова не слышала. Хорошо мне, плохо - не жалуясь. Привычки не имею. Или взять тряпки. Рубашек, разного барахла прошу когда?»

- У тебя что, носить нечего?

- Не в этом дело. Просто я для себя никогда ничего не просил.

- А-а, - поняла по-своему жена. - Костюм я хотела купить. Запереживал уже... Как же: лишняя тряпка у меня будет...

- Опять ты не поняла, - подосадовал Василий. - Покупай себе все, что хочешь. Я о другом речь веду. Вот я сейчас прошу тебя первый раз в жизни для себя. Не мешай ты мне сделать то, что хочу. Дай ты мне душу отвести. Иначе я не человек буду.

- Вертолетик тебе не мешать строить?

- Да, - качнул головой Василий.

- Нет уж, милый, - жестко сказала Варя, - не смейся-ка людей. Ты пока что в семье живешь, так что будь добр, считайся с семьей. Будешь жить один - делай что хочешь, никто тебе ничего не скажет. А эти железки, - показала рукой на брезент, - завтра же увези туда, где взял. Не увезешь - сама повыкидываю. Так и знай.

После этого она ушла, хлопнув дверью.

Василий посидел еще немного и тоже поднялся.

В кухне горел свет, и на столе был налажен ужин, но есть Василию не хотелось. Разделся, умылся, полез в постель.

Варя не спала. Нашарил в темноте ее теплое плечо, и это тепло его обнадежило. В сарае разговора с женой не получилось, так, может, здесь, когда они так близко друг от друга, она поймет его, терпеливо выслушает и не поторопится сказать холодное слово.

- Варь... - позвал Василий. - Давай поговорим.

- Разговаривать будем, когда железки увезешь. Тогда и лезь.

- Ну почему ты такая? Я же по-хорошему... - Он хотел обнять Варю, приласкаться, как раньше, когда у них все было ладно, но Варя не приняла его, в сердцах отдернула плечо, повернулась к стене.

Удивительные перемены могут произойти с человеком за совсем короткий срок. Еще какой-то месяц назад Василий жил неспешно и тихо. В семь часов он вставал без будильника, от привычного внутреннего толчка, находил в кухне еду, завтракал и шел в мастерскую леспромхоза. Начиналась смена, и он пилил, строгал, тесал, делал то, что должен был делать. Ни суеты, ни торопливости в себе не знал. Зачем и куда торопиться, если руки движутся как бы сами собой и к концу смены сделают положенное.

Придя с работы, ужинал, около часа дремал на диване и шел в свой хорошо оборудованный сарай, где работал еще часа четыре, выполняя заказы сельчан. Жизнь шла ровно и уверенно, не докучая особыми заботами. А теперь все сбилось с привычного хода, будто пружина соскочила с держателя и стрелки часов рванули быстрее, чем надо. На работе Василий думал, как бы поскорее попасть в свой сарай, и заранее прикидывал, что успеет сегодня сделать. И уже не разлеживался на диване, а наскоро перекусив чем придется, бежал в сарай. Отпирал большой висячий замок, повешенный после угроз жены все повыкидывать, и лихорадочно принимался за дело. Выкраивал по самодельным чертежам шпангоуты фюзеляжа, заготавливал бруски для лопастей винтов и другие детали, чтобы потом из фанерных, металлических, пластмассовых частей собрать то, из-за чего переименовалась его прежняя, без тревог, жизнь.

Попозже приходил Мишка, предварительно проследивший, нет ли поблизости Вари, которая могла его турнуть со двора. Мишка крадучись шмыгал в сарай, запирался на крюк и открывал потрепанную балетку с инструментами. Звеня ключами, запускал руки во внутренности мотора, что-то перебирал, чистил, смазывал, однако надолго его не хватало. Скоро Мишка, сплевывая на пол, что раздражало чистоплотного Василия, отступал от мотора, скоромно ухмылялся:

- Плесни че-нибудь, а то здоровья нету.

- У тебя каждый день здоровья нету, - с тихой злостью говорил Василий. Он уже привык к ежедневному Мишкиному вымогательству и заранее припасал бутылку. Наливал слесарю полстакана, и тот, успокоившись на время, снова копался в моторе. Потом присаживался перекурить и собирался домой.

Василий его не удерживал. Сам он оставался в сарае далеко за полночь, удивляясь себе: раньше в десять вечера уже ныли спина и руки, а теперь будто за порогом оставлял усталость. И работал, работал, боялся словно, что не дадут закончить задуманное.

Жена в сарай больше не заходила и ужинать не звала. Иногда она оставалась ночевать у матери, и Сережку домой не приводила, как догадывался Василий - специально. Мужа позлить. А когда была дома, то с Василием объяснялась знаками, как с глухонемым.

Однажды Василий не выдержал, спросил:

- Сережку-то насовсем отдала, что ли?

И тут жену прорвало. Она будто давно ждала этих слов, и ответ у нее был под рукой:

- А ты неужели соскучился? Совсем не похоже, что соскучился. Люди уж смеются над тобой. Совсем из ума выжил!

Василий замолчал, жалел, что затеял разговор, но Варе молчать не хотелось. Намолчалась, много у нее накопилось.

- Вертолетик! Смех один! Ты бы лучше уж мотоцикл собрал, раз больше делать нечего. Все бы польза была. Вон Ширяевы каждую осень ездят в тайгу на мотоцикле. Кадушку груздей засолили да бочку брусники замочили. А сколько сухих грибов в потребсоюз сдали! Знаешь, как заработали. А он - вертолетик. Только о себе и думает. Эгоист! Да еще сына вспомнил. Как же, нужен ему сын!

А тут некстати пришла девка от Степанова из заготовщины узнавать про клетки и начала разговор почему-то не с Василием, а с Варей... Степанов грозился пожаловаться в леспромхоз, если через неделю клетки не будут готовы.

Василий, чтобы отвязаться, пообещал, и едва девка укатилась, вышел сам, сел на ступеньки крыльца, переживал.

Работа тем не менее у него двигалась споро. Где-то надо было уже собирать вертолет. Делать это дома, во дворе, он не решался. Опасался, Варя и на самом деле что-нибудь сломает или выбросит, да и трудно будет катить машину к полю через всю деревню. Народ сбежится от стара до мала, лишних слов наслушаешься. Зрители соберутся. Нет уж.

На другой день пошел к Тимофею проситься под навес. Тот долго кряхтел, но потом махнул рукой и даже коня дал - детали перевезти. Василий в ту же ночь все перевез к Тимофею.

Варя глядела с крыльца, как грузился муж.

- Может, тебе и чемодан сразу собрать? Чтобы больше не видеть? Чтобы хоть надо мной-то не смеялись бы!

Василий уехал молча и ночевать остался у Тимофея. Варя тоже ушла к матери. Что ей одной в пустом доме делать? Сиротливый, затаившийся стоял дом, опустевший на ночь впервые за все годы. Жутковато было глядеть на его светящиеся под луной стены и темные провалы окон.

Вечером, идя с работы, Варя гадала: дома мужик или нет? Пошарила в стене - ключ оказался на месте, и у нее кольнуло под сердцем. Не стала отпирать замок, пошла к матери за Сережкой. Все не одной сидеть. И когда уже с сыном подходила к крыльцу, ее через забор окликнула Федоровна.

Федоровну Варя не любила и даже побавалась втайне. Еще когда дом строили, она все беспокоилась: слишком уж часто и непонятно глазела старуха через забор к соседям. Заберется с вилами на сарай, будто овечкам сена скинуть, а сама обопрется на вилы и смотрит, как мужик на крыше доски приколачивает. И черный трехлапый кобель сторожит уши и тоже оставится в соседний двор, словно и у него свой интерес.

Не раз Варя вздрагивала от нехорошего предчувствия, злилась на Золотую Рыбку, хотела высказать ей то, что надо, но все не решалась.

Да и Василий посмеивался:

- Пускай смотрит, тебе-то что! Или боишься - отобьет! Так она вон какая старая.

- Кто ее знает, ворожею. Не нравится мне это, на душе тревожно, - отвечала Варя, и, наверное, у нее все-таки было от чего беспокоиться. Вся жизнь Атысовых проходила под неусыпным Рыбкиным взглядом. Как дом строили - старуха видела во всех подробностях. Новую мебель везли - и ее старуха не пропустила. Купили холодильник - и на него смотрела Федоровна из-за забора. Сережку из роддома и того не проворонила, проводила в дом цепким своим взглядом. Варе к крыльцу пришлось боком идти, чтобы загородить младенца от бабкиного взгляда. Боялась, как бы та не спглазила.

«Завидует... А мы разве виноваты, что у нас жизнь хорошо складывается», - подумала Варя, но всякий раз, когда везли домой что-нибудь новое, ей было стыдно перед Федоровной, будто этой вещью, предназначенной для кого-то другого, они завладели обманом, и соседская завалюха казалась ей нарочно тут под боком поставленной, чтобы подчеркнуть, как несчастны одни и удачливы другие.

- Варя, ты дрожжами не богата?

Вот еще за что не любила Варя старуху. За голос. Голос у нее на удивление был свежий, девичий. Услышишь такой голос, обернешься и не поверишь, что исходит он из сморщенной старухи, опершейся на суковатую палку.

Варя так и замерла от неожиданности. Сроду она словом со старухой не перекинулась, при встрече старалась обежать ее подальше, и вот на тебе: дрожжей просит. Понадобились ей дрожжи. Но тотчас тайная надежда ворохнулась в ней, все-таки ворожею. Вдруг да что присоветует. Надо бы позвать. Ничего уж теперь она не спглазит. Сглазить-то нечего.

- Есть, дрожжи, ест! - как можно приветливее откликнулась Варя. - Ты заходи, Федоровна, в дом-то!

Федоровна вошла и зорко огляделась, узнавая вещи.

Варя усадила ее на мягкий стул, принесла непочатый брикет дрожжей, подала.

- Весь кусок отдаешь ли, че ли?

- Бери, Федоровна, у меня еще есть, - сказала Варя и, вздохнув, присела рядом.

- Че вздыхаешь-то? - живо спросила Федоровна, будто дожидалась этого вдоха.

Варя безнадежно махнула рукой.

Старуха еще спросила:

- Сам-то где? На работе ли, че ли?

«А ты будто и не знаешь», - подумала Варя, а вслух сказала жалобливо:

- Какая там к черту работа. Совестно сказать. У Тимофея он. Вертолетик строит... - И еще вздохнула. - Прямо беда какая-то. Уж лучше бы запил. С пьяницей еще можно сладить. Пошла бы к директору: так и так, мол, образумьте. Его бы на собрании пробрали как следует, и был бы как миленький. А тут куда пойдешь? Не будешь же жаловаться директору, что мужик вертолет строит. Не пьет, не нарушает ничего. Что ему делают? Надо мной же и посмеются. А сколько денег извел на эту затею - страшно сказать. Уж лучше бы и пропил те деньги, не так бы было обидно. Ну пропил и пропил. С кем не бывает. Да и мало ли чего пропивают. Так ведь на глупости. И как ненормальный стал. Никого не видит, ничего не слышит. Молчит и молчит, как идол. Откуда на него такая напасть нашла? Ума не дам. Смирный был мужик, слова поперек не скажет, и вот - на тебе... Чего ему не хватало?

- Это оттого, что жить шибко хорошо стали, - проговорила Рыбка своим девичьим голосом. - Всего навалом в избе: и пить, и есть, и одеться. Телевизоры разные... Разбаловались люди, маются, не знают, какую им еще холеру надо.

- Да при чем тут это? - перебила Варя неуверенно.

- А при том... Раньше-то, когда жрать было нечего, глупостями не занимались.

Варя спорить не стала. Попросила тихо:

- Ты б, Федоровна, раскинула фасоль-то.

- Ну ее к лешему, - отмахнулась старуха. - Меня за ее вызывали.

- Да я кому скажу? Не дура. Ведь надо мной же и смеяться будут, если узнают, что гадала.

- Ну ладно. Жалко мне тебя. Согрешу уж.

Старуха сходила домой, принесла темный засаленный мешочек. Высыпала из него на стол пестрые фасолины, стала разбирать их на равные кучки, что-то нашептывая про себя.

Сережка, до этого молча сидевший с книжкой в углу, вытаращил глазенки, и Варя, спохватившись, выпроводила его гулять.

Рыбка, разложив фасоль, сказала вдруг:

- Знаю, милая, какая на него напасть нашла.

- Какая? - сжалась Варя.

- На его тень стрекозы упала.

Варя так и раскрыла рот, испуганно глядя на старуху. Жалела уже, что и позвала.

- Будет тебе, Федоровна, пугать-то, - проговорила она наконец. - Какая еще тень? Чего собираешь-то?

- А такая. С крылышками. От стрекозки... Нет, милая, видно, не ты первая, не ты последняя. Никуда не денешься, у каждого мужика есть какая-то отдушина. Либо пьет, либо треплется, а то как твой - строит какую-нибудь холеру, зря изводится.

- Вон ты про что, - немного успокоилась Варя. - Говорят, у Василия и отец был немного не в себе. Может, от него что передалось. Он ведь тоже пить не пил, а заберется на крышу и горланит песни на всю деревню.

- Чего не знаю, того не скажу, - замаялась старуха. - Ты лучше скажи мне: если уберу с мужика эту самую тень, чем меня отблагодаришь?

- Так вы скажите сами, сколько надо.

- Я деньгами не хочу, - помотала головой Рыбка.

- Могу из одежды что дать.

- Одежда у тебя больно модная. Не по старухе.

- Ну, тогда не знаю. Скажите сами.

- Обещай, что Василий гроб мне сделает.

- Да ты что, Федоровна! - обомлела Варя. - Какой еще гроб, ты ведь живая. Как можно!

- Ноне живая, а завтра нет. Ты пообещай.

- Так сделает, чего же не сделать. Соседи ведь...

- Уж пусть делает. Мне в его гробу хорошо будет. Рука у него легкая, ласковая. На Митьку моего шибко он похожий. Такой же рукастый. Только давно нетука Митьки-то. Все ушли, а я вот осталась, мыкаюсь. Ты уж попроси мужика, пусть постарается. Я вас оттуда благословлю.

Скоро Рыбка ушла, а ошарашенная Варя как сидела на стуле, так и осталась сидеть в оцепенении, ни рукой, ни ногой двинуть не может. Всю страх спеленал.

И тут Василий с Сережкой входят.

- Папка, они гадали, - рассказывал Сережка. - Меня прогнали, а сами гадали фасолью. С бабкой Рыбкой.

- Если не выбросишь дурь из головы, уйду к маме. Забираю Сережку и уйду. Живи один, раз семья надоела, - говорила Варя сквозь слезы.

- Давай, давай... - потерянно повторял Василий. - Иди к маме. - Ему было уже все равно.

Потом они молчали, и снова сиротливо было в доме, даже еще сиротливее, чем в тот раз, когда оба ушли из дома. Тогда хоть ушли, а тут семья в сборе, а кажется, что дома - никого, одни пустые стены.

- Бери, Федоровна, у меня еще есть, - сказала Варя и, вздохнув, присела рядом.

- Че вздыхаешь-то? - живо спросила Федоровна, будто дожидалась этого вздоха.

Варя безнадежно махнула рукой.

Старуха еще спросила:

- Сам-то где? На работе ли, че ли?

«А ты будто и не знаешь», - подумала Варя, а вслух сказала жалобливо:

- Какая там к черту работа. Совестно сказать. У Тимофея он. Вертолетик строит... - И еще вздохнула. - Прямо беда какая-то. Уж лучше бы запил. С пьяницей еще можно сладить. Пошла бы к директору: так и так, мол, образумьте. Его бы на собрании пробрали как следует, и был бы как миленький. А тут куда пойдешь? Не будешь же жаловаться директору, что мужик вертолет строит. Не пьет, не нарушает ничего. Что ему сделать? Надо мной же и посмеются. А сколько денег извел на эту затею - страшно сказать. Уж лучше бы и пропил те деньги, не так бы было обидно. Ну пропил и пропил. С кем не бывает. Да и мало ли чего пропивают. Так ведь на глупости. И как ненормальный стал. Никого не видит, ничего не слышит. Молчит и молчит, как идол. Откуда на него такая напасть нашла? Ума не дам. Смирный был мужик, слова поперек не скажет, и вот - на тебе... Чего ему не хватало?

- Это оттого, что жить шибко хорошо стали, - проговорила Рыбка своим девичьим голосом. - Всего навалом в избе: и пить, и есть, и одеться. Телевизоры разные... Разбаловались люди, маются, не знают, какую им еще холеру надо.

- Да при чем тут это? - перебила Варя неуверенно.

- А при том... Раньше-то, когда жрать было нечего, глупостями не занимались.

Варя спорить не стала. Попросила тихо:

- Ты б, Федоровна, раскинула фасоль-то.

- Ну ее к лешему, - отмахнулась старуха. - Меня за ее вызывали.

- Да я кому скажу? Не дура. Ведь надо мной же и смеяться будут, если узнают, что гадала.

- Ну ладно. Жалко мне тебя. Согрешу уж.

Старуха сходила домой, принесла темный засаленный мешочек. Высыпала из него на стол пестрые фасолины, стала разбирать их на равные кучки, что-то нашептывая про себя.

Сережка, до этого молча сидевший с книжкой в углу, вытаращил глазенки, и Варя, спохватившись, выпроводила его гулять.

Рыбка, разложив фасоль, сказала вдруг:

- Знаю, милая, какая на него напасть нашла.

- Какая? - сжалась Варя.

- На его тень стрекозы упала.

Варя так и раскрыла рот, испуганно глядя на старуху. Жалела уже, что и позвала.

- Будет тебе, Федоровна, пугать-то, - проговорила она наконец. - Какая еще тень? Чего собираешь-то?

- А такая. С крылышками. От стрекозки... Нет, милая, видно, не ты первая, не ты последняя. Никуда не денешься, у каждого мужика есть какая-то отдушина. Либо пьет, либо треплется, а то как твой - строит какую-нибудь холеру, зря изводится.

- Вон ты про что, - немного успокоилась Варя. - Говорят, у Василия и отец был немного не в себе. Может, от него что передалось. Он ведь тоже пить не пил, а заберется на крышу и горланит песни на всю деревню.

- Чего не знаю, того не скажу, - замялась старуха. - Ты лучше скажи мне: если уберу с мужика эту самую тень, чем меня отблагодаришь?

- Так вы скажите сами, сколько надо.

- Я деньгами не хочу, - помотала головой Рыбка.

- Могу из одежды что дать.

- Одежа у тебя больно модная. Не по старухе.

- Ну, тогда не знаю. Скажите сами.

- Обещай, что Василий гроб мне сделает.

- Да ты что, Федоровна! - обомлела Варя. - Какой еще гроб, ты ведь живая. Как можно!

- Ноне живая, а завтра нет. Ты пообещай.

- Так делает, чего же не сделать. Соседи ведь...

- Уж пусть делает. Мне в его гробу хорошо будет. Рука у него легкая, ласковая. На Митьку моего шибко он похожий. Такой же рукастый. Только давно негука Митьки-то. Все ушли, а я вот осталась, мыкаюсь. Ты уж попроси мужика, пусть постарается. Я вас оттуда благословлю.

Скоро Рыбка ушла, а опарашенная Варя как сидела на стуле, так и осталась сидеть в оцепенении, ни рукой, ни ногой двинуть не может. Всю страх спеленал.

И тут Василий с Сережкой входят.

- Папка, они гадали, - рассказывал Сережка. - Меня прогнали, а сами гадали фасолью. С бабкой Рыбкой.

- Если не выбросишь дурь из головы, уйду к маме. Забираю Сережку и уйду. Живи один, раз семья надоела, - говорила Варя сквозь слезы.

- Давай, давай... - потерянно повторил Василий. - Иди к маме. - Ему было уже все равно.

Потом они молчали, и снова сиротливо было в доме, даже еще сиротливее, чем в тот раз, когда оба ушли из дома. Тогда хоть ушли, а тут семья в сборе, а кажется, что дома - никого, одни пустые стены.

Василий проснулся и некоторое время лежал без движения, глядя в темный потолок и соображая, который идет час. Прислушавшись к дыханию жены, которая спала теперь отдельно, он осторожно поднял голову и разглядел за занавесками слабый сиреневый свет.

«Поздно уже светает», - подумал он.

На столе четко тикал будильник. Сегодня он не зазвонит, хозяевам некуда собираться - суббота. Потому и поднимался Василий с раскладушки тихо, стараясь не скрипнуть, иначе Варя может проснуться и спросить, куда это он в такую рань.

На дворе было сумрачно и зябко, наверное, уже лужи подморозило. Небо же было чистое, звездное, и он порадовался, что хоть с погодой повезло. Спал в эту ночь плохо, видел обрывки странных снов, которые не запоминались, от них оставался лишь тяжкий осадок в памяти. Очень его погода беспо-коила. То ему казалось, что на улице поливает дождь, и он даже явственно слышал шум дождя, то чудилось, что небо сплошь обложено тяжелыми, до земли, тучами, и эту их тяжесть он ощущал всем телом. А на самом деле оказалось лучше, чем ожидал. День обещался сильный и звонкий.

...Тимофей долго не отпирал. Потом в темной комнате обозначилось движение. Скрипнули половицы, щелкнул откинутый крючок, и на пороге, в исподнем, появился заспанный хозяин. Позевывая, он впустил раннего гостя, зажег свет.

- Ты чего так рано? Ни лешего еще не видать.

- Самое время. Пока соберемся, пока что. Мишка бы скорее пришел.

- На что он тебе?

- Болты на лопастях жидковаты, обещал новые нарезать.

Тимофей хмыкнул, но ничего не сказал. Спросил только:

- Ты, верно, не евши? Чаю согреть?

- Мне сейчас ничего в горло не полезет.

- Боязно?

- Как тебе сказать... Мало ли что может...

- Так не лети. А то еще гробанешься.

- Не накаркай.

За окном уже порядком развиднелось, и Василий забеспокоился:

- Давай, Тимофей, выкатим машину на поле. Уж лучше там его подождут, а то гляди - светло как.

Под навесом в сумраке едва угадывались контуры вертолета. Василий взялся за стойку колеса, уперся плечом. Творение его оказалось нетяжелым, к калитке выкатили вполсилы. Там остановились.

- Разберем забор, - предложил Василий.

Тимофей молча принес гвоздодер. Забор разобрали, доски оттащили в стороны. Снова покатали вертолет.

- Постой, - вспомнил Василий. - Ты бензину обещал авиационного. Тимофей снова помялся, принес канистру, предупредил:

- В случае чего, не говори, что у меня взял. У охотников, мол, им дают для пушнины - обезжиривать.

Наконец машину выкатили на облюбованное Василием место. Перевели дух.

- Ну где Мишка-то? - переживал Василий. - Ведь договорились. Я ему полста рублей дал за работу.

- Вот это зря, - покачал головой Тимофей, - надо было потом, когда все сделает, тогда и дать.

- Он иначе не соглашался.

- Ну вот. Жди теперь его... У него вчера в доме скандал был. Кажись, Рыбка к ним приходила. Поди, рассказала его бабе, та и взяла в оборот. У него баба - гром.

Василий сплюнул с досады, и, отойдя от машины, разглядывал ее со стороны чужими, оценивающими глазами.

Дымное солнце, краешком высунувшееся из-за темной стены леса, осветило зеленый бок вертолета, оттенило, как ребра, переборки из-под крашеной материи. Засияло оргстекло кабины, по лакированным сосновым лопастям скользнули быстрые блики. Вспыхнула красная звездочка на фюзеляже.

- Пошто звезду-то нарисовал? - спросил Тимофей. - Звезды только на военных бывают, а у тебя - личный. Не положено.

- А пусть светит, - смущенно улыбнулся Василий. - Со звездочкой как-то веселее.

- Ты че же, полетишь? - спросил Тимофей, заметив, как напряжился Василий, как построжел лицом. - А болты?

- Может, старые выдержат. Назад мне пути нету, Тимофей.

Василий еще раз оглядел свою машину всю сразу, надеясь увидеть в ней ту силу, которая оторвет от земли, прерывисто вздохнул и, решившись, полез в кабину.

Умогнулся на фанерном сиденье, закрыл дверцу приспособленным для этого оконным шпингалетом. Махнул рукой Тимофею: давай!

Тимофей поднял заводилку - палку с ременной петлей на конце, зацепил ею за лопасть, нерешительно глядел на столяра.

- Дергай! - кричал Василий.

- В какую сторону? - не понимал Тимофей.

- По часовой стрелке!

Тимофей медлил, соображая, видно, как идет стрелка на часах.

- По солнышку! По солнышку! - крикнул еще Василий.

- Так бы и сказал, - проворчал Тимофей, рванул петлей лопасть с такой силой, что Василий заопасался, как бы она не оторвалась.

Мотор не срабатывал.

- Не пойдет без Мишки, - сказал Тимофей.

- Пойдет, куда не денется. Ты дергай, Тимофей, дергай!

Мотор стрельнул раз, другой и вдруг гулко затрещал. Тимофей, пригнувшись, тут же отскочил в сторону, а у Василия враз перехватило горло. Потной ладонью он ухватился за ручку газа, сбрасывая обороты. Руки дрожали и были как чужие, может, от волнения, а может, и от тряски. Тряска на самом деле была сумасшедшая. Дрожало все: и фанерное сиденье, на котором уместился Василий, и тонкие, обтянутые материей стенки, и стекла кабины.

Василию удалось отрегулировать мотор на малых оборотах, и теперь он привыкал к новому своему состоянию. Он глянул в окно, увидел, как мельтешит винт над головой, и от винта стелется на земле сухая трава. Желтое облачко пыли висело в воздухе, и от этого стекла кабины казались мутноватыми.

- Ну... - сказал Василий сухими губами и перевел дух.

Раньше, еще когда только думал строить вертолет, ему казалось, что полетит он легко и просто, что машина будет послушна его желаниям, повернет туда, куда он захочет. Но вот машина обрела реальную плотность, и Василий понял: дело обстоит сложнее, чем думал. За спиной - громоздкий мотор, который может не только поднять над землей, но и ударить о землю. И Василий загодя тренировался: садился в кабину, водил ручками туда-сюда, привыкал. Но тогда машина была тиха и послушна. Сейчас она была жива, перед ним все дрожало и гудело, и Василию вдруг подумалось, что Тимофея он видит, возможно, в последний раз. Но он отогнал от себя эти мысли.

Будто чужой рукой потянул на себя Василий ручку газа, замирая от нарастающего гула мотора и воя ветра, пугаясь жуткой тряски, от которой, казалось, вот-вот рассыплется легкая машина.

Грохот все нарастал, нарастал, и вдруг Василий почувствовал, как вертолет легонько качнуло с боку на бок. Он крепче вцепился в ручки, инстинктивно глянул в окно и снова увидел Тимофея. Но увидел не так, как раньше. Тимофей будто стал ниже ростом. Василий видел его запрокинутое вверх, скалящееся в улыбке лицо.

«Лечу!» - обожгло его.

Сколько ждал Василий этого мгновения, сколько перемучался и перетерпел ради него, а теперь, когда вертолет завис над землей, удивился как неожиданности. И тотчас радость нашла его, залихорадила. «Кто говорил - не полечу? Вот тебе и не фабричный! Да я, может, еще и не это могу! Гляди, Тимофей, все глядите!» Он жалел, что еще рано и никто не увидит его полета. Но все равно ведь в деревне будут говорить: «Слыхали, Васяка-то, столяр, полетел!» И все его переживания и мучения, даже разлад с Варей показались пустыми, мелкими, они сразу ушли, будто оставил их на земле. «Полетел, куда не денся, - жгло Василия. - Мы такие!»

Тимофей медленно уплывал в сторону. Вот он исчез, и впереди завиднелась зубчатая стена леса, словно обожженная сверху солнцем. «На лес несет», - понял Василий и стал соображать, как бы чуточку развернуть машину, чтобы пойти вдоль леса. Он слегка потянул рычаг поворота, но, такие послушные на земле, рули отчего-то не слушались. Вертолет никак не хотел разворачиваться. Кабина только склонилась к земле так, что Василий едва не сполз с фанерного сиденья, и машина двигалась прямо на лес, не поднимаясь и не опускаясь.

Внизу плыл низкий кустарник, он едва не попадал под винты. Сбоку бежал Тимофей, размахивая руками, советовал, видно, подняться выше или, наоборот, сесть. Но сесть тут было нельзя - попадались пни и выворотни. Оставалось одно - подняться, и Василий уже не замечал Тимофея, неотрывно смотрел на приближающуюся стену леса, все смелее и смелее тянул на себя ручку газа, чтобы взмыть над этим лесом, над низким еще солнцем, шептал спекшимися губами: «Ну, давай, миленький, давай... Подымайся туда, в небо... Подымайся, а то втешемся в сосны...»

Он уже ясно различал деревья. В ясном осеннем воздухе, высветленные солнцем, мягко розовели стволы сосен, а хвоя их была темна и плотна. Между ними желтели березы, и кое-где застывшим дымом серели осины, будто подернутые пылью - увядающие. Все это надвигалось на Василия, а машина, будто привязанная к земле невидимыми путами, не хотела подниматься.

«Так и правда втешемся», - понял Василий и с отчаянием рванул до отказа ручку газа, надеясь, что мотор все же порвет невидимые путы, бросит машину вверх, в голубую, близкую бездну неба. Но подступавшая зеленая стена не проваливалась вниз, она заслоняла собой все небо.

И вдруг, холодея, Василий услышал жуткий, необычный треск над головой. Обгоняя машину, что-то сверкающее на огромной скорости пролетело к деревьям, ударило в ветви, ломая их и срезая, и машину тотчас тряхнуло с такой силой, что Василий лбом врезался в стекло и почувствовал, как он проваливается вниз. Он еще слышал треск древесины, сухие хлопки лопающейся материи, скрежет чего-то металлического, а потом все это куда-то ушло...

С трудом Василий вылез из-под обломков своей машины. Неуверенно, будто впервые в жизни, поднялся на ноги, постоял, качаясь, но колени не держали, и он привалился спиной к шершавому стволу сосны с израненными сверху ветвями. В глазах мельтешило красное зарево, мешало видеть. Он хотел протереть глаза, но правая рука не поднялась и заняла, когда двинул ею. Протер глаза левой рукой и увидел на ладони кровь. Кровь его не удивила, будто была она совсем не его, чужая.

На вершине сосны шелестело что-то живое.

Он запрокинул голову, глядел, как на сломанную ветвь мостилась сорока, как косила вниз пугливым быстрым глазом.

- Не видала такого чуда? - прохрипел Василий. - Гляди сколь влезет. Не убавится. - И опустил голову.

Под ногами лежало отломленное колесо. Василий повел глазами дальше и увидел свой искореженный вертолет. Вырванный ударом, мотор валялся рядом со щепками от винта. Был мотор еще жив: в нем что-то всхлипывало и постанывало. Сверкающими блестками лежали в мятой траве осколки оргстекла, на них было больно глядеть. На оторванной дверце, отброшенной далеко от машины, висел на одном шурупе оконный шпингалет, которым Василий запирался в кабине.

В лице Василия что-то дрогнуло.

Он поглядел на все это, разбитое, исковерканное, так заботливо и старательно некогда им добытое, и вдруг почувствовал не боль и отчаяние, а облегчение.

Пнул ногой колесо с отломленной осью, которое откатилось и упало в траву, глянул еще раз на нелепо выглядывший тут оконный шпингалет и вдруг рассмеялся.

Сорока дернулась на ветви, отчаянно взмахивая крыльями, и это еще больше насмешило Василия. Он засмеялся уже громче, и эхо понесло по лесу его смех. Смеялся долго, до слез, изумляясь, что никогда раньше он так весело и щедро не смеялся. И так ему легко, так хорошо...

Подбежал Тимофей, остановился, раскрыв от неожиданности щербатый рот, запаленно переводил дух.

Смешно было смотреть Василию на обломки машины, на перепуганного Тимофея, его качало от смеха, и он хохотал, пока не закололо в груди.

Тогда он затих и опечалился.

- Что Тимофей, - спросил хрипловато. - Думаешь, тронулся? Нет, Тимофей, не-ет...

И медленно пошел в село.

На краю поля его встретила Варя и увела в дом.

Больничный лист Атясову хоть и выдали, но леспромхоз его оплачивать отказался: травма не производственная и вообще глупая. Сам виноват.

- Ничего, - заботливо утешала его Варя и осторожно трогала гипс на сломанной руке. - Перебьемся, Вася. Вот рука подживет, и мы свое наверстаем. Правда ведь?

- Правда, - согласно качал головой Василий. - Наверстаем. - И виновато говорил: - Руки у меня зудятся без работы. Скорее бы уж.

И снова ладно стало в доме Атясовых, тихо стало и уютно. Варя ни в чем мужа не укоряла, будто ничего и не случилось. Иногда только спрашивала задумчиво:

- Так что же, Вася, с тобой было-то? Ведь это надо ума лишиться - вертолет строить. Понять не могу.

Отвечал неохотно:

- Не знаю... Накатилось...

Когда жена была на работе, а Сережка в школе, Василий, не вынося безделья, уходил за село, глядел на еще больше потемневшую на фоне желтого поля зубчатую стену леса, похожую на перевернутую вверх зубьями пилу.

Удивлялся: в прошлые годы зима приходила быстро и оседала плотно, а тут что-то сдвинулось в привычном течении сезонов.

И на самом деле - необычное творилось в природе. Давно ушел тихий, золоченый сентябрь, уже последние дни октября закатывались, а на бурную полеглую траву, прихваченную первым зазимком, никак не ложился снег. Березы и осины стояли давно голые, с остатками вялых листьев на верхушках. Будто пристыженные они были перед соснами, ни зеленью, ни снегом не прикрытые.

Небо было серое, низкое, теплое. Ворочались день и ночь на нем тучи, уже не летние, но и не зимние, не поймешь какие. Изредка ветер пригонял заплутавшую снеговую тучу. Мелкий колючий снег косо падал вниз и таял - теплая земля не принимала его.

Но иногда небо вскрывалось полянками такой неожиданно близкой голубизны, что сердце заходило непонятно отчего.

Вот такая стояла осень...

ТРОЕ ПРОТИВ ЧУДАКА

Вечером в коридоре вразнобой застучали тяжелые шаги. То ли снег с валенок стряхивали, то ли холод. А немного погодя ко мне в комнату ввалился парень в коротком черном полушубке. И тотчас во всех углах обонялся круто настоенный запах бензина и машинного масла.

- Привет, - сказал он, энергично растирая руки. - Тут Ташкент? Нет, не Ташкент. - Он заметил на мне два одеяла. - Здесь Залесово. А наша гостиница, как видно, израсходовала дрова, отпущенные на текущий год. В связи с морозами. А в вышестоящих организациях мороз не был запланирован. Все правильно, будем мужественно мерзнуть. Ну, ладно, ной не ной... Я смотрю, мы здесь как за семью печатями. - Он кивнул на старое вафельное полотенце с новым черным штампом. - В общем, кого как, а меня звать Алексеем. Попросту - Лешкой.

Познакомились.

- Может, кофе выпьем? - спросил Лешка. - Хочешь?

Я хотел.

- Это мы живо! - Он вскочил, распахнул дверь. Пожилая администраторша с домашним деревенским лицом сидела на лавке с трактористом, привезшим муку. И разговор вела о муке.

- Скажите, - окликнул ее Лешка, - мы с товарищем хотим черного кофе. Можно два стакана?

- А водочки не изволишь? - шутливо засмеялась администраторша.

- Нет, - серьезно отказался Лешка, - водки не надо. Вот если бы кофе... Ну, что ж, - обернулся ко мне, - кофе здесь не принято. А раз нет кофе - будем довольствоваться десертом.

Лешка достал из балетки потертую книгу.

- Свет не помешает?

Но читать ему не удалось. Дверь скрипнула, и вошел мужчина. Этак здоровяк со светлыми глазами.

- Извиняюсь, - сказал он мне, - я вот к товарищу. Алексей Баткович, чего ж не идешь к нам? Отрываешься от коллектива. Нехорошо! Козла думаем сочинить. Четвертый нужен.

- Нет, Петрович, лучше почитаю.

- И так умный, - хохотнул Петрович, - идем-ка к нашим. Оно, конечно, картишки - вещь не шибко на уровне, - повернул он ко мне простодушно

улыбающееся лицо, - но мы работяги. Шофера. Из Заринской продукты привезли. Ну, пошли, Лексей, там кое-что сообразили...

- Сказал: не хочу. А там скажи: дескать, причина уважительная - товарищ свой уровень повышает.

- Чудак-человек. От коллектива-то сам знаешь... нехорошо. Ну, гляди. В случае чего, мы напротив.

Повернулся неуклюже, ударившись о косяк, и улыбнулся виновато: дескать, что с нас возьмешь - работяги.

Лешка полистал книгу:

- Не спишь? Я тоже не могу... Белое безмолвие. Хорошо пишет. Едешь, глядишь в окно - белое безмолвие. Словно про нас. Люблю Джека Лондона. В каждый рейс с собой беру. Впору в путевой лист вписывать. Только вот какая штука: на грустность иногда меня это безмолвие наводит. От Заринской до Залесова тридцать шесть километров. А если снегопад или метель - в Залесово не попадешь. По неделе там люди сидят безвыездно. И даже трактор не пробьется. Снежище - не провернешь. Снабжение же все от железной дороги. А вдруг заметет больше, чем на неделю? На месяц? И вдруг кому-то ехать срочно? Хотя бы в город. На сложную операцию. Как тогда? Еду, смотрю на снежные заносы и думаю: вот бы куда азросани! При нашей-то технике их строить - пустяки. А то ведь прямо смех: нам проще триста километров над «шариком» подняться, чем тридцать километров по земле проехать в беспокойную погоду.

- Может, у нас и без саней забот хватает? - попытался я остудить его. - Страна большая, всего много надо.

- Значит, мелочь? - озлился Лешка, и его зеленые глаза потемнели, как озеро в непогоду, а на поразительно подвижном лице возникла гримаса презрения.

- Выйди на улицу и у первого встречного спроси: мелочь ли? И тебе ответят... Знаешь, что ответят? Может, выйдешь? Ну, то-то, - размяк Лешка. - Я тебе открою секрет: сам делаю сани. По чертежам из журнала. С полочки мотор возьму. Я на него три месяца деньги откладывал. Из-за него все и стоит. Винт уже вырезал. Наши не знают. Ничего, скоро сделаю, красной краской выкрасю. А как будет непогода - рвану в Залесово. Может, по дороге пассажира прихвачу. Не за деньги. Чтоб люди смотрели и выводы делали. Знаешь... в долгу я перед одним человеком. Хочешь, расскажу?

Лешка прислонился к окну. Луна за окном большая, бесстыдная, осветленная морозом. Глядит ясно и сверлит зазеленелое стекло синим проектором.

- Вот такая же ночь была. Морозная. Словно вся синева вымерзла. Послали меня в срочный рейс: за полста километров бензин отвезти. Зап-

равил на станции цистерну горючим. И что-то неохота мне стало на ночь ехать. Плевать, думаю, на срочность. С утра выеду. Стал думать, где бы переспать. В общежитие идти нельзя: все знают - в срочный послали. А больше некуда. Отъехал я, значит, на край села, заглушил машину возле случайного дома, постучал в окно.

Выскочила на крыльцо женщина в валенках на босу ногу, в платке. Всматривается в меня. А со свету ей ничего не видать.

- Хозяюшка, - говорю, - пусти переночевать. - Голосу своему жалобность придал. Сам-то наверняка знаю: шофера всяк пустит, не откажет. «Не жалко, - отвечает, - входи».

Ну, я и вошел. Чистенькая комната. Тепло. И женщина собой ничего. Даже красивая. Я и оробел... Бывает, знаешь, когда стесняешься, так на себя наглость напустишь - и ничего. Сходит. Почему-то стеснительным казаться хуже, чем наглым. А здесь и наглость не помогла. Я просто забыл, что можно быть наглым. Оробел прямо... черт знает как...

А она чай согрела, к столу зовет. И все молча и равнодушно, словно официантка, которой все равно: будешь есть - ешь, не будешь - катись... И тут я заметил - на полу парнишка лет пяти в кубики играет.

- Где твой папка? - спрашиваю, чуть осмелев.

- А тебе что? - это она мне.

- Ничего. Просто спросил, без всяких мыслей.

- Нету его... Ушел. Он ведь тоже шофером был. Тоже по чужим домам ночлежил.

Парнишка поднял голову - слушает. Взглянул я на его кубики, и самому поиграть захотелось. Детство у меня было, знаешь... Одна мать. Да нас детей - трое. Тут уж не до игрушек. Подсел я к пацану, и стали мы вместе дом строить.

Женщина к чаю не притронулась. И меня не зовет. Положила голову на ладонь, странно так на нас смотрит. Мальчишка сопит, работает ручонками. Будильник на столе тикает - и тишина...

Долго мы с ним возились. Прилип он ко мне, не отпускает. Время позднее, спать ему надо - пацан ни в какую. Схватил меня за руку, держит, не отпускает.

Когда уж уснул - я руку высвободил... вот ведь странность какая... Потом взял я ножик, дощечку и стал ему грузовичок мастерить. Женщины спать не ложится, сидит, смотрит молча. И я - молча строгаю. До пяти утра так и просидели. Без единого слова. Игрушка хорошая вышла. Сам залюбовался грузовичком. Положил его на кроватку парнишке. Попрощался и вышел. Женщина проводить меня хотела, говорю: не надо - холодно.

Завел свой бензовоз и пошел! И вот тут на меня сон навалился. Веришь - в глаза словно клею плеснули. Дорога ровная, в кабине тепло, убаюкивает. Не люблю ровные дороги за это. Не успел далеко отъехать -

столкнулся с трактором. Он трубы вез на санях. В тумане за машину его принял, на скорость не среагировал.

Очнулся от удара. Шумит. То ли в голове, то ли еще где. Выскочил из кабины, сон как украли. Сбоку цистерны пар хлещет. Труба цистерну пробила, бензин и льет, словно из хорошей колонки. До сих пор удивляюсь: как не загорелся? Искры от удара хватило бы. Тракторист попался молоденький. Перепугался, аж заикается. Да и у меня внутри - холод. Сердце вот-вот выпрыгнет. Эй, ты! - кричу трактористу. - Замотай выхлопную трубу телогрейкой да отгони свой металлолом! Парень отогнал трактор, и стали мы вместе разглядывать мою машину. И надо же случиться - вся целая. Только дырка в цистерне. Словно разрывная пуля прошла. Отволол он меня от опасного места. Стал я мотор пробовать. Ничего, работает. «Ладно, - говорю парню, - шуруй по своим делам и забудь, что здесь было!»

- А сам - на станцию. Время - около семи утра. Подгоняю машину к общежитию. Стучу в шестнадцатую комнату, где наш комсорг Вася Савельев жил. Открывает он, заспанный, в трусах и майке. Так и так, рассказываю, цистерну пробил, весь бензин потерял.

Сел Вася, закурил, думает. «Дела, - шепчет, - дела». Я ему: что ты заладил - дела. В петлю мне теперь лезть, что ли?

- Петля - не выход. Это страх из тебя наружу прет.

- А ты бы на моем месте пел от радости?

- Смелость надо иметь за свои дела отвечать.

- Ах, вот ты как заговорил! Все вы мастера болтать! Товарищество! Взаимовыручка! Один за всех! Все за одного! А случись с человеком беда - вы в кусты? Да? Сдыхай, Лешка Иванкин, всем на тебя плевать!

Вытащил я комсомольский билет, стал трясти им. Что кричал - уж и не помню. Вижу только: побледнел Вася, схватил штаны, ногой в штанину не попадет, торопится. Вмиг оделся. Как в армии по тревоге. Достал из-под кровати свой сварщицкий щиток. И в двери:

- Пошли!

Во дворе разглядел пробину:

- В гараж!

Взяли ключи у сторожа, открыли мастерскую. Ломиком дыру выправили у цистерны.

- Теперь варить надо, - говорит Вася, - изнутри варить. Чтоб заплатка не снаружи сидела. Открывай люк, пусть цистерну продует.

Открыл. Да разве ее быстро продует. А Вася уж и робу натягивает, провод от сварочного аппарата тянет, электрод цепляет. Быстро все делает. Лучшее его сварщика отродясь не видал. Не успел я опомниться - он в люк лезет. У меня в пятках зуд начался. Чиркнет - думаю, электродом, бензиновые пары и взыграют, разлетится цистерна, как детский шарик. Вася словно понял меня, бросил: «Отойди подальше!»

Стою, и ноги сами назад тащат. Можно было и отойти. Он сам просил. А душа против. Совестно. Из-за меня человек рискует, а я, как самый последний подлец, прятаться буду. Кровь в голове от напряжения шумит. Перед ожиданием.

И все же я отступил. По гроб не забуду и не прощу себе. Как ударил грохот в цистерне - меня, словно ветром, назад. Конец Ваське - подумалось. А грохот снова и снова. Из люка дым едкий идет. Минут пять гремела цистерна. Тут и слесаря и шофера собрались. Стоят, оцепенели. Сроду такого не видели.

Потом, лишь затих грохот, кинулся я к цистерне. Ребята следом. Вытащили Васю. Лицо в копоти. Бледный. Рвать его стало. Наглотался паров. Умыли мы его, усадили. Ему и легче стало. Сколько, спрашивает, бензину было?

- Тысяча по накладной.

- Ребята... кидайте талонов... Отдаст потом...

А ребята у нас, знаешь... вмиг набрали.

Заправил я снова и, пока начальства не было, - в свой рейс. Отвез как положено. Поворчали, правда, малость в районе насчет того, что поздно. Да ничего, обошлось. Лучше поздно...

А на другой день меня и Васю начальник автобазы вызвал. Я рассказал, как было дело. Конечно, о том что недоспал - ни-где ни слова. Ладно, отпустил он меня. Раз отвез - свой долг выполнил. Насчет пробоины цистерны - залатали же. Бензин - занял. Не к чему особо-то придираться. Простили на первый раз. Молодость и прочее.

А с Васей долго в кабинете разговаривали. Не знаю о чем. Но только хмурый он вышел. Как ни допытывался - молчит... Только отшучивается. Веселый он, Вася.

А потом как-то из рейса приезжаю, ребята мне: Васька Са-вельев уволился и уехал. Меня словно холодной водой. Поспрашивал - никто не знает куда. Родных у него не было. Он к нам из армии пришел... Холодно мне без него стало. Во сне долго его видел. Сейчас - реже. Время стирает... Лицо его стал забывать. А вот душу - не могу. И не забуду. Мне тоже захотелось для людей что-то хорошее сделать. Ну, вроде азросаней, что ли. Я и гусеницы для грузовика конструирую. Съёмные. По болоту и снегу ездить... Растравил себе душу. Дай-ка сигарету. Пойду покурю на улице. Форточки тут не в моде.

А потом, деликатненько постучав, вошел Петрович:

- Извиняюсь. А где Алексей Баткович? Не надоел он вам? - лицо его лоснилось от внутреннего тепла и сытости. - Чудак он, ей-бо! Шофер - вполне положительный. И кабы не его эти самые выверты - был бы человек на уровне. А то... - Он склонился и шепотом: - Бабу взял с пацаном. Женится! Нешто без пацана не нашел бы? Чудак, ей-бо!.. Или вот книга... Я ее давно у него приметил... Не по-нашему писана. Бук-

вы чужие, не наши. А зачем? Зачем работяге чужой язык? Кабы рейсы за границу были. Баловство все это. Сначала книга чужая... потом... - Он остро глянул на меня положительными голубыми глазами. - А отчего все это? От коллектива отделяется. Индивидуализм проявляет. Надо будет попросить, чтоб поручили над ним шефствовать. Надо товарища до уровня довести. Как думаете, поручат? Время ведь сейчас такое: с людьми работать да работать надо.

ЛЕДОЛОМ

Перед утром с озера донесся глухой, будто взрывной удар, от него дрогнули бревна дома. Казалось, кто-то огромный освобожденно вздохнул на все ушелье, и тотчас возродился наплывающий шум. Был этот шум плотен и всеобъемлющ, обнимал избу со всех сторон, туго наполнял ее.

Братья Аржанкины проснулись. Не зажигая света, привычно нашарили сапоги возле остывшей печки, сдернули с гвоздя возле двери стеганки, вышли.

На воле дул порывистый, сырой ветер. В крошечной тьме под крутым берегом ворочалось озеро, освобождаясь ото льда. Братья взволновались, глядели под ноги, в темень, где невидимые волны взламывали ледяные поля, крошили в густое месиво, гнали далеко, к истоку Бии.

Почти полгода Николай и Михаил Аржанкины провели в безлюдье. Осенью по чернотропу ушли в тайгу и вернулись с промысла на кордон в середине февраля, где дожидалась их Нюрка, жена Николая. С тех пор томились от безделья, заросли бородами, подолгу сживали на берегу, глядя вдаль.

Там, в шестидесяти километрах был районный центр - Ключи, где жили отец с матерью и безмужняя сестра Варя. Но до Ключей не добраться. Идти пешком через хребты - без ног останешься. По льду - тоже дело гиблое. Зима стояла мягкая, и озеро парило черными полыньями.

С приходом ветра-ледолома братья почувствовали обновление. Николай вспомнил запах районного промтоварного магазина, на полках которого вперемешку лежали и конские сыромятные уздечки, и транзисторные приемники. Там, в самом углу, небрежно заброшенные мотками веревки и другими хозяйственными товарами, грезился ему подвесной лодочный мотор «Вихрь». Очень явственно виделся: сквозь щели грубого речного ящика - серебристый коляк обтекателя, уляпанный салидолом. И тонкая парापина на боку от неосторожной выгрузки. Знакомая такая парापина, словно сто раз ее видел.

Давно такой мотор желал Николай, потому что его движок совсем износился, отказывал в самый неподходящий момент и по скорости ни в какое сравнение с «Вихрем» не шел. И давно бы Николай купил себе такой мотор, потому что промышлял неплохо и деньги у него водились, да жена не позволяла.

Зимой, бывало, уговорит ее, и она согласится, а весной, когда приплывут в магазин, - на попятную. Зажмет в маленьком костлявом кулачке деньги - не подступись к ней. Жадно взглядывает на прилавок и полки, где разложены вороха одежды, щупает, примеряет. А потом вместо мотора покорно тащит за ней Николай разную бабью галантереею, без которой, по мнению Николая, вполне можно было бы обойтись.

В прошлом году, по весне же, купила ему кофту, каких тот сроду не видывал. Пеструю, расписанную нездешними яркими листьями. Примерил в доме стариков перед зеркалом - хоть плачь, хоть радуйся. Как пожелаешь.

Да еще отец усмехнулся:

- Ты в ей на улицу-то не выходи, Колька. Петухи заклюют.

- Ну что вы, папа. Отсталый какой, право. Теперь это модно, - убеждала Нюрка и все нахваливала свой подарок.

Однако кофту эту Николай снял и даже в магазин носил. Да разве там возьмут назад? Рады, поди, что нашелся дурак - купил. Так и валяется до сих пор в сундуке вместе с Нюркиными вещами. Глаза у нее до тряпок жадные, а того не замечает вроде, что рядиться не перед кем. Всю зиму да половину лета на кордоне проводят, вдалеке от людских глаз. А там самая милая одежда - ватная телогрейка да спецовочные штаны, которые и недороги, и сядешь в них где захочешь, беречься не надо.

На этот раз Николай решил ублажить жену. Убил за огородом пару линялых зайцев, сказал:

- Ты отдохни, Нюра. Выходной тебе сделаю.

Настряпал пирожков со свежатиной и завел старую песню про мотор после обеда, рассчитывая, что жена пообдрет.

Нюрка разгадала нехитрый умысел, обрезала:

- Других дыр много.

- Дак их никогда все-то не залепишь. Все-то дыры... Без дыр-то и не бывает, - уговаривал тихим, сипловатым голосом.

Мишка в одежде валялся на постели от нечего делать. Руки под голову, глаза в потолок. Слушал нерешительный голос брата, дивился. Нюрка-то плоская, белобрысая, остроносая бабенка. И где только такую откопал брат. Ну, то, что некрасивая, - не беда. Бывает, баба красотой не выйдет, так характером возьмет, за душу ее полюбишь. А у этой и души, кажется, нет. Сварлива до невозможности. С утра заведется, с причиной, без причины ли, - гундит и гундит, будто наверстывает за то время, пока Колька тайговал.

И все-то не по ее: и как сказал муж, и как ступил. Другой мужик давно бы либо ее прогнал, либо сам ушел куда глаза глядят, а этот терпит, будто так и надо и по-другому быть не может. И ведь берут таких, как Нюрка, женятся на них. А может, такой и надо быть - настырной. Может,

по-другому и не проживешь? Вон безответна Варька, так и жизнь наперекос.

Помянул сестру - сердце зашлось от жалости. Любил он ее за тихость и ласковость. Сидит она, бывало, дома с вышивкой, не видно ее и не слышно, а в избе от нее будто светлее. Что ни скажешь, что ни попросишь сделать - «ладно». Одно только слово от нее и услышишь.

Ее беспомощностью и воспользовался завгар, где она работала бухгалтером, большеротый, с пролысинами мужик. Оставил ее после смены подбить какой-то отчет, да и взял силой на засаленном дерматиновом диване, на котором редкий шофер не сиживал.

Она никому ни слова, ни полслова - к озеру.

Мишка пришел с работы, в гараже же слесарил, будто сердцем почувал: всегда она приходила вовремя, а тут нет ее. Кинулся искать. И почему-то прямиком - на берег. А она уж на припаромке. Веревка в руках с камнем и петлей.

Завгара он на другой день избил прямо в кабинете. Избил зверски, страшно, себя не помнил. Завгара - в больницу. Мишку - в отделение. Судили. Адвокат все допытывался:

- За что?

Отвечал односложно:

- По пьянке.

Отсидел два года.

Теперь, слушая перепалку брата с женой, ухмыльнулся.

За живое задела Николая эта ухмылка.

- А я говорю - куплю. Значит, куплю!

- Мы это еще посмотрим.

- Смотреть нечего. Кто тут хозяин?

Нюрка ехидно скривила остренькое, птичье лицо.

- Ты хозяин? Да какой ты хозяин, тюха ты!

Мишка заржал.

Тут уж Николай не выдержал, ругнул жену. Она сразу же, забрав собак, ушла к отцу на соседний кордон за восемь километров. Перед уходом грозилась:

- Ты еще придешь за мной. Поплачешь. На коленях поползаешь!

- Нужна ты мне! Сама прибежишь! - говорил ей Николай, возвышаясь в собственных глазах. Припоминал все унижения мужицкого достоинства, распаялся. Мотор решил брать непременно, боялся одного - пыл быстро пройдет.

...Михаил жадно вдыхал весенний воздух, хмелел, представляя, как он съест пушнину, купит дорогой костюм, белую рубашку, неделю погуляет со знакомыми парнями широко, вольно - даст истомившейся душе праздник, а потом пойдет устраиваться на работу в тот же гараж. Благо, слесарей не хватает, да и завгара перевели в другое село, где его еще не знают.

Мечтал, как будет жизнь свою налаживать. Сердце вздрагивало и чистило, когда припоминалась белолицая, наливная повариха Клаша из лес-промхозовской столовой.

До серого, промозглого утра Аржанкины ворочались на кроватях. Потом бродили по берегу, оглядывая до тошноты надоевшие за зиму дом, сарай, приземистую, закопченную даже снаружи баньку с прошлогодней польнейю на крыше, клочок огорода с бабушкой, готовящейся рожать землей.

К полудню по мутной, густой воде приплыл Митрич, приемщик заготпушнины. Митрич привязал моторку к коряге, легко, без одышки поднимался на взгорок, где братья что-то ошалело-радостное кричали первому в эту весну человеку.

Приемщик - мужик в годах. Не толстый, и не скажешь, что худой. Широкое лицо чисто выбрито, цвета здорового, как это бывает у людей, много времени проводящих на природе и некурящих.

Глаза у него были удивительные: прозрачные, серые, детски чистые, в которые заглянешь, и отчего-то застесняешься. Был Митрич в зеленом дождевике поверх стеганки. На боку кирзовая сумка.

В избе Митрич покосился на незаправленные кровати, на грязный, заваленный сухарными огрызками и костями стол.

- Баба-то где твоя, Николай?

- А-а, подалась к отцу, - неохотно ответил тот.

- Чего так?

- Осердилась.

- Нехорошо, Николай, нехорошо... - Митрич покачал головой, неодобрительно косясь на Михаила. - Ты ее должен понять, бабу-то. Легко ли ей тут с двумя мужиками. Вас ведь накормить, обстирать надо. А хорошего слова от вас, поди, не дождешься.

- Ты нас не жалея, ё-моё, - перебил Михаил, начиная почему-то злиться. - Надо будет, сами пожалеем.

- Ну, шут с вами. Как хотите.

Митрич снял шапку, плащ, повесил их на гвоздик у двери. Сумку нацепил поверх телогрейки. Он оказался начисто лыс, только у висков рос редкий гусачий пушок.

Сдвинул рукавом сухари на середину стола, сел на табуретку, протяжно вздохнув.

- А я намаюсь, покуда до вас добрался. Плыву, а лед так и шебуршит у бортов. Не дай бог, что с мотором, так и затрет льдами, утопит. Душой весь перемаялся... Поднесите гостю-то.

Аржанкины дружно захохотали. Они и вкус водки забыли.

- Бедно живете, - ласково улыбался Митрич. - А все почему? Потому что русский мужик задом умен. Сколько ни запасет, а все до весны не хватит. Так нет, чтобы сказать: Митрич ли, черт ли, дьявол, привези нам

по-другому и не проживешь? Вон безответна Варька, так и жизнь наперекос.

Помянул сестру - сердце зашло от жалости. Любил он ее за тихость и ласковость. Сидит она, бывало, дома с выпивкой, не видно ее и не слышно, а в избе от нее будто светлее. Что ни скажешь, что ни попросишь сделать - «ладно». Одно только слово от нее и услышишь.

Ее беспомощностью и воспользовался завгар, где она работала бухгалтером, большеротый, с пролысинами мужик. Оставил ее после смены подбить какой-то отчет, да и взял силой на засаленном дерматиновом диване, на котором редкий шофер не сживал.

Она никому ни слова, ни полслова - к озеру.

Мишка пришел с работы, в гараже же слесарил, будто сердцем почувал: всегда она приходила вовремя, а тут нет ее. Кинулся искать. И почему-то напрямиком - на берег. А она уж на припаромке. Веревка в руках с камнем и петлей.

Завгара он на другой день избил прямо в кабинете. Избил зверски, страшно, себя не помнил. Завгара - в больницу. Мишку - в отделение. Судили. Адвокат все допытывался:

- За что?

Отвечал односложно:

- По пьянке.

Отсидел два года.

Теперь, слушая перепалку брата с женой, ухмыльнулся.

За живое задела Николая эта ухмылка.

- А я говорю - куплю. Значит, куплю!

- Мы это еще посмотрим.

- Смотреть нечего. Кто тут хозяин?

Нюрка ехидно скривила остренькое, птичье лицо.

- Ты хозяин? Да какой ты хозяин, тюха ты!

Мишка заржал.

Тут уж Николай не выдержал, ругнул жену. Она сразу же, забрав собак, ушла к отцу на соседний кордон за восемь километров. Перед уходом грозилась:

- Ты еще придешь за мной. Поплачешь. На коленях поползаешь!

- Нужна ты мне! Сама прибежишь! - говорил ей Николай, возвышаясь в собственных глазах. Припоминал все унижения мужицкого достоинства, распался. Мотор решил брать непременно, боялся одного - пыл быстро пройдет.

...Михаил жадно вдыхал весенний воздух, хмелел, представляя, как он едаст пушнину, купит дорогой костюм, белую рубашку, неделю погуляет со знакомыми парнями широко, вольно - даст истомившейся душе праздник, а потом пойдет устраиваться на работу в тот же гараж. Благо, слесарей не хватает, да и завгара перевели в другое село, где его еще не знают.

Мечтал, как будет жизнь свою налаживать. Сердце вздрагивало и частило, когда припоминалась белолицая, наливная повариха Клаша из лес-промхозовской столовой.

До серого, промозглого утра Аржанкины ворочались на кроватях. Потом бродили по берегу, оглядывая до тошноты надоевшие за зиму дом, сарай, приземистую, закопченную даже снаружи баньку с прошлогодней польнью на крыше, клок огорода с набухшей, готовящейся рожать земляей.

К полудню по мутной, густой воде приплыл Митрич, приемщик заготпушнины. Митрич привязал моторку к коряге, легко, без одышки поднимался на взгорок, где братья что-то ошалело-радостное кричали первому в эту весну человеку.

Приемщик - мужик в годах. Не толстый, и не скажешь, что худой. Широкое лицо чисто выбрито, цвета здорового, как это бывает у людей, много времени проводящих на природе и некурящих.

Глаза у него были удивительные: прозрачные, серые, детски чистые, в которые заглянешь, и отчего-то застесняешься. Был Митрич в зеленом дождевике поверх стеганки. На боку кирзовая сумка.

В избе Митрич покосился на незаправленные кровати, на грязный, заваленный сухарными огрызками и костями стол.

- Баба-то где твоя, Николай?

- А-а, подалась к отцу, - неохотно ответил тот.

- Чего так?

- Осердилась.

- Нехорошо, Николай, нехорошо... - Митрич покачал головой, неодобрительно косясь на Михаила. - Ты ее должен понять, бабу-то. Легко ли ей тут с двумя мужиками. Вас ведь накормить, обстирать надо. А хорошего слова от вас, поди, не дождешься.

- Ты нас не жалеи, ё-моё, - перебил Михаил, начиная почему-то злиться. - Надо будет, сами пожалеем.

- Ну, шут с вами. Как хотите.

Митрич снял шапку, плащ, повесил их на гвоздик у двери. Сумку нацепил поверх телогрейки. Он оказался начисто лыс, только у висков рос редкий гусачий пушок.

Сдвинул рукавом сухари на середину стола, сел на табуретку, протяжно вздохнув.

- А я намаялся, покуда до вас добрался. Плыву, а лед так и шебуршит у бортов. Не дай бог, что с мотором, так и затрет льдами, утопит. Душой весь перемаялся... Поднесите гостю-то.

Аржанкины дружно захохотали. Они и вкус водки забыли.

- Бедно живете, - ласково улыбался Митрич. - А все почему? Потому что русский мужик задом умен. Сколько ни запасет, а все до весны не хватит. Так нет, чтобы сказать: Митрич ли, черт ли, дьявол, привези нам

по весне. Я бы привез. Вон тесть твой, Николай, заказал. Везу ему парочку. В лодке лежат. Как огурчики. Не могу отказать, когда просят. Душа у меня такая, через нее и маюсь.

- Во дает, ё-моё, - обрадовался Мишка. - Дак я принесу.

- Как это ты принесешь? Человек заказывал с осени.

- Уважь, Митрич, - попросил Николай, искательно заглядывая в светлые, сочувствующие глаза.

- Че мне с вами делать? - думал вслух Митрич. - Отдать уж ли, че ли? И тестя твоего, Николай, обидеть не хочу, да и вас жалко. Это ведь надо - целую зиму без выпивки. Ладно, мужики, отдам.

Он сам сходил на берег.

Мишка торопливо прибрал на столе. Нарезал желтого сала, достал из подвешенного к потолку мешка сухарей, вымыл стаканы.

Братьям Митрич налил по граненому, себе плеснул чуть на доньшке. Бутылку аккуратно закупорил пробкой.

- Зачем? - хмыкнул Мишка. - Еще пить будем.

- Когда будем, тогда и откроем. Чего добру выдыхаться?

- А почему себе мало? Так не бывает. Поровну надо, - возмутился Мишка, захватывая ладонью бутылку, но приемщик прикрыл стакан.

- Куда мне, старику, с вами тягаться. Вы-то вон какие медведushки. Вам и самим не хватит.

- Че-то мудришь, дядя, - покачал головой Мишка.

Аржанкины выпили, занюхивая сухарями.

- Как прошла? - поинтересовался Митрич.

- Как по маслу.

- Ну вот и слава богу.

После водки братьям стало легко. Они спросили, как живут мать, отец, сестра Варя, много ли пушнины сдают охотники с низовьев.

- Врать не буду. На соболишек нынче урожай. По сорок, а кто и шестидесят котов сдал. Сами-то как?

- Средне, - уклонился Николай.

Митрич налил братьям еще по стакану из другой бутылки, себе плеснул. Выпили, раскраснелись. Мишка скинул рубаху, остался в майке. На плечах и руках синела татуировка: «Не забуду мать родную», «Нет в жизни счастья», черт с гитарой верхом на луне, еще что-то.

Митрич его улыбочиво разглядывал.

- Разрисовали тебя там, однако... Поди, весь разрисованный?

- Весь! - скалился Мишка.

- И на пузе есть?

Мишка задрал майку. Там красовалась рожа во все брюхо.

- Вишь, - хвастал Мишка. - Сейчас она смеется, потому что сытая. А жрать захочу - она плачет. Узнаем по ей, когда жрать садиться. Она у меня вроде барометра.

- А сзади есть?

- Где сзади?

- Ну, там...

- А-а, есть, есть! Кочегар с лопатой. Когда иду, он уголь лопатой шурует. Показать? Со смеху сдохнешь!

- Подь ты, - отмахнулся Митрич. - Пушнинки-то много ли набил? Хватит ли на тряпки, чтобы кочегара прикрыть?

Мишка уже разошелся.

- За нас не бойсь! - Сбегал в кладовку, принес свой мешок, высыпал соболей на неметеный пол. Картинно распрямился.

Митрич нехотя склонился, небрежно перебирал шкурки одной рукой, шевелил толстыми губами. Всех соболей разделял на две неравные кучки.

Поднял светлые глаза.

- Вот за эти, - показал на маленькую кучку из пяти шкурок, - по четвертаку приму, а те, - лениво кивнул на другую кучку, - по восемнадцать. Хотя дороговато будет и по восемнадцать. Пролысины на меху есть. Больные коты пошли ли, че ли...

- Постой, Митрич, - осторожно вмешался Николай. - Где ты видел пролысины? Я сам Мишкиных котов разделял. И ость, и подшерсток - все на месте. Цвет опять же хороший. Ты погляди, темненькие они, бусеньких совсем мало. Давай уж по совести.

- Дело, конечно, ваше, - пожал покатыми плечами Митрич, - ежели мне не верите, сдавайте другому заготовителю. Но только скажу: нынче шибко строго принимают. Чуть где потерто - на полцены косят. А там разбейрайся: об дереве кот ободрался или больной... - Помолчал. Лицо его смягчилось. - Я-то думал, сделаю вам, как лучше. Свои ведь люди. Соседи... - Укоризненно посмотрел на братьев, вздохнул обиженно. - Вот они, люди-то... Им хочешь, как лучше, а они за твою доброту твоим салом да по твоим мусалам.

- Ладно, начальник! - Мишка покачивался над грудой шкурок. - Че мы как на толкучке, ё-моё. Сколько мне причитается?

- Ну вот, это - по-нашему, - просветлел Митрич. - Зачем тебе по конторам с пушнинной шляться. Я вот приму у тебя, - хлопнул ладонью по сумке. - Чек выпишу. Бывали у тебя чеки?

- От сырости?

- Ну вот, выпишу чек. Приедешь в Ключи, зайдешь в банк и чек в окошечко, как капиталист какой. Прошу, мол, мои денежки.

Приемщик опять потянулся к соболям и работал уже двумя руками. Встряхивал шкурки, дул против шерсти.

- Вот эти, как и договорились, - по четвертаку, а те тридцать шесть штук по восемнадцати...

- Тр-р, начальник. Почему тридцать шесть? А вон ту пару ты зачем не считаешь? Забыл, что ли?

- Какую пару? Вот эту? Ну, ты, парень, совсем неграмотный. - Заготовитель казался растерянным от Мишкиной непонятливости, глядел на него ясно и прямо. - Это за водку и за то, что на месте принял. Спроси брата. Он наши законы знает.

Мишка повернулся к брату.

- Это какие такие «наши»? Раньше их не было.

Николай опустил глаза:

- Придумали.

- Кто придумал? Заготпушнина? Не-ет, вижу, не заготпушнина. Может, ты, Колька, придумал? Тебе он на руку, такой закон, ты его и придумал? Нет, не ты? Ага, значит, ты, Митрич, ангельская твоя душа!

Мишка уже орал, диковато скалился. Колька струхнул, пытался его уговаривать, но тот не слушал.

- Отвали, я такие законы знаешь где видал? Я их в лагере не признавал. А тут, на воле!

- Да он пьяный, че с ним разговаривать, - тихо сказал заготовитель и поднялся. Чувствовал: самое время уйти.

- Нет, погоди. - Мишка поймал его за ворот плаща, накручивая на кулак грубую ткань. - Ты мне скажи-и!

Страшен был Мишка с прищуренными в ярости жгуче-черными, как у цыгана, глазами, со всклокоченной, нестриженной головой. По тагуированным плечам перекатывались мускулы.

Митрич вдруг вырвался и с неожиданным проворством кинулся в дверь.

Мишка кинулся за ним, но брат загородил дверь.

- Че ты делаешь? Ты знаешь, че за это будет?

Они сцепились. Коренастый Мишка оказался сильнее длинного, нескладного брата. Зазвенело стекло с перевернутого стола. Падая, Николай ударился лицом о спинку кровати.

Выскочив во двор, Мишка увидел, что приемщик успел уже оттолкнуть лодку от берега и, согнувшись над мотором, торопливо дергал шнур стартера. Мишка смотрел на него секунду-другую, побежал в избу и вернулся с ружьем. Широко расставив ноги, целился.

Из избы, зажимая рукой рассеченную губу, бежал брат. Сквозь пальцы у него сочилась кровь и капала на желтую от частых стирок исподнюю рубаху.

Он ухватил ствол ружья, тянул, разбрызгивая кровь с бороды. В это время внизу, затрещав мотор и, захлебываясь, понес лодку подальше от берега. Митрич прятался за обтекателем, что-то кричал и грозил кулаком.

- Ушел, гад, - сплюнул Мишка и отдал ружье.

- Дурак ты, дурак, - плюнул кровью Николай. - За это знаешь?..

- Знаю. Да он же грабит вас, а вы молитесь на него. Ненавижу!

Вернулись в избу. Николай смыл кровь с лица, Мишка залепил ему губу пластырем. Сели на кровать, остужались. На полу валялись бутылки. В них еще была водка. Не пролилась - пробки.

- Передом живет, гад, - подивился Мишка.

Допили. Николай совсем скис.

- Ох, заварили кашу. Как расхлебывать будем?

- А ты не страдай. С тебя спросу нет.

- Это ты так рассуждаешь. А они по-другому скажут. Припаяют как соучастнику. Эх, Мишка, Мишка... Одно горе через тебя. Нюрка тот раз ушла, а теперь в милицию попадем.

- Заткнись, и так тошно. Я один виноват. Ты ни при чем.

За окном тоненько посвистывал промозглый ветер в голых ветвях. До самого вечера братья молчали, будто к чему прислушивались, и, едва стемнело, легли спать.

Ворочались и - молчали.

А на другой день приплыл на катере участковый Вася-милиционер и увез братьев в Ключи. Братья и в лодке сидели молча, сторонились друг друга, будто незнакомые.

Вася-милиционер сказал:

- Что, Михаил, надоело на воле? Назад потянуло?

На это Мишка никак не отозвался, а Николай осуждающе покачал головой и вздохнул. Для Васи.

Вася отпустил братьев к старикам, велел никуда не отлучаться, ждать, когда вызовут.

Тосковал раньше Мишка по дому, а теперь, не раздеваясь, сидел в родной избе, как в гостях. На лавке. Будто и не дома, а на вокзале, когда ты вроде бы уже и не здесь, но еще и не там, куда едешь. Нигде. В про странстве.

Мать и раньше была маленькая, иссохшаяся, а тут совсем сморщилась от нового горя. Плакала сухими глазами. Слез не осталось.

Отец, еще крепкий мужик, леспромхозовский охотник, сидел у стола, подперев руками голову. Варя, потускневшая, с красным от слез лицом, молча сидела на койке.

- Что же мне с тобой делать, Мишка... - чужим, натужным голосом говорил отец. - Ведь до чего дожил. Иду по улице, а на меня все зыркают, как на чуду какую. И Кольку вон впутал. А у него - жена. Теперь и его потянут.

- Никуда его не потянут. Скажу, один виноват.

Тягостно было в доме, и Михаилу хотелось, чтобы поскорее пришли за ним, увели, чтобы все поскорее встало на свои места, чем мучиться в неопределенности.

Мать вызвала отца в сени, и сквозь дверь слышно было, как что-то шептала ему, всхлипывая. Отец басил однотонно и редко, как бы не соглашаясь, потом замолчал.

Вскоре мать накинула шаль на жидкие седые волосы, торопливо ушла. Вернулась она не одна. Заискивающе и жалко улыбаясь, пропустила впереди себя Митрича. А он, не переступая порога, говорил скорбно:

- К вам теперь и заходить боязно. Того гляди пальнете или ножом пырнете.

У Мишки затвердели скулы, горячо под сердцем ворохнулась злость, но он затенил глаза под ледяным отцовским взглядом.

- Заходи, заходи, сосед. Никто в моем доме тебе худого не сделает.

Митрич прямо в телогрейке прошел к столу, сел на табуретку, выжидательно глядя на отца. Потом перевел глаза на плачущую мать. Сказал:

- Вот они, нонешние-то. Не знаешь, чего от них и ждать, чего выкинут. Родителей бы пожалели.

Отец хмурился, соглашаясь, кивал головой и, выждав время, заговорил раздумчиво:

- Но дак как, сосед, может, дело полюбовно закончим?

- Ты прямо сразу, - печально усмехнулся Митрич.

- А я крутить не умею. Зачем крутить?

- Эх, Кузьмич, Кузьмич... Ты сам-то подумай, как можно полюбовно, если меня чуть жизни не решили. А у меня три дочери. Осиротили бы их ни за что ни про что. Да и казенный я человек. У меня сумка с денежными бумагами. Отняли бы сумку, а самого головой в озеро. Ищи потом свищи.

- При чем сумка? Че болтаешь? - поднял голову Михаил.

- А ты сиди! - рявкнул отец. - Еще одно слово услышу, пристрелю прямо в избе, идол.

- Вот видишь, видишь, - обрадовался приемщик. - Ему слово, а он тебе десять. А того не поймет, что держаться надо тише воды. Ведь, что про него ни скажи - всему поверят. Сидел.

- Понимаю, Митрич, - продолжал отец глухо. - Тебе горько, а мне еще горше. Ведь мой сын-то. Какой ни есть, а жалко. Давай обсудим это дело и сойдемся по-соседски. Ну, посадят его. Большая тебе корысть с этого будет? Давай так: прими десять котов и дело завершим.

- Я бы рад, соседушка, да как его прощать, Мишку? Че мне люди скажут? В тот раз чуть мужика не до смерти убил, нонче в меня норвил пальнуть. А завтра че будет? Как такому с людьми жить? Если прошу - совестью замучусь. Кого-то безвинного под ружье или под ножик подставляю. Нельзя ему в обществе, Кузьмич. Как тут ни крути, а нельзя. Шибко уж дикий он у тебя.

- А мы его на кордон спровадим. К самым гольцам. Там, окромя зверья, никого нет. Там ему сподручно будет.

- Ой, прямо не знаю... Вася-милиционер велел докладную писать.

- Еще пять добавлю, - твердо сказал отец и пошел в кладовку.

Мишка выскочил в сени, шептал:

- Колькиных не давай. Он мотор купить хочет. Моих отдай.

- Без тебя разберусь.

- И что вы все трясетесь перед этим... - исходил злобой Мишка. - Ну доберется до него Вася-милиционер, ну доберется. Гад я буду, если не доберется!

Отец положил мешок к ногам Митрича. Мать расправила края мешка, чтобы видны были шкурки.

Приемщик задумчиво глядел в окно. И - молчал. Все молчали: ждали. Наконец, Митрич посмотрел на соболей. Рука потянулась к шкуркам.

- Ты не сумлевайся, сосед, - сказал отец. - Барахла не подсуну. Своих отдаю. Сплошь черненькие.

Тот равнодушно, нехотя помял мех в пальцах, сказал:

- Вот, Кузьмич, на волоске от смертушки был, а прощаю. Душа у меня такая. Сколько я через свою душу пережил - не рассказать.

А через день отец повез на своей моторке сыновей по кордонам. Первого высадил Николая. Он поклонился отцу, неловко кивнул брату, что-то хотел сказать, но не сказал, топтался, держа в руке рюкзак с подарками для жены.

«А ведь права была Нюрка. Поплачет братка, на коленях перед ней поползает», - Михаил представил себе это и отвернулся.

Поплыли дальше, огибая каменный мыс, с которого Мишка целил в приемщика. Озеро уже полностью очистилось ото льда, колыхалось вольно, покачивая горы на горизонте.

Михаил молчал, молчал, не выдержал.

- Жалко, я не стрельнул тот раз, ё-моё.

Отец с удивлением на него посмотрел, но не обругал, только вздохнул и отвернулся, глядя на излизанные волнами черные камни, где из расщелин зеленели новорожденные листья травы.

ТАЙГУН

Я плотно прикрыл за собой дверь, чтобы не настало за день, воткнул в пробой палочку и, шелестя жухлой травой, пошел через поляну к соседу.

Солнце еще томилось за горами, нетерпеливо сверлило кедром на перевале золотым прожектором, а ниже, в глубоких сырых ущельях за озером, было еще сумрачно, сине. Воздух, густо настоенный на осенней преле, с ночи был студен, и я поежился после топленой избы.

Во дворе у соседа жена его, широкая в кости Степанида, готовила болтушку, покрикивала на собак низким голосом.

- С утра пораньше? - пошутил я.

- Пропади они, змеи! - живо откликнулась Степанида, размешивая веселкой в ведре вареную картошку с мукой. - Сами кобели да собак развели!

- Много имя не давай, - предостерег из сеней Нефед. - Окормишь, работать не будут.

- Ишь че! Много не давай! Я вот как подхвачу тебя отсель со всей сворой, не знаю, куда бежать станешь. - Обернулась ко мне. - Три ить штуки, да Пулька вон гулять примеривается. Куда их столько? Успевай корми. Я бы лучше заместо них поросенка держала.

Из сеней вышел Нефед, не старый еще мужик, в брезентовой куртке, подпоясанный патронташем. Прислонил двустволку к косяку двери, взял от жены ведро. Сел на ступеньки крыльца, позвал ласково:

- Катаня... Иди, милый. Не слушай глупую бабу. Поросенка бы она заместо собак держала. А того не поймет, что с поросенком белковать несподручно. Поросенок тебя кормить не станет.

Молодой рыжий Каштан, который нахально крутился возле самого крыльца, понимая, что он любимец хозяина и первая очередь будет его, обрадованно завихлялся, сунул морду в ведро. Ел Каштан неспешно, истово, время от времени поднимая голову и с превосходством поглядывая на других собак.

Возле него, повизгивая от нетерпения, как на пружинках, прыгала миниатюрная Пулька. Удивительно изящная, кокетливая собачонка. Шерстка снежно-белая, глазки черные, с поволокой, на редкость выразительные. Пулька заискивающе смотрела на Каштана.

Старый вислоухий Тайгун, лежащий возле заплота, обиделся за Пульку, стал медленно подниматься, косясь на Каштана.

- Куда это он? - недовольно поглядел на него хозяин, и Тайгун, протяжно, по-стариковски вздохнув, покорно лег.

Пулька и Каштан целыми днями носились по поляне под окнами моего дома. Тайгун соскакивал с завалинки, стоя неподалеку, ревниво наблюдал за Каштаном умными желтыми глазами. Наконец не выдерживал, подбегал к Пулке, грудью загораживал ее от молодого, ловкого соперника, глухо рычал.

Каштан отворачивался, вдруг принимался что-то искать в траве, уходил подальше и там разгребал лапами землю, суетливо принюхивался - подманивал любопытную Пульку. И все начиналось сначала. Они возились, гонялись друг за дружкой, немного мусолили друг дружке загрибки и совсем не замечали Тайгуна, пока он не напоминал о себе.

Нефед ласково оттолкнул любимца.

- Ну, будет, будет. Опосля тайги накормлю от пуза. Облизываясь, Каштан отошел, его место заняла Пулька, которая, встав на задние лапки, чуть ли не до половины перегнулась в ведро. Ела она по обыкновению немного, и скоро ведро досталось Тайгуну.

Нефер перекинул за спину ружье, и мы пошли к берегу. Впереди бежали Пулька и Каштан. Тайгун оглянулся, оставил еду и большими, неуклюжими скачками догонял нас.

- Этот-то куда? - крикнула Степанида. - Привязать его ли, че ли?

- А, пускай с нами, - разрешил Нефед.

На берегу готовно покачивалась на мелкой волне наша дюралька с подвесным мотором «Москва». Пулька с ходу прыгнула в лодку, легла на решетчатый настил возле багажника, где было ее излюбленное место. У Каштана своего места еще не было, и, бестолково покрутившись, он устроился рядом с Пулькой. Однако подоспевший Тайгун по-хозяйски отогнал его за скамейку.

Озеро было спокойно, и скоро лодка благополучно ткнулась в песок незаповедного берега, где мы с соседом промышляли. Лодку мы вытащили на сухое, чтобы крутые волны, которые появляются здесь всегда неожиданно, не смыли бы дюральку, и сели на ствол поваленной сосны перекурить и осмотреться.

Нежаркое солнце выползало из-за перевала, высветило впадины и ущелья, и пора было взбираться по узкой тропке в гору, до самого перевала, где раскинулась верховая кедровая тайга, богатая промысловым зверем.

Нефед задавил сапогом окурок, встал.

Зарядили ружья: один ствол дробью - для белки, другой пулей - на всякий случай: тайга есть тайга.

- Ну, чтоб ладно было.

Голос у Нефедки вильнул. Он посмотрел вверх, на изломы скал, перевитые черными кустами опавшего маральника, судорожно перевел дух.

Этими словами он начинал каждый сезон. И хотя сейчас мы шли еще не промышлять, а узнать, держится ли в кедраче белка, мне понятно было волнение Нефед. Сейчас он больше всего переживал за Каштана. Тайгун в прошлом году едва сезон дотянул. Чутье у него заметно село, часто терял след, и, если бы не Пулька, быть бы соседу с пустой сумой.

Чуткость Пульки поражала. Иной раз среди ночи раздавался ее залиvistый как колокольчик, голос. Ей откликался грубоватый, раскатистый лай Каштана и сипловатый, будто простуженный, Тайгуна. Значит, медведь опять шарится поблизости. Мы лавливали рыбу и коптили впрок; пропитанные рыбьим духом доски коптильни и манили медведей, не давали им покоя. То один заявится, то другой, а как-то пожаловала медведица с медвежонком.

Стрелять их нельзя - заповедник. Только собаки и спасали наше неумудренное хозяйство от разорения - отгоняли медведей. И не было еще случая, чтобы Пулька первой не известила о приближении непрошенных гостей, которые понимали, наверное, что худого им тут ничего не сделают.

Но как бы хороша ни была Пулька, а сучка есть сучка. Загуляет не ко времени - прощай охота. Нефед отпросился в конторе, поехал в город, в лаечный питомник, и привез Каштана. Дорого щенок обошелся. Двадцать пять рублей отдал, да выпоил полтора литра водки собаководам из питомника. Щенок, правда, всеми статьями вышел, и родословная хороша, да чем черт не шутит. Вдруг да не станет работать. Бывают случаи.

Полезли на перевал. Около часа убили на это, порядком взмокли, пока показались округлые кроны кедров. Еще раз перекурили. Нефед всего две-три затяжки сделал и затоптал самокрутку. Его трясло от азарта. Поднялся с кедровой пружинистой подстилки, по-особому глянул на Пульку и выдохнул:

- Работай!

Собачонка мгновенно напряглась. Озабоченно повертела головой, оглядывая вершины ближних деревьев, и замелькала меж стволов.

Тайгун возбужденно фыркнул, прочищая ноздри, и, ломая мелкий кустарник, унесся в кедрач, но не туда, куда Пулька, а чуть в сторону. Каштан, недоуменно посмотрел ему вслед, вильнул хозяину заломленным набором колечком хвоста, ожидая ласки.

Нефед настороженно, остро на него смотрел.

- Работай, Каштан! Работай! - и показывал рукой в пустоту тайги, куда убежали другие собаки.

Каштан обежал вокруг нас, обнюхал замшелое подножье сухостойной осинки и, подняв лапу, помочился.

- Издеваешься, зараза? - побелел Нефед. Схватил хворостину, огрел любимца вдоль спины. Тот от неожиданности взвизгнул, прижал уши и

кинулся в тайгу. Скорым шагом мы углублялись в кедрач и скоро увидели Пульку, работающую по обыкновению веером. Она бежала по полянке среди высокой травы, еще не прибитой зазимком, время от времени подпрыгивая. Забавно глядеть, как, поджав лапки, ушастая длинношерстная собачонка вылетает из травы вверх и, пока в воздухе, быстро-быстро вертит головой - ориентируется. И - дальше, словно белый колобок. Росточек маленький, вот и приспособилась подпрыгивать.

Вдруг Пулька метнулась к кедру так, что трава от нее - веером. Потешно переваливая мордочку с боку на бок, оглядела верхушку и стала лаять. Лаяла негромко и не залиvisto - взлаивала. Не спуская глаз с верхушки - тяв! А сама сидит, не двигается, нас ждет.

Очень гордился этим ее качеством Нефед. Белка обычно не пугалась Пульку, с любопытством глядела на нее сверху и ждала: что будет дальше? А дальше все было просто. Нефед проходил с другой стороны и, старательно прицелившись, сшибал зверька.

Но на этот раз, не успели мы приблизиться к дереву, как оттуда донесся сильный лай Тайгуна. Нефед вполголоса выругался и ускорил шаг.

Под деревом прыгал, вставал на задние лапы и паропал когтями ствол Тайгуна. Задира л вверх морду, остервенело, с подвывом, как на медведя, лаял. Темным комком с ветки на ветку металась белка, напуганная его неистовством.

- Он че же это, змей, рехнулся? - рассердился Нефед, поднимая ствол ружья. - Так он мне всех собак перепортит.

Но выстрелить не успел. Отчаянно прыгнув, белка перенеслась на стоявшую рядом пихту. Под пихту тут же метнулась Пулька. И только Тайгун все облаивал оставленное белкой дерево, оглядываясь на хозяина. Его, удивляло, почему тот не стреляет.

Нефед заторопился, занервничал, побежал, в горячке чуть не наступил на Пульку, выстрелил.

Шарахнувшись к нам, Тайгун на лету схватил зверька, придушил, отдал хозяину.

На выстрел прибежал Каштан. Нефед сунул ему белку.

- Пусть погреплет, к запаху привыкнет, зараза.

Но Тайгун не дал. Налетел, сшиб Каштана, отнял добычу.

- Вот туняец! - выругался Нефед, жалея уже, что не дал жене привязать Тайгуна.

Пулька к убитой белке сразу потеряла интерес, покатила, покатила между деревьев и стала облаивать невысокий разлапистый кедр с гроздьями сизых от пыльцы шишек на верхушке. И на этот раз Тайгун оказался возле Пульки, громко, хрипло лаял.

Мы понимали его хитрость. Сам он уже ни верхним, ни нижним чутьем зверя не брал, да и видел, вероятно, плохо. Бежал неподалеку от

Пульки, ждал, когда она найдет белку, сразу же пристраивался, «помогал», а по существу мешал и ей, и нам.

- Ты гляди, че делаест. Сучонка работает, старается, а он не дает ей, змей. А ну, шел!

Нефед наливался злостью и уже искал глазами, чем бы огреть Тайгуна, но вдруг мы услышали неподалеку басовитое взлаивание Каштана.

Нефед открыл рот, остолбенел, потом, путаясь сапогами в траве, свистящей, кинулся на голос, торопливо взводя курки.

Каштан сидел под деревом и незлобно, вроде бы даже неуверенно взлаивал на невидимого в ветвях зверя. Сосед бесшумно, крадучись зашел с другой стороны. Держа ружье наизготовку, сощурившись, всматривался в густоту ветвей, откуда несло недовольное пофыркивание и ворчанье.

Хлопнул выстрел, прощурилась по веткам падающая тушка. Каштан прыгнул, кланул зубами. Откуда-то сбоку неся Тайгун, треща валежником. Хозяин отпнул его ногой, ошалело блестя глазами, смотрел, как Каштан возится с добычей.

Нагнулся, вынул у собаки из зубов, поднял над головой за хвост довольно черного, крупного соболя.

- Видал, а? Сразу не белку, а соболишку! Мне, мол, некогда с разной там мелкотой возиться! Мне покрупнее подавай, - лихорадочно повторял Нефед и вдруг схватил Каштана, стал целовать его в морду, приговаривая: - Мы с тобой, Катаня, шороху тут наведем, а? Молодец, змей!

Даже слезы выступили у Нефед от радости. Еще бы! По приметам, если собака первым взяла соболя, значит, соболятницей будет, а это клад, не собака.

Пока мы рассматривали добытого кота, Каштан, ободренный хозяином, азартно рыскнул в кедрач. Убежала и старательная Пулька. Тайгун было тоже зашпешил, но хозяин его остановил строгим окриком.

Тайгун стоял рядом, виновато и, казалось, стыдась смотрел на хозяина.

- Тайгун, поди сюда... - Нефед хлопнул ладонью по коленке.

Пес подошел с опущенной головой, ткнулся носом в ладонь, лизнул ее. Дышал часто, с хрипотцой, черная шерсть на боках слиплась от пота.

Нефед погладил лобастую голову.

- Че, запалился? А ить раньше бегал - ероплан и только. - Повернул ко мне разгоряченное лицо. - Веришь, загонял меня, бывало. Начнет работать - не остановишь. А теперь побегал маленько и язык на плечо. Каюк, брат, отбегался, - гладил собаку Нефед. - Только и осталось на мохнатки пустить. Да и мохнатки из тебя путевые не выйдут - шкура облезлая.

- Не жалко? - спросил я.

- Жалко, конечно, - вздохнул сосед. - Да что толку. Тайга старых и слабых не любит. Нельзя мне его оставлять. Пульку с Каштаном испортит, че я

буду потом делать? Это тайга, брат... - говорил он задумчиво. - Пенсию она никому не плотит. Как хошь крутись, а не плотит. Тут либо ты, либо тебя...

Тайгун слушал, моргал желтыми умными глазами, казалось, понимал. Вечером Нефед застрелил его.

ВОЛЧЬЯ КРОВЬ

I

Когда солнце, скатываясь к перелескам, обожгло верхушки берез, матерый поднял голову из лунки и прислушался. Это был крупный волк, красивый в своей силе и зрелости. Шея тугая. На бугристом костлявом загривке топорщилась жесткая голубоватая шерсть, металлически поблескивала на солнце, и от этого волк казался очень прочным, отлитым из упругой голубой стали.

Кончики рыжеватых ушей подрагивали на широколобой голове. Левое ухо было рассечено надвое, что придавало волчьей морде выражение суровости. Но глаза спокойно-мудры. Осенью тасил на спине полузадушенного ягненка для волчат. Из предосторожности к логову шел безлюдной обычно, болотистой низиной. Там в то раннее утро случайный охотник поджидал уток. Увидел пробегающего неподалеку волка - пальнул вдогонку.

Заряд подарил ягненку легкую смерть, избавил от мучений в молодых, неумелых зубах. Одна картечина ужалила и матерого. Рана быстро зажила, затянулась лысой черной кожей, и теперь, казалось, у него три уха. И каждое слушает и сообщает хозяину, что творится на этой снежной равнине, побитой ржавыми веснушками кустарников и островками берез, расстелившихся застывшим дымом.

Поднимал он голову умышленно медленно. Показывал своей неспешностью отдыхающей семье, что не встревожен ничем. Просто день кончается, пустой желудок льнет к хребту, заставляет думать о добыче. Все это поняли и глядели на матерого из снежных лунок со спокойным ожиданием.

А он - слушал. Долго слушал, внимательно. Окаменел весь. Плотно сомкнул челюсти и дыхание задержал. Всеми тремя ушами слушал, каждой шерстинкой.

Наступал особый вечерний час, когда одни звери и птицы готовились к ночлегу, другие - к охоте. Но все они пока притихли по норкам, ложкам и гнездам. Ждали, когда минует стык дня и ночи, и каждый займется своим делом. Только далекая сорока нарушала безмолвие этого часа: возмущенно стрекотала в березнике.

Волк сел и огляделся. Обшарил глазами ржавый кустарник, завязший в рыхлом снегу и уже распластавший по сугробам тонкие ломаные тени.

Осмотрел каждый бугорок: не тронут ли чужими следами, пригляделся к далекому взгорку с забжавшими на него березами.

Там густое и теплое мартовское солнце барахталось в паутине голых ветвей, не могло выпутаться и медленно оседало вниз. Над солнцем и леском кружили несколько ворон. Видно, успели чем-то поживиться и созидали сородичей.

Матерый широко зевнул и потянулся на лапах, с хрустом разминая кости. И сразу зашевелилась вся семья. Поднялась волчица, стряхивая с округлого живота комочки талого снега. Вскочили из лунок чуть поодаль два переярка и три молодых волка. Молодым надоело лежать во время дневки и они, скалясь в улыбке, лезли к матери, заигрывали. Небольшо хватали за шею, мусолили шерсть.

Волчица недовольно изворачивалась. Показывала белые, аккуратные клыки: у нее постоянно сосало в животе от голода.

Матерый строго глянул на переярков, затеявших веселую возню, оттолкнул грудью льнувших к матери молодых. Фыркнул, прочищая нос для новых запахов, и, широко раздвигая пальцы лап, пошел по рыхлому снегу, к березнику, над которым висели вороны.

Отойдя немного, пропустил вперед всю семью. Волчице положено идти впереди, она не подведет стаю: опытна, осторожна. Переяркам - материнский след торить, чтобы молодые не выбились из сил раньше времени. Матерому же - беречь стаю с хвоста.

Встречное солнце слепило. Матерый часто оборачивался, оглядывая почерневшие кусты, и даже тогда чувствовал кожей, как пылал березник, просвеченный густым солнцем. Боковым зрением он видел четкие синие тени обочь следа, когда волчица брала в сторону, обходя занесенные снегом буераки, и на его морде появлялась недовольная гримаса.

Тени не отставали ни на шаг, и он хотел, чтобы солнце поскорее скатилось к подножьям деревьев, потухло, как головешка от охотничьего костра. Тогда их тени исчезнут. Они сами станут тенями, наступит их, волчье время.

Волчица шла не быстро. Она была уже тяжела, да и лапы увязали в глубоком, набухшем снегу. Бока ее потемнели от пота, шерсть слиплась. Из приоткрытой пасти рвались клочки пара. Но березник был уже совсем близко. Над ним по-прежнему кружили вороны и ныряли вниз, и волчица прибавила ходу. Молодые приотстали, сбиваясь со следа, и отец их легонько подталкивал. Он не любил, когда семья растягивалась: так она более заметна.

По березнику проходила хорошо накатанная дорога. Ржаво поблескивала санной колеёй, чернела комьями конского навоза. Посреди дороги, будто ветер ворошил лохмотья, копошились вороны, склевывая овес, просыпанный мужиками. Неподалеку на низком суку березы трещала сорока. Ее не подпускали к поживе.

Увидев волков, вороны перестали клевать. Замерли, выжидая: может, пришельцы обегут их стороной. Но те уже перемахнули через ноздреватый придорожный сугроб и, приюхиваясь, - к ним напрямик. Вороны неохотно взлетели. Покружили и стали моститься на верхушках берез, кося вниз тусклым глазом. На всякий случай убралась подальше и осторожная сорока.

Волки подобрали овес, покрутились - больше ничего нет и побежали по дороге мелкой рысью, приюхиваясь к конским котухам, к смерзшимся ошметьям силоса.

Хорошо бежать по гладкой дороге. Ноги сами несут. Не вязнут, не скользят. Эту дорогу матерый любил. По ней в трескучие морозы, когда на лесную добычу надежды не было, бегал в деревню и всегда возвращался с поживой, не оставив следов. Если же недалеко отсюда свернуть в сторону, мелкоснежной бровкой легко добраться до заболоченной низины. Там, в тальниковых кустарниках, часто кормятся и устраивают лежки лоси. Вечер нынче теплый. Снег размяк - неслышный. Слабый ветерок дует - как раз для охоты.

Повеселел матерый, хвост вытянул со спиной вровень. Добродушно поглядывал на переярков и молодых. А они играли на ходу. Весело скалясь, кидались друг на друга, хватали за горло. А что им не играть, не радоваться жизни, если наступает их время жить?

Волчица и та улыбается приоткрытой пастью. Учужала запах подтаившей за день земли, взволновалась. Скоро ляжет она в старой своей норе у высокого речного берега. В страхе и радости станет ожидать нового потомства.

Лето - время сытное, доброе. Поведет она головастых, неуклюжих волчат на ягодную поляну - животы укреплять, и не надо будет следы запутывать. Летом все равно: злой ли пробежал зверь, добрый ли - приметная трава расправится, всех покроет.

Солнце уже затухало под деревьями, когда матерый услышал впереди скрип полозьев, брэнчанье лошадиных сбруй и тонкие людские голоса. Волчица резко осадилась, так, что переярки с маху налетели на нее. Она отпрыгнула в сторону. Оглянулась на матерого, тяжело дыша.

Из-за поворота вывернулись и катились под уклон, навстречу волкам, три подводы, косо высвеченные последними лучами солнца. Длинные, уродливые тени лошадей и санных возов скакали по сугробам. От этого и лошади, и подводы казались неправдоподобно огромными, страшными.

Волчица высоко задрала морду, втягивая ноздрями влажный воздух. Ветерок обогнал обоз, принес сладковатый запах лошадиного пота и прелого сена. Волк разглядывал нарастающие подводы. Вozy невысоко горбились сеном. На головном и последнем болотными кочками лежали мушкетеры в шубах. Под руками - ничего, лишь вожжи.

Матерый не почувствовал опасности и решил поблизости переждать, пока проедет обоз. Он сошел с дороги, сел в снег под березой. Волчица устроилась рядом. Каждой мышцей напрягилась. Уже не за себя боялась, за будущих волчат.

Переярки и молодые нерешительно топтались перед родителями, и волк показал им зубы. Те покорно спрятались за спинами старших. Сбились плотной кучей, исподлобья глядя на дорогу.

Головная лошадь вдруг захрапела, вразнобой забила копытами. Норовила вырваться из оглобеля, но сани катились под уклон, не давали остановиться.

Мужик встрепенулся на возу, вскочил на колени, разметав полы шубы. Что-то прокричал тонким, испуганным голосом другому мужику. Задний возница тоже вскочил, закричал, замахал руками. Теперь все лошади храпели и бороздили подковами накатанную дорогу, пытались остановиться.

Передний мужик горланит не устая, отчаянно раскручивал над головой концы вожжей. Его лошадь, дико закатив глаза и дрожа всем крупом, лезла на грязный сугроб, застревая ногами в глубоком снегу. Но в это время другая налетела на ее воз, зарылась мордой в сено, заржала от боли и страха.

Передняя инстинктивно дернулась, сани подтолкнули ее, она боком вырвалась из сугроба и понесла вперед, кося белым глазом на сидящих в каменной неподвижности волков. Седок от рывка едва не свалился назад, под копыта следом бегущей лошади, но успел зацепиться за веревку и пластом лежал на возу, верещал пронзительно, как загнанный насмерть заяц.

Проносясь мимо волков, оставил на них молодое большеротое лицо, искореженное страхом. Свободной рукой раскручивал вожжи над головой. Ждал: вот-вот стая метнется наперерез его саням. И вон тот, пока еще неподвижный зверь с толстой шеей, прямо и просто глядящий на него, первым взлетит к горлу коня, хрястнет челюстями, и вся стая насыдет на бьющуюся в судорогах лошадь, и неизвестно, что будет с ним самим.

Однако стая не шелохнулась, и на лице, на котором, казалось, остался один черный кричащий рот, мелькнула надежда. Проскочив опасное место, он долго еще глядел назад. Вторая лошадь не отставала, норовила спрятать морду в сено переднего воза - так ей было спокойнее.

Когда проносились третьи сани, возница отчаянно свистнул, сорвал с головы шапку, пустил в волков. Молодые шарахнулись от летящего к ним предмета, напоминающего мертвую ворону, завязли в снегу. Обоз пролетел мимо, обдав волков снежной пылью из-под копыт, запахом прелого сена и лошадиного пота.

Человеческий крик еще долго дрожал над дорогой и потерялся за поворотом. Тогда матерый подошел к черневшей в снегу шапке, обнюхал ее издали. Переярки и молодые жадно нюхали, загривки их щетинились.

Солнце совсем потухло, и волки стали теньями. Осмелели и уже по-хозяйски трусили по дороге. Наступило их время жить. Зайцы, лисы, все крупные и мелкие звери в этом лесу и в этой степи теперь принадлежали волкам. Днем человек тут хозяин, ночью - они. У человека нет врага, кроме волка, у волка - кроме человека. Возле своротка они уступили дорогу грузовику, который, гремя пустыми флягами в кузове и мигая красным глазом, исчез за перелеском.

Стемнело, когда стая подошла к спуску в заболоченную низину. Волки сели под гребень снежного надува, глядели вниз. Там было сине, сумрачно. Заснеженный луг темнел расплывчатыми островками кустарников. Дальше луг переходил в пойму реки, и там все было растушевано мраком.

Матерый потянул носом воздух. Из низины дул сырой ветер, пустой, без запаха живого. И матерый не мигая глядел вниз, в синеву, ожидая, когда глаза привыкнут к местности и мраку и он увидит еле приметные лисьи стежки и глубокие следы лосей. Следы он скоро обнаружил и по ним понял, что лоси на ночь пришли из поймы и расположились где-то в кустарниках. Он искал их, заостенев на месте. Волчица тоже искала.

И вдруг ее уши дрогнули. Внизу, с краю кустарника прошуршала ветка. Глаза волков привыкли к темноте, до мельчайших подробностей запомнили расположение отдельных кустов, уши слушали тишину, и слабый звук не мог остаться незамеченным. Снова чуть дрогнули уши волчицы. Она подавала знак. Но волк уже и сам видел, как неестественно склонилась одна из ветвей. Видимо, лось, ворочаясь, задел головой куст.

Волчица скосила глаза на матерого. Его взгляд разрешал. И она мягко двинулась вперед. Рыхлый снег был тих, скрадывал звук шагов: не скрипел, не хрустел, податливо оседал под тяжестью тела. Склон миновали быстро и потом долго еще шли гуськом по глубокому снегу луга, маскируясь за редкими кустами.

Когда впереди замаячили те самые кусты, волчица легла, наострила уши. Теперь сырой ветер нес запах влажной лосиной шерсти и помета. Глаза матерого стали колючие.

Дальше волки поползли, прячась за снежными неровностями, глубоко вминаясь в снег, ни на минуту не выпуская из поля зрения тальниковый кустарник.

Было уже недалеко, и матерый нарушил строй, лег рядом с волчицей, чувствуя прикосновение ее теплого бока. Лежали, слушая. Но кругом было тихо.

Он лизнул ее холодный нос и пополз, чтобы обойти кустарник с тыла и отрезать лосям путь отступления в пойму. За ним неслышно двинулись молодые. Потянулись было за отцом и переярки, но мать остановила их взглядом. И они покорно легли, положив острые морды на вытянутые лапы.

Волчица, прижав уши, неотрывно следила, как ползли матерый и молодые. Они были совсем неприметны. За ними тянулась синеватая бороздка, плавной дугой очерчивая кусты. И когда три серые тени замерли вдалеке, растворились, поползла и матерая, чувствуя затылком теплое дыхание переярков.

Кусты наплывали, разрастались. Сильный лосиный дух щекотал ноздри, пьянил. Вдруг зашуршало в черноте кустов, и на фоне снега показался силуэт большой горбоносой головы. Бык оглядывался, шевеля ушами. На голове явственно виднелись бугорки коронок. Комолый бык, копыта - единственная защита. Лось настороженно поворачивал морду: чувал опасность.

Дальше скрываться было бесполезно: бык громко фыркал, почуяв волков, и матерая, пружиной вылетев из-за укрытия, на махах пошла к кустам. Но ее сразу же с боков обогнали переярки. Комья рыхлого снега летели из-под их лап. Сильные были звери, и мать, искоса ревниво поглядывая на них, радовалась.

Кусты впереди затрещали: лоси поднялись. Теперь их хорошо было видно на светлом фоне снега. Бык, огромный, как скала, возбужденно фыркал, высоко поднимая комолоу голову. Сзади к нему жались лосиха и два лосенка.

Волчица видела, как лосиха с лосятами вдруг отделились и плавно, невесомо, словно на крыльях, полетели в синий мрак поймы. Рваная тропа пролегла за ними. Лоси не пошли мимо тех кустов, где затаился матерый с молодыми, и теперь не догнать по глубокому снегу этих длинноногих зверей.

Но бык не уходил. Низко пригнув свою легкую голову, бил копытами снег, часто оглядывался назад, на тропу к пойме. Но, видно, не время еще уходить ему. Пусть семья подальше оторвется. И с готовностью шагнул навстречу волчице.

Она шарахнулась в сторону, едва не попав под копыта. И сразу же на быка с двух сторон надели переярки, отвлекали от матери. Лось бросился на переярков, и те тоже отскочили, почти сели на хвосты. И бык осмелел. Круто развернувшись и длинно взбрыкнув задними ногами, с треском ломая засыпанный снегом низкий кустарник, рванул к тропе, по которой ушла его семья.

И - остановился как вкопанный. Наперерез ему шли матерый с молодыми. Лося взяли в кольцо, и кольцо сжималось. Волки подходили все ближе, ощетинясь, кружили вокруг быка, молодые и переярки косились на матерого, ожидая его знака.

Лось, огромный, черный, тоскливо оглядывался и шумно дышал носом, будто отгонял назойливых комаров. Матерый, прицелившись, ждал; когда лось повернулся к нему боком, прыгнул ему на шею. Но зверь секундой раньше шарахнулся от подбиравшегося к нему боком переярка.

Зубы матерого скользят по шее лося и, клацнув, он скатился под ноги быку, заранее вжимаясь в снег.

Бык налетел, ударил копытом, и затоптал бы, не повисни у него на шее два переярка. Один тут же сорвался под копыта, хрипло взвизгнул, когда бык наступил на него, шарахаясь в кусты.

И тогда метнулась волчица.

Лось захрипел, пошатнулся, судорожно шагнул на чистое место и рухнул в снег, едва не придавив молодых. Насевшая волчица и переярки рвали горло. Запах свежей крови дымно повис над кустами.

А рядышком лежал переярочек на боку, почернив кровью снег. Лапы его подергивались, словно еще бежал. Мать обнюхала его морду и потянула за загривок, как в детстве. Но обмякший переярочек не поднялся, не потянулся вместе с молодыми к добыче.

Волчица вернулась к туше, где молодые, упершись лапами, выдирали внутренности, она отхватила мягкий, дымный кусок, подтащила к самой морде переярка, но он не разжал челюстей. Она посмотрела в недоумении, как тот судорожно бьется в снегу, легла рядом, стала лизать его морду. Лизала, пока переярочек не затих. Подошел, пошатываясь, матерый, лизнул переярка и сел рядом.

Молодые ели торопливо, давились и стонали. Родители подошли к ним. Но матерый только понюхал добычу и отошел. Есть он не мог. Его тошнило, в глазах расплывались огненные круги. Он полез в густоту кустов, потому что вытоптать лунку не было уже сил. Лег там на ломаные холодные прутья и сразу же синий мрак растворился.

А утром, когда на востоке ало набухала заря, тишина раскололась выстрелами. Волк открыл глаза и увидел, как в смертельном страхе выметаясь из лунок, молодые тут же, корчась, падали в снег и уже не поднимались. Переярочек, оцетинившись и затравленно поджав хвост, крутился на месте, будто хотел втоптать в лунку поглубже, резко вздрогнул, выгнулся и зарылся мордой в снег.

Матерый и волчица лежали в кустах, отдельно от детей. Кусты еще хранили ночной сумрак, и их не было видно. Матерые не вскочили от первых выстрелов, затаились опытно.

И когда люди в белых накидках поднялись из укрытий и, громко переговариваясь, шли к добыче, матерые метнулись из кустов на лосиную тропу, на махах уходя в пойму.

Опережая их, с визгом легли заряды картечи, жужжа оводами. Волки не остановились, не свернули с тропы, лишь прижали уши. Серыми призраками широким махом скакали туда, где за горизонтом ворочалось солнце, где было красно и дымно.

II

К вечеру третьего дня, когда снег и небо стали одного цвета, ему удалось поймать зайца. Он держал добычу за перекушенную шею, ощущая во рту солоноватый вкус теплой крови. Впалые бока его пульсировали короткими тугими толчками, гнали сквозь неплотно сомкнутые зубы сирые струйки пара.

Он держал зайца на весу, хотя мягкая шерсть, набившаяся в пасть, мешала дышать, и смотрел, как по скрипучему насту голубоватой тенью катилась волчица.

Она подходила к нему медленно, вытянув шею и приплюсываясь. Нервно поводила носом, глядя на добычу сунувшимися, льдисто мерцающими глазами.

Волк не двигался. Его покачивало от сумасшедшей гонки по сугробам, окончательно высосавшей силы. Тогда волчица показала белые, аккуратные клыки. Он уронил зайца в снег, побитый бурными оспинками, и отошел.

Небо темнело, и снег темнел. Набрали силу морозные звезды, и наст засветился мелкими игольчатыми искрами. Волк лежал на колючем снегу, слизывая с лап пристывшие капли заячьей крови. Он слушал сочный хруст раздробляемых костей, и у него с губ текла слюна, а в животе что-то дергалось и екало.

На волчицу поглядывал искоса и осторожно. Но иногда взгляд помимо воли затвердевал на истерзанном зайце. Тогда волчица переставала есть, поджимала верхнюю губу, обнажая аккуратные клыки, и он уводил глаза на стлывые тонкоствольные березки, с показным вниманием рассматривая их черные ветки, вмороженные в хрусткую наснежь.

Когда с едой было покончено, волчица поскрипела мятым снегом, обнюхивая место, лениво зевнула и, облизываясь отошла к березкам, за которыми потрескивала черным льдом речка с рыжеватым тальником у берегов.

Волк поднялся покачиваясь: его тошнило. Горло перехватывали спазмы. Он крутил шеей, но голод не уходил. На глаза наволакивалась мутная пелена. На мятом снегу шевелились едва заметные в сумерках ключья заячьей шерсти. Ноги сами повели туда. Стал лизать окровавленный снег, но голод лишь усилился от резкого, дразнящего запаха. Легкий пух прилипал к носу и волк брезгливо очищал его о лапы.

Волчица неподвижно стояла под березками и смотрела за реку, где в синем сумраке, прорезанном столбами дыма, мерцали редкие огни домов... Матерый боком подошел, положил ей на шею свою отяжелевшую голову. Но та ласки не приняла, огрызнулась беззлобно, покрутилась на одном месте и легла в лунку, свернувшись в клубок. Зарылась носом в хвост, смежила веки и умиротворенно вздохнула.

Матерый постоял, обиженно глядя на подругу, потоптался и лег, лоя далеко звуки на той стороне. Но голод не давал лежать, гнал с места. Зудились подушечки лап, он скреб ими по твердому насту, унимая противный зуд.

Нюх обострился так, что учуял под сугробом слабый запах полевой мыши, и, пересилив отвращение, он стал судорожно разрывать когтями смерзшийся снег. Комья снега и серебристая пыль летели из-под мелькающих лап. Но запах мыши скоро исчез, и волк долго не мог успокоиться. Суетливо ворочал мордой, надеясь увидеть маленький теплый комочек или хотя бы услышать писк.

Потом он снова лег, положив на лапы острую, красивую морду. Не мигая глядел на растущеванные поздним сумраком куски домов и горбатые спины стогов возле них. Ждал, когда погаснут огни.

Их преследовали три дня, не давая ни отдохнуть, ни добыть пищи. Спасло резкое похолодание. Выпал пушистый снег, наст промерз, окреп. Лапы уже не проваливались. Морозный снег скрипел, не давал людям подойти на убойную близость к волкам, и они встали, ушли в деревню.

Оставаться в той округе было опасно. Переждав морозы, люди могли снова появиться. Однако матерым далеко уходить не хотелось. Здесь недалеко их логово, здесь их кормовые угодья. Идти в чужие места - набросятся свои же собратья. И волк, дав несколько кругов, путая следы, привел волчицу к деревне. Здесь их меньше всего могли ждать.

Небо темнело и снег темнел. Исчезли сизые столбы в небе, растворились тени домов, лишь огни высветлились. Стали ярче и чище. В селе лениво лаяли собаки, скрипели полозья запоздалых саней. Потом долетел звонкий удар с противоположного берега.

Волк напрягся, готовый мгновенно сорваться со своей лежки. Волчица подняла голову, прислушалась. Потом еще долетели звонкие удары ведра, пробивающего дном лед в проруби, и волки, не почуяв опасности, успокоились.

Вскоре все стихло. Один за другим погасли огни, и село утонуло во мраке. Собаки лаяли реже, с подвывом, в никуда, словно тосковали по давно утерянной воле. Встреч с ними в селе матерый не желал: истощенный лай мог привлечь людей. Вот если бы подкараулить собаку в поле... Но собаки без хозяев не уходят от дома. Они не нуждаются в добыче. Хозяин прокормит.

Наконец волк стал подниматься, отрывая от снега примерзшую шерсть. Волчица глядела на него, и с лежки не вставала. Ей было тепло и сытно. Нос угрелся в заиндевавшем от дыхания хвосте. Она наслаждалась покоем и сытостью, которые в ее жизни случались не часто.

Но матерый нетерпеливо ходил вокруг нее, и волчица неохотно поднялась. Лениво потянулась и зевнула. Волк посмотрел на подру-

гу, на спящее невидимое село и легкой рысцой пошел к реке, резко втягивая в ноздри колкий, бодрящий воздух.

Возле того берега была прорубь. Матерый осторожно подошел к ней, кривя нос от свежего запаха паленой шерсти: человек приходил в валенках. Волк всегда боялся человека, с самого рождения в нем уже был страх к этому не похожему ни на птиц, ни на зверей существу. Он был особой, непонятной породы. Он мог пахнуть овцой, собакой, лошастью. Обряжаясь в чужие запахи, человек был особенно страшен.

Волку и сейчас было страшно, но голод гнал к своему извечному врагу, где он мог получить либо пищу, либо жакан в бок. Дикого зверя матерый взять уже не рассчитывал: ослабел от болезни и голода. Он тронул передней лапой гибкий ледок, продавил, и на лед выступила черная вода.

Опустив морду, беззвучно втягивал губами ледяную воду, чувствуя, как ее холод ползет в брюхо. Голод немножко унялся. Матерый лег на сле заметную в темноте скользкую тропинку, ожидая волчицу. Та пила долго, с передышками. Испуганно озираясь, роняла с губ тяжелые капли.

Село заснуло, лишь собаки не спали. Матерый прислушался и, оглянувшись на подругу, легонько потрусил на некрутой взгорок. Отлеживаясь на той стороне, скопил немного сил и берег их. Волчица хотела по привычке обогнать его, но он не дал и, лишь проступили очертания ближнего дома, загородил ей грудью дорогу.

Он хотел, чтобы она приотстала, держалась ближе к стогам. Возле ограды крайнего дома они снова прилегли, зорко вглядываясь в окружающее. Слушали, как потрескивали от мороза бревна избы, тоскливо подвывала собака на другом конце села.

Волки внимательно изучали двор и подходы к нему. Во дворе, примыкая к глухой стене избы, проглядывался низкий бревенчатый хлев с бугром сена на крыше. Дверь избы была на противоположной стороне. Место для подхода удобное.

Подождав немного, матерый решился. Сделал несколько осторожных шагов к жердяной ограде и оглянулся. Волчица с опаской смотрела в черноту двора, но шла следом. Матерый остановил ее взглядом. Она легла и продолжала ползти, и тогда матерый показал ей зубы.

Чтобы попасть к хлеву, надо было миновать забор. Между жердинами можно было проползти на брюхе, но волк не рискнул лезть в щель. Неуверенно переставляя лапы, словно пробуя прочность собачьей тропы, подошел к ограде. Недоверчиво обнюхал корявый столбик, по бокам которого крепились заледеневшие жерди.

Столбик пах собаками, и волк помочился на него. На миг прислушался. В темноте больше доверял слуху, оглянулся на тревожно сжавшуюся подругу и легко прыгнул через жерди. Расстояние до хлева одолел широкими прыжками и замер на черном фоне стены. Волчицу он теперь не

видел, но чувствовал, что она лежит за забором, следит за ним испуганными глазами. Ей нельзя рисковать, волчата не должны погибнуть, не родившись. Они, как и их родители, должны все испытать: и голод, и страх, и любовь, и боль.

Матерый пошел вдоль стены, обнюхивая бревна. В огороде из хлева выходило маленькое окошечко. Под ним чернели комья стывшего овечьего навоза. Он возбужденно обнюхал подножье стены, встал, упершись передними лапами в бревно, прижал нос к холодному стеклу. Стекло оказалось заледеневшим. Тогда уперся лбом в перекладину и сильно надавил.

Рама заскрипела и с глухим звоном упала внутрь. Тотчас в ноздри ударил теплый, застоявшийся дух овчарни. И сразу услышал дробный перестук овечьих ног по полу, сдавленное блеянье сбившихся в кучу животных.

Он на миг задохнулся от возбуждения, сердце зачестило. Положил передние лапы на подоконник и, судорожно царапая стену задними, карабкался в черный провал. Легкое тело послушно повиновалось, силы еще были.

Оставалось немного: рвануться сильнее, упасть в черноту, и все забудется: и голодные ночи, когда желудок примерзает к спине, и бешеные гонки за вертким зайцем. Он полоснет резцами первую подвернувшуюся овцу и, пьянея от горячей крови, будет метаться по хлеву и резать, резать. Но когда матерый уже переваливался грудью через узкий подоконник, что-то резкое, горячее впилося в его заднюю лапу, полоснуло острой болью и потянуло назад.

От неожиданности волк щелкнул зубами и дернул мордой, сильно поранив голову о торчащий из косяка гвоздь. Но боль от гвоздя была пустячной по сравнению с той, что в лапе. Невидимые челюсти до хруста сжимали ее и тянули вниз так, что резало грудь, трущуюся о подоконник. Извиваясь, матерый вывалился в колючий твердый снег.

И не успел волк встать на ноги, как его сбил грудью рослый черный кобель с коротко торчащими ушами и толстой шеей. Волк, лежа на спине, щелкал зубами и пытался встать, но пес не давал. Злобно лая, наседав, примеривался к горлу.

Волк понимал: долго ему так не продержаться. Пес откормлен, силен, а он тощ, измучен голодом. Только звериная молниеносность может спасти от сильного, но недостаточно ловкого врага, своим лаем призывающего людей на помощь.

Он остервенело дернулся навстречу собачьей морде, тот отшатнулся, и волк мгновенно вскочил и тут же поджал заднюю лапу - она нестерпимо ныла. Пес наскочивал, пытался исправить оплошность, а матерый подставлял зад. Выбирал миг, когда можно будет пружинно развернуться и полоснуть клыками собачий бок от лопатки до хвоста. Матерый был опытен в драке, не раз отбивал волчицу от наскоков сильных молодых волков.

Пес, привыкший к лобовой драке, стал нервничать и сплеховал: подставил-таки бок. Тогда круто развернувшись, матерый ударил собаку острыми, загнутыми назад клыками, но... помешала перекушенная лапа и густая шерсть собаки. Пес завизжал и, захлебываясь, снова бросился на волка. Смел он был и силен, и сбил волка. Истошно подывая, пес вырывал клочья из волчьего бока, и матерый молча принимал удары. Силы его уже оставили.

Волк все чаще промахивался. Дышать мешала собачья шерсть, забившая горло. А пес наседав сверху, подбирался к шее... Матерый отчаялся: вскочил из последних сил и на трех лапах проволока по снегу врага, вцепившегося в загривок. Пес, упершись передними лапами в волчий бок, не давал ему уйти, тряс мордой, захватывая в пасть все больший кусок загривка.

Матерый захрипел и перевернулся через голову. Кобель от неожиданности разжал зубы и отскочил. Уже обессиленный, истекающий кровью, волк успел полоснуть пса от лопатки к животу. Теперь он чувствовал, как трещала под резцами шкура собаки, которая тут же отчаянно взвизгнула и откатилась, хромая.

Вой поверженного врага придал ярости. Волк бросился на пса, и они покатались по снегу, задыхаясь и клацая зубами.

В доме резко скрипнула дверь. Послышался торопливый топот по мерзлым доскам крыльца, потом скрип снега. Матерый заметил силуэт бегущего к ним человека и попытался вырваться. Но у собаки при виде хозяина прибавилось решимости и сил. Хрипло, обессиленно лая, он не пускал волка.

Человек подскочил к клубку катающихся тел, сжимая в руках ружье. Тяжело дыша, рассматривал противников. Потом бросился к изгороди. Прислонив к столбу ружье, стал ломать жердь. Сорвал с гвоздя один конец, развернул жердь, со скрежетом освободил второй конец.

Человек не решался ударить, боясь зацепить свою собаку, и стал распахивать дерущихся концом жердины. Отпихнув кобеля, он с изумлением смотрел на извивающегося и клацающего зубами противника.

- Волк! - вдруг крикнул сорвавшимся голосом и ткнул жердью в мягкий бок. Пес в горячке кинулся снова, но хозяин сапогом пнул его и размахнулся.

Из дома бежали мальчишка и женщина.

- Ванька! - заорал человек с жердиной. - Волки!

- Где? - запальчиво откликнулся мальчишка и остановился, пугливо глядя в черноту поля за оградой.

- Одного добиваю. Наверно еще есть... Вон ружье возле заплота, пальни. - Он размахнулся и с придыхом опустил конец жерди. Но в голову не попал из-за торопливости, да и руки дрожали. Хрусткий удар пришелся поперек спины.

- Тугая боль запеленала волка. Он дернулся от выстрела, напоследок увидел небо, черное, прорезанное пламенем. Выгнулся и затих, давясь кровью, которая шла горлом, черня и растапливая снег. Но волк был еще жив. Словно издали слышался жалобный визг собаки, которую осматривали люди.

Мальчишка сбегал за фонарем. Тонкий, желтый луч уперся в черный, часто вздымающийся бок собаки. Волк был влажный, поблескивал густо и дымился под светом.

- Я сначала думал, с каким кобелем сцепился, - лихорадочно говорил мужик. - А глянул - на те, волк! Лежит, шерится, зараза. Ну, я ему и врезал... Ну-ка, мать, поддержи лапу, тут что-то под лопаткой...

- Кровь, - испуганно сказал мальчишка, отклоняясь.

- То-шно... Надо бы чем-то прижечь.

- Чем тут прижгешь? Запивать надо. Ну-ка, Ванька, живо бинты! - мужик поднялся, разогнул спину, устало, горестно цокнул языком. - Ты смотри, всего кобеля порвал, за-ра-за... - Сверлящий луч фонаря перекинулся с собаки, скользнул по мокрому волчьему боку, по оскаленной морде. Глаза ответно вспыхнули зеленым. Женщина попятилась.

- Неужто еще живой? - удивился мужик. Не уводя света от волка, присел, свободной рукой шаря по снегу. - Глазищи еще горят. Живучий какой. Поддержи-ка, мать, фонарь...

Жгучий пучок света на миг перебила узкая тень поднимающейся жердины.

ЛУНА СВЕТИТ, СОВА КРИЧИТ

В сенях кто-то скребется, нашаривая скобу. Я уже хотел было встать и помочь позднему гостю, но пламя в лампе ворохнулось, выгоняя из углов устоявшиеся тени, и на пороге появился мой сосед Петр, тихий, задумчивый человек.

Ему далеко за сорок. Лицо у него узкое, с острым подбородком и так туго обтянуто смуглой обветренной кожей, что, когда он улыбается, кажется, ему больно, и лицо его от улыбки становится не веселым, а жалобным.

Петр здешний. Он и родился на этом таежном кордоне Кокша, названном так по имени горной речки, несущей в озеро пенно-зеленые воды. Все годы живет тут, следя за обходом, а поздней осенью, в отпуск, промышляя белку и соболя.

Ни в большом, ни в малом городе быть ему не доводилось, хотя случаи и представлялись. Приглашали его на областную конференцию охотников-промысловиков. Хотели послушать, как это Петр умудряется за месяц отпуска взять в капканы соболей больше, чем штатные охотники за весь сезон. Петр побоялся сглазить удачу - отказался. В другой раз ему предлагали путевку на курорт. Не взял. Дальняя дорога через города пугала его. И его уже больше никуда не посылали, оставили в покое. В районный центр, где учились сыновья, плавал в прошлые годы.

Сыновья Василий и Геннадий оказались куда любопытнее. Василий после школы-интерната поехал учиться дальше - в Новосибирск и вернулся в родные места с дипломом биолога, хотя, говорят, его оставляли в каком-то научно-исследовательском институте. Стал он охотоведом в лес-промхозовском селе Полуденном, и быть бы ему хорошим ученым по пушному зверю, да не повезло Василию. Попал на моторке в сильную волну, видать, захлестнуло. Лодку потом к скалам прибило, а самого Василия не нашли.

Геннадий после школы-интерната пошел в армию, отслужил, но домой не воротился, поступил в военное училище. Петра это и радует, и печалит: хорошо, что сын становится видным человеком, но ведь для тайги он теперь потерян.

- Здоров, дружка.

Низкорослый, косоплый, Петр переминается с ноги на ногу в мягких, без каблучков маральных сапожках, щурится на свет щелчками глаз из-под

припухших век. Он в клетчатой рубашке, выпущенной поверх штанов. Ворот расстегнут, видна худая грудь. Видно, наспех оделся.

- Привет, - отозвался я, хотя до самого вечера мы пилили с соседом дрова и вообще целый день виделись. Но так уж повелось в нашей деревеньке из трех домиков, затерявшихся среди лохматых гор: сколько раз встречаемся, столько и здороваемся. До ближайшего жилья от нас десять километров озером. При волне это расстояние утраивается, подолгу не видим свежих людей, и нам как-то легче, если приветствуем друг друга по многу раз в день.

Петр прошел к печке, сел на лавку, достал из кармана трубку, кожаный кисет, стал неторопливо закуривать.

- Спать лег - сна нету. Луна шибко светит. Сова кричит. Лежал, думал, думал... Потом радио слушал. Ты сейчас радио не включал?

- Нет. А что?

- Плохо дело, дружка. Мерианец Вьетнам бомбит. - Он торопливо втягивал дым впальными щеками, утыканными редкой щетиной, словно серебряной проволокой. - Лежу на койке. Мне тепло, баба рядом спит. А там самолет бомбы бросает, ребятишки плачут. Какой сон? Как могу лежать?

Я распахнул окно. Покойно кругом. Горы синие вполнеба на той стороне дремлют. Луна над ними висит одуряюще яркая. Даже не верится, что где-то воют чужие самолеты, рвутся бомбы, умирают люди. Потом я подошел к столу, за которым коротал ночь, смел в сторону акты о задержании браконьеров, показавшиеся вдруг жалкими, несущественными. Вытряхнул из фонаря последнюю батарейку, подсоединил к транзисторному радиоприемничку «Сокол», и мы стали слушать последние известия.

Далеко от нас Москва, и батарейка слабая, но мы все-таки различаем слова сквозь трески и шорохи и, чтобы было слышнее, стараемся не дышать. Потом начинается музыка, и я выключаю приемничек. В тишине курим, думаем.

- Слышь, дружка... Почему так? - Петр поднимает голову и смотрит на меня грустными вопрошающими глазами. - Помнишь, Мишка Аржанкин кладовщика из заготпушнина побил? Милиционер забирал Мишку, в каталашке маленько держал. А там пошто никакой милиции нету? Почему бомбить дают?

- Вообще-то есть такая милиция. Войска ООН. Они должны следить за порядком в мире.

- А че не следят? Наши там есть?

- Кажется, нету, - неуверенно сказал я.

- А че наши не пошлют? Наших бы туда, моего Генку бы туда. Они бы не дали бомбить. Спросили бы мериканца: че тебе вьетнамцы сделали? Соболишку из твоего капкана вынули? Ступай домой, бан-дит! Мосго бы Генку туда... - повторил он.

- Не все так просто.

- А че не просто? Генке бы сказали, он бы пошел. Генка знаешь какой?

- Он помолчал, задумавшись, словно прикидывая что-то в уме, и добавил: - Я бы тоже пошел.

- Куда бы ты пошел? Ты вон в город-то боишься съездить, - улыбаюсь я, но Петр шутки не принимает.

- В город не еду - там делать нечего. Когда дела нет, зачем ехать? А там - война. Там есть что делать. Сказали бы иди, я пошел бы. Не веришь? Скажи! Сразу бы велел старухе ружье чистить, сумку складывать.

Я невольно представил, как грузная, ворчливая жена его Анна, попыхивая самодельной трубкой, чистит шомполом мужнину двустволку двадцать восьмого калибра, как сует в кожаную сумку берестяной туес с красноватым домашним маслом, чай в жестяной заржавленной коробочке, мешочки с солью, сахаром, толканом. Но, чтобы не обидеть соседа, не улыбаюсь, а только говорю:

- Там с твоим ружьем делать нечего.

- Правда, - легко соглашается он. - Там автоматы, карабины, ракетки. Да? - Он даже языком прищелкивает, оживляется. - А карабин - это тебе не ружье? - Хороший карабин - его мечта. - Я бы с карабином-то убил тот раз волка. Думаешь, не убил бы?

Я киваю, соглашаюсь. Он вздыхает, углубленно молчит.

А случилось вот что. Как-то сидели мы у Петра в избе, чаевничали, болтали о разном. Хозяин случайно глянул в окно и окаменел с открытым ртом. По зеленой картофельной ботве, сшибая стволы подсолнухов, носился, взвинтив хвост, полугодовалый Петров бычок. За ним широким скоком, нороя пристроиться сбоку, гналась собака с толстой, неповоротливой шеей.

Но это была не собака, хотя псы иногда выгоняли из огорода телят и кур. Они гоняли нарушителей с громким лаем, чтобы хозяева увидели и оценили их старательность. Этот пес несся молча и целил к горлу. Тут мы еще вспомнили, что наш сосед Нефед уплыл на ту сторону за смородиной и взял с собой всех наших собак стонять лишний жир - к осени они должны быть поджарыми.

- Бандит! - взвизгнул Петр, приходя в себя. Сорвал со стены ружье, пальнул в форточку.

Волк отпрыгнул от бычка, сел от неожиданности, прижав уши и клацнув зубами. Тут бы стрелять еще раз, но второй патрон оказался дробовым. Волк метнулся через заплот и исчез в тайге.

Теленка он все же успел полоснуть клыками, пришлось дорезать. Теперь ели мясо. Но сосед тяжело переживал случившееся. Бычка особо не жалел, все равно осенью резать. Но то, что волк безнаказанно хозяйничал в его огороде, считал большим позором и упрямил меня никому не рассказывать.

Петр вытряхнул из трубки пепел, снова набил табаком.

- Дружка, бог есть? - вдруг спросил.

- Нету, Петр.

- Ага, однако, нету, - согласился он, качая коротко стриженной седеющей головой. - Если бы был, дал бы мериканцам разбойничать? Разве дал бы Ваське утонуть? Если бы был бог, я бы сказал ему: возьми меня, Ваську отдай. Он молодой, ему бабу надо, ребятишек надо... - Петр тяжело вздыхает. - Налей че-нибудь, дружка. Грудь болит, сердце болит.

- Ничего такого нету, сам знаешь. Вот если чаю.

- Давай чаю.

Растапливаю печь, и скоро пьем обжигающий чай.

- Бога нету, а мы крещеные, - усмехается Петр и качает головой, удивляется этому. - Отец говорил: давно было, русский поп приезжал, нового бога привозил, креститься велел. Поп отцу вина маленько давал пить, крестик давал, рубаху. Ты, говорит, теперь не Анчи, ты теперь Алексей. Еще поп ехал. Отцу из ложки сладкого вина давал, крестик, рубаху давал. Ты, говорит, не Анчи, ты теперь Петр. Немного время шел, к соседям на мыс еще поп ехал. Отец вино пил, крестик в карман клал, рубаху не брал, от попа не шел. «Че тебе, сын мой? - спрашивал поп. «Рубаху не надо. Штаны дай», - говорил отец. Поп шибко сердился. «Изыди, сатана!»

Петр нахмурил брови, глаза гневно сузил, показывая, как сердился поп.

- Не дал штаны?

- Не дал. Ругал отца. Ну, ладно... Отец помолился пальцами, пошел белковать. Думал: у меня три имя, три крестика на шее, три рубахи, три бога. Три бога шибко белковать помогут. Пришел в тайгу. На тропу кедра упала, кобеля задавила. Отец плакал: «Зачем мне три бога? Они поругались и охоту испортили». Хотел крестики бросать, жалко стало, красивые. Бабе отдал. Стал отец думать: «Зачем мне столько имя? Один человек - одно имя». Про жадную сеноставку знаешь? - спросил Петр. - Не знаешь? Слушай...

Стали имуранки сено на зиму запасать. Травинки зубами грызут, возле норки маленькие стоги кладут. А жадная имуранка высокий стог класть стала, чтобы все завидовали. Пришла зима. Маленькие стоги снег накрыл, их не видать. А большой стог - весь на виду. Марал шел, увидел стог, съел сено у жадной имуранки.

Отец знал про жадную имуранку. Говорил: «Я - Алексей, ты - Петр, а сын твой пусть Василий будет, хорошее имя. Зачем ему пропадать?» Плохой, однако, третий поп был, раз Васька утонул. Старуха ругается: «Зачем из дому пускал?» А я виноват? Поп виноват. Генке сельсовет имя давал, он живой. Генка скоро офицер будет. - Петр лезет в карман штанов, вытаскивает толстый, замусоленный конверт. Там фотография и письма Геннадия. Письма читанные-перечитанные, но я ему снова читаю одно за другим, а Петр рассматривает фотографию сына.

Геннадий на снимке в типичной для таких снимков немного горделивой позе. Взгляд суров: как-никак воин, будущий офицер, а может, и генерал. Отец рассматривает, ищет черты своего Генки и, наверное, не находит. Вздыхает.

Тихо. Слышно, как за окном вскрикивает сова, пугая птичьей мелочью.

- Я тебе мешаю, нет? - спрашивает Петр, пряча конверт.

- Сиди, Петр, мы сейчас еще чаю заварим.

- Охо-хо, - зевает он. - Ложился - сна нету. Луна шибко светит, сова кричит. Всех жалко... Почему плохо бывает? Почему зло есть? Ты не знаешь? Я тоже не знаю. Убью, однако, сову...

- А что это даст?

- Ниче не даст, - соглашается Петр, качает головой. - Совсем ниче. Пойду, однако. Спи. Охо-хо! И че она кричит, сова-то, че ей не спится?.. Не знаешь?

СОДЕРЖАНИЕ

НЕБЕСНОЕ СОЗДАНИЕ. Повесть 5

РАССКАЗЫ

КРАСНЫЕ ЛИСЫ 157

ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК 177

ТЕНЬ СТРЕКОЗЫ 194

ТРОЕ ПРОТИВ ЧУДАКА 220

ЛЕДОЛОМ 226

ТАЙГУН 236

ВОЛЧЬЯ КРОВЬ 242

ЛУНА СВЕТИТ, СОВА КРИЧИТ 255

Гущин Евгений Геннадьевич
НЕБЕСНОЕ СОЗДАНИЕ

Редактор *С. Вторушин*
Оформление *А. Кальмуцкого*
Технический редактор *Г. Заркова*
Набор и верстка *Н. Алексеева*

Подписано к печати 14.11.2005 г. Формат 84x108/32. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,12.
Уч.-изд. л. 17,61. Тираж 1 000 экз. Заказ № 22-05.

Типография ИД «Сова»
630060, г. Новосибирск, Зеленая Горка, 1.
Тел./факс: (383) 332-48-45
E-mail: id_sova@mail.ru

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.]

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.]

1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926
1927
1928
1929
1930
1931
1932
1933
1934
1935
1936
1937
1938
1939
1940
1941
1942
1943
1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950

